

А. И. РАДЗНЕВСКИЙ

**РАЗВИТИЕ
ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
ПРОРЫВА**

Часть II

ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННАЯ
ОРДЕНА СУВОРОВА АКАДЕМИЯ имени М. В. ФРУНЗЕ

Профессор
генерал армии А. И. РАДЗИЕВСКИЙ

*РАЗВИТИЕ
ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
ПРОРЫВА*

(по опыту Великой Отечественной войны)

Учебное пособие

Издание академии

Москва

1977

Во второй части пособия рассматриваются подготовка и ведение прорыва обороны противника в операциях третьего периода Великой Отечественной войны, подводятся итоги его развития, определяются важнейшие принципы прорыва, сложившиеся в ходе длительной вооруженной борьбы на советско-германском фронте за 1941—1945 гг.

Автор выражает глубокую признательность генерал-майору Б. В. П а н о в у, полковникам Н. Ф. Н а у м о в у, А. А. С и д о р е н к о, С. Н. М и н я й л о за помощь, оказанную при работе над этим пособием.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И СПОСОБОВ ПРОРЫВА В ТРЕТЬЕМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

1. ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1944 г., НАЧАВШЕЙСЯ БЕЗ ОПЕРАТИВНОЙ ПАУЗЫ

К началу зимней кампании 1944 г. военно-политическая обстановка характеризовалась дальнейшим укреплением экономического, политического и военного могущества страны социализма. Советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии добились коренного перелома в войне с фашистской Германией. Стратегическая инициатива окончательно и бесповоротно перешла в руки советского командования.

Военная экономика СССР продолжала во все возрастающих размерах оснащать Вооруженные Силы боевой техникой и вооружением. К началу кампании в действующей армии и в резерве Ставки находилось 6,3 млн. человек, 88,8 тыс. орудий и минометов, 2167 установок реактивной артиллерии, около 5258 танков и САУ, 9542 самолета¹.

Однако размах наступательных операций, упорное сопротивление противника вызывали большой расход материальных средств, покрыть который наша промышленность была не в состоянии. Так, в конце 1943 — начале 1944 г. выпускалось 160 тыс. боеприпасов в месяц. Расход же одного наступающего фронта составлял 40 тыс. т. Иначе говоря, промышленность могла обеспечить четыре-пять активно действующих фронтов. Их же было девять. Не легче обстояло дело и с обеспечением войск горюче-смазочными материалами. В результате этого фронты, действовавшие на второстепенных направлениях (Белорусский, Западный, Прибалтийские) держались на сильно урезанных нормах.

В гигантском наступлении летом и осенью 1943 г. наши войска понесли немалые потери². Как отмечал в своем доне-

¹ История второй мировой войны 1939—1941, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 16.

² См.: Василевский А. И. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 364.

сении в Ставку командующий Белорусским фронтом, «все дивизии имели сильно поредевшие ряды, особенно пехоты. Из 51 дивизии 3 дивизии имели численность до 3000 человек, 26 дивизий — до 4000 человек, 17 дивизий — до 5000 человек и только 5 дивизий — до 6000 человек»¹.

Такое же положение было в войсках Западного фронта и лишь несколько лучше на Украинских фронтах².

В танковых войсках к началу 1944 г. некомплект в танках и САУ достиг 4600 единиц. И хотя производство танков в 1943 г. значительно возросло, однако танковая промышленность не смогла к началу новой кампании восполнить понесенные потери.

Непрерывные боевые действия с июля по декабрь 1943 г. вызвали определенное физическое и моральное утомление войск. Для многих дивизий необходим был отдых, время на пополнение и боевую подготовку.

Осенняя распутица ухудшила коммуникации, аэродромное базирование и возможность широкого маневрирования в ходе операций.

Это настоятельно требовало передышки для войск и оперативной паузы для накопления материальных средств, пополнения войск, устройства тыла и др.

Однако сокрушительный разгром противника в летне-осенней кампании создал определенные предпосылки для успешного продолжения наступательных действий. На Днепре были захвачены большие плацдармы, нарушившие целостность и устойчивость обороны врага. Многие дивизии противника, особенно на Юго-Западном направлении, были обескровлены. В резерве верховного главного командования Германии имелось всего 8,5 дивизий³.

Продолжение наступления без оперативной паузы позволяло сорвать планы врага — стабилизировать восточный фронт, удержать стратегический рубеж на линии Ленинград, Витебск, р. Днепр, освободить к началу весенне-полевых работ советскую территорию и тем самым создать благоприятные условия для восстановления в них народного хозяйства и расширения экономической базы. В свою очередь, выход на государственные границы СССР открывал пути для перенесения военных действий на территории сателлитов Германии, что заставляло их искать выхода из войны. Создавалась также возможность начать освобождение Польши и Чехословакии — наших союзников по совместной борьбе (их соединения сражались вместе с войсками Советской Армии).

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1126, д. 3, лл. 254—260.

² См.: Там же, оп. 1139, д. 6, лл. 9—10.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 46.

Однако Германия оставалась еще очень сильным противником. Она обладала огромными ресурсами для ведения войны. В 1943 г. выпуск танков и штурмовых орудий по сравнению с 1942 г. вырос более чем вдвое и достиг 11900 машин. Удвоился также выпуск стрелкового вооружения и боеприпасов¹. Значительно увеличилось производство самолетов. При этом больше внимания уделялось оружию, предназначенному для обороны (самоходные орудия, противотанковые пушки, зенитные орудия, самолеты-истребители)².

Тотальные мобилизации и рост военного производства позволили фашистскому командованию держать на востоке многомиллионную армию, оснащенную мощной боевой техникой. Общая численность немецко-фашистских войск и войск сателлитов Германии на советско-германском фронте составляла 4,9 млн. человек, 54,5 тыс. орудий и минометов, 5,4 тыс. танков и штурмовых орудий, 5 тыс. самолетов³.

Сравнение сил и средств воюющих сторон показывает, что советские войска превосходили противника по личному составу в 1,3 раза, по артиллерии — в 1,7 раза, по самолетам — в 3,3 раза. По танкам некоторое превосходство было на стороне противника.

Тщательный анализ очень сложной стратегической обстановки, сложившейся к концу 1943 г., позволил Ставке увидеть реальные возможности для нанесения противнику мощного удара зимой 1944 г. без оперативной паузы между кампаниями. Однако реализация их оказалась делом сложным и потребовала внесения ряда коррективов в планы операций, способы ведения наступления и особенно прорыва.

Главный удар в зимней кампании намечено было нанести на Юго-Западном направлении, где разгром сильных группировок вражеских войск, освобождение важных экономических и промышленных районов Правобережной Украины и выход на государственную границу должны были привести к резкому ослаблению противника и дальнейшему осложнению международного и внутреннего положения фашистской Германии. Учитывалось также то, что на этом направлении у противника не было хорошо подготовленной, глубоко эшелонированной обороны, а Советская Армия имела выгодную конфигурацию фронта и ряд крупных плацдармов на р. Днепр. Здесь находились и главные силы Советской Армии (44% общевойсковых и 83% танковых соединений), что позволяло без стратегической перегруппировки немедленно перейти в наступление и тем самым не дать противнику времени на создание

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1967, с. 19.

² См.: Там же.

³ См.: Там же, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 45.

прочной обороны, проведение перегруппировки и восстановление ранне разбитых частей и соединений.

На Западном стратегическом направлении намечалось выйти в Прибалтику и Белоруссию ¹.

План оказался верным и не претерпел в ходе кампании существенных изменений. Что касается задач фронтам, то они в ходе кампании или уточнялись или изменялись. Так, в сентябре—октябре Ставка наметила общими усилиями Украинских фронтов прорвать стратегический фронт между Припятью и Черным морем, разгромить крупную группировку врага, освободить Правобережную Украину и выйти на государственную границу.

Отражение контрнаступлений, предпринятых противником в середине ноября — начале декабря с целью ликвидировать киевский плацдарм и восстановить оборону по р. Днепр, потребовало затраты значительного количества сил 1-го Украинского фронта. Три других Украинских фронта также не создали еще достаточно благоприятных оперативных условий для нанесения глубоких ударов.

На Западном стратегическом направлении, выводящем непосредственно к Восточной Пруссии — колыбели германского милитаризма, противник предпринял ряд мер, позволивших ему укрепить оборону, особенно на направлениях наших вероятных ударов. Здесь она по своей прочности приближалась к укрепленному району, что усложняло ее прорыв, особенно при ограниченном обеспечении боеприпасами и малочисленности подвижных войск.

С учетом происшедших в декабре ² изменений Ставка выработала замысел на стратегическую операцию. В нем предусматривалось: вначале разгромить противника в восточных районах Правобережья, выйти на рубеж р. Южный Буг до Первомайска и далее на р. Ингулец от Кривого Рога до устья; в дальнейшем развивать наступление и выйти на линию Луцк, Могилев-Подольский, р. Днестр; одновременно ликвидировать крымскую группировку врага и освободить Крым ³.

Для фронтов Западного стратегического направления задача была ограничена выходом на рубеж Полоцк, р. Березина ⁴, т. е. на глубину 140—160 км, что придавало операциям сковывающий характер.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 46.

² См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 494, 499, 501.

³ См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 362.

⁴ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 297, 309; ф. 48-А, оп. 2, д. 20, л. 379.

Особенности прорыва в операциях на Правобережной Украине

Стратегическая операция по освобождению Правобережной Украины проводилась войсками четырех Украинских фронтов с 24 декабря 1943 г. по 17 апреля 1944 г. Фронтам противостояла мощная группировка врага, в которой насчитывалось 91 дивизия, в том числе 18 танковых и 4 моторизованные, 1,2 млн. человек, 16 800 орудий, 2200 танков и штурмовых орудий и 1460 самолетов¹. Это позволяло противнику создать очень высокие оперативные плотности войск — одна дивизия на 13 км.

Основная задача групп армий «Юг» и «А» состояла в том, чтобы удержать Правобережную и Западную Украину, г. Никополь, Криворожский бассейн и Крым. В то же время гитлеровское командование не оставляло намерений восстановить свою оборону по р. Днепр. Для этого удерживался каневский выступ, а на южном крыле сосредоточивались 72% танковых дивизий, имевшихся на советско-германском фронте.

К концу декабря 1943 г. оборона противника представляла собой одну полосу глубиной 4—6 км, оборудованную в основном опорными пунктами в населенных пунктах, на высотах и в узлах дорог. Лишь на Житомирском направлении гитлеровцам удалось подготовить прочную тактическую зону обороны с траншеями и ходами сообщения, множеством открытых пулеметных и артиллерийских площадок и системой противотанковых заграждений².

В оперативной глубине противник поспешно создавал оборонительные рубежи по рекам Горынь, Южный Буг, Ингулец, Днестр, Прут.

Все это вынуждало Ставку и командования фронтов максимально сокращать время на подготовку операций.

В операциях, проведенных в декабре 1943 — январе 1944 г., командования фронтов избрали различные способы оперативного прорыва (схема 1).

На 1-м Украинском фронте (Житомирско-Бердичевская операция) было намечено нанести четыре рассекающих удара (схема 2). Главный — на фронте 28 км силами 1-й гв., 18-й и 38-й армий³. Правее, на участке шириной 15 км, прорывала оборону противника и развивала наступление на Шепетовку 60-я армия с двумя танковыми корпусами. К северу от нее двумя дивизиями переходила в наступление 13-я армия с целью-обеспечить правый фланг фронта. И наконец, на левом

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 62.

² ЦАМО, ф. 299, оп. 76784, д. 1, л. 3.

³ См.: Военно-исторический журнал, 1967, № 2, с. 15.

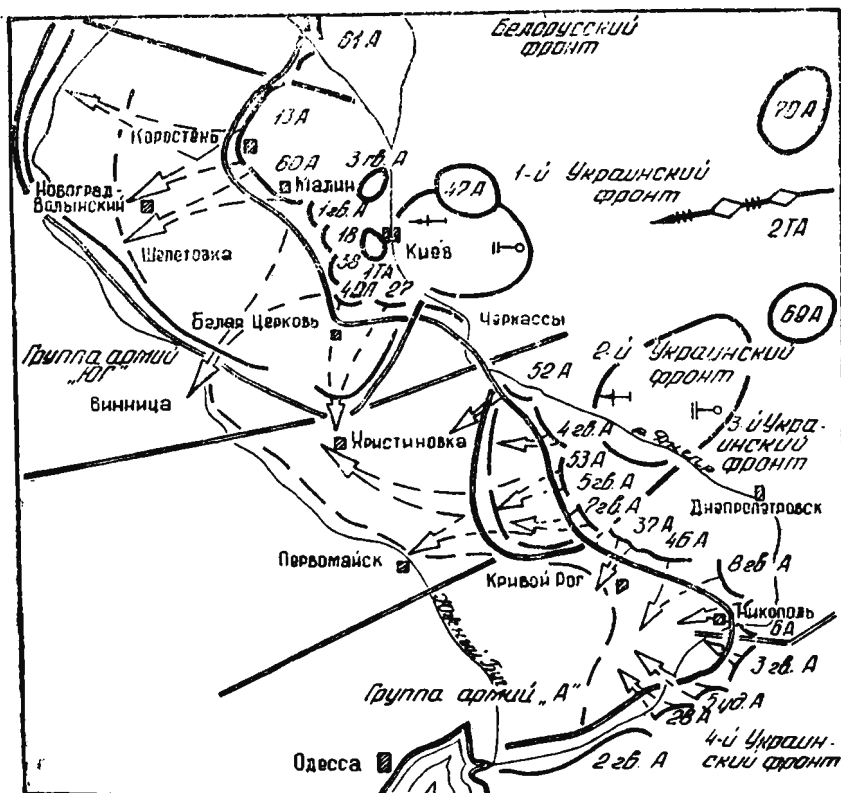

Схема 1. Способы оперативных прорывов, избранные для проведения операций на Правобережной Украине в начале зимней кампании 1943/44 г., и результаты операций, проведенных в декабре 1943 г. — январе 1944 г.

крыле фронта 40-я и 27-я армии, прорвав фронт обороны противника шестью дивизиями, должны были развить наступление на юг, к Христиновке, где соединиться с войсками 2-го Украинского фронта и окружить группировку врага, оборонявшую каневский выступ.

Командование 2-го Украинского фронта в кировоградской операции наметило нанести четыре удара. Главный — силами 7-й гв. и 5-й гв. танковой армиями южнее Кировограда, 5-й гв. и 53-й армиями севернее Кировограда. Главные силы фронта, окружив и разгромив кировоградскую группировку, левым крылом должны были развить удар на Первомайск, а центром — в сторону Христиновки с целью окружить во взаимодействии с левым крылом 1-го Украинского фронта каневскую

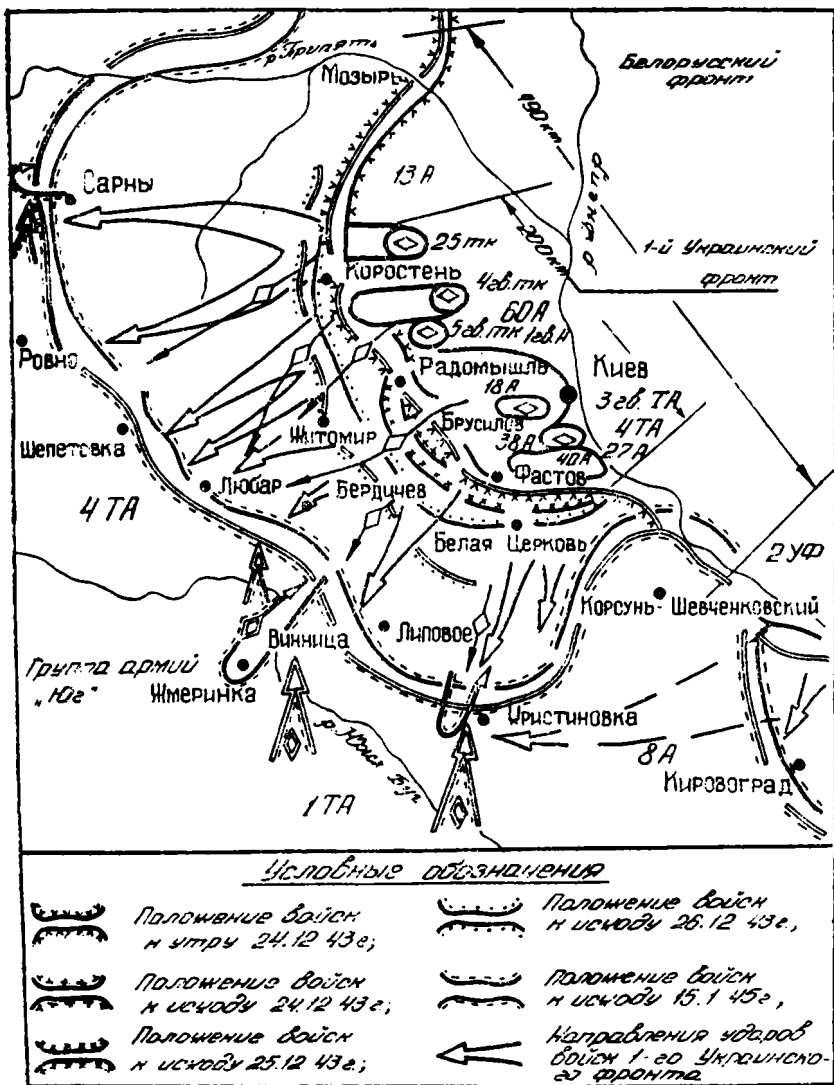

Схема 2. Рассекающие удары на широком фронте в Житомирско-Бердичевской операции

группировку противника. Армии правого крыла фронта осуществляли прорыв на самостоятельных участках (схема 3).

Никопольско-Криворожскую операцию должны были проводить войска 3-го и 4-го Украинских фронтов, каждый из которых наносил три удара по сходящимся к р. Днепр направлениям в целях окружения и одновременного рассеяния нико-польско-криворожской группировки врага. Это должно было

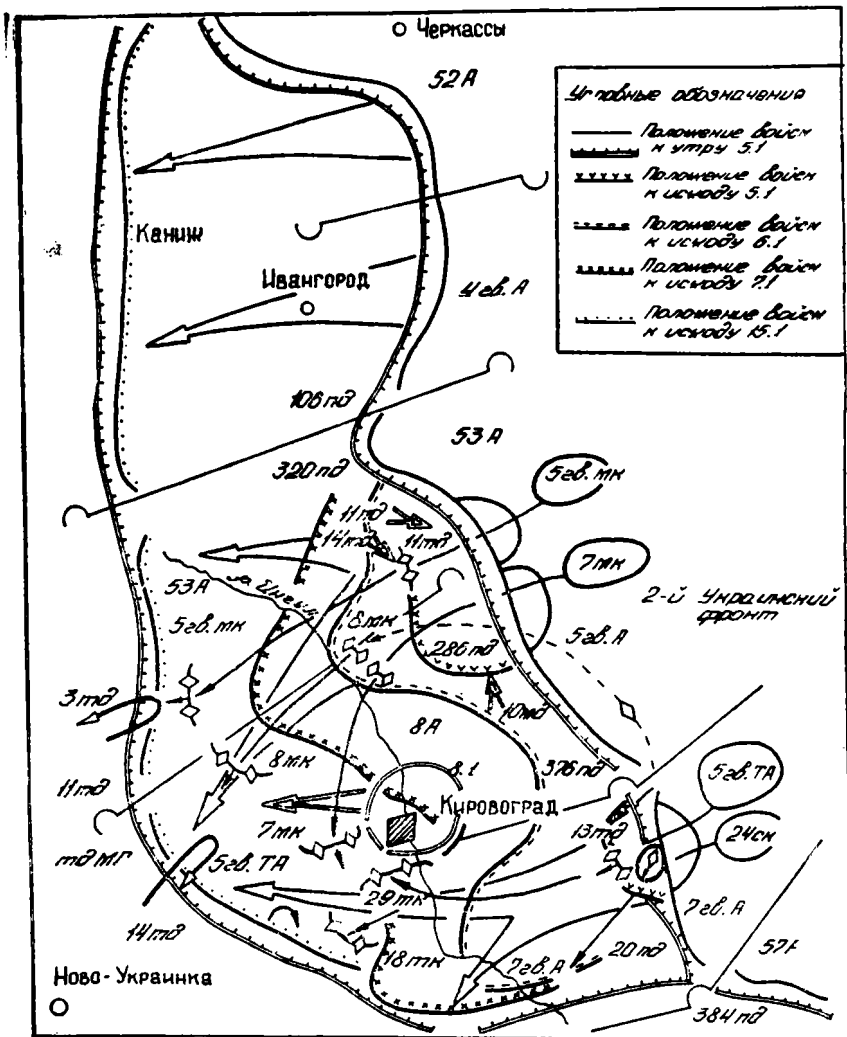

Схема 3. Прорыв обороны противника в Кировоградской операции

привести к уничтожению сильно укрепленного противником никопольского плацдарма, откуда создавалась угроза нанесения удара в сторону Крыма, рассеяния войск 4-го Украинского фронта, и вскрытию важного операционного направления на Николаев и Одессу.

На 3-м Украинском фронте главный удар наносился в центре на Апостолово смежными флангами 8-й гв. и 46-й армий, а вспомогательные — на удалении 20—40 км от главного

частью сил 37-й и 6-й армий. На 4-м Украинском фронте нанесли армейские удары.

Анализ замыслов операций показывает, что в них по сравнению с операциями летне-осенней кампании 1943 г. значительное место занимали удары по сходящимся направлениям в целях окружения крупных группировок врага, что создавало хорошие предпосылки для сокрушения стратегического фронта на всей Украине.

Но в отличие от Сталинградской операции и операции на Верхнем Дону окружение в предстоящих операциях составляло как бы промежуточный этап. Основные усилия фронтов, особенно 1-го и 2-го Украинских, направлялись на глубокое рассечение фронта противника с тем, чтобы исключить или существенно затруднить маневр силами и средствами по фронту. В условиях недостатка у противника оперативных и стратегических резервов это имело очень важное значение для выхода войск в ходе стратегической операции на намеченные рубежи, удаленные от исходного на 350—500 км.

Таким образом, уже в первых операциях на Правобережной Украине зарождались те формы оперативного прорыва (сочетание рассекающих ударов с окружением), которые нашли блестящее воплощение в операциях 1944—1945 гг.

Но и применение новых форм прорыва на Правобережной Украине привело к крупным оперативно-стратегическим результатам только на втором этапе. Одной из причин этого явилось то, что Ставка и командования фронтов, исходя из предположения, что «в условиях сложившейся обстановки маловероятно, чтобы противник продолжал серьезно сопротивляться в излучине Днепра и на никопольском плацдарме»¹, предпочли подготовить операции в возможно короткие сроки. Это не позволило провести крупные перегруппировки в целях массирования сил и средств на участках прорыва.

На одном участке прорыва сосредоточивались лишь одна-две армии. При большом некомплекте соединений сил одной и даже двух армий оказалось недостаточно для осуществления прорыва в высоких темпах. Плотности войск на большинстве участков прорыва не превышали: одна стрелковая дивизия — на 2—3 км, 50—60 орудий и минометов, от 0,5 до 10 танков НПП — на 1 км участка прорыва. И лишь на 1-м Украинском фронте они были несколько больше.

Хотя оборона противника была не особенно прочной, но ее первая позиция все же обладала достаточно высокой устойчивостью, что требовало нанесения по ней мощного огневого удара. Однако при невысоких плотностях артиллерии и ограниченном количестве боеприпасов выполнить задачи по на-

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 368.

дежному огневому поражению противника было трудно. Так, на 2-м Украинском фронте запасы боеприпасов к началу операции составляли: 76-мм пушечные дивизионные — 0,8, 122-мм гаубичные — 0,4, 152-мм гаубичные — 1,1, 82-мм минометные — 1, 120-мм минометные — 0,6 бк. Поэтому на артиллерийскую подготовку было выделено 0,6 бк боеприпасов, а на артиллерийскую поддержку атаки — 0,4 бк¹.

Удары авиации не могли компенсировать недостаток артиллерийского огня. Ее было немного, к тому же погода не благоприятствовала проведению авиационного наступления.

Наиболее удачно задачи огневого поражения обороны противника были решены на 1-м Украинском фронте. При средней плотности артиллерии 120 орудий и минометов на наиболее важных направлениях она была доведена до 200 и более орудий и минометов на 1 км участка прорыва². В частности, в 1-й гв. армии, которой командовал генерал А. А. Гречко, плотность артиллерии и минометов благодаря сосредоточению огня на наиболее важном пункте участка прорыва достигла 243 орудия и миномета на 1 км.

Несомненно, на практике массирования сил и средств на 1-м Украинском фронте сказался опыт Курской битвы и блестяще осуществленной в ноябре Киевской операции. Порядок проведения артиллерийского наступления во всех армиях устанавливался единый. Артиллерийская подготовка назначалась продолжительностью 90 минут, поддержка атаки пехоты и танков — методом последовательного сосредоточения огня. Особое внимание уделялось массированному применению артиллерии по наиболее сильным опорным пунктам и узлам сопротивления, что полностью отвечало характеру обороны противника.

Планом авиационного наступления предусматривалось за двое суток до начала операции нанести удары по штабам, железнодорожным узлам и резервам противника, а непосредственно перед атакой — всей штурмовой и бомбардировочной авиацией по его тактической обороне. С началом прорыва ставилась задача поддержать атаку главных сил путем непрерывного воздействия по боевым порядкам вражеских войск, а с вводом в сражение танковых армий переключить основные силы авиации на их обеспечение³.

Переход в наступление планировалось осуществить не одновременно на всех направлениях, а последовательно — сначала на главном направлении, затем на второй день на левом крыле фронта и на третий день на правом крыле. Это

¹ ЦАМО, ф. 332, оп. 4798, д. 5, л. 1.

² Там же, ф. 236, оп. 12068, д. 80, л. 71.

³ Там же, л. 72.

позволяло массированно и более эффективно использовать авиацию на каждом направлении, а также осуществить маневр частью артиллерии РВГК с главного направления на вспомогательные. Все это предreshило успех прорыва обороны врага.

На 2-м Украинском фронте тоже были достаточно высокие плотности войск, но это было достигнуто сужением участка прорыва на главном направлении до 9 км. В условиях, когда противник вскрыл подготовку к наступлению, привел войска в повышенную боевую готовность, а к флангам подтянул артиллерию и резервы, очень узкий участок прорыва позволял ему простреливать его плотным огнем насквозь и препятствовать вводу в бой вторых эшелонов стрелковых соединений и особенно 5-й танковой армии, что не могло не отразиться на результатах прорыва.

Неглубокая оборона, возможность ее прорыва уже в ходе атаки, а также недостаток танков НПП обусловили уменьшение глубины ввода в сражение танковых армий: на 1-м Украинском фронте — в первый день, в ходе прорыва главной полосы обороны¹, на 2-м Украинском фронте — сразу после прорыва первой позиции.

Прорыв вражеской обороны на направлении главного удара 1-го Украинского фронта начался утром 24 декабря 1943 г. Благодаря хорошей оперативной маскировке, демонстративным действиям в полосах 13-й и 60-й армий, подготовке операции в короткие сроки была достигнута внезапность. Пленные офицеры показывали, что фашистское командование никак не предполагало, что наши войска за такое короткое время смогут оправиться от ударов немецких танковых дивизий и перейти в наступление². Косвенным образом это признает и бывший командующий группой армий «Юг» Манштейн. В момент начала нашего наступления он, не предвидя ничего угрожающего — вначале донесения не содержали особо тревожных сведений, прибыл под Житомир с намерением присутствовать на рождественском празднике в 20-й мотодивизии³.

Действиям главных сил предшествовала разведка боем передовых батальонов, которая позволила уточнить передний край противника и выявить дополнительно ряд новых огневых точек. Особенность ее состояла в том, что она проводилась не накануне общего наступления, как это обычно практиковалось до сих пор, а непосредственно в день наступления, за несколько часов до его начала, что не только исключало шаблон в

¹ См.: Боевые действия 3-й гвардейской танковой армии в Житомирско-Бердичевской операции. М., Воениздат, 1945, с. 8.

² См.: *Крайнюков К. В.* От Днепра до Вислы. М., Воениздат, 1971, с. 117.

³ *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., Воениздат, 1957, с. 502.

действиях войск, но и лишало противника возможности осуществить какие-либо мероприятия по усилению обороны. К тому же это имело и определенное психологическое воздействие. В случае отражения разведки боем противник мог полагать, что наступление, как это бывало и раньше, начнется лишь на следующий день, он расслаблял свое внимание, ожидая почти суточной паузы. Но вместо этого на него вскоре обрушились сокрушительный артиллерийский удар, а за ним и атака всеми силами.

Именно так обстояло дело в данной операции. Вслед за разведкой боем была проведена мощная полуторачасовая артиллерийская подготовка и нанесены удары авиацией. Перейдя в атаку, войска главной ударной группировки фронта быстро овладели опорными пунктами и узлами сопротивления противника на первой позиции и с ходу атаковали вторую позицию. Здесь бои приняли более ожесточенный характер. Темпы наступления несколько снизились. Сказывались слабая укомплектованность стрелковых дивизий и недостаток танков НПП.

Чтобы быстрее завершить прорыв тактической обороны противника и увеличить темпы наступления, в середине дня были введены в сражение обе танковые армии: в полосе 18-й армии — 3-я гв. танковая армия генерала П. С. Рыбалко, в полосе 38-й армии — 1-я танковая армия генерала М. Е. Катюкова. В результате их одновременного удара сопротивление противника было сломлено, и к исходу дня прорыв тактической зоны обороны был завершен. Танковые армии в первый день продвинулись на глубину до 15—20 км, а общевойсковые армии — до 10 км. Таким образом, успех прорыва в решающей мере был достигнут внезапностью перехода в наступление и своевременным вводом в сражение танковых армий на глубине 2—3 км от переднего края вражеской обороны.

На следующий день, несмотря на резкое ухудшение погоды (пошел дождь), что ограничило применение авиации и затруднило действия наземных войск, соединения ударной группировки успешно продвигались вперед. В этот же день перешли в наступление войска 40-й и 27-й армий. К исходу дня прорыв был расширен до 80 км по фронту и 20—30 км в глубину. Создались условия для оперативного преследования противника.

На третий день операции, как и предусматривалось планом, перешли в наступление войска ударных группировок правого крыла фронта. Особенно крупный успех был достигнут в полосе 60-й армии, где были введены в сражение два танковых корпуса. В течение дня войска армии продвинулись на глубину до 25 км. Успешно развивалось наступление и на других направлениях.

Таким образом, прорыв тактической зоны обороны противника на всех четырех участках был осуществлен в течение одного дня. К исходу третьего дня операции все прорывы были объединены в одну общую брешь шириной до 200 км, и войска перешли к преследованию противника на широком фронте. По словам Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, уже 29 декабря «фронт прорыва расширился до 300 км, а глубина его достигла более 100 километров»¹.

Столь быстрый и крупный успех армий 1-го Украинского фронта вынудил гитлеровское командование отказаться от намерений восстановить оборону по р. Днепр. Еще 27 декабря на совещании в ставке Гитлер заявил: «Самое большое на что мы можем рассчитывать — это стабилизация положения. Если мы этого добьемся, можно считать, что мы многое выиграли. Большого ожидать нельзя»².

Войска 2-го Украинского фронта в результате переноса усилий с левого фланга в центр имели на подготовку операции только одну неделю и смогли начать прорыв лишь 5 января 1944 г. т. е. тогда, когда наступление войск 1-го Украинского фронта шло к завершению. Результаты артиллерийской подготовки в целом были хорошими, особенно в полосе 5-й гв. армии, где накануне передовым батальонам дополнительно удалось вскрыть значительное количество новых огневых точек. За время артподготовки саперы успели проделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника³.

В 9.00 пехота, поддержанная последовательным сосредоточением огня, перешла в атаку. В полосе 53-й армии одновременно с пехотой начал атаку и 5-й гв. механизированный корпус. Сосредоточение усилий корпуса на узком участке и энергичная атака стрелковых частей армии привели к полному успеху. Была прорвана первая позиция противника, а затем с ходу и вторая. Только на третьей позиции враг начал контратаковать наши части силами 11-й и 14-й танковых дивизий.

Также успешно осуществлялся прорыв на участке 5-й гв. армии, где в 11.00 после преодоления пехотой первой позиции был введен в сражение 7-й механизированный корпус. Хотя последний имел всего 41 танк⁴, но, используя их массированно, корпус с ходу завершил прорыв главной полосы обороны, преодолев сопротивление остатков разбитых частей противника на второй полосе, и к исходу дня вышел к р. Ингул, продвинувшись на глубину до 24 км. Тактическая зона обо-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 216.

² Цит. по кн.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 67.

³ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 14. М., Воениздат, 1945, с. 89.

⁴ См.: Там же, с. 88.

роны была прорвана в первый же день. Ширина фронта прорыва северо-восточнее Кировограда достигла 24 км¹.

По-инному развивались события на направлении главного удара — в полосе 7-й гв. армии. Противник, как показали пленные, ожидал здесь нашего наступления и хорошо укрыл живую силу и огневые средства от артиллерийского огня. Поэтому эффективность артподготовки с плотностью 120 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва была недостаточно высокой. С началом атаки противник оказал ожесточенное сопротивление. Упорные атаки наших дивизий, следовавших одна за другой, не приводили к успеху. Сказывались отсутствие танков НПП и авиационной поддержки с воздуха.

В этих условиях командующий фронтом приказал ввести в сражение 5-ю гв. танковую армию с задачей совместно с пехотой прорвать вражескую оборону и выполнить поставленную задачу. Танковая армия имела 238 танков и САУ и вводилась двумя эшелонами: в первом — 29-й и 28-й танковые корпуса, во втором — 8-й механизированный корпус. Однако танковые корпуса, встретив на своем пути организованную оборону противника, насыщенную танками и особенно противотанковой артиллерией, продвигались медленно. К исходу дня совместными усилиями общевойсковых и танковых соединений удалось завершить прорыв только главной полосы обороны и продвинуться на правом фланге на 4—5 км².

Таким образом, наибольший успех в первый день операции был достигнут на участке прорыва северо-восточнее Кировограда. Противник, полагая, что здесь наносится главный удар, начал спешно перебрасывать сюда танковые части, что могло привести к задержке прорыва. В то же время на главном направлении, где действовали 7-я гв. и 5-я гв. танковая армии, наступление развивалось медленно.

В сложившейся обстановке командующий фронтом решил использовать успех на участке северо-восточнее Кировограда. Для этого в 21.00 5 января он приказал изъять 8-й механизированный корпус из состава 5-й гв. танковой армии и перегруппировать его в полосу 5-й гв. общевойсковой армии с тем, чтобы с утра 6 января двумя механизированными корпусами развить наступление в обход Кировограда с северо-запада³. «Именно это, — подчеркивал маршал И. С. Конев, — в последующем и обеспечило успех всей операции»⁴.

6 января, несмотря на сильные контратаки противника, наступление ударных группировок продолжалось, причем осо-

¹ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 14. М., Воениздат, 1945, с. 89.

² См.: *Грылев А. Н.* За Днепром. М., Воениздат, 1963, с. 49.

³ ЦАМО, ф. 240, оп. 16362, д. 22, л. 122.

⁴ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 89.

бенно успешно юго-восточнее Кировограда, откуда противник перебросил часть танковых сил для парирования прорыва северо-восточнее города. 7-я гв. армия, введя в сражение корпус второго эшелона, совместно с 5-й гв. танковой армией сломили сопротивление противника на второй полосе и к исходу дня, продвинувшись на глубину до 20 км, передовыми частями вышли к юго-восточной окраине Кировограда. 5-я гв. армия с двумя механизированными корпусами и 53-я армия, отразив в течение дня ряд вражеских контратак с участием до 120 танков, продвинулись на 6—7 км. В результате этого к исходу второго дня операции 5-я и 7-я гвардейские армии соединились своими флангами. Прорыв был расширен до 70 км по фронту и 30 км в глубину¹. Утром 8 января г. Кировоград был освобожден².

В последующие дни войска 2-го Украинского фронта, отражая многочисленные контратаки и контрудары свежих сил противника, продолжали наступление в центре, а также на правом крыле фронта, где армии продвинулись на 20—40 км.

Хотя результат Кировоградской операции был значительным, однако войскам 2-го Украинского фронта, особенно главной группировке, не удалось вырваться на оперативный простор и развить наступление на намеченную глубину. Из-за этого не состоялась соединение армий его правого крыла с войсками 1-го Украинского фронта и окружение противника на каневском выступе.

Прорыв на 3-м и 4-м Украинских фронтах в связи с недостатком сил не удался.

Таким образом, анализ первых операций по разгрому противника на Правобережной Украине говорит о том, что успех прорыва был пропорционален степени массирования сил и средств и достигнутой внезапности.

Ход прорыва обороны противника показал, что неглубокая очаговая оборона, особенно ее первая позиция, обладает достаточно высокой устойчивостью и требует сильного огневого поражения, высоких плотностей артиллерии — 150—200 орудий и минометов на 1 км участка прорыва и расхода на артиллерийскую подготовку 0,5—0,6 бк боеприпасов. Такие плотности обуславливались ограниченностью времени на подготовку операций фронтами (4—5 суток)³ и трудностью достижения внезапности. То и другое усложняло условия прорыва и требовало, как это было показано при анализе операций, проведенных на Верхнем Дону, более высокой степени массирования огня. Однако на 2, 3 и 4-м Украинских фронтах

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 1130, л. 12.

² Там же, оп. 16362, д. 22, л. 123.

³ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 313—315.

в полной мере этого сделано не было, поскольку полагалось, что достигнутый 1-м Украинским фронтом успех в Житомирско-Бердичевской операции вынудил противника к отходу¹.

Если бы обстановка на Украине в конце декабря 1943 г. была более ясной, то, вероятнее всего, и Ставка и командования фронтов уменьшили количество ударов. Как представляется сейчас, на 2-м Украинском фронте можно было бы ограничиться двумя ударами, нанося главный севернее Кировограда навстречу наступающим войскам 1-го Украинского фронта (что вскоре и было осуществлено в Корсунь-Шевченковской операции), а 3-му и 4-му Украинским фронтам — предоставить больше времени на подготовку наступления, поскольку успех 1-го Украинского фронта на изменение обстановки в их полосах сказался бы несколько позже, и до двух-трех на оба фронта сократить число участков прорыва.

Прорыв неглубокой очаговой обороны возможен в высоких темпах. Поэтому с самого начала атаки артиллерия должна быть готова к сопровождению пехоты и танков, а танковые соединения — к развитию удара в оперативную глубину.

Приобретенный опыт был использован при планировании последующих операций на Правобережной Украине.

Оценка Ставкой оперативно-стратегической обстановки, сложившейся к концу января, показала, что противник сосредоточил на южном крыле советско-германского фронта крупные силы и поэтому в состоянии не только вести упорные оборонительные бои, но и предпринимать сильные контрудары и даже контрнаступление. Именно в это время он нанес два сильных удара по войскам 1-го Украинского фронта и угрожал ему и 2-му Украинскому фронту с каневского выступа. С Никопольского плацдарма он мог нанести удар в сторону Крыма и выйти в тыл 4-го Украинского фронта.

Исходя из сложившейся обстановки, Ставка для выполнения ранее намеченных целей по освобождению Правобережной Украины решила провести Корсунь-Шевченковскую, Ровно-Луцкую и Никопольско-Криворожскую наступательные операции, в ходе которых расшатать оборону врага и создать условия для нанесения глубоких рассекающих ударов, способных привести к стратегическому прорыву на Юго-Западном стратегическом направлении.

С точки зрения проводимого исследования остановимся только на двух операциях — Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой.

В Корсунь-Шевченковской операции прорыв обороны противника проходил в крайне сложных оперативных условиях. Задачи на их проведение фронты получали в то время, когда

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 314—315.

они только что закончили нелегкие операции, израсходовали значительное количество сил и средств и вели ожесточенные оборонительные бои с крупными силами противника, который контрударами в районе Винницы пытался стабилизировать свой стратегический фронт на Правобережной Украине. В борьбе с танковыми дивизиями противника было задействовано большое количество сил, особенно 1-го Украинского фронта. Часть сил его 40-й армии (136-я стрелковая дивизия, полк 167-й стрелковой дивизии, часть сил 6-й мотострелковой бригады) даже вели бой в окружении. Это крайне затрудняло создание ударных группировок фронтов.

Исключительно остро стоял вопрос о накоплении боеприпасов. К началу Корсунь-Шевченковской операции армии имели следующее их количество (табл. 1) ¹.

Таблица 1

Количество боеприпасов (бк), имевшееся в армиях к началу Корсунь-Шевченковской операции

Армии	82-мм мины	120-мм мины	76-мм выстрелы дивизионной артиллерии	122-мм выстрелы	152-мм выстрелы
4-я гв.	0,7	0,8	1	0,8	1,6
52-я	0,7	0,6	1,4	0,7	—
53-я	1,2	0,8	1,2	0,5	1
5-я гв.	2	0,9	2,2	1	1,1
27-я	1,6	0,9	1,4	0,7	—
40-я	2	0,7	2,3	2,4	3,4
6-я танковая	0,5	0,6	0,8		5

Неблагоприятными были и гидрометеорологические условия, в которых готовились операции. Наступила оттепель, вскрылись малые реки, испортились дороги. Погода стояла пасмурная, что крайне затрудняло использование авиации ².

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 111

² См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 14. М., Воениздат, 1945, с. 7.

Единственным благоприятным условием для осуществления прорыва было то, что на новых рубежах, куда противник был отброшен в ходе Житомирско-Бердичевской и Кировоградской операций, он не успел оборудовать оборону, и она оказалась недостаточно прочной. Сильные опорные пункты на избранных для прорыва участках были только в населенных пунктах и на важных высотах. Однако противник на Правобережной Украине все еще имел большое количество танковых и моторизованных дивизий, позволявших ему осуществлять быстрый маневр. Восемь из них находились недалеко от каневского выступа и одна непосредственно на нем¹, что существенно повышало ее устойчивость. К тому же противник спешно укреплял новые рубежи в глубине, отрывая на них траншеи и прикрывая минными полями и проволочными заграждениями.

Все это требовало подготовки операции в короткие сроки и быстрого осуществления прорыва вражеской обороны.

Корсунь-Шевченковская операция. Корсунь-Шевченковская операция проводилась войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов в период с 24 января по 17 февраля 1944 г. (схема 4).

Замыслом Ставки предусматривалось встречными ударами смежных крыльев фронтов прорвать оборону противника у основания каневского выступа и, соединившись в районе Звенигородка, Шпола, окружить и уничтожить обороняющую его группировку в составе 10 дивизий, одну моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления². С учетом возможности привлечения противником крупных танковых резервов предусматривалось использование подвижных войск для создания внешнего кольца окружения.

Для осуществления этой операции 1-й Украинский фронт смог привлечь ограниченное количество сил: два стрелковых корпуса 40-й армии неполного штатного состава, две дивизии 27-й армии и 6-ю танковую армию, формирование которой только что началось. Поскольку передаваемые в ее состав корпуса вели непрерывные бои с контратакующими силами противника, то в ее составе к началу операции осталось всего 107 танков и САУ

Более мощная группировка создавалась на 2-м Украинском фронте — две общевойсковые, одна танковая армии и кавалерийский корпус. Кроме того, силами двух дивизий 52-й армии наносился вспомогательный удар. Созданные группировки

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 104.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 71.

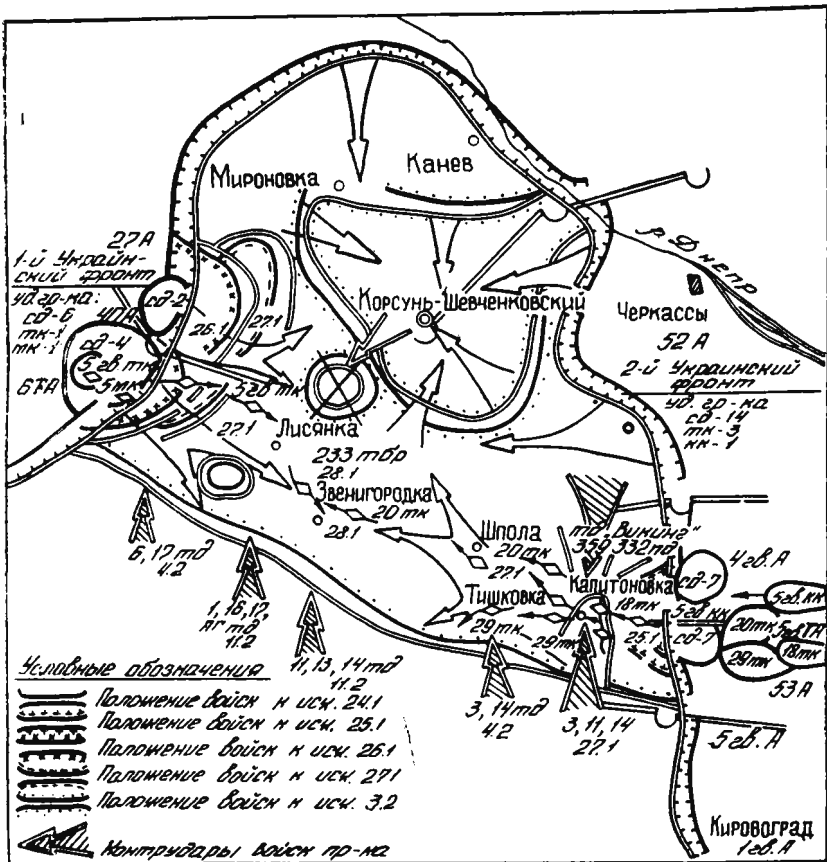

Схема 4. Прорыв в Корсунь-Шевченковской операции (январь 1944 г.)

ровки войск позволяли иметь на участках прорыва следующие плотности войск (табл. 2) ¹.

¹ Таблица составлена на основании данных трудов: ЦАМО, ф. 266, оп. 12979 сс, д. 99, л. 3; ф. 384, оп. 8378, д. 945; Сборник материалов по изучению опыта войны № 14. М., Воениздат, 1945, с. 8—10; Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 98; Крайнюков К. От Днестра до Вислы. М., Воениздат, 1971, с. 134; Грылев А. Н. За Днестром. М., Воениздат, 1963, с. 56; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 106—108; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 344—347; Гордиенко М. К. 4-я гвардейская и 53-я армии 2-го Украинского фронта в операции на окружение и уничтожение корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск. Кандидатская диссертация. М., ВАФ, 1957; «Военно-исторический журнал», 1969, № 2, с. 50—51.

**Плотности войск на участках прорыва армий
в Корсунь-Шевченковской операции**

Состав группировки	Ширина (км)		Плотности танков		Плотности артиллерии	
	участка прорыва	участка прорыва дивизии	НПП	оперативная	средняя	наивысшая
1-й Украинский фронт						
40-я армия — две дивизии	4,5	2—2,5	12	—	61 (120)	120 (180)
6-я танковая армия — два корпуса	3,5	—	14	30	67	100
27-я армия — две дивизии и сводный отряд	7	3	5	—	28 (36)	48
2-й Украинский фронт						
4-я гв. армия — 7 дивизий	10,4	1,7	—	—	100 (105)	130
53-я армия — 7 дивизий	8,7	1,4	2	—	82 (112)	177
5-я гв. танковая армия — три танковых корпуса (205 танков)	—	—	—	15	—	—

Примечание. В скобках — с реактивной артиллерией.

Как видно из таблицы, оба фронта и при ограниченных возможностях смогли создать достаточно высокие плотности войск, особенно на 2-м Украинском фронте. На участках прорыва они обеспечивали выгодное соотношение сил. Например, на 2-м Украинском фронте: по личному составу — 6 : 1, по артиллерии и танкам — 10 : 1 в нашу пользу¹.

Командование 1-го Украинского фронта при еще более ограниченных возможностях проявило большое искусство в обеспечении надежного взлома обороны противника. Так, в решении командующего 40-й армией записано, что на «десятикилометровом участке прорыва (вместе с 6-й танковой армией) сосредоточивается 600 стволов, что дает плотность 60 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Но, учитывая, что оборона противника очаговая, фронт обработки ее

¹ См.: Гордиенко М. К. 4-я гвардейская и 53-я армии 2-го Украинского фронта в операции на окружение и уничтожение корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск. Кандидатская диссертация. М., ВАФ, 1957, с. 11; Бронетанковые и механизированные войска в операциях по освобождению Правобережной Украины и Крыма. М., Воениздат, 1958, с. 27—28.

будет в два раза уже, что позволяет поднять фактическую плотность артиллерии до 100—120 стволов на 1 км обрабатываемой огнем площади»¹.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 35 минут на 1-м Украинском фронте и 56 минут на 2-м Украинском фронте. К участию в ней привлекалась также часть самоходно-артиллерийских установок, которые вели огонь с закрытых ОП². Для уничтожения важнейших целей на переднем крае обороны противника было выставлено от 10 до 20 орудий на 1 км фронта для стрельбы прямой наводкой. Поддержка атаки намечалась на обоих фронтах последовательным сосредоточением огня нарастающей плотности.

Необходимость и возможность прорыва обороны противника в условиях, когда стрелковые соединения не обладали достаточной пробивной способностью, привели командование 1-го Украинского фронта к решению включить в состав первого эшелона 6-ю танковую армию, которая должна была самостоятельно прорвать оборону и развить успех в оперативную глубину. Для этого она имела: в первом эшелоне — 5-й механизированный корпус, во втором — 5-й гв. танковый корпус.

Хотя вопрос о применении танковой армии в первом эшелоне в 1944 г. был уже не новым (3-я и 5-я танковые армии еще в 1942—1943 гг. наступали в первом эшелоне), но особенность состояла в том, что в первый эшелон была включена танковая армия однородного состава. Это было новым в практике боевого применения танковых объединений.

На 2-м Украинском фронте 5-я гв. танковая армия составляла подвижную группу фронта. Ввод ее в сражение намечался после прорыва переднего края обороны противника и продвижения атакующих войск на глубину 2—4 км³.

Учтя опыт предыдущих операций, оба фронта значительно больше внимания уделили оперативной маскировке. На 1-м Украинском фронте стремились достичь внезапности проведением минимальных перегруппировок с тем, чтобы противник, даже обнаружив их, мог прийти к заключению, что это обычные для обороны перегруппировки, проводимые для усиления каких-то участков или высвобождения сил для ограниченного удара в целях вывода из окружения до двух дивизий 40-й армии, которые уже длительное время вели бой в районе Дубровка, в 20—25 км от линии фронта.

Но нанесение главного удара на кратчайшем направлении к окруженным соединениям само по себе затрудняло достижение полной внезапности, ибо противник ждал здесь наступления, хотя и ограниченными силами. Таким образом, пред-

¹ ЦАМО, ф. 266, оп. 12070, д. 99/3.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 344.

³ ЦАМО, ф. 240, оп. 16362, д. 22, л. 131.

ставлялась возможность только скрыть силу удара. Но разница между предполагаемой противником и планируемой силой удара не могла быть значительной, так как при создании бреши для выхода окруженных войск все равно нужно было прорвать главную полосу обороны и выйти в тыл войскам противника, державшим в окружении нашу группировку.

По-видимому, ударную группировку 40-й и 6-й танковой армий более целесообразно было бы сместить несколько севернее, проводя действенную имитацию подготовки прорыва на кратчайшем к окруженным войскам направлении. Кстати, так планировалось первоначально. Но после контрудара противника, предпринятого 15 января, решение было изменено.

Значительно большие мероприятия по оперативной маскировке и дезинформации были проведены на 2-м Украинском фронте. Кроме детально разработанных мероприятий по скрытому сосредоточению на участках прорыва сил 4-й гв. и 53-й армий, а также по переброске к нему 5-й гв. танковой армии командование фронта разработало операцию по введению противника в заблуждение. Оно стремилось создать впечатление о подготовке удара на прежнем направлении, в полосах 5-й и 7-й гвардейских армий западнее Кировограда — 40 км южнее истинного участка прорыва. Здесь, как отмечает Маршал Советского Союза И. С. Конев, «были, например, созданы ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались ложные передвижения войск и техники»¹. Однако недостаточно правдоподобное оживление ложного района сосредоточения войск, введение режима полного радиомолчания (работали только радиостанции 5-й гв. армии, которые обозначали радиосети 5-й гв. танковой армии, имевшей совсем иные радиостанции) не позволили полностью добиться намеченных целей. О перегруппировке 5-й гв. танковой армии противник узнал 21 января. В оценке обстановки за этот день было записано: «В районе Кировограда сегодня отмечается перенесение главного удара на север в район восточнее Новый Миргород... В этот район подводятся артиллерия и реактивные минометы»².

Основываясь на таком выводе, противник 22—23 января начал вывод 11-й и 14-й танковых дивизий с первой линии³. Однако он не успел создать контрударную группировку к тому моменту, когда начался прорыв.

К началу операции была проведена большая партийно-политическая работа. Широко пропагандировался боевой

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 99.

² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 27 М., Воениздат, 1956, с. 97.

³ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484. Карта положения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте за 19—25.I 1944 г.

опыт, особенно Сталинградской битвы. Были укреплены и созданы новые ротные партийные и комсомольские организации, подобраны для них опытные партийные руководители ¹.

Наступление войск 2-го Украинского фронта началось 24 января действиями передовых батальонов, выделенных по одному от каждой дивизии первого эшелона. Усиленные танками и поддержанные артиллерией и небольшими группами штурмовиков, передовые батальоны внезапной атакой сломали сопротивление противника на переднем крае и к исходу дня на 16-километровом фронте продвинулись на глубину до 6 км, прорвав на ряде участков почти всю главную полосу обороны ².

Действия передовых батальонов еще раз подтвердили возможность прорыва неустойчивой обороны в ходе одной атаки. Однако командования армий и фронта не предусмотрели развития их успеха главными силами, в том числе и танковой армией ³, и поэтому не пошли на изменение первоначального плана операции и не ввели в этот день главных сил. В результате противнику было предоставлено время для переброски своих сил к участку прорыва с других направлений. К тому же и направление главного удара наших войск оказалось раскрытым, так как передовые батальоны действовали только на участке прорыва, а не во всей полосе наступления фронта.

С утра 25 января были введены в сражение главные силы ударной группировки фронта. При этом в связи с достигнутым успехом, запланированная ранее артиллерийская подготовка была заменена 10-минутным огневым налетом ⁴. После такого огневого налета в атаку перешли главные силы 4-й гв. и 53-й армий, но они сразу же встретили упорное сопротивление противника. Эффективность подавления его артиллерийским огнем оказалась недостаточной. Не действовала из-за плохой погоды и авиация фронта.

Требовалось немедленное наращивание усилий наступающих войск. Однако армии и корпуса, построенные в один эшелон, не имели для этого сил и средств. В 14.00 командующий фронтом ввел в сражение 5-ю гв. танковую армию, которая и добилась коренного изменения обстановки. Тесно взаимодействуя с общевойсковыми соединениями 53-й армии, 20-й и 29-й танковые корпуса, составлявшие первый эшелон танковой ар-

¹ ЦАМО, ф. 320, оп. 4532, д. 58, л. 40.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 112.

³ *Гордиенко М. К.* 4-я гвардейская и 53-я армии 2-го Украинского фронта в операции на окружение и уничтожение корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск. Кандидатская диссертация. М., ВАФ, 1957, с. 83.

⁴ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 246, 347.

мии, сосредоточенным ударом на 6-километровом участке завершили прорыв тактической зоны обороны и к исходу дня, оторвавшись от пехоты на 6—8 км, продвинулись на глубину до 18 км.

На второй день оба танковых корпуса отразили ряд контратак появившихся здесь частей 14-й и 3-й танковых дивизий противника и продвинулись еще на 7—8 км. Но с утра 27 января в тылу 20-го и 29-го танковых корпусов создалась крайне сложная обстановка. Противник нанес контрудары с юга тремя танковыми и с севера двумя пехотными и одной танковой дивизиями и после ожесточенных боев закрыл образовавшуюся брешь, отрезав 20-й и 29-й танковые корпуса от главных сил фронта¹.

Командующий фронтом, оценив сложившуюся обстановку, принял смелое решение: 20-му и 29-му танковым корпусам продолжать развивать наступление в общем направлении на Шпола, Звенигородка, где соединиться с войсками 1-го Украинского фронта; 18-му танковому и 5-му гв. кавалерийскому корпусам войти в сражение соответственно в полосах 53-й и 4-й гв. армий, совместно с ними разгромить противостоящую группировку противника и развивать наступление вслед за танковыми корпусами первого эшелона 5-й гв. танковой армии.

Выполняя поставленные задачи, 20-й и 29-й танковые корпуса в ночном бою овладели г. Шпола, а в 13.00 28 января 29-й танковый корпус захватил Звенигородку и встретился с подошедшим к городу передовым отрядом 6-й танковой армии². В ожесточенных боях с 28 по 30 января было сломлено сопротивление противника и в полосах 4-й гв. и 53-й армий, что позволило им быстро продвинуться в направлении Шпола и создать к 2 февраля прочный внутренний и внешний фронт окружения.

Войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление 26 января. Бои на всем фронте прорыва носили упорный характер.

Особенно сильное огневое сопротивление встретили войска 40-й и 6-й танковой армий, на участках прорыва которых противник вдоль железнодорожной насыпи на удалении до 2 км от переднего края имел закопанные в землю танки и штурмовые орудия «Фердинанд»³. К исходу дня войска этих армий продвинулись только на 2—5 км⁴. При этом потери 6-й танковой армии составили 59 танков и САУ⁵. Соединениям 27-й армии удалось продвинуться на 8—12 км.

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4. М., Воениздат, 1962, с. 65.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 974, л. 245.

³ Там же, оп. 13228, д. 46, л. 53.

⁴ Там же, л. 230.

⁵ Там же.

За второй день войска 1-го Украинского фронта образовали общий участок прорыва и продвинулись в глубину до 10 км на правом фланге и до 25 км на левом фланге участка прорыва. Оборона противника на звенигородском направлении держалась, как говорится, на волоске. Окончательно разорвал ее 28 января смелый маневр 233-й танковой бригады через ослабленный участок в районе Боярка. Проникнув в тыл противника, бригада соединилась с войсками 40-й армии, которые вели бои в окружении в районе Дубровка, это оказало большую помощь другим наступающим войскам и позволило в этот же день соединиться с 20-м танковым корпусом 5-й гв. танковой армии. Успех мог быть еще больше, если бы усилия 6-й танковой армии 21 января были перенесены в полосу 27-й армии, уже прорвавшей оборону.

Таким образом, прорыв обороны противника в Корсунь-Шевченковской операции был осуществлен войсками 2-го Украинского фронта в течение одних суток, а войсками 1-го Украинского фронта — в течение двух суток. В основе успеха лежало то, что удары на обоих фронтах наносились по наиболее уязвимым участкам обороны противника, под основание выступа, где оборона была слабее, чем у его вершины, а также создание достаточно высоких плотностей войск и достижение внезапности.

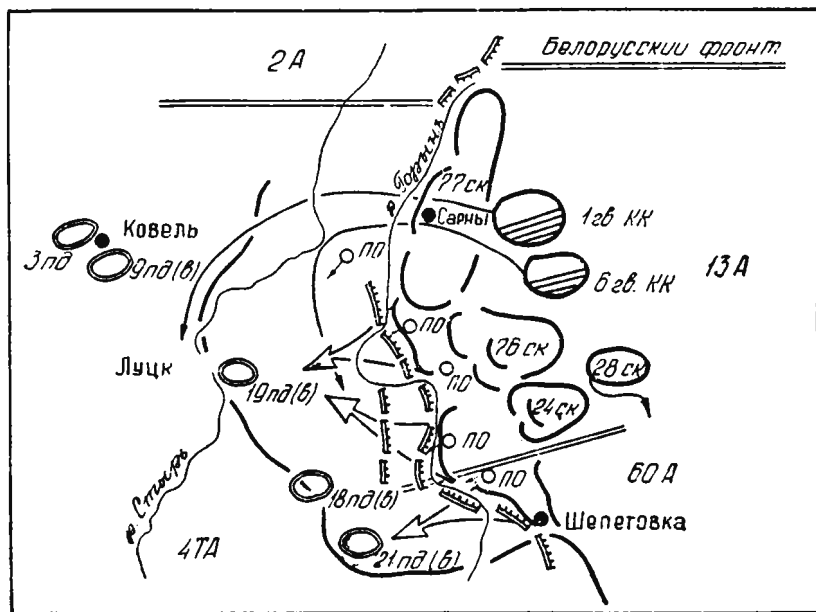
Одной из особенностей прорыва на 2-м Украинском фронте явилось то, что, по существу, вся главная полоса обороны на глубину до 6 км была прорвана передовыми батальонами. Опыт данной операции показал, что главные силы ударной группировки к началу действий передовых батальонов должны находиться в полной готовности немедленно использовать достигнутый ими крупный тактический успех, а такой вариант развития событий следует предусматривать заблаговременно.

Заслуживает внимания метод огневого поражения противника. В условиях очаговой обороны и недостаточно высоких плотностей артиллерии поражение противника осуществлялось путем массирования огня по определенным узлам его обороны, что позволяло поднять среднюю фактическую плотность артиллерии на участке прорыва примерно в два раза. Несомненно, что этот опыт не потерял своего значения и в наши дни.

Решающее значение для успешного прорыва тактической зоны обороны противника в первый день операции имел ввод в сражение главных сил танковых армий в ходе прорыва главной полосы обороны, а 6-й армии — с самого начала атаки. Вместе с тем опыт показал, что для успешного прорыва обороны танковой армией на самостоятельном участке необходимо, чтобы оборона противника и прежде всего его противотанковые средства были заблаговременно разведаны и надежно подавлены огнем артиллерии и ударами авиации.

Ровно-Луцкая операция. Ровно-Луцкая операция проводилась одновременно с Корсунь-Шевченковской силами правого крыла 1-го Украинского фронта. Интерес к ней вызывается тем, что в ней было предпринято наступление с подхода¹. После попыток прорыва таким способом обороны неприятеля под Смоленском летом 1941 г., удачного применения его 10-й армией в контрнаступлении под Москвой в Ровно-Луцкой операции это был третий пример прорыва обороны с выдвиганием войск для атаки из глубины, т. е. с подхода.

Цель операции состояла в том, чтобы, освободив район Луцка и Ровно, занять выгодное охватывающее положение для последующего удара во фланг группе армий «Юг» и воспрепятствовать противнику переброску отсюда своих сил в район Корсунь-Шевченковский (схема 5)

С х е м а 5. Наступление войск правого крыла 1-го Украинского фронта в Ровно-Луцкой операции

Оборона противника перед 13-й и 60-й армиями представляла собой линию опорных пунктов и узлов сопротивления, перехватывавших основные дороги. Севернее Сарны 80-кило-

¹ Директивой Ставки от 13 января наступление 13-й и 60-й армий было остановлено и вперед были посланы только передовые отряды.

метровый участок вообще не оборонялся, поскольку у противника не хватало сил и он считал, что из-за болотистой местности наступление здесь невозможно. Лишь на ровенском направлении оборона была достаточно прочная. Там даже имела-сь вторая полоса обороны.

Командование фронта решило воспользоваться слабыми участками обороны и нанести четыре удара силами 13-й армии, один — кавалерийской группой через разрыв в обороне врага в районе Сарны и два — 60-й армией. На каждом направлении наступал стрелковый корпус, а в 76-м стрелковом корпусе — по дивизии.

Полосы наступления соединениям были определены широкими: для корпуса — 20—60 км, для дивизий — 10—23 км¹. Однако участки прорыва были намного уже и в дивизии составляли 2,5—6 км². При этом участки прорыва были определены против наиболее слабых участков обороны противника, что позволило создать тройное превосходство над противником по пехоте, двух-восьмикратное по артиллерии и лишь по танкам уступать ему. Характерно, что при средних плотностях войск на участках прорыва корпусов всего 0,6—1,5 батальона и 13—20 орудий на 1 км на дивизионных участках прорыва удавалось поднять плотности в 2—3 раза. Так, в 149-й стрелковой дивизии они составили 2,5 батальона и 55 орудий на 1 км³.

Существенную роль в успехе прорыва сыграла внезапность удара. Она была достигнута тем, что подготовка операции проходила в условиях, когда в непосредственном соприкосновении с противником находились только передовые отряды, а главные силы располагались в 15—20 км от переднего края. Особенно неожиданным было наступление 1-го гв. и 6-го кавалерийских корпусов.

Вместе с тем наступление из удаленных районов имело и свои недостатки. Передовым отрядам за короткое время не удалось хорошо разведать оборону. Это привело к слишком приблизительному планированию огня артиллерии, поскольку положение отдельных групп целей было определено неточно, а порой и с большими ошибками. Например, в 76-м стрелковом корпусе до 50% снарядов во время артиллерийского налета было выпущено по районам, в которых противника не было⁴.

¹ См.: *Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*, т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 122—123; *Белкин И. М.* 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г. М., Воениздат, 1960, с. 36.

² См.: *Белкин И. М.* 13-я армия в Луцко-Ровенской операции. М., Воениздат, 1960, с. 37.

³ См.: Там же, с. 38.

⁴ См.: *Белкин И. М.* 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г. М., Воениздат, 1960, с. 81.

Положение усугублялось недостатком боеприпасов. Опорные пункты, особенно на флангах участков прорыва, оказались подавленными слабо, что стесняло продвижение войск в ходе прорыва.

В целях достижения внезапности войска из удаленных районов сосредоточения в исходные районы выдвигались в течение двух ночей. Поэтому командиры от полка до роты имели всего один день на изучение местности и расположенных на ней оборонительных объектов противника. Это отразилось как на качестве принятых решений, так и особенно на управлении войсками в ходе наступления.

Серьезное препятствие для войск представляла р. Горынь. Лед на ней оказался слабым, и атаковать по нему танками было нельзя.

Все это предопределило медленные темпы атаки, которая началась 27 января. Развитие ее осложнилось частыми контратаками противника, в которых принимали участие небольшие группы танков. Отсутствие танков в боевых порядках наступающих¹ затрудняло борьбу с танками противника, которые не шли на сближение, а предпочитали поражать пехоту с дальностей, исключающих их поражение орудиями сопровождения.

Ожесточенные бои продолжались и на следующий день. Несмотря на сильные контратаки, главная полоса на двух участках шириной до 15 км все же была прорвана. Открылась возможность резко повысить темпы наступления. Но в этот момент из состава 13-й армии был изъят второй эшелон (28-й стрелковый корпус) для переброски под Винницу, где создалось угрожающее положение.

Успех операции предопределил прорыв кавалерийских корпусов в районе Сарны через не занятые противником участки местности. Пройдя при содействии партизан более 100 км лесными тропами и болотами, корпуса вышли в тыл войскам противника, оборонявшимся перед 13-й армией, нарушив тем самым линии коммуникаций и связи и дезорганизовав снабжение. 2 февраля внезапным ударом они овладели Луцком и Ровно — важными пунктами оперативной обороны врага. Это нарушило ее устойчивость, и противник был вынужден оставить важные оборонительные рубежи.

Опыт Ровно-Луцкой операции еще раз показал, что прорыв с подхода очень сложен по своей организации и осуществлению. Успешно применять его можно против обороны, имеющей значительное количество слабых или не занятых войсками противника участков. Иначе говоря, положения наших

¹ Всего в 13-й армии было 10 танков. В ходе атаки они поддерживали 149-ю стрелковую дивизию огнем с правого берега р. Горынь. *Белкин И. М.* 13-я армия в Луцко-Ровенской операции 1944 г. М., Воениздат, 1960, с. 44, 45, 92.

предвоенных уставов, отдававших определенное предпочтение наступлению с подходом к оборонительной полосе противника, требовалось применять творчески.

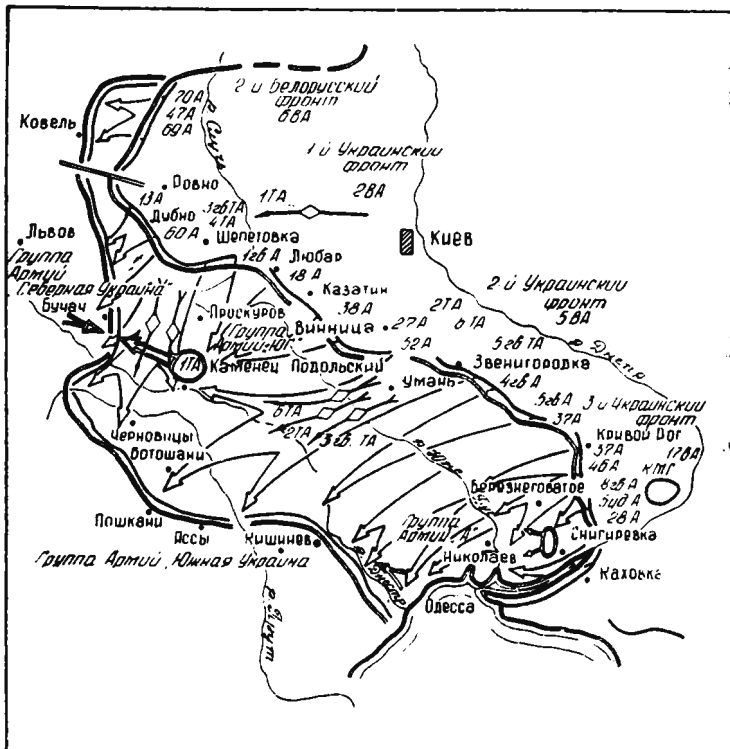
Стратегический прорыв на Правобережной Украине. Проведением Корсунь-Шевченковской и одновременно с ней Ровно-Луцкой и Никопольско-Криворожской операций завершился первый этап разгрома противника на Правобережной Украине. Надежды немецко-фашистского командования восстановить оборону по р. Днепр и стабилизировать фронт на этом рубеже рухнули окончательно. В течение почти трех месяцев напряженной борьбы противнику были нанесены крупные потери. Десять дивизий и одна бригада были полностью уничтожены, а около 30 других дивизий понесли тяжелые потери. Существенно снизилось моральное состояние войск противника. «...Количество утерянных и взорванных орудий за последнее время настолько возросло, — отмечало командование сухопутных войск Германии, — что это чувствительно отражается на нашей обороноспособности»¹. Это существенно сказалось на устойчивости обороны врага, которая на многих направлениях оказалась слабой. Создались предпосылки для решительного прорыва стратегического фронта противника от Полесья до Черного моря и полного освобождения Правобережной Украины. Однако началась весенняя распутица, которая, по мнению немецкого командования, исключала проведение крупных наступательных операций.

Совещание командование, оценив обстановку, решило использовать создавшееся положение и, несмотря на неблагоприятные климатические условия, завершить силами 1, 2 и 3-го Украинских фронтов освобождение Правобережной Украины.

Разработка плана операции в Генеральном штабе началась еще в феврале. «Анализ стратегической обстановки на фронте, — пишет А. М. Василевский, — состояние войск врага, непрерывно возрастающие ресурсы страны дали Верховному Главнокомандованию основание сделать вывод о том, что возможно и целесообразно продолжать наступление Украинских фронтов без всякой передышки, чтобы одновременными мощными ударами на широком фронте от Полесья до устья Днепра расчленив немецко-фашистские войска и, уничтожив их по частям, завершить освобождение Правобережной Украины»². Иначе говоря, в этом смысле нашли реальное воплощение те идеи, которые были заложены при планировании наступления на Правобережной Украине в декабре 1943 г. (схема 6)

¹ Цит. по кн.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 79.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 376.

С х е м а 6. Прорыв стратегического фронта противника весной 1944 г.

На основании задач, полученных от Ставки, командующие фронтами приняли следующие решения:

1-й Украинский фронт: главный удар нанести с фронта Дубно, Шепетовка, Любар в направлении на Чертков 13-й, 60-й, 1-й гв. армиями, 3-й гв. и 4-й танковыми армиями, усиленными всей артиллерией фронта, при поддержке авиации¹. При этом каждая общевойсковая армия прорывала оборону на самостоятельном участке. Кроме того, два армейских удара намечалось нанести на левом крыле фронта в тесном взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта;

2-й Украинский фронт: прорвать оборону на двух участках, нанося главный удар силами трех общевойсковых (27-я, 52-я и 4-я гв.) и трех танковых (2-я, 5-я гв. и 6-я) армий.

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 277, лл. 4—12.

Две армии, примыкавшие своими флангами к участку главного удара (40-я и 53-я), получили задачу создать на этих флангах группировки в составе пяти стрелковых дивизий каждая и, используя прорыв на главном направлении, нанести удары в целях обеспечения ударной группировки фронта справа и слева, расширения участка прорыва в сторону флангов и свертывания обороны противника перед фронтом своих войск ¹.

На вспомогательном направлении, на удалении 150 км от главного удара, прорыв намечалось осуществить на 12-километровом участке смежными флангами двух общевойсковых армий) (5-я и 7-я гвардейские ²;

3-й Украинский фронт: главный удар нанести силами 46-й и 8-й гв. армий, конно-механизированной группы и танкового корпуса в направлении на Нов. Буг.

Войска правого крыла фронта — 57-я и 37-я армии получили задачу нанести удары в направлении Шевченко и ст. Гейковка с целью сковать левофланговые соединения 6-й немецкой армии. 6-я и 5-я ударная армии должны были наступать в направлении на Березнеговатое и Сигиревку с задачей во взаимодействии с 8-й гв. армией и конно-механизированной группой разгромить правофланговые соединения 6-й немецкой армии. 28-й армии ставилась задача наступать по правому берегу р. Днепр в общем направлении на Херсон и Николаев ³.

Одновременно силами вновь созданного 2-го Белорусского фронта намечалось, прорвав оборону на двух участках, выйти в глубокий тыл группы армий «Центр» с нанесением удара на Ковель, Брест.

Таким образом, всего в стратегической операции должно было быть нанесено 9 ударов с прорывом обороны на 14 участках. Ширина армейских участков прорыва колебалась от 5 до 13 км. Только в 60-й армии он был 25 км, в 8-й гв. — 17 км. Участок прорыва на направлении главного удара 2-го Украинского фронта был шириной 25 км ⁴.

Следует отметить, что, если состав 1-го и 2-го Украинских фронтов позволял осуществить быстрый прорыв на нескольких участках, для 3-го Украинского фронта прорыв на четырех участках при меньшем составе сил, особенно подвижных войск, и недостатке боеприпасов был затруднителен. Можно

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 16362, д. 24, лл. 4—6.

² Там же, ф. 16-А, оп. 983, д. 11, л. 43.

³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 157.

⁴ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 140, 150, 159; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1960, с. 375; Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине в 1944 г., кн. 2. М., изд. ВАГШ, 1958, с. 303.

было ограничиться только двумя участками прорыва, что позволило бы добиться лучшего массирования сил и средств, а значит, быстрее и с меньшими потерями прорвать оборону противника и развить наступление в глубину.

Сковывание сил противника на востроперенном направлении при ограниченном количестве у него оперативных резервов, концентрации их в основном перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами можно было добиться демонстрацией подготовки наступления, ибо вполне достаточно было задержать их всего на одни сутки.

Несмотря на большой некомплект в соединениях, на ряде участков благодаря искусству образования сильных ударных группировок удалось создать высокие плотности войск и убедительное превосходство над противником в силах и средствах (табл. 3).

Таблица 3

**Плотности войск и соотношение сил
в операции группы фронтов
при завершении освобождения Правобережной Украины ***

Наименование операции	Фронты	Плотности на 1 км участка прорыва			Количество самолетов	Соотношение сил		
		дивизий	орудий и минометов	танков и САУ		по личному составу	по артиллерии	по танкам
Проскуровско-Черновицкая	1-й Украинский	До 5,5	80—200	10 ** 24	477	3 : 1	9—12 : 1	Абсолютное
Уманско-Ботошанская	2-й Украинский	2—3	100—150	2 25	551	3,5 : 1	6,3 : 1	2 : 1
Березнеговато-Снигиревская	3-й Украинский	2—4	37—64	2—3 15—20	593	4 : 1	10 : 1	1 : 1

* Таблица составлена на основании трудов: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 136, 141, 151, 159; Разгром немецко-фашистских войск на Правобережной Украине в 1944 г., кн. 2. М., ВАГШ, с. 44, 219, 301—310; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 369, 371, 375, 380; Бронетанковые и механизированные войска в операциях по освобождению Правобережной Украины и Крыма. М., Воениздат, 1958, с. 69, 70, 130, 131; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны № 15. М., Воениздат, 1955, с. 30, 49.

** В числителе — тактическая, в знаменателе — оперативная.

Из данных, приведенных в таблице, видно, что командующие 1-м и 2-м Украинскими фронтами, имея перед собой ослабленную оборону противника, все же предпочли пойти на создание высоких плотностей войск на участках прорыва с тем, чтобы обеспечить надежное превосходство над противником и добиться гарантированных прорывов его обороны.

Это же стремление прослеживается и в решениях командующих армиями. Так, командующий 60-й армией, в полосе которой наносился главный удар фронта на участке шириной 25 км, создал плотности: одна стрелковая дивизия первого эшелона — на 2,5—3 км, 164 орудия и миномета — на 1 км участка прорыва. Но более решительно принцип массирования сил и средств был осуществлен в 1-й гв. армии. На 12-километровом участке были сосредоточены восемь стрелковых дивизий из десяти, две артиллерийские дивизии прорыва, большинство отдельных артиллерийских и минометных полков и бригад¹. Это позволило создать следующие плотности войск: одна стрелковая дивизия на 1,5 км, 200 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Лишь плотности танков были низкими, поскольку армия получила всего одну танковую бригаду.

Массирование сил на наиболее выгодных направлениях зачастую требует очень крупных перегруппировок войск. В этой операции, несмотря на ограниченные сроки, отведенные на ее подготовку, командующий 1-м Украинским фронтом, чтобы поставить ударную группировку перед слабым участком обороны врага и занять нависающее положение над его главной группировкой, пошел на это. Сложность ее проведения состояла в том, что ударная группировка фронта образовывалась на его правом крыле, тогда как главные силы, в результате проведения предыдущих операций в борьбе с противником, наносившим контрудары, оказались на левом. Поэтому для проведения новой операции было необходимо сместить на 80—120 км к западу соединения 60-й, 1-й гв. и часть сил 18-й общевойсковых и 3-й гв. танковой армий. 4-я танковая армия выдвигалась из района Киева, и ей предстояло совершить 300-километровый марш.

60-я армия, передав левую часть своей полосы и свои главные силы, сместилась к правому флангу. 1-я гв. армия, передав 18-й армии один стрелковый корпус, основные силы перегруппировала в полосу, полученную от 60-й армии (схема 7). Несмотря на сложность, перегруппировка прошла успешно.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1960, с. 136, 142; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1958, с. 371; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны № 15. М., Воениздат, 1955, с. 30, 49; Бронетанковые и механизированные войска в операциях на Правобережной Украине и Крыма. М., Воениздат, 1958, с. 64, 70.

Планом боевого использования артиллерии артиллерийская подготовка определялась в зависимости от характера обороны противника и плотности артиллерии. На 1-м и 2-м Украинских фронтах она была продолжительностью 45—56 минут, на 3-м Украинском фронте — 15—20 минут. Поддержка атаки осуществлялась огневым валом и последовательным сосредоточением огня¹.

Авиационное наступление планировалось по периодам. До начала наступления намечалось уничтожить авиацию противника на аэродромах, сорвать железнодорожные перевозки на основных магистралях, нарушить управление и связь. В период тактического прорыва и его развития в глубину авиация должна была уничтожать огневые средства и войска противника перед наступающими войсками, прикрывать свои войска от ударов с воздуха, оказывать содействие вводу в прорыв подвижных соединений. Для выполнения последней задачи для танковых армий выделялось по одной штурмовой и истребительной дивизии.

Основная задача инженерных войск состояла в том, чтобы обеспечить продвижение войск по труднодоступной местности, особенно при преодолении рек Горынь и Горный Тикич.

Оперативное построение фронтов и армий было в основном одноэшелонным.

Фронты имели сильные подвижные группы в составе трех танковых армий, а на 3-м Украинском фронте — конно-механизированной группы. В резерве общевойсковых армий было по одной-две дивизии. Боевые порядки корпусов строились в один эшелон, а дивизии — в два эшелона². Такое построение обуславливалось большим некомплектом соединений, неглубокой и недостаточно развитой в инженерном отношении обороной противника, трудностью ввода в условиях бездорожья войск из глубины и было направлено на достижение мощного первоначального удара, который по замыслу командования фронта должен был обеспечить прорыв в первый день всей тактической обороны противника.

Следует особо остановиться на вводе в сражение подвижных групп. В составе 3-й и 4-й танковых армий насчитывалось 730 танков и самоходных артиллерийских установок, в составе 2, 6 и 5-й гв. танковых армий — около 600 танков и САУ³. Все они вводились в сражение на небольшой глубине: 4-я и 3-я

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 372, 376.

² 1-я танковая армия находилась на доукомплектовании и была введена на втором этапе на том же направлении, где действовали 3-я и 4-я танковые армии.

³ См.: «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, с. 21, 22.

Вкладыш 1

Цзв. №1-8-6а Зад. №4089 1977г.

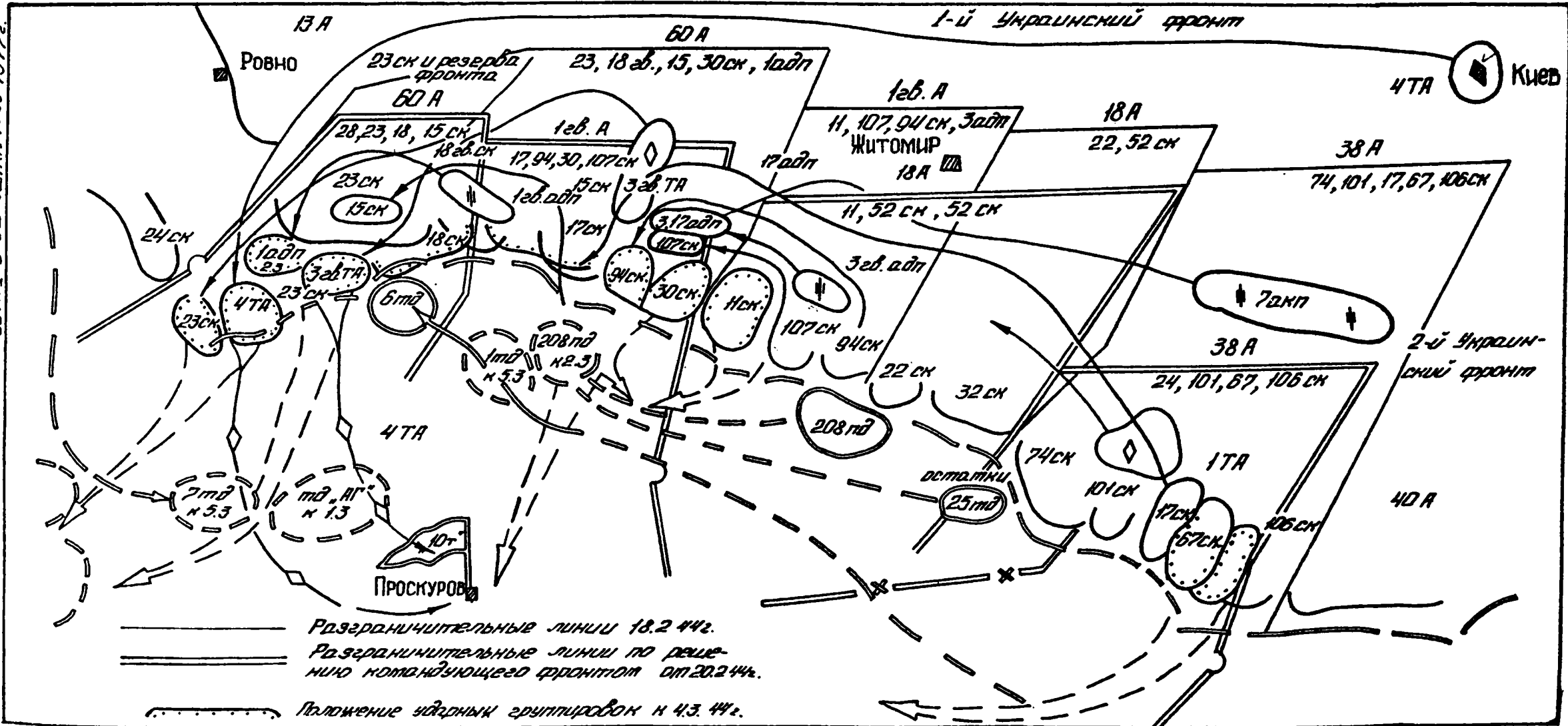

Схема 7. Создание ударных группировок 1-го Украинского фронта в Проскуровско-Черновицкой операции и контрманевр противника

танковые армии — 6—8 км¹, вслед за 4-м танковым корпусом — эшелонем развития успеха 60-й армии; 2-я и 5-я гв. танковые армии — 1—1,5 км².

Это объяснялось невысокой пробивной способностью соединений первого эшелона стрелковых войск, имевших мало танков НПП, и неглубоким эшелонированием боевых порядков противника.

Наращивание силы удара танковыми армиями в ходе прорыва главной полосы обороны позволяло сделать прорыв безостановочным, провести его в высоком темпе и за короткое время перенести борьбу в оперативную глубину.

Ставка и командования Украинских фронтов сделали много для достижения внезапности удара. Наиболее важным мероприятием, осуществленным Ставкой, было назначение такого времени начала операции, которое немецко-фашистское командование считало невозможным для проведения крупного наступления. «На этом необоснованном расчете, — писал Маршал Г. К. Жуков, — мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных ударов»³. Командование 1-го Украинского фронта в полосе 38-й армии провело широкую подготовку к крупному наступлению: рекогносцировки, пристрелку артиллерии, ложное сосредоточение танковой армии и одного стрелкового корпуса со средствами усиления и, наконец, 2 марта — частную атаку. Для скрытого совершения перегруппировки (флангового марша) были приняты строгие меры по оперативной маскировке. Все это позволило длительное время держать в тайне подготавливаемую операцию. Лишь за 3—4 дня до начала наступления противник получил некоторые данные о нависшем у Проскурова ударе войск 1-го Украинского фронта. И хотя он принял решение о переброске на угрожаемое направление пяти танковых и моторизованных дивизий и одной бригады, однако половина этих сил не успела подойти туда к началу наступления войск фронта. Вместе с тем переброска крупных сил к правому крылу 1-го Украинского фронта привела к ослаблению оперативной обороны врага перед 2-м Украинским фронтом, что облегчало прорыв ее на уманьском направлении.

На 2-м и 3-м Украинских фронтах была организована действенная оперативная маскировка и сведены к минимуму перегруппировки войск вдоль фронта.

Партийно-политическая работа направлялась на то, чтобы

¹ См.: Бронетанковые и механизированные войска в операциях по освобождению Правобережной Украины и Крыма. М., Воениздат, 1958, с. 70—71.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 377—378.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 515.

в подготовительный период войска быстро и скрытно выполнили огромный объем работы, связанной с проведением сложной операции в очень трудных условиях весенней распутицы, а с началом операции выдержали огромную физическую и моральную нагрузку.

Первыми 4 марта прорыв начали войска 1-го Украинского фронта в условиях, когда противник, убедившись, что не успеет прочно закрыть угрожаемое направление, предпринял отвод своих сил в глубину¹. Удар артиллерии пришелся по арьергардам. Сломив их сопротивление, войска 60-й и 1-й гв. армий в первой половине дня овладели всей главной полосой обороны. Введенные в сражение танковые армии развили их успех и к исходу дня продвинулись до 30 км, общевойсковые армии — до 15 км. По сути дела оборона врага была опрокинута, открылась возможность ночью или на следующий день выйти к рубежу Тарнополь-Проскуров, куда выдвигались резервы противника, и разгромить их с ходу. Но тяжелейшая весенняя распутица делала трудным продвижение даже танковых армий. К тому же в баках танков 4-й танковой армии остался только неприкосновенный запас, так как к началу прорыва их удалось заправить лишь наполовину.

Продвигаясь по раскисшим дорогам, уничтожая противника в сильных узлах сопротивления, оборудованных в крупных населенных пунктах, главная группировка в течение 7—10 марта подошла к рубежу Тарнополь, реки Бужок и Южный Буг, где противник успешно готовил новый оборонительный рубеж, на котором сосредоточивались усилия до 9 танковых и 6 пехотных дивизий, т. е. половина танковых дивизий, действовавших на Правобережной Украине². Попытки прорыва его с ходу привели лишь к захвату плацдармов на реках и глубокому вклинению частей 3-й гв. танковой и 1-й гв. армий.

Ставка директивами от 12 марта поставила 1-му и 2-му Украинским фронтам задачу с 20—21 марта перейти в общее наступление, в ходе которого завершить прорыв оперативной обороны противника, окружить основные силы его 1-й танковой армии и перенести боевые действия за Днепр³.

Хотя до перехода в общее наступление 1-й Украинский фронт располагал одной неделей, однако фактическое время, которое смогли получить армии на подготовку наступления ввиду развернувшейся борьбы с контрударами и сильными контратаками противника, не превышало 3—5 дней. В условиях проведения сложных перегруппировок войск такой срок следует признать ограниченным.

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 292801, д. 149, л. л. 88—90.

² История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 84.

³ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 61.

Наиболее организованно был осуществлен прорыв оперативного рубежа обороны противника в 1-й гв. армии. В ее составе находилось шесть корпусов. Для нанесения удара западнее Проскурова с левого фланга армии на правый, на расстояние 60—80 км, перебрасывались четыре корпуса (двух-трехдивизионного состава) (схема 8). Вместе с корпусами 3-й гв. танковой армии они составили ударную группировку, которой предстояло прорвать оборону на участке 14 км¹ и развить наступление в южном направлении. Непосредственно на участке прорыва в первый эшелон были поставлены 11-й и 30-й стрелковые корпуса, левее их — 17-й стрелковый корпус, который с прорывом обороны должен был наступать непосредственно на Проскуров. За 11-м и 30-м стрелковыми корпусами исходное положение для наступления заняли 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, которым с прорывом обороны противника на глубину 5—6 км предстояло обогнать пехоту и устремиться в оперативную глубину. Для развития наступления на второй день в сражение намечалось ввести 9-й механизированный корпус, а затем 94-й стрелковый корпус.

К взлому обороны врага была привлечена артиллерия обеих армий и 17-я артиллерийская дивизия прорыва². Даже при большом некомплекте в войсках и значительной для армии ширине участка прорыва (14 км) это позволило иметь следующие плотности: одна стрелковая дивизия на 2,5—3 км, около 70 орудий и минометов, 8—12 танков и САУ на 1 км³. Но поскольку удар наносился по наиболее слабому месту в обороне противника, это позволяло прорвать ее и при таких плотностях войск.

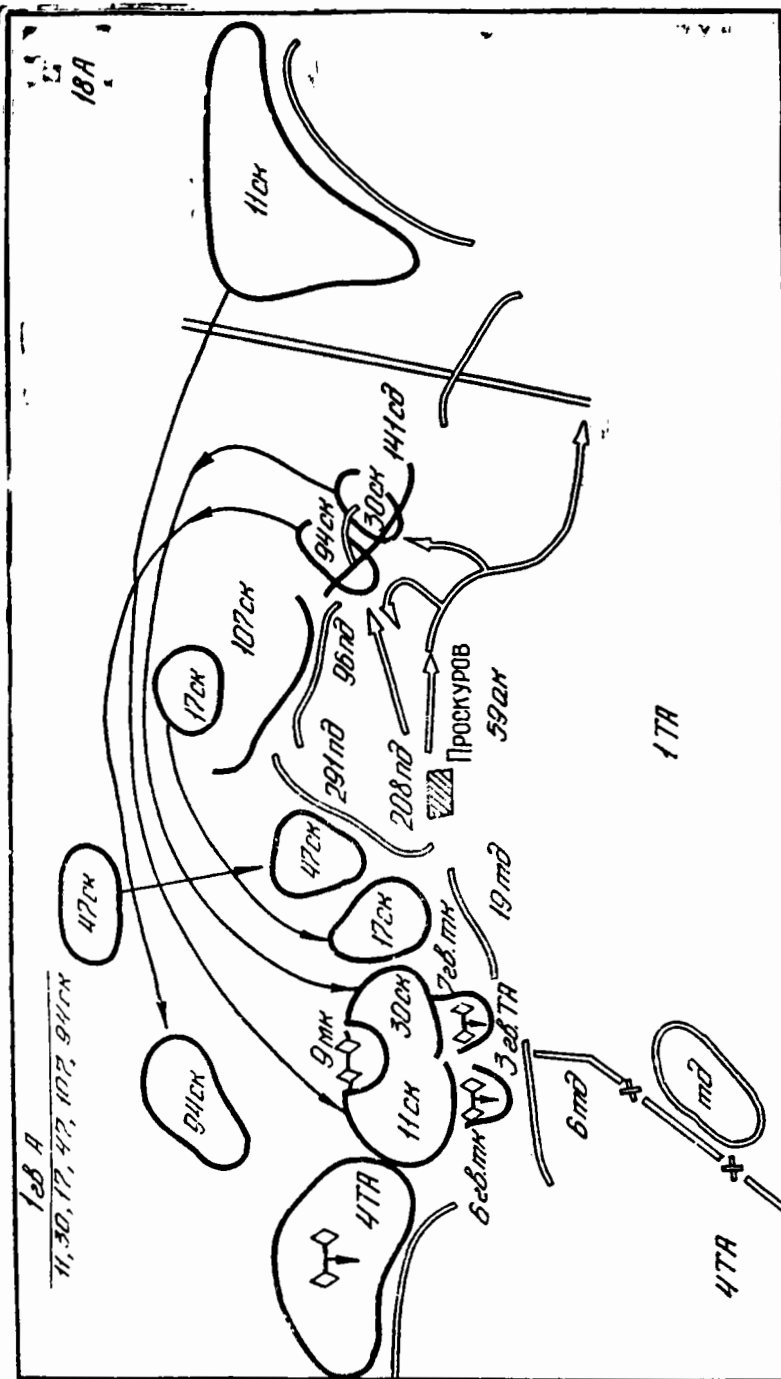
21 марта после 40-минутной артиллерийской подготовки войска 1-й гв. армии в 12.20 перешли в наступление. Измотанный и подавленный противник хотя и пытался оказать упорное сопротивление, однако к 15.00 его первая позиция была полностью прорвана. Разлившаяся от весеннего паводка небольшая р. Плоска задержала наступление войск. Но к 17.00 весь оперативный рубеж обороны неприятеля все же оказался прорванным. На следующий день войска обеих армий продвинулись на 15—20 км и перешли в преследование.

Столь же успешно прошел прорыв в полосе 60-й армии, где для развития прорыва в сражение были введены 1-я и 4-я танковые армии. Выход их на оперативный простор, стремительные действия, особенно свежей 1-й танковой армии, привели к полной дезорганизации противника, который стремился отвести свои войска за Днестр. Группа армий «Юг» оказалась

¹ ЦАМО, ф. 315, оп. 4440, д. 166, лл. 340, 341.

² Там же, оп. 4445, д. 94, лл. 76—87.

³ К началу общего наступления в 3-й гв. танковой армии насчитывалось около 150 танков и САУ.

С х е м а 8. Образование ударной группировки: 1-й гв. армии для прорыва оперативного рубежа в ходе Проскуровско-Черновицкой операции

рассеченной, при этом ее 4-я танковая армия отброшена на запад, а 1-я танковая на восток, где она вскоре попала в оперативное окружение.

На 2-м Украинском фронте 4 марта, накануне общего наступления, во всей полосе фронта была проведена разведка боем. Она позволила уточнить начертание переднего края, вскрыть значительное количество новых огневых точек и подтвердила прежние данные о группировке войск противника.

5 марта в 7.50 войска ударной группировки фронта после 56-минутной артиллерийской подготовки перешли в атаку. Авиация из-за густого тумана действовать не смогла. Наш удар оказался неожиданным для противника.

Пехота и передовые отряды танковых армий при поддержке артиллерии быстро сломали сопротивление врага на первой позиции. Большую роль в ходе прорыва сыграли орудия сопровождения, которых в армиях было от 20 до 30 на каждый километр фронта¹. Следуя непосредственно в боевых порядках пехоты, они в упор расстреливали огневые точки противника, прокладывая путь пехоте.

После прорыва первой позиции на глубине до 1,5 км от переднего края обороны противника были введены в сражение главные силы 2-й и 5-й гв. танковых армий. 2-я танковая армия, в полосе которой имелась единственная дорога с твердым покрытием, уже к исходу дня вышла к р. Горный Тикич, продвинувшись на 14—16 км. Для использования ее успеха командующий 27-й армией ввел в сражение из своего резерва 78-ю стрелковую дивизию. Это позволило к ночи на 6 марта выйти к р. Горный Тикич и войскам 27-й армии.

Всю ночь инженерно-саперные части при помощи войск оборудовали переправы, а в течение следующего дня по ним переправились соединения 2-й танковой армии, а за ними и соединения 27-й армии.

Несколько меньший успех в первый день прорыва был в полосе 4-й гв. армии, где была введена в сражение 5-я гв. танковая армия. Здесь ожесточенное сопротивление нашим войскам оказывали 11-я и 14-я танковые дивизии противника. Но главная причина медленного продвижения наших частей состояла в отсутствии в полосе армий каких бы то ни было дорог. Войска наступали по целине, в непролазной грязи. К исходу дня соединения армий продвинулись всего на 4—5 км, прорвав первую, а на отдельных участках вторую позиции.

6 марта 2-я танковая армия, форсировав р. Горный Тикич, стала развивать наступление на Умань, переместившись из полосы 27-й армии в полосу 52-й армии. Наши танки, появившиеся в тылу противника, вынудили его начать поспешный

¹ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны № 15. М., Воениздат, 1955, с. 49.

отход и в полосе 52-й армии. Войска этой армии, преследуя противника, 7 марта форсировали р. Горный Тикич и устремились за 2-й танковой армией в общем направлении на Умань.

В целях развития достигнутого успеха по указанию командующего фронтом в полосе 27-й армии была введена в сражение 6-я танковая армия, получившая задачу наступать в общем направлении на Христиновку.

Командующий 4-й гв. армией для наращивания силы удара ввел в сражение вечером 5 и утром 6 марта последовательно 41-ю и 62-ю гвардейские стрелковые дивизии. Это позволило 6 марта совместными усилиями с 5-й гв. танковой армией завершить прорыв тактической зоны обороны противника, выйти к р. Горный Тикич и 7 марта форсировать ее передовыми частями. В течение ночи и с утра 8 марта на противоположный берег были переправлены главные силы обеих армий и увеличен плацдарм до 10 км в глубину.

8 марта после 56-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление 5-я и 7-я гвардейские армии, которые успешно прорвали оборону и начали развивать наступление на Ново-Украинку.

С утра 9 марта улучшилась погода, что позволило 5-й воздушной армии нанести ряд мощных ударов по войскам противника и содействовать наземным войскам в успешном продвижении вперед.

Противник был вынужден поспешить с отходом. Наши войска перешли в оперативное преследование. На шестой день операции были освобождены Умань и Христиновка. В весеннюю распутицу войска продвинулись на глубину около 70 км.

С форсированием Южного Буга открылся путь к советско-румынской границе.

Прорыв на 3-м Украинском фронте проходил несколько труднее. Недостаточно высокие плотности артиллерии при очень короткой артиллерийской подготовке не позволили надежно подавить оборону противника, который в течение дня оказывал упорное сопротивление, особенно в населенных пунктах. К исходу первого дня наступление войск начало замедляться. Тогда в 21.30 6 марта в ненастную погоду была введена в сражение конно-механизированная группа. Ее удар оказался неожиданным для противника и предрешил прорыв обороны на всю оперативную глубину. Утром 8 марта подвижная группа овладела г. Новый Буг. Фронт 6-й немецкой армии оказался разорванным.

Мощное наступление 1-го и 2-го Украинских фронтов на юг и юго-запад, перерастание Березнеговато-Снигиревской операции 3-го Украинского фронта в Одесскую привели к образованию стратегической брешы в обороне противника на юго-западном направлении. Развитие здесь стратегического преследования позволило освободить большинство районов

Центральной и Западной Украины, выйти на р. Прут и восстановить часть государственной границы СССР.

Для того чтобы стабилизировать фронт на опасном направлении, выходящем к границам Германии и ее сателлитов, а также на Балканы, командованию фашистского вермахта пришлось привлечь сюда 40 дивизий из стратегического резерва и с других направлений ¹.

Рассмотрение наступательных операций по освобождению Правобережной Украины показывает, что в них применялись самые разнообразные формы оперативного прорыва:

нанесение ряда ударов в целях глубокого рассечения обороны и группировок войск противника (Житомирско-Бердичевская, Проскуровско-Черновицкая и Уманско-Ботошанская операции);

прорыв на двух участках с развитием наступления по сходящимся направлениям в целях окружения и уничтожения вражеских группировок (Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Никопольско-Криворожская операции);

прорыв в сочетании с обходом открытого фланга противника кавалерийскими корпусами и ударом с фронта общевойсковыми соединениями (Ровно-Луцкая операция);

прорыв на ряде участков на широком фронте в целях дробления вражеской обороны на отдельные части с последующим объединением их в один общий прорыв (Березниговато-Снигиревская и Одесская операции).

Такое широкое разнообразие форм оперативного прорыва свидетельствует о творческом подходе советского командования к выбору способов разгрома противника с учетом полученных задач, группировки сил и характера обороны противника, а также состояния и группировки своих войск.

В связи с тем, что оборона противника имела, как правило, небольшую глубину, была недостаточно развита в инженерном отношении, строилась преимущественно по системе создания узлов сопротивления и опорных пунктов, прорыв ее в большинстве фронтовых операций осуществлялся на трех-четырёх и более участках. Так, из девяти проведенных операций фронты прорывали: на двух участках — в трех операциях (Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая, Уманско-Ботошанская); на трех участках — в одной операции (Никопольско-Криворожская); на четырех и более участках — в четырех операциях (Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Проскуровско-Черновицкая, Березниговато-Снигиревская и Одесская).

Успешный прорыв вражеской обороны во всех операциях достигался искусным выбором направлений главного и вспомо-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 171.

могательных ударов, определением оптимального количества участков прорыва и их ширины в соответствии с имеющимися возможностями, смелым массированием сил и средств, внезапностью ударов, умелым планированием огневого поражения и применением крупных сил бронетанковых войск с учетом конкретно сложившихся условий обстановки.

Опыт операций на Правобережной Украине показал, что масса огня артиллерии и авиации должна обрушиваться на опорные пункты и узлы сопротивления переднего края и ближайшей тактической глубины с подавлением опорных пунктов на флангах, если участки прорыва избираются узкими, ибо после ощутимых потерь, понесенных противником, его усилия в основном сосредоточиваются на первой позиции и в отдельных районах за ней.

В первом атакующем эшелоне целесообразно сосредоточивать усилия и общевойсковых соединений, чтобы быстро и с наибольшей полнотой использовать эффект огневого поражения и прорвать неглубокую оборону.

Операции на Правобережной Украине обогатили советское военное искусство опытом применения танковых армий в целях как прорыва обороны, так и его развития в глубину.

В истории Великой Отечественной войны нет другой стратегической операции, в которой бы одновременно использовались все шесть танковых армий. Они не только представляли собой мощный эшелон развития успеха, но и являлись, по существу, ядром ударных группировок. Во всех операциях танковые армии участвовали в прорыве тактической зоны обороны противника. В одних случаях из их состава выделялась часть танков для непосредственной поддержки пехоты, в других — в прорыве участвовали передовые танковые части, вслед за которыми вводились в сражение на небольшой глубине главные силы, а в Корсунь-Шевченковской операции 6-я танковая армия впервые в ходе войны прорывала оборону на самостоятельном участке. Использование танковых армий для прорыва хотя и снижало их боевые возможности для решения задач в оперативной глубине, но отвечало условиям конкретной боевой обстановки, так как общевойсковые армии ввиду недостатка танков НПП и артиллерии не могли самостоятельно прорвать оборону противника в высоком темпе и создать условия для ввода танковых армий в чистый прорыв.

При внезапном и мощном нанесении первоначального удара прорыв обороны противника возможен в ходе атаки. Поэтому все войска, в том числе и подвижные группы, должны быть готовы к немедленному и стремительному развитию первоначального удара в целях быстрейшего развития прорыва в оперативную глубину и разгрома подходящих резервов за пределами тактической обороны. Всякое промедление с использованием достигнутого успеха, допущение разрыва между

первоначальным ударом и его развитием ведет к задержке прорыва, увеличению затрат сил и средств, а в конечном итоге к уменьшению результатов операции. Иначе говоря, в условиях неглубокой обороны противника и большого некомплекта наступающих войск тактический и оперативный прорывы должны перерасти один в другой вскоре после взлома переднего края, образуя непрерывный процесс, достигаемый своевременным вводом как тактических, так и оперативных эшелонов.

Перерастание оперативных прорывов в стратегический в условиях уже расстроенной обороны может произойти уже с выходом войск в ближайшую оперативную глубину. Чем интенсивнее осуществляется оперативное преследование как способ ведения стратегического прорыва, тем больший достигается стратегический результат.

Причины неудач прорыва на Западном направлении

Без сколько-нибудь продолжительной оперативной паузы пришлось начинать зимнюю кампанию Белорусскому, Западному и Прибалтийским фронтам, войска которых за время летнего наступления преодолели немало оборонительных рубежей в лесистой и лесисто-болотистой местности и понесли ощутимые потери. Их положение усугублялось еще и тем, что пополнений в личном составе, технике и материальных средствах как перед началом кампании, так и в ходе нее они получили очень немного. Так, за первый квартал 1944 г. пополнение четырех фронтов Западного направления по сравнению с Украинскими было меньше: по личному составу — в 2 раза, по артиллерии — в 1,6 раза, по танкам и САУ — в 18 раз¹. В их составе было всего 15,8% крупных танковых соединений², к тому же укомплектованных всего на 10—30%. Это не позволяло создать мощные подвижные группы для развития тактического прорыва в оперативный.

Очень трудно обстояло дело с обеспечением боеприпасами, которые в основном подавались на Украинские фронты.

Немаловажное значение имело и то, что перед этими фронтами оборонялась крупная группировка войск — 63 дивизии, из них 6 танковых и 3 моторизованные. С зимы 1941 г. она не испытала таких ударов, как под Сталинградом, на Дону, под Курском. Личный состав группировки имел большой боевой

¹ Всего четыре фронта Западного направления за первый квартал 1944 г. получили 265 танков и САУ, или 4,2% направленных в действующую армию. История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 306.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 7.

опыт ведения обороны в лесисто-болотистой местности и обладал значительной психологической устойчивостью.

Из трех фронтов Западного направления наиболее успешно действовал Белорусский фронт. В конце ноября его войска на правом крыле и в центре вышли к р. Днепр, а на левом фланге овладели крупным плацдармом в междуречьи рек Березина и Припять. Отсюда войскам фронта предстояло нанести удар в сторону Минска и активными действиями обеспечить Юго-Западное стратегическое направление от ударов со стороны Полесья.

За зимнюю кампанию, т.е. с декабря 1943 г. по апрель 1944 г., Белорусский фронт провел 12 операций¹, в восьми из них удалось осуществить прорыв. Глубина операций составляла от 12 до 40 км. Иначе говоря, войска Белорусского фронта неоднократно прорывали тактическую зону обороны противника, но развивать успех дальше и вынудить его к оперативному отступлению на широком фронте они не смогли.

Чтобы понять всю сложность условий, в которых осуществлялись прорывы войсками Белорусского фронта, причины их ограниченных результатов, остановимся на операции, проведенной в междуречье рек Березина и Припять в январе—феврале 1944 г.

Избранная форма оперативного прорыва в операции по разгрому мозырской группировки противника представляла собой удар двух армий и кавалерийской группы на самостоятельных участках по сходящимся к Калинковичам направлениям.

В первом эшелоне армий наступало по четыре дивизии, что позволяло создать довольно хорошие плотности пехоты, обеспечивавшие прорыв главной полосы обороны. Но оперативные эшелоны были очень слабыми. Во втором эшелоне 65-й армии находились две дивизии и один слабо укомплектованный танковый корпус, в 61-й армии — всего одна дивизия.

Каждый корпус кавалерийской группы должен был наступать на самостоятельном направлении, используя для прорыва в глубину слабые участки в обороне противника².

В какой-то мере в замысле на операцию можно увидеть отход от установившихся положений по созданию фронтовых группировок в операции. Если летом 1943 г. в состав ударной группировки входило три-пять армий, то в этой операции только 2/3 сил общевойсковой армии. Это вызывалось рядом обстоятельств. Первоначально считалось, что оборона противника не столь уж прочная и ее можно прорывать небольшими по составу ударными группировками; к тому же в лесисто-

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 26; д. 7, лл. 61, 93, 176; д. 27; д. 28, д. 19, лл. 70—169, 320—346; д. 30; д. 31, лл. 246—279; д. 32.

² Там же, д. 27; д. 5, л. 257.

болотистой местности в очень теплую зиму наступление большой группировкой войск на одном операционном направлении затруднялось. Однако опыт летнего наступления 1944 г. показал, что удар на одном направлении вполне возможен двумя армиями, усиленными двумя-тремя подвижными корпусами. Вместе с тем фронт, проводя в месяц по две-три операции, не имел времени на проведение крупных перегруппировок войск и накопление материальных средств, особенно боеприпасов. Он кое-как мог обеспечить ими лишь ударные группировки небольшого состава.

В целях более или менее надежного подавления обороны противника ограниченным количеством боеприпасов (1 бк на тактический прорыв¹) и создания необходимых плотностей атакующих войск участки прорывов на направлениях ударов сужались до 7,5—8 км. Это позволяло иметь до 4,5—5,4 стрелкового батальона², 135—163 орудий и минометов на 1 км участка прорыва.

Но узкие участки прорыва имели и существенный недостаток: они полностью закрывались даже тактическими резервами. Артиллерия противника имела возможность с обоих флангов насквозь простреливать участок прорыва, хотя и ограниченным количеством батарей, ибо их плотность из-за обороны дивизий в более широких полосах, чем на открытой местности, была невысокой. Это позволяло противнику активно противодействовать развитию прорыва и выигрывать время для подвода оперативных резервов.

Наступление началось 8 января 1944 г. Обеим армиям в первый день удалось прорвать главную полосу обороны и продвинуться на 4—8 км. В сражение был введен танковый корпус. Но лес, заболоченные участки местности, покрытые глубоким снегом, не позволили ему устремиться в глубину.

Сила удара стрелковых войск при наличии в первом эшелоне трех-четырех дивизий и начавшемся расширении образованного участка прорыва стала быстро уменьшаться. К 11 января обе армии продвинулись на 24—25 км, вышли к р. Ипа, где и были остановлены.

Проведя перегруппировку и пополнение войск материальными средствами, эти армии, к которым подключилась и 48-я армия, 14—15 января после 35-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление.

Тактический прорыв, как и в первом наступлении, удался. Но развить его опять было нечем. Продвинувшись от 6—12 до 35—40 км, армии были вынуждены снова приостановить наступление, чтобы создать компактную группировку и подготовиться к прорыву, связанному с форсированием р. Птичь.

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 5, л. 257.

² Фактически плотность пехоты не превышала 2—2,5 штатного пехотного батальона на 1 км участка прорыва.

2—4 февраля войска 48-й и 65-й армий еще раз предприняли попытку развить удар. Недостаток боеприпасов, танков, большой некомплект в стрелковых соединениях, к тому же уставших в длительных боях, и на этот раз позволили продвигаться лишь на 2—6 км¹.

Четвертое наступление на левом фланге фронт предпринял с 18 по 22 февраля в целях выхода в район Бобруйска. Для выполнения этой задачи были созданы две ударные группировки: в междуречье Березины и Припяти — из 48-й и 65-й армий, в районе Рогачева — из 3-й и 50-й армий.

Хотя состав ударных группировок на первый взгляд был более мощный, чем при наступлении на Мозырь и Калинковичи, но фактически он был почти таким же, ибо соединения, особенно 65-й и 48-й армий, понесли в предыдущих боях ощутимые потери и их наступательный порыв был значительно снижен. Это не могло не сказаться на результатах наступления.

Заметного успеха добилась лишь 3-я армия. Ее внезапный удар, нанесенный после 10-минутного огневого налета, позволил форсировать р. Днепр и прорвать подготовленную за ней оборону противника. К наступлению 3-й армии подключилась 50-я армия. Общими усилиями они захватили на р. Днепр плацдарм 50 км по фронту и 25—30 км в глубину². Однако незначительное продвижение ослабленных 48-й и 65-й армий не позволило добиться намеченных целей — выйти к Бобруйску.

Огромные усилия затратили Западный и 1-й Прибалтийский фронты для разгрома витебско-оршанской группировки врага. Однако их оперативные результаты в зимней кампании 1944 г. оказались небольшими.

Еще в ходе Смоленского сражения войска Западного и Калининского фронтов вышли на ближние подступы к Витебску и Орше, но в начале октября в силу возросшего сопротивления противника на заранее подготовленном рубеже «Пантера» были вынуждены приостановить преследование.

Определенные Ставкой задачи требовали в первую очередь овладеть мощными районами обороны вокруг Витебска и Орши, без чего наступление в глубину Белоруссии было невозможно. Это объяснялось тем, что они запирали наиболее удобные для наступления выходы из так называемых смоленских ворот — полосы местности шириной около 80 км, ограниченной излучинами Днепра и Западной Двины. Именно здесь было возможно наступление без форсирования этих крупных рек. Между ними простирался обширный заболоченный и сильно залесенный район, прорезанный многочисленными не-

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 19, лл. 264, 276.

² Там же, лл. 310—346.

замерзшими реками. Это предопределило наиболее вероятные районы, из которых могли последовать (и следовали) наши удары. Поэтому именно здесь противник создал наиболее прочную и глубокую оборону и имел высокие плотности войск — 0,6—1 пехотный батальон, 30—40 пулеметов, до 30—35 орудий и минометов, 5 танков на 1 км фронта¹. Многие огневые точки располагались в бронированных сооружениях, а для расчетов и подразделений были оборудованы прочные укрытия из дерева и железнодорожных рельсов.

Передний край, а также наиболее важные направления и районы в глубине прикрывались мощными минными полями, в которых мины нередко размещались в два-три яруса². Обезвреживание верхнего яруса не нарушало заградительных свойств минного поля.

Эти направления оборонялись наиболее боеспособными соединениями, здесь же располагались тактические и оперативные резервы.

Попытки прорыва такой обороны осенью 1943 г. не привели к намеченным результатам. Лишь 1-му Прибалтийскому фронту удалось глубоко вклиниться в районе Городка и охватить Витебск с севера и северо-запада. Однако войска затратили на это значительное количество сил.

После ограничения оперативных задач фронтам, сделанном в декабре 1943 г., они предприняли еще несколько попыток прорыва очень сильной обороны противника, но также добились только ограниченных успехов. Причин тому было несколько. Они хорошо прослеживаются на Витебской операции, проведенной силами Западного и 1-го Прибалтийского фронтов в феврале — марте 1944 г.

Замыслом на операцию предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся к Витебску направлениям: с северо-запада силами 4-й ударной и 11-й гв. армий 1-го Прибалтийского фронта и с юго-востока силами 39, 33 и 5-й армий Западного фронта³.

Существенный недостаток замысла состоял в том, что, во-первых, участки прорыва были определены Ставкой на кратчайшем к Витебску расстоянии, где оборона противника, казалось, была надломлена предыдущими наступлениями. Но именно здесь противник более всего ожидал наступления и имел наиболее плотную группировку войск⁴ — все силы 3-й танковой армии: 15 дивизий, в том числе 1-ю танковую, 17 ди-

¹ ЦАМО, ф. 394, оп. 107914, д. 2, лл. 4—11; *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», с. 419—420.

² Там же, д. 3060, лл. 48, 49.

³ Там же, ф. 41, оп. 30979 сс. д. 2, лл. 269—272.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8. М., Воениздат, 1977, с. 135. В вершине выступа, там, где было намечено нанести главный удар Западного фронта, на участке 13 км оборонялись две дивизии противника. ЦАМО, ф. 208, оп. 76611 сс. д. 2, л. 175.

визионов полевой артиллерии РГК, 6 минометных батальонов, 5 бригад штурмовых орудий, 2 батальона танков «Тигр» и 2 дивизиона тяжелых противотанковых орудий. Наши армии в своих полосах наступления фактически не имели превосходства. По пехоте оно было 1,2 : 1, по орудиям и минометам — 3 : 1, но при недостатке боеприпасов фактически 1 : 1, по танкам — 0,9 : 1¹.

Во-вторых, на подготовку операции с прорывом очень прочной обороны отводилось всего 12 дней со дня получения директивы Ставки и всего одна неделя после окончания Западным фронтом наступления на богушевском направлении. За такой срок трудно было провести всестороннюю подготовку прорыва сильно укрепленной обороны противника и избежать многих недостатков в организации взаимодействия и скрытом сосредоточении войск к участкам прорыва.

В-третьих, оба фронта постарались сосредоточить максимально возможное количество сил и средств, и все же плотности войск оказались невысокими, особенно по танкам — 5—9 танков на 1 км. Лишь в 33-й армии плотности их были 24 машины на 1 км, но 25% из них были определены во второй эшелон. По артиллерии плотности составляли до 200 орудий на 1 км. Казалось бы, высокие, но при недостатке боеприпасов (0,7—1 бк на артиллерийское наступление) реально они были на 50—80% ниже. Иначе говоря, созданные плотности не гарантировали прорыва обороны в условиях, когда невозможно было достичь внезапности ударов.

Имелась еще одна причина, снижавшая возможность прорыва обороны врага, — войска обоих фронтов, особенно Западного, физически и морально устали. Как показали предыдущие операции, атакующий порыв их был невелик, пополнение, полученное из освобожденных районов, к ведению наступления было подготовлено наспех, что требовало очень мощной огневой и танковой поддержки, которую фронты создать не могли.

Короткие сроки подготовки наступления привели к тому, что вновь назначенные для прорыва войска не успели хорошо изучить оборону противника, определить местоположение целей и спланировать по ним точный огонь. Наспех оказалось организованным взаимодействие. В частности, танки использовались в соединениях массированно, хотя лесисто-болотистая местность в Белоруссии требовала их распределения по полкам, а возможно, и по батальонам.

Поскольку прорывы готовились на старых участках, где противник вел усиленную разведку, а в ходе подготовки операции, особенно перегруппировки войск, не уделялось долж-

¹ См.: Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», 1973, с. 420.

ного внимания оперативной маскировке, то достичь внезапности не удалось. Противник узнал о подготовке операции обоих фронтов. В журнале боевых действий его 3-й танковой армии за 26 января отмечалось: «Сегодня в районе юго-восточнее Витебска противник предпринял шесть полетов. Пристрелка артиллерии в районе Кодоти, сосредоточение значительных сил в районе Рожново, а также оживленное движение ночью в районе вклинения, установленное воздушной разведкой, указывают на то, что советские войска начали подготовку наступления». 31 января отмечалось, что «согласно сообщению одного нашего агента вся 11-я гвардейская армия изготовилась к наступлению в районе оз. Лосвида и Зарновское».

В скором переходе в наступление противник еще более убедился во время двухдневного предварительного периода разрушения.

Прорыв обороны противника в районе Витебска начался 3 февраля. После артиллерийской подготовки войска перешли в атаку и овладели передним краем. Противник, оправившись от огневого удара, начал наращивать сопротивление, и атакующие войска из-за усталости и неуверенности в успехе снизили натиск. Часть вырвавшихся вперед танков была подбита. Артиллерия ослабила контрбатареиную борьбу, и подготовившийся к отражению нашего наступления противник обрушил на дехоту массированный огонь. В условиях непрерывной стрельбы было трудно засечь вражеские батареи. К тому же на подавление артиллерии неприятеля было выделено слишком мало орудий, например в полосе 33-й армии — 80 орудий, которые смогли подавить только 16 батарей из 43 засеченных.

Авиация из-за плохой погоды смогла сделать 193 самолето-вылета, в основном истребительной авиацией, и не оказала заметной помощи артиллерии в подавлении батарей противника.

К исходу дня войска Западного фронта смогли продвинуться на 2—3 км и уперлись в р. Лучеса, за которой противник организовал оборону. Он не допустил форсирования реки, хотя она была шириной всего 30 м.

В последующие дни успех наступающих армий Западного фронта был еще меньше. В войсках началась ощущаться нехватка боеприпасов. К 8 февраля наступление выдохлось.

Такой же примерно характер носило наступление 1-го Прибалтийского фронта. Продвинувшись на 8 км, его армии не смогли подойти к Витебску и выполнить поставленные задачи.

В конце февраля — начале марта Западный фронт предпринял еще две попытки осуществить прорыв южнее Витебска¹. Однако они также не привели к успеху.

¹ Усилия 1-го Прибалтийского фронта были перенесены на двинское направление для нанесения удара во взаимодействии с 2-м Прибалтийским фронтом.

Наиболее существенные причины неудач фронтов состояли в том, что в первых наступлениях на линию «Пантера» сила ударов была недостаточной для прорыва мощной тактической зоны обороны противника. В последующем ударные группировки фронтов включали две-три армии, но дивизии в них были еще более ослабленными, а артиллерия недостаточно обеспеченной боеприпасами.

В проводимых операциях удары наносились на одних и тех же направлениях, где противник ожидал нашего наступления и создавал плотные группировки войск. Это не позволяло иметь здесь превосходство над противником и обеспечить быстрый прорыв его обороны.

Летом 1944 г. участок прорыва северо-западнее Витебска был смещен всего на несколько километров от того, где зимой 1944 г. предпринимались неоднократные прорывы, и прорыв на участке 6-й гв. армии фактически был осуществлен во время разведки боем.

Планирование Ставкой проведения фронтами двух операций в месяц приводило к тому, что войска не имели достаточно времени на подготовку наступления. Оборона противника была разведана слабо, отчего огневые удары зачастую наносились не по целям и опорным пунктам. Взаимодействие организовывалось с большими погрешностями, а наспех пополненные части и подразделения, не имея времени на боевую подготовку, не могли овладеть в необходимой степени боевым мастерством.

Проведение многочисленных прорывов вело к общему большому расходу боеприпасов и техники, но для отдельно взятых операций их всегда оказалось недостаточно, особенно при завершении прорыва.

Неудачи при осуществлении прорыва порождали в войсках неуверенность в успехе, что серьезно отражалось на их натиске и упорстве при выполнении боевых задач.

Однако следует отметить, что в таких же условиях Белорусский фронт добился лучших результатов как при продвижении, так и при сковывании сил противника. Основной упор был сделан на достижение внезапности ударов, что позволяло компенсировать недостаток в материальных средствах. Максимально возможным сужением участков прорывов удавалось создать достаточно высокие плотности. Это дало возможность осуществить прорыв.

Несмотря на ограниченные результаты, наступления фронтов Западного стратегического направления в зимней кампании 1944 г. сыграли немалую роль. Они сковали здесь значительные силы врага, нанесли им серьезные потери и тем самым облегчили проведение операции на Правобережной Украине и под Ленинградом.

Опыт операций, проведенных на Юго-Западном и Западном стратегических направлениях, показал, что при переработке одной кампании в другую (это в известной мере характерно и для операций) наиболее сложным является определение войскам боевых задач, соответствующих их реальным возможностям, которые в силу понесенных потерь в минувшей кампании (операции) к началу новой в большинстве соединений бывают намного меньше штатных.

Возможности войск следует соизмерять с изменившимися возможностями противника. На различных стратегических и операционных направлениях они могут быть далеко неодинаковыми.

При оценке сторон самым пристальным образом необходимо оценивать не только количественные, но и качественные показатели боеспособности — моральную и физическую усталость, обученность поступившего пополнения, устойчивость войск при различных формах проводимых операций. Только при этом могут быть дальновидно вскрыты перспективы продолжения борьбы во всей кампании, определены главное и второстепенные стратегические направления, распределены резервы и намечены наиболее целесообразные формы оперативного прорыва.

Для выполнения намеченных задач в кампании важное значение имеет успешное ее начало, т. е. осуществление серии прорывов, которыми сокрушается вновь созданный фронт обороны врага. В зависимости от того, поспешно или заблаговременно подготовлен оборонительный рубеж, следует определять способы прорыва, время их подготовки, состав ударных группировок, плотности войск, их эшелонирование, а также методы дезинформации.

Чтобы избежать серьезных ошибок в определении задач войскам и способов прорыва обороны, начинать изучение обороны неприятеля необходимо заблаговременно, вести непрерывно и настойчиво, с особой тщательностью выявляя слабые ее участки, ибо при снизившихся к концу кампании возможностях войск удары через них облегчают прорыв обороны противника и делают его более вероятным.

В зависимости от конкретно складывающихся к началу новой кампании условий обстановки решающим операциям могли предшествовать операции с ограниченными целями: улучшение оперативного положения войск, ослабление определенных участков, разведка прочности оперативной обороны противника, воспрепятствование ему создания прочных оборонительных рубежей и т. д. При самой настоятельной необходимости подготовки и проведения таких операций в короткие сроки организация их должна быть проведена достаточно хорошо, чтобы не допустить многочисленных ошибок, которые уменьшают и

без того ограниченные возможности войск по прорыву, а нередко приводят к неуспеху.

При нанесении ударов в слабые места обороны врага целесообразно также создавать мощные группировки войск. Сила их удара должна обеспечивать безусловный прорыв обороны и развитие его на необходимую глубину. Особенно мощные группировки войск следует создавать при наступлении на оборону, занятую противником на заранее подготовленном рубеже.

При прорыве неглубокой обороны максимальную силу целесообразно вкладывать в первый удар, который может не только сделать тактический прорыв успешным, но и создать условия для развития его в оперативный вскоре после начала атаки. С этой целью при недостатке боеприпасов и невысоких плотностях огневых средств наиболее сильно надо поражать первый тактический эшелон войск противника и его артиллерию. Эшелоны развития успеха к началу наступательной операции необходимо держать в готовности к действию. Это вызывалось тем, что сила удара при некомплекте войск первого эшелона в условиях упорного сопротивления противника может быстро уменьшаться и вызывать преждевременную необходимость ввода вторых эшелонов и подвижных групп.

Физическая и моральная усталость, накопившаяся в войсках в ходе минувшей кампании, зачастую снижает их наступательный порыв, настойчивость в ведении напряженного прорыва. В силу этого особое значение при подготовке прорыва в начале новой кампании приобретают действенная партийно-политическая работа, предоставление войскам первого эшелона перед наступлением хотя бы небольшого отдыха и в первую очередь пополнение их личным составом и боевой техникой.

Опыт операций зимней кампании 1944 г. еще раз показал, что успех сковывания сил противника на второстепенном стратегическом направлении в большей мере достигается не количеством операций, а чувствительностью наносимых ударов.

Сочетая сильные внезапные удары с умелой дезинформацией можно добиться больших результатов при меньших затратах сил и материальных средств.

2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1944 г.

Летне-осенняя кампания 1944 г. проводилась в условиях дальнейшего укрепления международного и внутреннего положения Советского Союза, и прежде всего его экономической и военной мощи.

К июню 1944 г. в действующей армии вместе с силами и средствами союзников, действовавших на советско-германском фронте, находилось 6,1 млн. человек, 88,7 тыс. орудий и минометов, 7,1 тыс. танков, 11,4 тыс. боевых самолетов¹. Количество боевой техники возросло от 10 до 40%.

Возросли поступления в войска боеприпасов и горюче-смазочных материалов. С января 1944 г. самоходная артиллерия начала пополняться тяжелыми установками ИСУ-152 и ИСУ-122, смонтированными на шасси нового танка ИС. Реактивная артиллерия с начала кампании пополнялась новыми боевыми установками БМ-31-12, предназначенными для стрельбы тяжелыми снарядами. Качественно улучшились танковый и самолетный парки. Продолжали совершенствоваться организационные формы Советской Армии, повышались боевые возможности объединений, соединений и частей путем увеличения количества и улучшения качества их боевой техники и вооружения.

Советские войска вступали в новую кампанию хорошо укомплектованными и обученными. Укомплектованность действующих соединений достигала: по стрелковым дивизиям — 83,5%, по танковым и механизированным корпусам — 72% к штату².

В войсках царил высокий морально-боевой дух и наступательный порыв, который обеспечивался огромной партийно-политической работой и большой прослойкой коммунистов и комсомольцев во всех частях и соединениях. К этому времени в Советской Армии находилось 1,6 млн. коммунистов и более 1 млн. комсомольцев³.

Количественный и качественный состав наших Вооруженных Сил позволял Советскому Верховному Главнокомандованию проводить крупные наступательные операции с еще более решительными целями.

Международное и внутреннее положение фашистской Германии к началу кампании заметно ухудшилось. К лету 1944 г. наметилось снижение уровня производства, однако германская экономика располагала еще большими возможностями, позволявшими ей наращивать военное производство. Об этом говорит тот факт, что военной продукции, произведенной в Германии только в одном 1944 г., могло бы хватить для полного вооружения новых 225 пехотных и 45 танковых дивизий⁴.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., Воениздат, 1977, с. 21.

² ЦАМО, ф. 38, оп. 90033, д. 6, л. 136.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., Воениздат, 1977, с. 17.

⁴ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., Изд. иностр. лит., 1956, с. 74, 95.

Все это позволяло фашистской Германии и во второй половине 1944 г. продолжать упорное и ожесточенное сопротивление.

Всего на советско-германском фронте на 1 июня 1944 г. в войсках фашистского блока насчитывалось более 3,5 млн. человек, около 49 тыс. орудий и минометов, свыше 7,5 тыс. танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов¹.

Немецко-фашистское командование к середине 1944 г. все еще не считало войну проигранной. Оно рассчитывало упорным сопротивлением не допустить прорыва своей обороны и выхода советских войск на территорию Германии, отразить возможную десантную операцию англо-американских войск на Западе и тем самым добиться для себя достаточно выгодного окончания войны.

Главный удар советских войск летом 1944 г. немецко-фашистское командование ожидало на Юго-Западном направлении, считая, что выход на Балканы, овладение румынской нефтью и Черноморскими проливами будет главной военно-политической целью Советского Союза летом 1944 г. Допускалась также возможность большого наступления Советской Армии в Прибалтике. В Белоруссии же, по мнению генерального штаба германской армии, действия советских войск не будут преследовать решительных целей².

Такая ошибочная оценка стратегической обстановки привела к тому, что противник продолжал сохранять на южном участке фронта крупные силы своих войск. Так, если на участке между Финским заливом и Припятью протяженностью 1700 км он имел на 1 июня 89 дивизий и 2 бригады, то на участке между Припятью и Черным морем на фронте 1 тыс. км — 111 дивизий и 10 бригад³. Оперативные плотности войск на Южном направлении в 1,7 раза выше, чем на Западном⁴.

Военно-политические цели в летне-осенней кампании 1944 г., поставленные Коммунистической партией и Советским правительством перед Вооруженными Силами СССР, состояли в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю советскую землю, восстановить государственную границу Советского Союза по всей линии от Баренцева до Черного моря и приступить к освобождению от фашистской неволи народов Польши, Чехословакии и других европейских государств⁵.

В соответствии с этими целями и с учетом возможностей Советских Вооруженных Сил Ставка Верховного Главноко-

См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., Воениздат, 1977, с. 24.

² Прохтор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., «Наука», 1972, с. 636—637.

³ См.: Сборник материалов по составу войск фашистской Германии, вып. 4. М., Воениздат, 1956, с. 88—98.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., Воениздат, 1977, с. 25.

⁵ См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне. М., Госполитиздат, 1953, с. 145—146.

мандования разработала план летне-осенней кампании 1944 г., в основу которого была положена последовательность нанесения мощных взаимно увязанных ударов, главный из них на центральном участке от Западной Двины до предгорий Карпат. Прорыв здесь стратегического фронта противника должен был привести к разъединению и изоляции группировок врага, действующих на Северо-Западном и Южном направлениях, с последующим их разгромом в Прибалтике и Румынии.

В последующем имелось в виду предпринять наступление в Заполярье.

В ходе кампании было проведено семь стратегических наступательных операций, каждая из которых начиналась с прорыва обороны противника. В данном разделе проанализируем прорыв и его развитие только в тех операциях, где он нашел дальнейшее развитие.

Прорыв в Белорусской операции

Белорусская операция по смелости замысла, тщательности подготовки, размаху и военно-политическим итогам была наиболее выдающейся стратегической наступательной операцией 1944 г

Удерживаемая часть территории Белоруссии с известным изгибом фронта, получившим название белорусского балкона, имела для фашистской Германии важное стратегическое значение. Потерять Белоруссию — значило открыть Советской Армии ворота в Польшу, Восточную Пруссию и поставить под фланговые удары свои войска, расположенные в Прибалтике и Западной Украине. Это и вынуждало фашистское командование держать на Западном направлении крупные силы и создавать прочную, глубоко эшелонированную оборону. Здесь кроме тактической зоны в глубине рубежа было построено также несколько промежуточных полос и отсечных позиций, оборудованных, как правило, по западным берегам многочисленных рек, имеющих широкие заболоченные поймы. Общая глубина обороны достигала 250—270 км.

Наиболее подготовленной была тактическая зона обороны, имевшая две полосы. Главная полоса обороны глубиной 5—6 км состояла из двух, а местами из трех позиций, оборудованных траншеями полного профиля, соединенных между собой ходами сообщения. Вторая полоса обороны, проходившая на удалении до 12 км от переднего края, была подготовлена несколько слабее, чем первая, и имела глубину 2—3 км.

В Белоруссии оборонялись группа армий «Центр» (3-я танковая, 4, 9 и 2-я полевые армии), фланговые соединения 16-й армий группы армий «Север» и 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина»; всего 63 дивизии и 3 пехотные

бригады (в том числе четыре танковые и три моторизованные дивизии)¹.

Сильная сторона обороны противника заключалась в большой глубине и многоголосности, а также в умелом использовании выгодных условий местности — большого количества рек, озер, болот и лесных массивов. Слабыми сторонами ее являлись: отсутствие достаточных резервов (11 дивизий на фронте свыше 1200 км, к тому же скованных действиями партизан); незавершенность строительства оборонительных рубежей в оперативной глубине; расположение основных сил и средств в тактической зоне обороны, прорыв которой в таких условиях на широком фронте грозил врагу катастрофой. И все же командование противника, сосредоточивая усилия в тактической зоне обороны, в ее главной полосе, было уверено, что ему, как и зимой 1943/44 г., удастся отразить наступление советских войск в пределах тактической обороны. Но если она и будет утрачена, то войска смогут планомерно, не нарушая целостности стратегического фронта, отойти на подготовленные рубежи обороны в глубине и в конце концов выполнить свои основные боевые задачи.

Ставка Верховного Главнокомандования, определив Западное направление на летне-осеннюю кампанию 1944 г. как главное, уже с весны приступила к разработке плана Белорусской операции и к ее подготовке.

Замысел Ставки состоял в том, чтобы силами четырех фронтов одновременно перейти в наступление на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях, прорвать оборону на шести участках, окружить и уничтожить группировки противника в районах Витебска и Бобруйска и, развивая удары по сходящимся направлениям к Минску, окружить и уничтожить основные силы врага. В последующем предусматривался ввод дополнительных сил и переход в наступление соседних фронтов в целях полного освобождения Белоруссии, Западной Украины и значительной части Литвы и Польши².

Оригинальность замысла операции состояла в том, что ликвидация на первом ее этапе витебской и бобруйской группировок противника создавала в обороне врага оперативные бреши шириной 90—100 км, через которые должны были прорваться в глубину крупные силы подвижных войск. Действуя по сходящимся направлениям на Минск, они должны были окружить и во взаимодействии с общевойсковыми армиями уничтожить основные силы группы армий «Центр» восточнее Минска на глубине более 200 км. Это приводило к образова-

¹ Сборник материалов по составу войск фашистской Германии, вып. 4. М., Воениздат, 1956, с. 92—93.

² ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, лл. 211—216.

Войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала И. Х. Баграмяна должны были главный удар нанести севернее Витебска в общем направлении Бешенковичи, Лецель и во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку врага ¹.

Прорвать оборону планировалось на одном сплошном участке шириной 25 км смежными флангами 6-й гв. и 43-й армий.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала И. Д. Черняховского наносили два удара: один — южнее Витебска в направлении Богушевск, Сенно и второй — вдоль минской автомагистрали на Борисов с задачей во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить вражескую группировку в районе Витебск, Орша и выйти на р. Березина ².

Прорыв обороны противника южнее Витебска предусматривалось осуществить силами 39-й и 5-й армий на участке 16 км, а вдоль автомагистрали — силами 11-й гв. и 31-й армий на участке 17 км ³.

2-й Белорусский фронт под командованием генерала Г. Ф. Захарова, действовавший на вспомогательном направлении, прорывал вражескую оборону силами одной — 49-й армии на участке шириной 12 км и наносил удар в направлении Могилев, Бельнич, рассекая 4-ю полевую армию на две части. Во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и правым крылом 1-го Белорусского фронта он должен был разгромить группировку противника в районе Могилева и выйти на р. Березина ⁴.

Войскам 1-го Белорусского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского предстояло правым крылом разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк. С этой целью фронт наносил два удара примерно одинаковой силы: один — из района Рогачев силами 3-й и 48-й армий на участке 15 км в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи; другой — из района нижнего течения р. Березина, Озаричи силами 65-й и 28-й армий на участке 14 км в общем направлении на Стар. Дороги, Слуцк ⁵.

Успешный прорыв на этих направлениях позволял действиями по сходящимся направлениям окружить и уничтожить бобруйскую группировку противника и тем самым образовать оперативную брешь в его обороне, создающую выгодные условия для разгрома наступления на Минск с юго-востока.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 214.

² Там же, лл. 215, 216.

³ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 330, л. 48.

⁴ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, л. 211.

⁵ Там же, лл. 212, 213.

Кроме этой задачи 1-й Белорусский фронт по указанию Ставки центром и своим левым крылом должен был удерживать занимаемые рубежи, сковывать активными действиями противостоящего противника и готовиться к наступлению на люблинском направлении¹. В соответствии с этим командующий войсками фронта планировал нанести главный удар из района Ковеля в общем направлении на Люблин и частью сил на Седлец².

По решению командующих фронтами в состав ударных группировок, осуществлявших прорыв на узких участках (7,5 — 23,6% от общей ширины полосы наступления фронта), выделялось до 75% стрелковых дивизий, до 85% артиллерии и до 100% танков, самоходно-артиллерийских установок и авиации. Такое массирование сил и средств позволило создать высокие оперативные плотности на всех участках прорыва (табл. 4).

Таблица 4

Средние оперативные плотности при прорыве в Белорусской операции³

Фронты	Ширина полосы наступления (км)	Количество и ширина участков прорыва (км)	Плотность					
			км на сд		орудий и минометов		танков и САУ	
			во всей полосе	на 1 км участка прорыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва
1-й Прибалтийский	160	1—25	6,6	1,5	31	151	4	22
3-й Белорусский	140	2—33	4,2	1,2	51	175	13	44
2-й Белорусский	160	1—12	7,3	1,2	30	181	2	19
1-й Белорусский (правое крыло)	230	2—29	5,8	1,3	36	205	5,6	45
Итого	690	6—99	5,8	1,3	35	178	5,9	35,6
1-й Белорусский (левое крыло)	120	1—20	3,3	1	70	356	14,5	83,1

Примечание. Плотности по орудиям и минометам показаны с учетом установок реактивной артиллерии, но без противотанковых и зенитных орудий.

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1795, д. 12, л. 336.

² Там же, ф. 233, оп. 2356, д. 26, лл. 114—122.

³ Белорусская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, с. 77, 80.

Из таблицы видно, что при суммарной протяженности фронта 690 км (без левого крыла 1-го Белорусского фронта) прорыв намечалось осуществить на шести участках общей шириной 99 км, что составляло 14,3% ширины полосы наступления фронтов. Такая протяженность участков прорыва, как показал ход боевых действий, оказалась достаточной как для успешного совершения прорыва, так и для последующего разгрома противника.

Средние оперативные плотности на участках прорыва были в 4,5 раза выше, чем во всей полосе наступления фронтов. Это свидетельствовало о высоком искусстве советского командования в массировании сил и средств. Превосходство над противником на важнейших направлениях достигало: по пехоте — в 3—4 раза, по артиллерии и танкам — в 3—6 раз.

Оперативное построение войск всех четырех фронтов (без левого крыла 1-го Белорусского фронта) было в один эшелон. Это позволяло использовать максимальное количество сил и средств для достижения мощного первоначального удара в целях быстрее прорыва тактической зоны обороны противника, в пределах которой располагались основные силы группы армий «Центр». Для развития успеха в оперативной глубине фронты имели подвижные группы различного состава.

Оперативное построение общевойсковых армий было преимущественно также одноэшелонным с выделением резервов. Из 14 армий, действовавших в составе ударных группировок фронтов, только две (6-я гв. армия 1-го Прибалтийского фронта и 3-я армия 1-го Белорусского фронта) строились в два эшелона. В четырех армиях (11-я гв., 3-я, 65-я и 8-я гв.) создавались подвижные группы в составе танкового корпуса. Армии, имея полосы наступления 20—80 км, получали участок прорыва от 6 до 12 км, где сосредоточивали от 50 до 80% сил и средств.

Большинство стрелковых корпусов строили свой боевой порядок в два эшелона и имели участки прорыва от 3,2 до 6 км, что позволяло достигать на этих участках высоких тактических плотностей и решающего превосходства над противником (табл. 5).

Из таблицы видно, что особенно большое превосходство в стрелковых корпусах создавалось по артиллерии, которая являлась главным средством взлома вражеской обороны.

Боевая задача стрелковых корпусов в большинстве случаев заключалась в прорыве всей тактической зоны обороны, а иногда только главной полосы и в выходе ко второй подосе.

Для взлома вражеской обороны на всех направлениях создавались мощные артиллерийские группировки в составе от 2,2 до 3,5 тыс. орудий и минометов. При этом все командиры общевойсковых соединений и частей имели свои артиллерий-

Некоторые данные по организации прорыва в стрелковых корпусах
в Восточной операции¹

Стрелковые корпуса	Полоса наступления (км)	Участок прорыва (км)	Задача дня (км)	Боевой порядок	Плотности на 1 км участка прорыва		Превосходство (во сколько раз)			
					стрелковых батальонов	орудий и минометов	по пехоте	по артиллерии	по танкам	
22-й гв. 6-й гв. армии	8	8	14	В один эшелон	3,4	153	11	4,5	17	9
1-й 43-й армии	4	4	10	В два эшелона	7	190	18	6	7	5
5-й гв. 39-й армии	6	3,5	7	В один эшелон	4,5	137	24	7	6,9	абс.
72-й 5-й армии	6	6	12	В два эшелона	4,5	170	22	3	7,5	6,5
16-й гв. 11-й гв. армии	27	3,5	10	То же	4	120	6,6	4,5	8,7	2
71-й 31-й армии	4	4	13		6	109	24	4	5,5	2,3
41-й 3-й армии	6,9	4	11	В один эшелон	7,5	163	19,5	3,8	8,9	1,1
42-й 48-й армии	5	5	10	В два эшелона	7,2	146	8,3	9	7	2,1
18-й 65-й армии	8	5	16	В один эшелон	2,4	171	12	4	13,8	2,2
3-й гв. 28-й армии	3,2	3,2	8	В два эшелона	8,4	256	13	10,8	15	2,3

¹ Таблица составлена на основании Сборника тактических примеров, вып. 6. (М., Воениздат, 1953) и книги Г. Т. Захарова «Советская артиллерия в Витебско-Оршанской, Могилевской и Бобруйской операциях». (М., Воениздат, 1952).

ские группы, что позволяло им активно влиять на ход боевых действий.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 120—140 минут на всю глубину главной полосы обороны, на 3-м Белорусском фронте — только первых двух позиций.

Во всех армиях выделялось значительное количество орудий для ведения огня прямой наводкой. Плотность этих орудий достигала 18—23 на 1 км участка прорыва¹. С началом атаки их предполагалось использовать в качестве орудий сопровождения.

Поддержка атаки намечалась огнем валом, последовательным сосредоточением огня или сочетанием этих методов на глубину 1,5 км. На 1-м Белорусском фронте в полосах 28-й и 65-й армий впервые за годы войны поддержка атаки пехоты и танков планировалась методом двойного огневого вала на глубину 1,5—2 км².

Расход боеприпасов на первый день операции был определен: на артиллерийскую подготовку — 1 бк, на поддержку атаки — 0,5 бк и на сопровождение пехоты и танков при бое в глубине — до 1 бк³. Такое количество отпущенных боеприпасов при созданных плотностях артиллерии давало возможность надежно подавить противника и обеспечить успешный ее прорыв на всю глубину. Следует также подчеркнуть, что на обеспечение действий наших войск в ходе прорыва выделялось в полтора раза больше боеприпасов, чем на его подготовку.

Для повышения мощи первоначального удара и быстрого прорыва тактической зоны обороны противника значительная часть танков и САУ (примерно 44% от их количества) была выделена для непосредственной поддержки пехоты. Их плотность в среднем составляла от 12 до 22 боевых машин на 1 км участка прорыва, а в отдельных случаях и больше⁴. При этом в отличие от предшествующих операций отдельные танковые бригады и полки использовались не централизованно в масштабе дивизии, а придавались стрелковым полкам, что позволяло более тесно организовывать их взаимодействие с пехотой.

Рост мастерства общевойсковых командиров способствовал такому их применению.

Подвижные группы армий планировалось использовать для завершения прорыва главной полосы или овладения с ходу второй полосой обороны, а подвижные группы фронтов — после прорыва тактической зоны обороны в целях безостановочного

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 433.

² См.: Там же, с. 441—442.

³ См.: Там же, с. 448.

⁴ См.: История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, т. 2. М., Изд. Академии БТ и МВ, 1953, с. 112. 123.

вочного развития тактического успеха в оперативный. Наиболее сильными они создавались на 3-м и 1-м Белорусских фронтах, которые играли ведущую роль в стратегической операции.

Основные показатели планирования боевого применения подвижных групп фронтов и армий приведены в таблице 6.

Таблица 6

Основные показатели планирования боевого применения подвижных групп в Белорусской операции

Подвижные группы	Всего танков и САУ *	День ввода в сражение	Глубина ввода (км)	Полоса ввода (км)	Количество марш-рутов	Темпы наступления (км/сут.)
1-й Прибалтийский фронт **						
Подвижная группа фронта — 1-й танковый корпус	297	Второй	12—15	7	3	20
3-й Белорусский фронт ***						
Подвижные группы фронта:						
5-я гв. танковая армия конно-механизованная группа	524	Третий	30—35	16	4	40
11-й гв. армии — 2-й гв. танковый корпус ****	322	Второй	12—15	8	4	38
	252	Первый	4—6	8	2	32
1-й Белорусский фронт (правое крыло) *****						
Подвижные группы фронта — конно-механизованная группа	274	Второй	10—12	20	4	25
3-й армии — 9-й танковый корпус	251	Первый	10	7	2	20
65-й армии — 1-й гв. танковый корпус	252	Первый	3—4	8	3	25
1-й Белорусский фронт (левое крыло) *****						
Подвижные группы фронта — 2-я танковая армия	805	Второй	20	18—20	4	35—40
8-й гв. армии — 11-й танковый корпус	216	Первый	5—6	9	2	25—30

* История бронетанковых и механизированных войск Советской армии, т. 2. М., Изд. Академии БТ и МВ. 1953, с. 466, 467.

** ЦАМО, ф. 235, оп. 2074, д. 846, л. 10.

*** Там же, ф. 248, оп. 2593, д. 330, лл. 50, 51.

**** Там же, лл. 53, 54, 56, 57.

***** Там же, ф. 233, оп. 2356, д. 256, лл. 223—229.

***** Там же, оп. 205, д. 12, л. 12.

Следует отметить, что 5-я гв. танковая армия, конно-механизированная группа 3-го Белорусского фронта, должны были вводиться в прорыв через одни-двое суток после ввода в сражение подвижных групп армий. Такой последовательный ввод подвижных групп давал возможность резко нарастить усилия в ходе операции (оперативные плотности танков и САУ увеличивались до 60—80 и более бронеединиц на 1 км участка ввода), что, в свою очередь, обеспечивало развитие наступления на большую глубину и перерастание оперативного успеха в стратегический.

Поучительным являлось и планирование ввода в сражение 5-й гв. танковой армии по двум вариантам: первый — в полосе наступления 11-й гв. армии вдоль минской автомагистрали в направлении Борисов и второй — в полосе наступления 5-й армии с последующим выходом на минскую автомагистраль. Такое планирование не потеряло своего значения и в современных условиях.

Действия авиации планировались в форме авиационного наступления. Непосредственную авиационную подготовку во всех фронтах предусматривалось провести в ночь накануне наступления силами ночных бомбардировщиков (около 2 тыс. самолето-вылетов) и авиации дальнего действия (пять авиакорпусов). Кроме того, на оршанском направлении, где оборона противника была наиболее прочной, 448 бомбардировщиков и штурмовиков в последние 30 минут артиллерийской подготовки должны были нанести массированные удары¹.

Авиационная поддержка атаки на 3-м и 1-м Белорусских фронтах планировалась сосредоточенными ударами штурмовиков и бомбардировщиков по артиллерии и живой силе противника (например, на рогачевском направлении пять ударов в течение 2 часов 30 минут силами 825 самолетов, на паричском — три удара 540 самолетами). На 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах, где были значительно меньшие силы авиации, авиационная поддержка атаки предусматривалась методом эшелонированных ударов небольших групп по 6—8 штурмовиков в каждой под прикрытием 4—6 истребителей.

С вводом в сражение подвижных групп армий на их поддержку переключалось, как правило, по одной истребительной, одной штурмовой и одной бомбардировочной авиационной дивизии. Для поддержки конно-механизированных групп назначались один-два авиационных корпуса, а 5-й гв. танковой армии — три авиационных корпуса (800 экипажей², или около 1500 самолето-вылетов). Всего за первый день наступления авиация, участвовавшая в Белорусской операции, должна

¹ См.: История военного искусства. Монино, 1969, с. 140—143.

² См.: Там же, с. 142.

была произвести 13 тыс. самолето-вылетов. До этого времени такого количества авиации еще не применялось ни в одной стратегической операции¹.

Необходимость прорыва сильной вражеской обороны в условиях лесисто-болотистой местности, с большим количеством рек и слабо развитой дорожной сетью требовала уделять особое внимание инженерному обеспечению. Во фронтах были созданы высокие оперативные плотности инженерных войск, достигавшие 8—11 инженерно-саперных рот на 1 км участка прорыва², и проведены большие инженерные работы, особенно по подготовке исходных районов, обеспечению форсирования водных преград и преодолению заболоченных участков.

Наличие достаточного времени на подготовку операции (около двух месяцев) позволило тщательно провести боевую и политическую подготовку, детально отработать планы операций, особенно вопросы взаимодействия, хорошо обеспечить войска в материально-техническом отношении.

В целях достижения внезапности искусно проводились мероприятия по оперативной маскировке. К разработке планов операций допускался строго ограниченный круг лиц. Задачи войскам ставились только устно. Боевые приказы в письменном виде готовились: в корпусах — за 5 дней, в дивизиях — за 2—3 дня до начала наступления. Право подачи заявок на материально-техническое обеспечение войск оставалось только за штабами фронтов и только через Генеральный штаб.

В войсках до начала наступления сохранялся прежний режим. Пристрелка артиллерии осуществлялась по особому плану, обеспечивавшему скрытность сосредоточения крупных сил артиллерии. Сохранялся прежний режим работы в радиосетях. Запрещалась работа радиосредств вновь прибывающих частей и соединений. Всякие переговоры о проводимых мероприятиях по проводным средствам связи не допускались. Передвижение войск производилось ночью, небольшими колоннами (до батальона), с потушенными фарами. На привалах, дневках и в новых районах сосредоточения войска располагались вне населенных пунктов, рассредоточенно, тщательно маскируясь с воздуха. Все гражданское население было отселено с прифронтовой полосы — от переднего края на глубину до 25 км — в тыл.

Вновь прибывающим частям и соединениям запрещалось вести разведку противника. Проводить рекогносцировку разрешалось лишь небольшими группами, в солдатской форме, на широком фронте, включая и пассивные участки. Перебазирование авиации осуществлялось рассредоточенно, мелкими

¹ См.: История военного искусства. Мононо, 1969, с. 143.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 316.

группами. Новые авиачасти могли производить облет только своей территории и не ближе 25 км от переднего края.

Проведение перечисленных выше мероприятий в совокупности с мероприятиями, проведенными Ставкой (ложное сосредоточение в мае—июне сил и средств на кишиневском направлении, проведение 20—23 июня разведки боем в полосах 1-го Украинского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов¹ и др.), позволило советскому командованию скрыть подготовку крупнейшей операции лета 1944 г. Это оказало влияние на успех как прорыва, так и операции в целом. Даже за неделю до начала нашего наступления, когда, по свидетельству фашистского генерала Типпельскирха, командованию группы армий «Центр» стало известно о сосредоточении значительных сил Красной Армии в Белоруссии, в германском генеральном штабе «доминирующей оставалась точка зрения, предполагавшая нанесение русскими основного удара на фронте армий «Северная Украина»... К югу от Припяти немецко-фашистское командование продолжало держать 24 танковые дивизии из 30 имевшихся на советско-германском фронте. На просьбу группы армий «Центр» выделить ей более крупные резервы было заявлено, что общая обстановка на восточном фронте не допускает иной группировки сил»². Это был роковой просчет фашистского командования.

В целом подготовка к прорыву обороны противника в Белорусской операции характеризовалась большой детализацией обработки всех тактических и оперативных вопросов, тщательной разработкой планов боевых действий частей, соединений и оперативных планов армий и фронтов, всесторонней организацией взаимодействия всех родов войск по целям, времени и месту, а также устойчивого управления войсками, проведением широких мероприятий по достижению внезапности и всестороннему обеспечению.

Накануне общего наступления во всех фронтах была проведена разведка боем передовыми батальонами или разведывательными отрядами при поддержке выделенной артиллерии и авиации. На 1-м Прибалтийском фронте она началась на рассвете 22 июня после 15—25-минутной артиллерийской подготовки³. В ходе боя передовым батальонам удалось на отдельных участках вклиниться на глубину до 1,5 км и местами овладеть первой позицией. В полосе 22-го гв. стрелкового корпуса 6-й гв. армии для развития успеха были введены в бой подразделения главных сил полков первого эшелона (шесть батальонов с тремя-четырьмя танками каждый), что позво-

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 373.

² Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., Изд. иностр. лит. 1956, с. 441.

³ ЦАМО, ф. 235, оп. 1074, д. 846, лл. 1—5.

лидо к исходу дня прорвать главную полосу обороны противника на фронте 15 км и продвинуться на глубину 5—7 км¹.

Успешные действия передовых батальонов потребовали внести изменения в планы артиллерийского наступления. В 6-й гв. армии, например, частично сокращалась артиллерийская подготовка и на 50% уменьшалось количество привлекаемой к ней артиллерии, а огневые задачи смещались в глубину. В 43-й армии артиллерия 1-го стрелкового корпуса начала артиллерийское наступление прямо с поддержки атаки, а в 60-м стрелковом корпусе — с последнего периода артиллерийской подготовки, которая сокращалась на 90 минут².

23 июня в атаку перешли главные силы ударной группировки фронта. Стрелковые соединения совместно с танками НПП при поддержке артиллерии и авиации сломали сопротивление 252-й и 56-й пехотных дивизий и стали быстро продвигаться в глубину. Командующий фронтом отдал распоряжение ввести в прорыв 1-й танковый корпус, однако после прошедшего дождя, размывшего дороги, корпус выдвигался медленно. Для его ввода, как отмечает Маршал И. Х. Баграмян, потребовалось бы освободить дороги, что могло затормозить продвижение успешно наступавших стрелковых соединений и выдвигание к р. Западная Двина переправочных средств. Кроме того, выйдя к реке, корпус был бы вынужден ожидать подхода пехоты. Поэтому командующий фронтом внес поправку в план наступления и решил ввести танковый корпус после захвата стрелковыми войсками плацдарма на р. Западная Двина³.

Для наращивания силы удара во второй половине дня был введен в сражение корпус второго эшелона 6-й гв. армии. К исходу дня войска фронта полностью завершили прорыв тактической зоны обороны противника, продвинулись на глубину 16 км и расширили прорыв до 50 км по фронту⁴.

24 июня обе армии ударной группировки фронта, преследуя отходящего противника, продвинулись на глубину до 30 км, расширив прорыв до 90 км по фронту⁵. Они вышли на 50-километровом фронте к Западной Двине и захватили пять небольших плацдармов. С вводом в сражение еще одного стрелкового корпуса из второго эшелона 6-й гв. армии был образован общий плацдарм шириной 65 км и глубиной до 10 км. На него 25 июня переправился 1-й танковый корпус, который перешел в наступление в высоком темпе. В этот же

¹ ЦАМО, ф. 235, оп. 2074, д. 119, л. 70.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 449—450.

³ См.: Освобождение Белоруссии. 1944. М., «Наука», 1970, с. 119.

⁴ ЦАМО, ф. 235, оп. 2129, д. 28, л. 8.

⁵ Там же, оп. 2074, д. 846, л. 10.

день войска 43-й и 39-й армий завершили окружение витебской группировки врага.

В дальнейшем войска фронта, развивая наступление с темпом до 15 км в сутки, к исходу дня 28 июня продвинулись на глубину до 85 км. Войска 43-й армии во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта завершили уничтожение окруженной витебской группировки противника, что особенно благоприятствовало дальнейшему развитию операции.

Таким образом, войска 1-го Прибалтийского фронта в первый день операции прорвали тактическую зону обороны противника и создали условия для развития тактического успеха в оперативный. К исходу третьих суток, продвинувшись на глубину 40—50 км, они завершили прорыв оперативной обороны и по всему фронту перешли в преследование остатков вражеских войск.

Успех прорыва был достигнут прежде всего благодаря полной внезапности удара. «Особенно неприятным, — пишет К. Типпельскирх, — было наступление северо-западнее Витебска, так как оно в отличие от ударов на остальном фронте явилось полной неожиданностью, поразив особенно слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении»¹.

Заслуживают внимания также решительные действия передовых батальонов и своевременное развитие их успеха на ряде участков вводом свежих сил, что позволило еще накануне общего наступления нарушить систему обороны противника, а на отдельных направлениях даже прорвать главную полосу его обороны. Оперативно были внесены коррективы в планы артиллерийского наступления и в использование подвижной группы фронта с учетом изменившейся обстановки. Непрерывное наращивание усилий в глубине вражеской обороны путем ввода в первый и второй дни по одному стрелковому корпусу и на третий день — танкового корпуса позволило безостановочно развить тактический прорыв в оперативный.

На 3-м Белорусском фронте разведка боем проводилась во второй половине дня 22 июня. Передовые батальоны 5-й армии уже через два часа захватили первую позицию. В бой были введены батальоны первого эшелона полков, которые, овладев рядом опорных пунктов противника, нарушили его систему огня и форсировали р. Суходровка, продвинувшись в глубину до 3,5 км². В полосе других армий успех передовых батальонов был меньшим. В целом разведка боем показала, что оборона противника на оршанском направлении значительно сильнее, чем на богусhevском.

¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., Изд. иностр. лит., 1956, с. 443.

² ЦАМО, ф. 241, оп. 12942, д. 7, л. 978; Крылов Н. И. Навстречу победе. М., «Наука», 1970, с. 201—204.

В ночь на 23 июня авиация нанесла удары по важнейшим опорным пунктам главной полосы обороны и по огневым позициям артиллерии¹. А утром 23 июня после артиллерийской и авиационной подготовки войска фронта перешли в атаку на обоих направлениях.

Наибольший успех был достигнут на богушевском направлении. На участке главного удара 39-й армии еще за полчаса до окончания артиллерийской подготовки было замечено, что подразделения противника, не выдержав мощного огневого удара нашей артиллерии, начали отходить из первой траншеи. Командованием армии незамедлительно было принято решение о переносе огня артиллерии в глубину и начале атаки по всему фронту. Части 5-го гв. стрелкового корпуса быстро овладели первой и второй траншеями и с ходу захватили три исправных моста через р. Лучеса². Это дало возможность уже к 12 часам преодолеть реку главными силами корпуса, а еще через час завершить прорыв главной полосы обороны противника. К исходу дня корпус продвинулся на 13—14 км и расширил прорыв до 20 км по фронту³.

Весьма успешно в этот день действовали и соединения 5-й армии, которые, использовав достигнутые накануне успехи передовых батальонов, решительной атакой завершили прорыв главной полосы и с ходу прорвали вторую полосу обороны. К исходу дня войска 5-й армии продвинулись на 10—13 км и расширили фронт прорыва до 26 км. На следующий день, отразив ряд сильных контратак противника, они продвинулись на 10—20 км и овладели городом Богушевск. Для развития успеха здесь во второй половине дня в полосе 5-й армии в направлении Сенно была введена в прорыв конно-механизированная группа генерала Н. С. Осликовского, передовые отряды которой к 20.00 вышли в район 6 км северо-восточнее Богушевска⁴.

На оршанском направлении, где оборона противника была особенно прочной, в первый день операции на направлении главного удара 11-й гв. армии и на всем участке прорыва 31-й армии удалось вклиниться только на глубину 2—3 км. В то же время на правом фланге 11-й гв. армии на ее вспомогательном направлении войска 16-го гв. стрелкового корпуса и 152-го укрепленного района продвинулись от 4 до 10 км, полностью прорвав главную полосу обороны⁵. В связи с этим командующий армией решил перегруппировать сюда вторые эшелоны двух стрелковых корпусов, наступавших на главном направлении, и одну стрелковую дивизию из своего резерва. Ввод их

¹ ЦАМО, ф. 241, оп. 13834, д. 2, л. 106.

² Там же, оп. 265, 478, д. 1, л. 4.

³ Там же, ф. 241, оп. 12942, д. 8, л. 16.

⁴ Там же, оп. 13834, д. 2, лл. 111, 112.

⁵ См.: Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., Воениздат, 1973, с. 490.

в сражение позволил на следующий день продвинуться на глубину до 14 км !. На главном направлении вдоль автомагистрали продвижение вновь было незначительным.

Таким образом, к исходу второго дня операции четко обозначился успех на богушевском направлении и севернее минской автострады. В связи с этим по указанию представителя Ставки Маршала А. М. Василевского командующий войсками 3-го Белорусского фронта решил 5-ю гв. танковую армию ввести в прорыв не на оршанском, а на богушевском направлении². Одновременно генерал И. Д. Черняховский изменил направление ввода в сражение и 2-го гв. танкового корпуса.

25 июня, т. е. на третий день операции, войска 39-й армии совместно с войсками 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта завершили окружение витебской группировки противника. 5-я армия, взаимодействуя с конно-механизированной группой фронта, продвинулась на 20 км. Конно-механизированная группа с ходу овладела Сенно и перерезала железную дорогу Орша—Лепель в районе западнее Сенно³. 5-я гв. танковая армия начала выдвижение для ввода в сражение на богушевском направлении. Обогнав пехоту, она при поддержке трех корпусов 1-й воздушной армии к исходу дня 26 июня продвинулась до 50 км, овладела г. Толочин и перерезала коммуникации врага западнее Орши⁴.

В связи с успешным наступлением правой ударной группировки фронта противник был вынужден начать отход и на оршанском направлении. Войска 11-й гв. и 31-й армий получили повсеместный успех и за 25 июня продвинулись до 20 км. Во второй половине дня на правом фланге 11-й гв. армии было решено ввести в прорыв 2-й гв. танковый корпус, однако это удалось сделать только на следующий день. К исходу дня 26 июня корпус перерезал шоссейную и железную дороги западнее Орши⁵.

В последующие три дня подвижные войска, а за ними и общевойсковые армии успешно развивали наступление по всему фронту и к исходу 28 июня достигли р. Березина. За шесть дней войска продвинулись от 80 до 150 км, а фронт прорыва совместно с 1-м Прибалтийским фронтом достиг 200 км.

Таким образом, на богушевском направлении войска 3-го Белорусского фронта в результате внезапного удара и решительной атаки при тесном взаимодействии пехоты, танков, артиллерии и авиации, а также используя успехи, достигнутые накануне передовыми батальонами, прорвали тактическую

¹ ЦАМО, ф. 241, оп. 12942, д. 8, л. 62.

² Там же, оп. 265478, д. 8, л. 14.

³ Там же, оп. 12942, д. 8, л. 103.

⁴ Там же, л. 150.

⁵ См.: *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», 1973, с. 505.

зону обороны в первый день операции и создали выгодные условия для ввода в сражение подвижных войск.

На оршанском направлении тактическая зона обороны противника прорывалась в течение двух-трех суток. В этом сказались не только более упорное сопротивление противника, чем на других направлениях, но и некоторые допущенные недочеты в боевом применении артиллерии, авиации и инженерных войск. Мощные удары авиации в период авиационной подготовки почти не коснулись главной полосы обороны и особенно второй позиции. Осталась неподавленной вторая позиция и огнем артиллерии, так как основная его масса была использована для подавления первой позиции. Саперы же некачественно разминировали минные поля противника, что привело к отставанию танков непосредственной поддержки пехоты. Вследствие нарушения войсками маскировочной дисциплины, особенно при выводе артиллерии на огневые позиции, не была достигнута и тактическая внезапность удара¹. В то же время опыт прорыва обороны противника на оршанском направлении поучителен своевременным использованием обозначившегося успеха на вспомогательном направлении. Маневр и ввод в сражение на этом направлении дивизий из вторых эшелонов корпусов и резерва армии, а затем и 2-го гв. танкового корпуса позволил обойти с севера основные силы оршанской группировки противника и вынудить ее к поспешному отходу.

Решающую роль в развитии тактического прорыва в оперативный сыграл своевременный ввод в прорыв подвижных групп фронта. На второй день операции на богушевском направлении после прорыва тактической зоны обороны была введена в сражение конно-механизированная группа. На четвертый день на том же направлении на глубине 30—35 км, т. е. тогда, когда войска первого эшелона не только прорвали тактическую зону обороны, но и разбили ближайшие оперативные резервы противника, была введена в прорыв 5-я гв. танковая армия. Вывод ее к Толочину, в тыл оршанской группировки, нарушил устойчивость оперативной обороны врага на центральном участке и позволил нанести ему большие потери.

Войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление 23 июня. Особенность прорыва здесь заключалась в том, что он осуществлялся только силами одной общевойсковой армии (49-й) на значительном удалении (70—120 км) от участков прорыва соседних фронтов с планомерным форсированием реки, имевшей широкую заболоченную пойму.

В ходе артиллерийской подготовки атаки, продолжавшейся два часа, специально выделенные усиленные стрелковые роты (по одной от полка первого эшелона) форсировали

¹ ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 57

р. Проня и захватили три, а местами и четыре траншеи¹. Вслед за ними по наведенным саперами штурмовым мостикам переправились к концу артиллерийской подготовки и главные силы дивизий. Однако танки и самоходно-артиллерийские установки при преодолении реки и особенно заболоченной поймы встретили большие трудности, что сказалось на замедлении темпа атаки. Во второй половине дня в трех корпусах были введены в бой вторые эшелоны. Это позволило к исходу дня продвинуться до 8—10 км в глубину и расширить прорыв до 25 км по фронту.

24 июня после мощной 30-минутной артиллерийской подготовки войска 49-й армии возобновили наступление и к исходу дня продвинулись на 12—14 км. Используя успех 49-й армии, на ее участке прорыва был введен в сражение корпус второго эшелона соседней — 50-й армии. Такой вариант его ввода был предусмотрен заранее, что свидетельствует о творческом подходе командования фронта к решению проблемы прорыва с учетом имеющихся возможностей и конкретных условий обстановки.

В ночь с 24 на 25 июня противник начал отход за р. Днепр. В преследование перешли соединения 33-й и 50-й армий. К исходу пятого дня операции войска фронта, продвинувшись на 80—90 км, завершили прорыв оперативной обороны противника на всю ее глубину и продолжали успешно развивать наступление на минском направлении.

На 1-м Белорусском фронте прорыв вражеской обороны начался 24 июня. Накануне была проведена разведка боем передовыми батальонами. Но в связи с тем, что в этот день три наших фронта уже вели активные действия по прорыву вражеской обороны и противник на всех направлениях привел свои войска в полную боевую готовность, передовые батальоны были встречены сильным огнем и многочисленными контратаками. Разведкой боем было установлено, что противник прочно удерживает передний край обороны. Поскольку для отражения атаки он ввел в бой значительные силы, нашей разведке удалось вскрыть много новых огневых точек и артиллерийских батарей².

В ночь перед началом прорыва 16-я воздушная армия и авиация дальнего действия нанесли сильные бомбовые удары по главной полосе обороны врага, совершив 550 самолето-вылетов. 24 июня после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 125 минут, войска фронта на обоих направлениях перешли в атаку.

Прорыв обороны противника войсками левой ударной группировки фронта развивался более успешно. Мощный

¹ Сидоренко А. А. На могилевском направлении. М., Воениздат, 1959, с. 84.

² ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 10, л. 155.

огонь артиллерии и удары авиации до основания потрясли противника. На участке 65-й армии было уничтожено 80 артиллерийских и минометных батарей, 11 отдельных орудий, 56 открытых огневых точек, 24 дзота, 8 блиндажей, 12 наблюдательных пунктов, до 1500 солдат и офицеров врага. Соединения 65-й и 28-й армий, поддержанные двойным огнем валом и ударами штурмовой авиации, стремительно перешли в атаку.

Характер ведения прорыва в лесисто-болотистой местности можно проследить на действиях войск 18-го стрелкового корпуса 65-й армии (схема 10).

18-й стрелковый корпус совместно с 3-м гв. составил, образно говоря, лезвие топора, который обрушился на оборону врага с целью рассечь ее на всю тактическую глубину. В силу такой задачи на его участке прорыва шириной 5 км вели огонь 1087 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 353 реактивные установки, действовали 63 танка и самоходно-артиллерийские установки, 5 инженерно-саперных батальонов, или 288 артиллерийских систем, 13 танков и один инженерно-саперный батальон на 1 км участка прорыва. Дивизии наступали на фронте 1,5—1,8 км.

Атака переднего края противника проходила своеобразно. После первого огневого налета мелкие группы, выделенные для разведки от 15-й и 37-й гв. стрелковых дивизий, стремительным броском овладели первой траншеей. В ходе продолжающейся артиллерийской подготовки передовые батальоны преодолели заболоченные участки и за 50 минут до ее окончания заняли рубеж атаки в первой траншее врага. В 7.00 к ним подошли танки НПП, и тут же началась общая атака при поддержке двойного огневого вала, начатого со второго рубежа.

Огонь артиллерии ошеломил врага так, что в первые минуты атаки он оказывал очень слабое сопротивление. Продвижение батальонов первого эшелона было настолько быстрым, что огневой вал на отдельных участках приходилось переносить через рубеж, а иногда и через два ¹.

Первое организованное сопротивление неприятель начал оказывать только через час. Его боевая группа, разрушив в полосе 69-й стрелковой дивизии мост через р. Ипа, задержала продвижение танков и самоходно-артиллерийских установок восточнее Раковичи. Тогда стрелковые подразделения под прикрытием их огня и орудий сопровождения преодолели болото и отбросили противника к северо-западу. Саперы получили возможность приступить к восстановлению моста. В 9.00 танки преодолели по нему р. Ипа, догнали пехоту и вместе с ней овладели Раковичами.

¹ ЦАМО, ф. 463, оп. 34149, д. 1, л. 84.

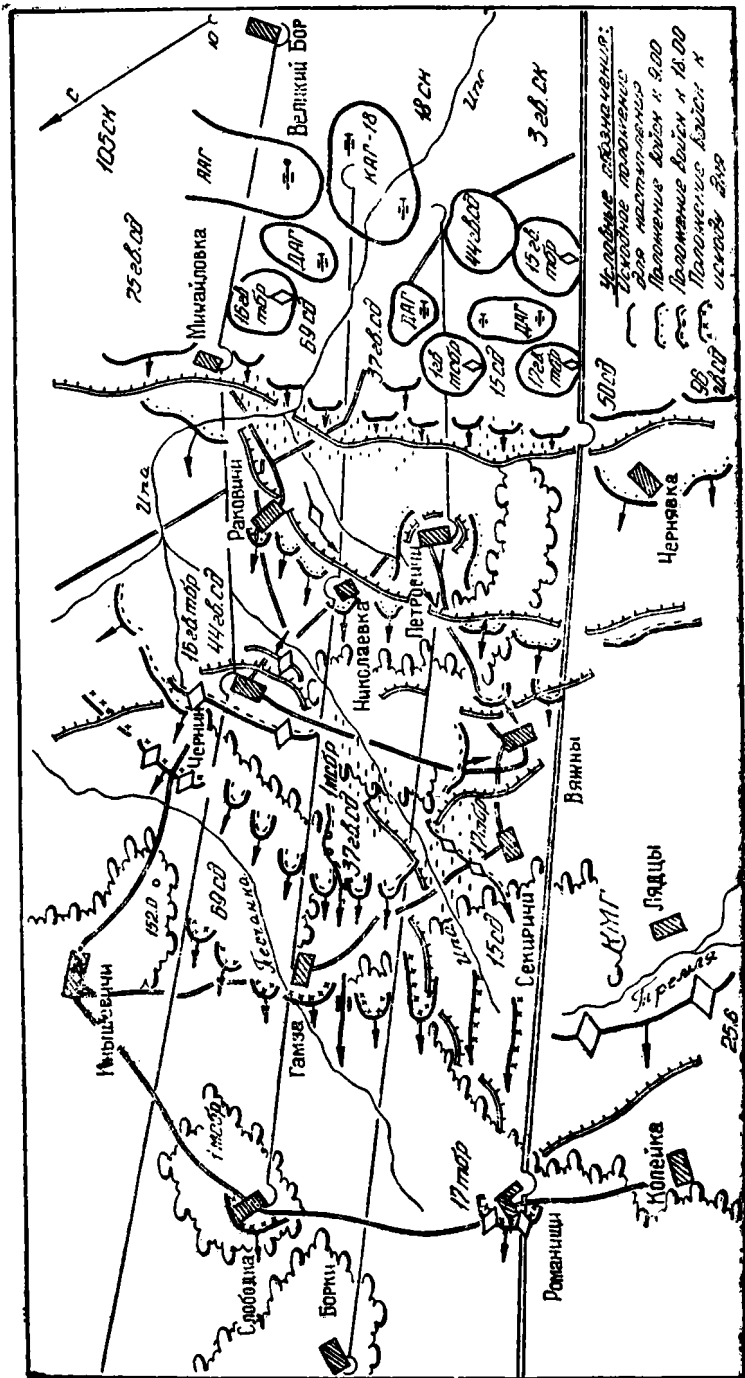

Схема 10. Прорыв 18-го стрелкового корпуса 65-й армии в Бобруйской операции

37-я гв. стрелковая дивизия при поддержке тяжелого самоходно-артиллерийского полка к 9.00 двумя полками ворвалась в Николаевку, а третий полк начал обходить Петровичи с севера.

15-я стрелковая дивизия с окончанием огневого вала главными силами устремилась в обход Петровичей с юга и юго-запада. Опасаясь окружения, гарнизон узла сопротивления в Петровичах разбежался по лесу.

Таким образом, за два часа наступления всем трем дивизиям удалось прорвать две позиции врага и продвинуться на 3 км.

Противник, стремясь задержать прорыв войск корпуса и его соседей в глубину, отдельными боевыми группами перехватил наиболее доступные направления — в Чернин, в лесу западнее Николаевка, Вяжны. В одиннадцатом часу дивизии подошли ко второй позиции и вклинились в нее, но были задержаны упорной обороной противника. В целях дезорганизации боевых порядков враг предпринял контратаку силой пехотного батальона с пятью танками из района Чернин на Николаевку.

Один из командиров рот, заметив выход танков и пехоты из леса, что севернее Чернина, подал сигнал на вызов артиллерийского огня, развернул взводы в сторону выдвигающегося противника, а орудиям сопровождения приказал занять огневые позиции на гряде высот севернее Николаевки.

Как только танки и пехота противника подошли к р. Ипа, все огневые средства открыли огонь. Роту поддержали соседи и приданная артиллерия. Контратака врага захлебнулась. Только убитыми он потерял 40 человек. Но при отходе в Чернин ему удалось взорвать мост через р. Ипа. Без него преодолеть реку танки не могли.

Тогда пехота повела наступление на Чернин под прикрытием массированного огня артиллерии, танков и орудий сопровождения. С улучшением погоды активизировала свои действия авиация.

По пояс в воде, в вязкой тине пехота преодолела болотистую пойму и заняла исходное положение для наступления.

Артиллерия 69-й стрелковой дивизии, сменив огневые позиции, непосредственно перед атакой усилила огонь по узлам сопротивления неприятеля, чем обеспечила захват его с небольшими потерями.

Овладение узлом сопротивления в Чернине облегчило продолжение наступления 37-й гв. стрелковой дивизии. К 18.00 на правом фланге корпуса главная полоса обороны оказалась прорванной. На левом фланге 15-я стрелковая дивизия завязала бои за крепкий узел сопротивления, оборудованный противником в Вяжнах. Это создало благоприятные условия для

ввода в прорыв подвижной группы армии 1-го гв. танкового корпуса.

Головные батальоны танковых бригад первого эшелона с прорывом стрелковыми дивизиями первой позиции противника нагнали пехоту и продвигались за ней в готовности развить ее успех. Поскольку заболоченная местность не позволяла движение вне дорог и гатей, главные силы танкового корпуса начали движение бригадными колоннами. Но артиллерии противника удалось разрушить гать в пойме р. Ипа, и 16-я гв. танковая бригада была вынуждена свернуть на большак, ведущий на Чернин. Боевой порядок танкового корпуса разъединился. Для усиления удара на стыке 18-го и 105-го стрелковых корпусов с рубежа Чернин командующий армией совместно с 16-й гв. танковой бригадой ввел в бой 44-ю гв. стрелковую дивизию. Пройдя через боевые порядки 69-й стрелковой дивизии, они начали наступление на Кнышевичи. Но упорное сопротивление врага на выс. 152,0 и заболоченная долина р. Песчанка задержали их продвижение на всю ночь.

1-я гв. мотострелковая бригада к 14.00 вышла к Николаевке. Из-за повреждения гати у Петровичей перемещение ее артиллерии задержалось. Боевые машины по разбитой лесной дороге двигались медленно. За дорогой Чернин, Вяжны оказалась новое препятствие — сильно заболоченный участок местности. Используя переправу, наведенную 37-й гв. стрелковой дивизией, бригада, наконец, получила тактический простор и в 21.00 овладела населенным пунктом Гамза, а в 24.00 — Слободка.

В левой части полосы наступления 15-й стрелковой дивизии продвигалась 17-я гв. танковая бригада. К 17.00 ее батальоны обогнали пехоту и в полночь 25 июня ворвались в Романищи.

Таким образом, к исходу дня 24 июня тактическая зона обороны противника оказалась прорванной.

Используя успех 1-го гв. танкового корпуса, ускорили свое продвижение дивизии 18-го стрелкового корпуса. К исходу дня они углубились в оборону врага на 12 км, расширив прорыв до 10,5 км.

Противник в ночь на 25 июня начал отход в северо-западном направлении.

Успех 18-го стрелкового корпуса решительно повлиял на наступление соседних корпусов. 105-й стрелковый корпус через его полосу ввел в бой свой второй эшелон. 3-й гв. стрелковый корпус 28-й армии, наступавшей в первой половине дня медленно, путем ввода второго эшелона увеличил темпы продвижения и к 5.00 25 июня передовыми частями форсировал р. Тремля, после чего начал преследование отходящего противника.

Во второй половине дня в полосе 28-й армии на глубине 9 км в сражение была введена конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, которая, наступая в направлении Глусск, начала развивать тактический прорыв в оперативный.

Соединения правой ударной группировки в первый день смогли вклиниться в оборону противника только на 2—4 км. На результатах действий сказались трудности, связанные с преодолением заболоченной поймы р. Друть, а также то, что удар пришелся по наиболее сильному участку обороны неприятеля. К тому же, как вспоминал Маршал Г. К. Жуков, при подготовке операции «была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления»¹.

С утра 25 июня командующий 3-й армией ввел в сражение две танковые бригады 9-го танкового корпуса². Перед атакой главных сил вновь была проведена 45-минутная артиллерийская подготовка и нанесены массированные удары авиации. К исходу дня войска правой ударной группировки завершили прорыв главной полосы и вышли ко второй оборонительной полосе. Преодолевая сопротивление противника, войска ударных группировок продвинулись на глубину от 10 до 23 км.

Боевые действия 26 июня были переломными на всем фронте. Войска правой ударной группировки после ввода в сражение всех сил 9-го танкового корпуса и второго эшелона 3-й армии завершили прорыв тактической зоны обороны противника и продвинулись от 10 до 20 км³. 9-й танковый корпус, вырвавшись на оперативный простор, начал обходить Бобруйск с северо-запада. Войска левой ударной группировки продвинулись на глубину до 30 км. 1-й гв. танковый корпус, развивая стремительное наступление, к исходу дня вышел к юго-западной окраине Бобруйска. Общая полоса наступления фронта достигла 150 км.

На следующий день войска фронта окружили бобруйскую группировку противника и, продвинувшись за четверо суток на глубину 70—80 км, добились полного прорыва оперативной обороны и создали благоприятные условия для развития наступления на минском направлении.

Этот успех стал возможным прежде всего благодаря массированному применению сил и средств фронта на двух узких участках прорыва. На успехе прорыва благотворно сказался новый метод артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков — двойной огневой вал. Своевременное наращивание усилий атакующего эшелона подвижными войсками, особенно в левой ударной группировке, позволило быстро завершить про-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 255.

² ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 164, л. 163.

³ Там же, л. 170.

ры в тактической зоне обороны, стремительно выйти к Бобруйску, окружить и уничтожить основные силы 9-й немецко-фашистской армии и, таким образом, создать огромную брешь в оперативной обороне врага.

Развивая наступление в направлении Минска, войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов 3 июля освободили столицу Белоруссии. Продвинувшись к этому времени на 100—140 км, они окружили к востоку от Минска 100-тысячную группировку вражеских войск.

Таким образом, за 12 дней советские войска на центральном участке советско-германского фронта разгромили основные силы группы армий «Центр» и остатки ее отбросили на запад на 230—280 км. Стратегический фронт обороны противника на Западном направлении был прорван. В нем была создана огромная брешь протяженностью свыше 400 км¹.

Преследуя противника, войска фронтов к 11 июля завершили разгром его окруженной группировки, к 15 июля, продвинувшись на 500 км, они оказались на подступах к границам Восточной Пруссии и Польши.

Ставка Верховного Главнокомандования, стремясь к максимальному использованию результатов, достигнутых в Белоруссии, в целях расширения фронта прорыва и развития успеха в глубину усилила 1-й Прибалтийский фронт стратегическими резервами — 2-й гв. и 51-й общевойсковыми армиями и приказала 1-му Белорусскому фронту ввести в действие крупную группировку своих войск, созданную на левом крыле фронта². С той же целью 2-му, 3-му Прибалтийским и 1-му Украинскому фронтам были даны указания приступить к выполнению ранее поставленных задач³. 11 июля перешел в наступление 2-й Прибалтийский фронт, 13 июля — 1-й Украинский фронт, 17 июля — 3-й Прибалтийский фронт, 18 июля — левое крыло 1-го Белорусского фронта, а 24 июля — Ленинградский фронт. Следовательно, в начале второй половины июля наступление развернулось на огромном фронте — от Финского залива до предгорий Карпат.

Удар войск левого крыла 1-го Белорусского фронта являлся составной частью Белорусской операции. К середине июля 1944 г. здесь была создана мощная ударная группировка в составе четырех общевойсковых (в их числе 1-я армия Войска Польского), одной танковой и одной воздушной армий, одного танкового и двух кавалерийских корпусов⁴. В составе ударной группировки имелось 25 дивизий, более 4 тыс. орудий и мино-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3, М., Воениздат, 1958, с. 345.

² ЦАМО, ф. 233, оп. 20897, л. 293.

³ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, лл. 394—395; д. 13, лл. 217—218; ф. 48-А, оп. 1795, д. 12, л. 414.

⁴ Там же, ф. 233, оп. 11866, д. 11, лл. 149, 390—416.

метов, 1750 танков, 1500 самолетов. В отличие от других фронтов оборону противника планировалось прорвать усилиями трех общевойсковых армий на одном сплошном участке шириной 20 км¹.

В первый день в целях завершения прорыва тактической зоны обороны противника в полосе 8-й гв. армии планировался ввод в сражение 11-го танкового корпуса. На второй день вслед за этим корпусом на глубине до 20 км предполагалось ввести в прорыв 2-ю танковую армию, а на ее флангах — 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса².

Ведущая роль в прорыве тактической зоны обороны противника возлагалась на 8-ю гв. армию. Здесь были созданы особенно высокие плотности сил и средств. На 1 км участка прорыва приходились одна дивизия, 247 орудий и минометов (без противотанковой артиллерии), около 14 танков НПП.

Артиллерийская подготовка атаки предусматривалась продолжительностью 1 час 40 минут, поддержка атаки — методом двойного огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину до 2 км³. В связи с данными разведки о возможном отводе противником своих сил с первой позиции командование фронтом предусматривало: артиллерийскую подготовку по полному графику не проводить, а ограничиться только 30-минутной артиллерийской подготовкой атаки передовых батальонов специально выделенной артиллерией; атаку главных сил поддержать сразу же двойным огневым валом и в дальнейшем обеспечить их наступление последовательным сосредоточением огня на глубину задачи дня.

18 июля утром после 30-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации в атаку перешли передовые батальоны и полки по одному от корпусов первого эшелона армий⁴. Через 1,5 часа они захватили первую, а местами и вторую вражеские траншеи. Боем было установлено, что немецко-фашистские войска начали свертывать свои боевые порядки с намерением в ночь на 19 июля отойти на вторую оборонительную полосу. В этих условиях командующий фронтом отменил запланированную артиллерийскую подготовку и приказал незамедлительно начать атаку главными силами, поддержав их методом последовательного сосредоточения огня артиллерии и ударами авиации⁵.

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 20897, д. 1, л. 10.

² Там же, оп. 205, д. 12, л. 12.

³ Там же, оп. 20992, д. 3, л. 16.

⁴ В 47-й армии — по батальону от 125-го и 129-го стрелковых корпусов и полк от 17-го стрелкового корпуса; в 8-й гв. армии — по полку от 29-го и 4-го гв. стрелковых корпусов и батальон от 28-го гв. стрелкового корпуса; в 69-й армии — батальон от 91-го стрелкового корпуса.

⁵ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 464.

В 7.00 началась атака главных сил. Подавив сопротивление противника, войска 47-й, 8-й гв. и 69-й армий, поддержанные штурмовой авиацией, прорвали главную полосу обороны противника и подошли ко второй оборонительной полосе, оборудованной по р. Выжувка, а в районе Хворостув с ходу ворвались в нее, захватив небольшой плацдарм. За день боя войска ударной группировки продвинулись до 11—14 км в глубину и расширили прорыв до 30 км по фронту.

Этот успех был достигнут прежде всего своевременным переходом в наступление главных сил армий вслед за передовыми батальонами (полками). Противник не получил даже минимального времени для приведения в порядок своих подразделений и восстановления нарушенной системы огня и взаимодействия. Положительно сказалось и то, что заблаговременно в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армиями было передано по одной штурмовой авиадивизии, а 8-й гв. армии — штурмовой авиакорпус, командиры которых находились на одном наблюдательном пункте с командующими армиями. Благодаря этому поддерживалось тесное взаимодействие между наземными войсками и авиацией¹.

19 июля войска ударной группировки фронта сломали сопротивление противника на р. Выжувка, быстро завершили прорыв второй полосы и перешли в преследование отходящего врага. В связи с этим командующий войсками фронта воздержался от запланированного на этот день ввода в прорыв 2-й танковой армии. При успешном развитии наступления вводить танковую армию до форсирования р. Западный Буг и захвата на ней плацдармов стало нецелесообразным. Но чтобы предупредить противника в занятии армейского рубежа обороны на этой реке, форсировать ее с ходу, захватить плацдарм и создать выгодные условия для ввода в сражение 2-й танковой армии, командующий фронтом отдал распоряжение о вводе подвижной группы 8-й гв. армии — 11-го танкового корпуса, а из состава подвижной группы фронта — 2-го гв. кавалерийского корпуса².

11-й танковый корпус вошел в прорыв в середине дня 19 июля на глубине 18—20 км и стал развивать успех на Любомль, которым и овладел к исходу дня. За этот день ударная группировка фронта, а с ней и 70-я армия завершили прорыв тактической зоны обороны по всему фронту и продвинулись на 20—25 км. Таким образом, за два дня войска фронта углубились в сторону противника до 40 км и расширили прорыв до 120 км по фронту.

С рассветом 20 июля в полосе наступления 47-й армии был введен в прорыв 2-й гв. кавалерийский корпус (глубина его

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 26, л. 155.

² Там же, д. 164, л. 397.

ввода — 40 км от переднего края), который повел наступление в направлении Забужье и уже в 10.30, пройдя с боями свыше 25 км, вышел к р. Западный Буг, форсировал ее на подручных средствах с ходу и к исходу дня расширил захваченный плацдарм до 13 км по фронту и 6 км в глубину¹. Не менее успешно развивал наступление в этот день и 11-й танковый корпус, который захватил на Западном Буге в районе Опалин исправную переправу, форсировал реку и к исходу дня овладел плацдармом 12 км по фронту и до 10 км в глубину.

Армии главной ударной группировки, используя успех подвижных войск, неотступно преследовали врага и к исходу дня также вышли на р. Западный Буг, форсировали его с ходу и захватили четыре плацдарма. Тем самым были созданы благоприятные условия для ввода в прорыв 2-й танковой армии и 7-го гв. кавалерийского корпуса. За три дня боев войска продвинулись на глубину свыше 60 км и расширили прорыв до 140 км по фронту. Оперативная оборона противника была прорвана полностью.

В то время, когда подвижная группа фронта выдвигалась на плацдарм на р. Западный Буг, войска ударной группировки продолжали расширять захваченные плацдармы. К исходу дня 21 июля все плацдармы были объединены в один общий плацдарм размером до 25 км в глубину и 50—55 км по фронту². С утра 22 июля наступление продолжалось с неослабевающей силой. Теперь вся ударная группировка фронта действовала уже на западном берегу р. Западный Буг.

В 11.00 в полосе 8-й гв. армии на глубине около 75 км была введена в прорыв 2-я танковая армия и оперативно подчиненный ей 7-й гв. кавалерийский корпус³. Они устремились к Люблину в обход его с севера и юга, к исходу дня вышли на р. Вепши, захватили на ней с ходу плацдарм. На следующий день, 23 июля, 2-я танковая армия ворвалась в г. Люблин и во взаимодействии с войсками 8-й гв. армии овладела им⁴.

С утра 24 июля танковая армия главными силами устремилась на запад к р. Висла, на другой день к 11.00 вышла к ней на участке Демблин, Пулавы и к вечеру овладела этими городами⁵. Но командующий фронтом на основании доклада командующего танковой армией пришел к выводу, что быструю переправу танковых соединений через р. Висла из-за отсутствия переправочных средств осуществить не удастся. Вследствие этого удар на Варшаву вдоль западного берега реки с одновременным образованием на ней оперативного плацдарма осуществить в сложившейся обстановке нельзя. Он

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 164, л. 408.

² Там же, л. 413.

³ Там же, оп. 2307, д. 20, л. 429.

⁴ Там же, оп. 2356, д. 164, л. 434.

⁵ Там же, л. 459.

принял решение повернуть армию на Прагу (пригород Варшавы), отрезать пути отхода войск противника к Висле и разгромить их к востоку от этого крупного водного рубежа. Это создавало предпосылки для преодоления его на широком фронте, что, в свою очередь, облегчало освобождение Варшавы и создавало благоприятные условия для проведения последующих операций.

Передав участок фронта 1-й армии Войска Польского, 2-я танковая армия уже с утра 27 июля развернула стремительное наступление в северо-западном направлении и к концу месяца завязала бои за предместье Варшавы — Прагу, где встретила ожесточенное сопротивление противника¹.

К этому времени войска правого крыла фронта завершили окружение и уничтожение группировки противника в Бресте и полностью овладели городом и крепостью Брест.

В целом в результате успешного осуществления наступательных операций на Западном стратегическом направлении была разгромлена группа армий «Центр», освобождены Белоруссия, большая часть Литвы, значительная часть Латвии и союзной нам Польши.

Советские войска прошли с боями свыше 600 км, вышли на реки Неман и Висла и захватили на них плацдармы крупного оперативного значения. Стратегический фронт противника был прорван на участке от Полоцка до Станислава протяженностью 1200 км, а с учетом операций 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов — до 1500 км.

Такие крупные результаты были достигнуты благодаря тому, что успех мощного удара, нанесенного первоначально силами четырех фронтов, был немедленно использован Ставкой для расширения фронта стратегического наступления переходом в наступление 3-го и 2-го Прибалтийских, а затем 1-го Украинского фронтов. Благодаря мощным последовательным ударам пришел в действие почти весь советско-германский фронт. Это поставило врага в чрезвычайно трудное положение относительно осуществления маневра резервами с одного стратегического направления на другое.

Форма прорыва в Белорусской стратегической операции представляла собой нанесение ряда фронтальных ударов в целях дробления вражеского фронта с последующим развитием достигнутых прорывов по сходящимся направлениям для окружения и уничтожения основной группировки противника в оперативной глубине.

Общая ширина участков прорыва во фронтах по отношению ко всей полосе наступления колебалась в пределах от 7,5 до 23,6%. Прорывы на этих участках осуществлялись такими силами, которые были способны не только прорвать, но

¹ ЦАМО, оп. 11757, д. 43, л. 2.

и ликвидировать все попытки противника их парировать. Для этого здесь сосредоточивалось 4/5 всех сил и средств. На остальном фронте, составлявшем в среднем 85% всей полосы наступления, развертывалась лишь 1/5 всех сил и средств фронтов.

Такое распределение сил в проведенных операциях обеспечивало достижение мощных первоначальных ударов на участках прорыва, которые приводили к расчленению обороны противника на части, а в последующем к стремительному развитию достигнутых прорывов на большую глубину путем своевременного наращивания силы удара вводом в сражение подвижных групп, вторых эшелонов и резервов фронтов и армий, а также резервов Ставки Верховного Главнокомандования. Все это и создало условия для стремительного и непрерывного перерастания тактического прорыва в оперативный, а затем в стратегический.

Для прорыва вражеской обороны в Белорусской операции характерна прежде всего тщательная и всесторонняя его подготовка. «В отличие от прошлых лет, — писал Маршал К. К. Рокоссовский, — когда наступательные операции готовились в страшной спешке и поэтому зачастую неорганизованно, в данном случае мы имели достаточно времени для основательной подготовки во всех отношениях»¹. В войсках проводилась боевая и политическая подготовка. Детально были спланированы действия всех родов войск и авиации, на местности и на картах отработаны вопросы взаимодействия. Войска были обеспечены необходимыми материальными средствами.

Прорыв в Белоруссии характерен также достигнутой внезапностью ударов почти на всех избранных направлениях, что было обеспечено большой суммой мероприятий по оперативной маскировке и строжайшим контролем за их выполнением войсками.

При прорыве в Белорусской операции получили дальнейшее развитие вопросы разведки боем, боевого применения артиллерии, в частности нового метода поддержки атаки — двойного огневого вала, а также применения авиации, танков НПП, подвижных групп армий и фронтов, что способствовало наступлению в высоких темпах и обеспечивало стремительное развитие тактического успеха в оперативный, а последнего в стратегический.

В целом полученный опыт подготовки и осуществления прорыва и его развития в высоких темпах на большую глубину имел огромное значение как для дальнейшего ведения войны, так и для разработки многих вопросов теории прорыва в послевоенный период.

¹ Рокоссовский К. К. Два главных удара. «Военно-исторический журнал», 1964, № 6, с. 15.

Прорыв на львовско-сандомирском направлении

Львовско-Сандомирская стратегическая операция, проведенная войсками 1-го Украинского фронта в период с 13 июля по 29 августа, является единственной операцией Великой Отечественной войны, в которой одному фронту ставилась задача на разгром целой группы армий противника. Поучительность прорыва в ней состоит прежде всего в том, что он осуществлялся на двух операционных направлениях с одновременным развитием успеха главными силами в глубину и частью сил в сторону флангов в целях окружения группировки противника. Прорыв на одном из направлений (рава-русском) проводился в условиях, когда противник преднамеренно отвел главные силы с первой полосы на вторую. Для развития прорыва на львовском направлении последовательно вводились в сражение в узкой полосе две танковые армии с одновременным отражением сильных контрударов на флангах коридора, что было единственным примером такого ввода в прорыв танковых армий в ходе войны. Для операции характерны также перенос усилий с одного направления на другое, широкий маневр силами и средствами и ряд других моментов, не утративших своей поучительности и в настоящее время.

Львовско-Сандомирская операция проводилась в благоприятных условиях обстановки. Она началась в период, когда в Белоруссии был достигнут разгром группы армий «Центр», а завершалась, когда в районе Ясс и Кишинева были разгромлены основные силы группы армий «Южная Украина». В связи с этим возможности противника по переброске своих резервов против 1-го Украинского фронта были весьма ограниченными, что создавало выгодные условия для прорыва вражеской обороны и его развития на большую глубину.

К началу операции войскам 1-го Украинского фронта противостояла группа армий «Северная Украина» (4-я и 1-я немецкие танковые армии и 1-я венгерская армия) в составе 40 дивизий (из них 5 танковых и одна моторизованная) и двух пехотных бригад¹. Оперативная плотность войск была высокой — одна дивизия на 10—12 км. Боевые действия поддерживались двумя корпусами 4-го воздушного флота. Ожидая возможного наступления войск 1-го Украинского фронта, противник подготовил прочную оборону. Тактическая зона обороны повсеместно состояла из двух полос. Главная полоса глубиной 4—6 км была оборудована тремя-четырьмя сплошными траншеями полного профиля, соединенными между собой ходами сообщения. Вторая полоса обороны создавалась на глубине 10—15 км от переднего края главной полосы и

¹ См.: Сборник материалов по составу войск фашистской Германии, вып. 4. М., Воениздат, 1956, с. 110—113.

имела две-три траншеи. По западным берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа усиленно готовилась третья, тыловая полоса обороны. Общая глубина оперативной обороны противника достигала 40—50 км.

Характерной особенностью группировки противника являлось то, что основные ее силы (31 дивизия и одна бригада) занимали тактическую зону обороны, а оперативные резервы (пять танковых, одна моторизованная, три пехотные дивизии и одна пехотная бригада) находились в руках командующих армиями. При этом танковые дивизии располагались в 15—20 км от переднего края на вероятных направлениях наших ударов¹ и, значит, могли быть использованы в борьбе за тактическую зону обороны, где следовало ожидать наиболее сильного сопротивления противника. Командование группы армий резервами не располагало².

1-й Украинский фронт к началу операции имел семь общевойсковых, три танковых, одну воздушную армии, три танковых и два кавалерийских корпуса и значительное количество соединений и частей других родов войск. Фронт обладал всеми необходимыми силами и средствами для решительного разгрома немецко-фашистских войск на львовско-сандомирском направлении.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на операцию заключался в том, чтобы двумя мощными ударами на рава-русском и львовском направлениях рассечь группу армий «Северная Украина», разгромить ее по частям, освободить западные районы Украины и в дальнейшем развивать наступление к рекам Висла, Сан и в предгорья Карпат³.

В соответствии с этим замыслом 1-му Украинскому фронту директивой Ставки от 24 июня приказывалось подготовить и провести операцию с целью разгромить львовскую и рава-русскую группировки противника и выйти на фронт Грубешув, Яворов, Галич, для чего прорвать оборону противника, нанеся два удара: один — силами 3-й гв. и 13-й армий из района юго-западнее Луцка в общем направлении на Сокаль—Рава-Русская; другой — силами 60, 38 и 5-й гв. армий из района Тарнополь в общем направлении на Львов. Подвижные войска (танковые армии, конно-механизированные группы) использовать для развития успеха после прорыва обороны противника: на рава-русском направлении — одну танковую армию и одну конно-механизированную группу и на львовском направле-

¹ См.: *Гречко А.* Вопросы военного искусства в Львовско-Сандомирской операции. «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, с. 19.

² См.: Там же, с. 16.

³ *Конев И.* Завершение освобождения советской Украины и выход на Вислу. «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, с. 4.

нии — две танковые армии и одну конно-механизованную группу»¹.

Нанесение мощных ударов на двух направлениях, удаленных одно от другого на 70—80 км, ограничивало возможности противника по маневру своими резервами, позволяло ударом части сил по сходящимся направлениям окружить вражескую группировку в районе Броды, с завершением ее разгрома и выходом на р. Днестр расширить прорыв до 250 км и объединить этот участок с прорывом стратегического фронта врага, уже достигнутого к этому времени в Белоруссии.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев решил: прорвать оборону противника в районе Луцка (схема 11) на участке 12 км смежными флангами 3-й гв. и 13-й армий; для развития прорыва в направлении Рава-Русская с утра второго дня операции ввести в сражение 1-ю гв. танковую армию (глубина ввода — 25 км). Вслед за танковой армией для развития прорыва к северо-западу и содействия войскам 1-го Белорусского фронта, наступавшим на Люблин, предусматривалось ввести конно-механизованную группу № 1 (1-й гв. кавалерийский и 25-й танковый корпуса).

Оборону противника в районе Тарнополя должны были прорывать смежными флангами 60-я и 38-я армии на одном участке шириной 14 км. Для развития прорыва в полосе 60-й армии с утра второго дня операции планировалось ввести в сражение 3-ю гв. танковую армию, а в полосе 38-й армии — 4-ю танковую армию (глубина ввода — 20—25 км). Конно-механизованную группу № 2 (6-й гв. кавалерийский и 31-й танковый корпуса) предусматривалось ввести в полосе 60-й армии с задачей стремительно развивать наступление в направлении Рава-Русская и тем самым содействовать войскам 13-й и 60-й армий в окружении и уничтожении бродской группировки противника².

1-й гв. армии самостоятельный участок прорыва не назначался. Она должна была силами пяти дивизий и одного танкового корпуса (4-й гв. танковый корпус) нанести удар из-за левого фланга участка прорыва 38-й армии с целью расширить фронт прорыва к югу, выйти на р. Днестр, захватить там плацдарм и прочно обеспечить ударную группировку фронта с юга. Левofланговая 18-я армия получила задачу прочно удерживать занимаемый рубеж и быть готовой к переходу в наступление на станиславском направлении. В резерве фронта оставались 5-я гв. армия, 47-й стрелковый корпус и один танковый полк³.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, лл. 381, 382.

² См.: Сборник материалов по изучению опыта Великой Отечественной войны № 22. М., Воениздат, 1946, с. 19.

³ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1795, д. 449, лл. 133, 134.

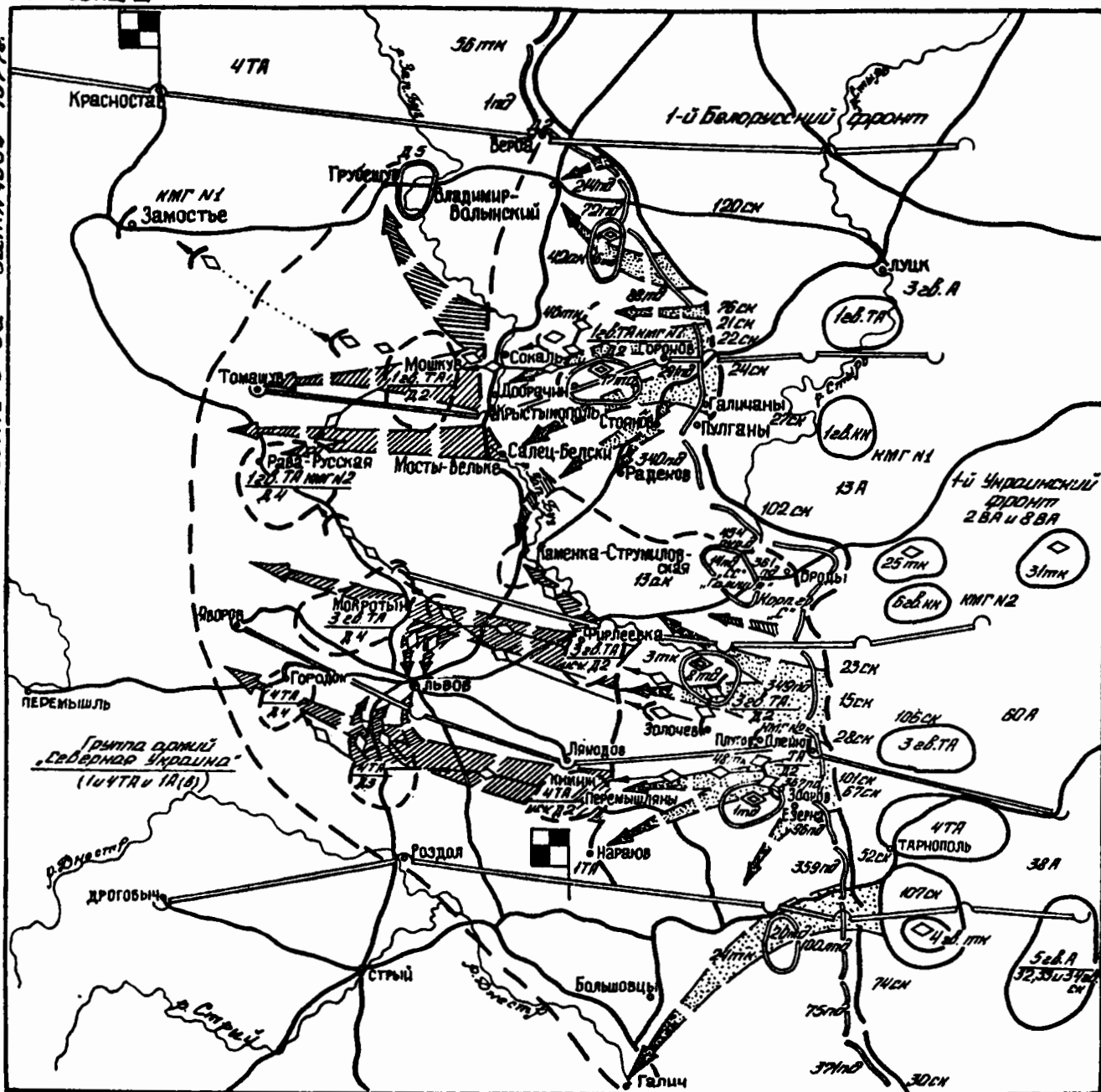

Схема 11. Решение командующего 1-м Украинским фронтом на прорыв в Львовско - Сандомирской операции

Таким образом, по решению командующего фронтом на двух узких участках прорыва, составлявших всего 6% от общей протяженности линии фронта (440 км), создавались мощные ударные группировки, которые имели в своем составе 52 стрелковые и кавалерийские дивизии (65% от общего их количества), около 11 тыс. орудий и минометов (65%), почти 2 тыс. танков и САУ (90%) и всю авиацию (более 3 тыс. самолетов¹). Такие силы позволяли фронту на участках прорыва обеспечить превосходство над противником: в личном составе — в 3—5 раз, в орудиях и минометах — в 6—7 раз, нанести мощный первоначальный удар, прорвать вражескую оборону и развить достигнутый прорыв на большую глубину.

Следует отметить, что по первоначальному плану операции командование фронта предполагало использовать все три танковые армии в первый день. Они фактически должны были прорывать оборону противника в начале операции совместно с общевойсковыми армиями. Кроме того, общевойсковым армиям задачи на первый день операции были завышены. Например, глубина задачи 3-й гв. армии составляла 40—45 км, а 13-й армии — 30—35 км².

Планируя такие высокие темпы для пехоты, отмечает бывший член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал К. В. Крайнюков, «командующий фронтом, штаб и Военный совет проявили излишний оптимизм»³.

10 июля Ставка Верховного Главнокомандования, утверждая представленный командующим фронтом приказ, дала следующие указания:

«1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии в случае успешного прорыва ввести через день после начала операции, а конно-механизированные группы — через два дня после начала операции вслед за танковыми армиями.

2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные Вами задачи, безусловно, завышены»⁴.

В соответствии с этими указаниями командующий фронтом внес изменения в порядок использования танковых армий: их решено было ввести на второй день операции после прорыва тактической зоны обороны противника. Однако он не воспользовался опытом ввода 5-й гв. армии на 3-м Белорусском фронте по двум вариантам в зависимости от развития

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1941—1945. М., «Наука», 1972, с. 237—239.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 385.

³ Крайнюков К. В. От Днепра до Вислы. М., Воениздат, 1971, с. 234.

⁴ ЦАМО. ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 400.

хода операции. В частности, ввод 4-й танковой армии или конно-механизированной группы № 2 можно было предусмотреть на участке прорыва не только южной, но и северной группировки, где, как показал ход операции, прорыв был осуществлен более успешно и введенная здесь одна из танковых армий южной группировки смогла бы выйти к Львову, когда он, в сущности, еще не был подготовлен к обороне. Овладение таким важным стратегическим пунктом подорвало бы устойчивость обороны врага перед южной ударной группировкой, и ее прорыв мог пройти более быстро. Для общевойсковых армий правой ударной группировки была также уменьшена глубина задач на первый день операции до 20—25 км¹, хотя, как показал последующий ход событий, и эти задачи были завышенными.

Изменив порядок использования танковых армий в соответствии с указаниями Ставки, командующий фронтом вместе с тем не внес никаких изменений в распределение танков НПП, плотность которых не превышала 12—13, а в 38-й армии — даже 8 бронеединиц на 1 км участка прорыва². Из 817 танков и САУ, находившихся в составе правой ударной группировки, только 149 предназначались для действий в группах непосредственной поддержки пехоты, а из 1179 бронеединиц левой ударной группировки для тех же целей выделялось всего 119 машин. В то же время в составе 1-й гв. армии находилось 154, в 18-й армии — 32 и в резерве фронта — 24 танка и самоходно-артиллерийские установки³, т. е. почти столько же, сколько в армиях на главном направлении.

Оперативное построение армий, кроме 60-й, было в один эшелон с выделением в резерв по стрелковой дивизии. 60-я армия имела второй эшелон в составе стрелкового корпуса (две дивизии) и одну дивизию в резерве.

Боевые порядки полков, дивизий и корпусов строились, как правило, в два эшелона. Участки прорыва (они же полосы наступления) назначались: для стрелковых корпусов — до 4 км, для дивизий — до 2 км.

На участках прорыва создавалась высокая плотность артиллерии — 230—250 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше на 1 км фронта. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 1 час 40 минут. Поддержку атаки предполагалось осуществить методом огневого вала на глубину 2—2,5 км⁴.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 386.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 35149, д. 2, л. 91.

³ Там же, л. 91.

⁴ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 477.

Артиллерийские группы создавались не по характеру решаемых задач, как прежде, а по организационно-тактическому принципу — полковые, дивизионные, корпусные и армейские. В результате этого каждый общевойсковой командир получил только ему подчиняющиеся мощные огневые средства, которыми он мог активно влиять на ход боевых действий. Это создавало более благоприятные условия для гибкого и непрерывного управления артиллерией и осуществления тесного ее взаимодействия с пехотой и танками.

Авиационное обеспечение операции возлагалось на 2-ю воздушную армию. Она имела необычно крупные силы — 3290 самолетов, из них 679 бомбардировщиков, 1046 штурмовиков, 1410 истребителей, 102 разведчика¹. В целях более тесного взаимодействия авиации с наземными войсками были созданы две группы авиации: одна в составе четырех авиационных корпусов имела задачу обеспечить прорыв и его развитие на рава-русском направлении, другая в составе пяти авиационных корпусов — на главном, львовском направлении². Основные усилия авиации в первый день операции направлялись на поддержку пехоты и танков при прорыве вражеской обороны, а во второй день — на обеспечение ввода в сражение танковых армий.

К началу операции войска фронта имели от 2,5 до 5 бк боеприпасов, от 6 до 10 заправок автобензина и дизельного топлива и запас продовольствия на 15—30 суток, т. е. в материальном отношении были полностью подготовлены к наступлению.

К середине июля 1944 г. Белорусские фронты успешно преследовали врага на подступах к р. Неман и верховьям Нарева, создавая тем самым угрозу обхода левого фланга группы войск «Северная Украина». Ход Белорусской операции давал основания предполагать, что стабилизация стратегического фронта противником будет осуществляться на границе Восточной Пруссии и далее по рекам Нарев, Западный Буг, что неизбежно приведет к некоторому отнесению фронта обороны перед правым крылом или во всей полосе 1-го Украинского фронта. Поскольку противник имел данные о подготовке наступления против группы войск «Северная Украина», командование фронта, зная об этом, могло прийти к выводу о возможном отводе противником своих сил на новый рубеж. В складывающихся условиях было бы целесообразно в плане операции предусмотреть ведение прорыва при переносе противником усилий обороны в глубину. Такой вариант действий войск

¹ История второй мировой войны 1939—1945. т. 9. М., Воениздат, 1972, с. 93.

² С прибытием 16 июля в состав фронта управления 8-й воздушной армии авиакорпуса, входившие в рава-русскую группу, были переданы этой армии.

ударной группировки рекомендовался наставлением по прорыву позиционной обороны, вышедшем в свет перед началом летней кампании. В частности, в нем было записано: предусматривать «меры на случай преднамеренного отхода противника; одновременно с планированием прорыва первой полосы наметить способ прорыва второй, разработав порядок перегруппировки войск в ходе наступления для образования ударных группировок»¹.

К 10 июля разведка фронта установила, что противник намерен до начала нашей артиллерийской подготовки ответить свои войска на вторую полосу². Эти данные настоятельно требовали разработки ведения прорыва в условиях преднамеренного отхода войск противника и обязательного заблаговременного планирования прорыва второй полосы (схема 12). Однако этого сделано не было. Командующий фронтом, основываясь на данных разведки, решил в ночь на 13 июля провести разведку боем вначале силами разведывательных отрядов в составе одной усиленной роты от каждой дивизии первого эшелона, а затем и передовыми батальонами, поддержанными артиллерией, и, таким образом, не допустить проведения артиллерийской подготовки по пустому месту и сохранить силы для разгрома противника в глубине³.

В 22.00 12 июля на обоих направлениях начали разведку боем разведывательные отряды. В полосах 120-го и 76-го стрелковых корпусов было установлено, что с наступлением сумерек 12 июля, прикрываясь арьергардами, начали отвод своих сил на вторую полосу обороны 88-я и 72-я пехотные дивизии. Непосредственно перед участком прорыва части 291-й пехотной дивизии отразили их атаку. Неудача постигла и разведывательные отряды, действовавшие перед участком прорыва южной ударной группировки.

Командующий фронтом, уверенный в том, что отход войск противника на вторую полосу обороны неизбежен, усилил разведку всех видов с тем, чтобы сразу с его началом сбить прикрытие противника, на плечах отходящих войск с ходу прорвать вторую полосу обороны и сразу вырваться на оперативный простор.

Но противник изменил обычный порядок отхода. Перед участком прорыва северной ударной группировки он решил вести упорные сдерживающие бои 291-й пехотной дивизией, а перед южной ударной группировкой он вообще не намеревался отводить свои войска, о чем говорило хотя бы то, что оперативные

¹ См.: Наставление по прорыву позиционной обороны. М., Воениздат, 1944, ст. 64, 65.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 404.

³ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 248.

Цир. № 8-82 Зам. № 4080 1977 г.

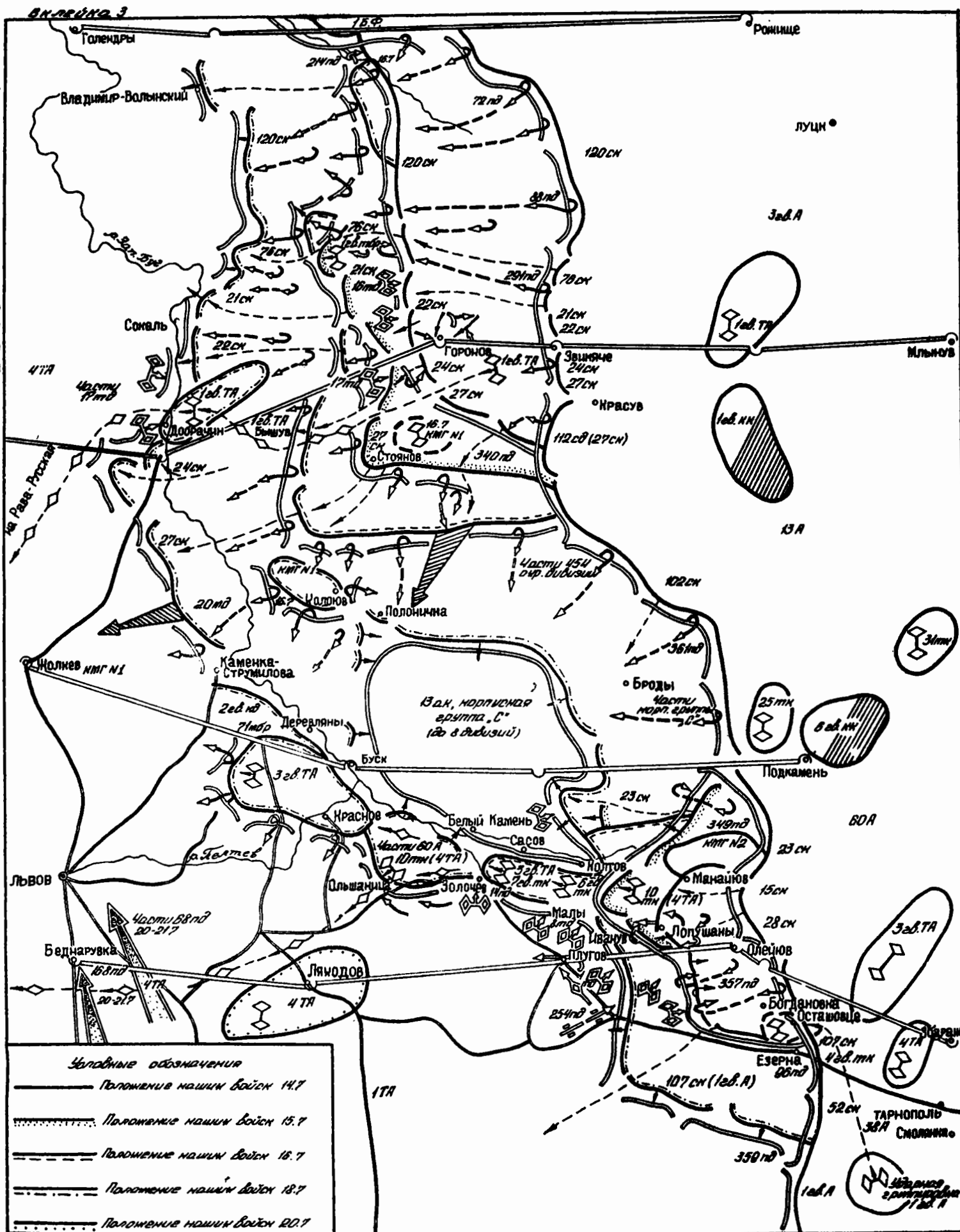

Схема 12. Прорыв обороны и ввод в сражение танковых армий в Львовско - Сандомирской операции

резервы (1-я, 8-я танковые, 20-я моторизованная, 14-я пехотная СС «Галиция» дивизии), в сущности, оставались или в тактической зоне обороны или непосредственно за ней.

Результаты разведки подсказывали, что в условиях, когда противник оказывает столь упорное сопротивление на рубеже, который он решил оставить, сопротивление его на второй полосе может быть очень упорным. Поэтому заблаговременное планирование ее прорыва необходимо. В течение 13 июля еще можно было отдать распоряжения о перемещении и развертывании ударных группировок ко второй полосе, наметить вероятные участки прорыва, спланировать огневое поражение.

Наступление утром 13 июля началось силами семи передовых батальонов после 30-минутной артиллерийской подготовки. Подразделения 504-го и 506-го полков 291-й пехотной дивизии не выдержали ударов. За короткий срок, как отмечалось в журнале боевых действий 4-й танковой армии противника, почти вся дивизия оказалась разбитой.

Однако следует отметить, что сопротивление дивизии было довольно значительным. За 16 часов передовые батальоны углубились на 7—8 км, но были остановлены¹. В 18.00 после массированных огневых налетов артиллерии и ударов авиации перешли в наступление главные силы дивизий первого эшелона, выдвинутые к этому времени на уровень передовых батальонов. Они быстро сломили сопротивление 291-й пехотной дивизии и устремились ко второй полосе, прорвать которую с ходу не смогли², ибо основным силам 42-го армейского корпуса удалось без больших потерь отойти на вторую полосу и подготовиться к отражению атак 3-й гв. и 13-й армий. Наиболее слабым местом оказался участок, на который отошли остатки 291-й пехотной дивизии, но он не был своевременно вскрыт.

На направление удара северной ударной группировки 1-го Украинского фронта противник подтянул 16-ю и 17-ю танковые дивизии, что повысило устойчивость его второй полосы обороны. Попытки боем вскрыть слабые участки обороны, затянувшиеся до конца дня, не дали желаемых результатов. Все это говорило о том, что противник, вскрыв направление главного удара северной группировки, именно на нем сосредоточил свои основные усилия. Чтобы сломить его сопротивление, требовался мощный удар, подготовить который можно было примерно за 12—16 часов, затратив ночное время на перегруппировку войск, а первую половину дня на разведку обороны противника, планирование огня артиллерии и ударов авиации,

¹ См.: *Полушкин М. А.* На сандомирском направлении. М., Воениздат, 1969, с. 57.

² См.: *Конец И. С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 248.

изучение обороны неприятеля частями и подразделениями стрелковых и танковых войск.

Но атака второй полосы началась утром 14 июля после 5-минутного огневого налета при плотности 90—100 орудий и минометов на 1 км при возможности иметь их около 200¹. После перемещения артиллерия разместилась на позициях, не имевших топографической основы, и не успела произвести пристрелку. Разведывательные данные о противнике и его огневых средствах на второй полосе были очень скудными. Централизованное управление артиллерией было нарушено, а ее огонь из-за ограниченного времени (короткая июльская ночь) не был должным образом организован и спланирован. Следствие этого противник оказался слабо подавленным. Наступающие войска встретили упорное сопротивление. Активизировала свои действия авиация. 16-я и 17-я танковые дивизии предприняли серию контратак.

Неоднократно повторенные атаки не дали значительных результатов. Лишь 76-й стрелковый корпус 3-й гв. армии, кстати, не входивший в состав ударной группировки, смог нащупать слабое место в обороне неприятеля. В его полосе была введена в бой 1-я гв. танковая бригада (передовой отряд 1-й танковой армии). Совместно они продвинулись на глубину до 8 км, образовав в обороне второй полосы неустойчивый участок.

В связи с встретившимися трудностями прорыва второй полосы было решено в течение ночи привести войска в порядок, а утром 15 июля провести мощную артиллерийскую подготовку и ввести в бой вторые эшелоны стрелковых корпусов. Как вспоминает Маршал И. С. Конев, потребовалось «подготовить атаку по-настоящему»².

В 8.30 15 июля после 60-минутной артиллерийской подготовки войска северной ударной группировки возобновили наступление. Наиболее успешно в этот день действовали войска 13-й армии, в полосе действий которой в течение ночи было восстановлено централизованное управление артиллерией, а ее плотность доведена до 200 стволов на 1 км. К исходу дня корпус прорвали вторую полосу обороны. На следующий день завершили прорыв второй полосы и войска 3-й гв. армии. В результате этого к исходу дня 16 июля войска правой ударной группировки, преследуя противника, продвинулись на глубину до 30 км, расширив фронт прорыва до 120—130 км.

Таким образом, вторая полоса обороны противника прорывалась три дня, а тактическая зона обороны — четыре дня.

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 480.

² Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 248.

Опыт ее прорыва, на наш взгляд, во многом не утратил своего значения и в настоящее время.

Во-первых, если отвод противником войск с главной полосы на вторую ожидался с 10 июля, т. е. за три дня до начала операции, то это требовало заблаговременной разработки варианта прорыва второй полосы обороны и соответствующей подготовки войск. Опыт же боевых действий показал, что главные силы 3-й гв. и 13-й армий, выйдя 13 июля ко второй полосе, оказались не подготовленными к ее прорыву с ходу, неорганизованно они провели атаки и на следующий день.

Во-вторых, поскольку отход противника на вторую полосу был установлен в 22.00 12 июля, то переходить в наступление следовало не утром 13 июля, а немедленно, тотчас же, притом не передовыми батальонами, а главными силами дивизий первого эшелона, чтобы мощным ударом сорвать маневр противника, не дать ему возможности отойти на вторую полосу и укрепиться на ней. Запоздалый ввод в действие главных сил позволил противнику осуществить свой замысел.

В-третьих, преднамеренным отводом основных сил с первой на вторую полосу обороны противник поставил в особенно затруднительное положение нашу артиллерию. Плотность ее снизилась, нарушилось централизованное управление. Но главное, она оказалась почти «слепой», так как не имела достаточно полных и точных разведывательных данных и нередко вела стрельбу не по целям, а по площадям. Следовательно, данные о второй полосе надо иметь заблаговременно, а к ее прорыву тщательно готовиться еще до перехода в наступление.

С прорывом тактической зоны обороны противника были созданы благоприятные условия для ввода в сражение подвижных групп. В 19.20 15 июля командующий фронтом отдал приказ конно-механизированной группе № 1 в ночь на 16 июля выйти в район Стоянов и с утра этого дня войти в сражение в полосе 13-й армии с задачей к утру 17 июля овладеть Каменкой-Струмилова. 1-я гв. танковая армия получила задачу с утра 17 июля войти в сражение в полосе той же 13-й армии и развивать наступление в общем направлении на Сокаль—Рава-Русская¹.

Как видно из изложенного, командующий фронтом изменил порядок ввода подвижных групп и задачи конно-механизированной группы. Нам представляется, что вводить в сражение 16 июля все же было бы более целесообразным сначала не конно-механизированную группу, а 1-ю гв. танковую армию, мощным ударом которой достигалось бы быстрое развитие успеха в глубину и создавались более благоприятные условия

¹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 407—408.

для ввода в прорыв конно-механизированной группы, кавалерия которой была слишком уязвимой от огня всех видов противника. Вместе с тем изменение задачи конно-механизированной группе имело и положительные стороны. Ее выход в тыл бродской группировке противника не только способствовал окружению последней, но и оказывал влияние на успех действий наших войск на львовском направлении, а также обеспечивал с юга наступление к р. Сан 1-й танковой армии.

Конно-механизированная группа, получив новое направление действий и новые маршруты, провела выход из района сосредоточения на рубеж ввода недостаточно организованно, поэтому смогла войти в сражение не утром, как было приказано, а только к исходу 16 июля. На следующий день она овладела Каменкой-Струмилова, выйдя в тыл бродской группировке противника. Вслед за ней с утра 17 июля вошла в прорыв 1-я гв. танковая армия, которая к исходу дня передовым отрядом форсировала р. Западный Буг и захватила плацдарм в районе Добрачин. 18 июля форсировали реку главные силы армии¹, а выходом конно-механизированной группы и частей 3-й гв. танковой армии в район Деревляны было завершено окружение бродской группировки врага.

Таким образом, с 13 по 18 июля войска северной ударной группировки прорвали оперативную оборону противника на всю глубину и создали благоприятные условия для развития операции на сандомирском направлении.

В более сложной обстановке осуществлялся прорыв на львовском направлении. Здесь вражеское командование решило любой ценой удержать занимаемые позиции и с этой целью заблаговременно развернуло на второй полосе пехотную дивизию СС «Галиция», а в район Зборов подтянуло из резерва 1-ю и 8-ю танковые дивизии.

Вслед за разведкой боем, проведенной 13 июля силами разведывательных отрядов, утром 14 июля после 30-минутной артиллерийской подготовки специально выделенной артиллерией начали действовать усиленные передовые батальоны. Несмотря на настойчивые атаки, они смогли только вклиниться в оборону противника, захватив на отдельных участках первую и местами вторую траншеи. Поэтому было принято решение ввести в действие главные силы, поддержав их мощным огнем артиллерии и ударами авиации.

В 16.00 14 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации перешли в наступление главные силы 60-й и 38-й армий². Поддержка атаки пехоты и танков осуществлялась не огневым валом, как пла-

¹ См.: *Бабаджанян А. Х., Попель Н. К.* и др. Люки открыли в Берлине. М., Воениздат, 1973, с. 188.

² См.: *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 249.

нировалось, а последовательным сосредоточением огня¹. Преодолевая упорное сопротивление и отражая контратаки противника, наши войска к исходу дня продвинулись лишь на 3—8 км².

Таким образом, задача первого дня — прорыв всей тактической зоны обороны на глубину 20 км не была выполнена. Причиной этого явились не только сильное сопротивление противника, но и ряд недочетов в организации прорыва.

Во-первых, наступление наших войск не было внезапным для противника не только в оперативном, но и в тактическом масштабе. В результате крупных перегруппировок накануне операции с нарушением режима маскировки противник, судя по захваченным впоследствии документам, «еще в первых числах июля имел данные о готовящихся ударах на рава-русском и львовском направлениях»³. Были случаи, когда при перебазировании авиации из-за плохого штурманского обеспечения перелетов отдельные наши самолеты, сбившись с курса, «совершали посадку на территорию, занятую противником»⁴. Наконец, этому способствовала и растянутая по времени разведка боем, проводившаяся с 22.00 12 июля до первой половины дня 14 июля.

Во-вторых, сведения об обороне противника, особенно в 38-й армии, были далеко неполными. Армия, перегруппировавшись к 7 июля в новую полосу, имела ограниченное время для организации и ведения наземной разведки, а авиацией она не располагала. При этом, даже те несколько дней, которые оставались до начала наступления, не могли быть использованы должным образом для этой цели, так как распоряжением Ставки от 29 мая 1944 г. вновь прибывшим войскам запрещалось ведение всех видов наземной разведки.

В-третьих, поражение противника огнем артиллерии и ударами авиации оказалось недостаточно эффективным, а переход в наступление главных сил — запоздалым, в чем не последнюю роль сыграл такой психологический фактор, как ожидание отвода противником своих войск в глубину. «Все мы, — пишет Маршал К. С. Москаленко, — узнав, что противник начал отвод своих войск на рава-русском направлении на вторую полосу обороны, в свою очередь, ожидали такого же маневра на львовском направлении. И поэтому опасались израсходовать накопленные боеприпасы на оставленные им по-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 48.

² См.: *Конец И. С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 249.

³ *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении. 1943—1945. М., «Наука», 1972, с. 386.

⁴ *Красовский С.* 2-я воздушная армия в Львовско-Сандомирской операции. «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, с. 34.

зиции. Это привело к потере темпа и времени. Враг незамедлительно воспользовался нашим упущением»¹.

Наконец, отрицательно сказалась низкая плотность танков НПП. В 38-й армии, например, их хватило «лишь для обеспечения действий передовых батальонов. Когда же после артиллерийской подготовки в наступление перешли стрелковые дивизии первого эшелона, то это была атака пехоты без достаточного обеспечения танками непосредственной поддержки пехоты»².

Все это в совокупности привело к тому, что успех в первый день оказался значительно меньшим, чем предполагалось.

15 июля после часовой артиллерийской подготовки и ударов авиации войска возобновили наступление. Более успешно развивался прорыв в полосе 60-й армии. Здесь были введены в бой вторые эшелоны стрелковых дивизий, а затем и передовые бригады 3-й гв. танковой армии (69 мбр и 56 тбр). В результате этого соединения 60-й армии продвинулись еще на 8—10 км³, прорвав на узком участке фронта (4—5 км) в районе Колтув вторую полосу обороны противника.

38-я армия в этот день отражала сильный контрудар двух танковых дивизий противника и на некоторых участках была вынуждена отойти на 2—4 км. Разведка фронта и армии своевременно не вскрыла подготавливаемый противником контрудар, и он для наших войск оказался неожиданным⁴. Кроме того, истребительно-противотанковая артиллерия отстала от боевых порядков пехоты на 2—3 км⁵. В боевых порядках войск было крайне ограниченное количество танков и САУ. Огонь артиллерии с закрытых огневых позиций не обеспечивал надежного поражения вражеских танков. «Командование армии пыталось нарастить силу удара путем ввода в бой вторых эшелонов соединений. Но при отсутствии танков и недостаточно эффективной поддержки артиллерии это приводило лишь к переуплотнению боевых порядков наступающих войск»⁶. По указанию командующего фронтом против танковой группировки противника были брошены крупные силы авиации — свыше 1000 бомбардировщиков и штурмовиков⁷. К исходу дня на это направление было выдвинуто более 400 противотанковых орудий, плотность которых на глубину до 6 км достигала 40—50 орудий на 1 км фронта. Для заверше-

¹ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943—1945. М., «Наука», 1972, с. 396.

² Там же, с. 398.

³ См.: Курочкин П. А. Избр. статьи. М., ВАФ, 1970, с. 62.

⁴ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 407.

⁵ См.: Там же.

⁶ Гречко А. Вопросы военного искусства в Львовско-Сандомирской операции. «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, с. 21.

⁷ ЦАМО, ф. 236, оп. 13315, д. 160, л. 50.

ния прорыва командующий фронтом приказал перегруппировать в полосу 38-й армии ударную группу 1-й гв. армии в составе стрелкового и танкового корпусов и утром 16 июля перейти в наступление.

В связи с достигнутым прорывом обороны в полосе 60-й армии командующий фронтом принял решение с утра 16 июля в ее полосе ввести в сражение 3-ю гв. танковую армию. В течение ночи ее передовые бригады во взаимодействии с частями 15-го стрелкового корпуса овладели дорогой Сасов — Золочев, создав условия для ввода главных сил армии.

С утра 16 июля в узкий коридор шириной 4—6 км начала входить 3-я гв. танковая армия. Условия ввода ее в прорыв были крайне тяжелыми. Она двигалась по единственному маршруту сплошной непрерывной колонной. Коридор простреливался пулеметным и артиллерийским огнем. К тому же немецко-фашистское командование, обнаружив выдвижение наших танковых соединений, усилило удары на флангах прорыва. Части пехотной дивизии СС «Галиция» со штурмовой бригадой, сосредоточенные в районе Колтув, стремились прорваться через боевые порядки 15-го и 23-го стрелковых корпусов к Нуше. С юга к этому пункту упорно пробивались части 1-й и 8-й танковых дивизий врага. Однако попытки противника перерезать коридор не увенчались успехом. Враг встретил исключительную стойкость воинов 60-й и 38-й армий. Утром 16 июля перешли в атаку дивизии ударной группировки 1-й гв. армии, оттянув на себя значительные силы вражеской группировки. Во второй половине дня в «колтувский коридор» был введен и 4-й гв. танковый корпус, ранее предназначавшийся для действий в ударной группировке 1-й гв. армии. Для обеспечения ввода в прорыв 3-й гв. танковой армии выделялась часть авиационных корпусов¹.

17 июля 3-я гв. танковая армия, войдя в прорыв, нанесла противнику сильный удар и, продвинувшись за день до 30 км, вышла к р. Пельтев. В связи с необходимостью быстрее наращивания усилий командующий фронтом в ночь на 17 июля принял решение на ввод в прорыв 4-й танковой армии не в полосе 38-й армии, как предусматривалось ранее, а в полосе 60-й армии через «колтувский коридор». Армии ставилась задача, действуя из-за левого фланга 3-й гв. танковой армии, развить стремительное наступление в обход Львова с юга².

Гитлеровцы, почувствовав угрозу окружения бродской группировки, начали ее отвод. Одновременно, усилив свою группировку в районе Колтув 361-й пехотной дивизией и в районе Плугов частями 254-й и 75-й пехотных дивизий, они с

¹ См.: Красовский С. 2-я воздушная армия в Львовско-Сандомирской операции. «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, с. 35.

² ЦАМО, ф. 324, оп. 4761, д. 3, лл. 184—185.

утра 17 июля возобновили настойчивые атаки с целью ударами с севера и юга ликвидировать образовавшийся прорыв и уничтожить наши войска, прорвавшиеся в глубину.

Для дальнейшего укрепления флангов прорыва и его расширения, а также надежного обеспечения ввода в прорыв 4-й танковой армии по приказу командующего фронтом 17 июля были введены в сражение стрелковый корпус второго эшелона и резервная дивизия 60-й армии, 6-й механизированный корпус 4-й танковой армии и 31-й танковый корпус из состава конно-механизированной группы № 2. Это обеспечило устойчивое положение на флангах прорыва и позволило передовым частям 4-й танковой армии уже во второй половине дня пройти «колтувский коридор».

Следующий день, по существу, был критическим для противника. Соединения 3-й гв. танковой армии, форсировав с утра 18 июля р. Пелтев, к исходу дня вышли в район 30—40 км северо-западнее Львова, одной бригадой, заняв Деревляны, соединились с частями конно-механизированной группы № 1 и завершили окружение группировки противника в районе западнее Броды (до восьми дивизий). 4-я танковая армия, продолжая частью сил отражать контрудары врага южнее Золочев и Иванув, 10-м танковым корпусом вышла в оперативную глубину и развила наступление на Львов с юга.

Выход танковых армий в оперативную глубину предопределил последующее успешное развитие операции фронта. После 18 июля, хотя бои на флангах прорыва на львовском направлении продолжали носить ожесточенный характер, сила сопротивления врага была значительно ослаблена. Теперь он стремился к главному — быстрее вырваться из окружения. Но и эта задача оказалась для гитлеровцев непосильной. Войска 60-й и 13-й армий во взаимодействии с конно-механизированной группой № 1 в период с 19 по 22 июля полностью ликвидировали окруженную бродскую группировку, захватив свыше 17 тыс. пленных. Теперь войска фронта наступали более чем в 300-километровой полосе, продвинувшись в центре почти на 200 км в глубину¹. 27 июля был освобожден г. Львов, а 29—30 июля войска фронта, продвинувшись в общей сложности до 350 км, форсировали р. Висла и захватили на ней ряд плацдармов. В течение августа эти плацдармы были объединены в один общий плацдарм до 75 км по фронту и 20—60 км в глубину.

В целом Львовско-Сандомирская операция имела большое военно-политическое значение. Была разгромлена группа армий «Северная Украина», при этом 8 дивизий уничтожены полностью, а 32 дивизии понесли тяжелые потери. Было завер-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 413.

шено освобождение западных областей Украины, форсирована крупная водная преграда — р. Висла и захвачен важный оперативный плацдарм, что создавало благоприятные условия для проведения новых наступательных операций в Южной Польше и Чехословакии.

Большое поучительное значение имела операция и в вопросах военного искусства, особенно в организации и осуществлении прорыва вражеской обороны и использовании подвижных войск для развития успеха.

Нанесение двух мощных ударов, удаленных друг от друга на 70—80 км, позволило рассечь оборону противника на части и в дальнейшем действиями главных сил развить достигнутый прорыв в глубину, а частью сил наступлением по сходящимся направлениям окружить группировку врага между участками прорыва, что привело к образованию крупной оперативной брешы в его обороне.

Операция характерна сосредоточением на узких участках прорыва основных сил и средств фронта, созданием их высоких плотностей и решающего превосходства над противником. В ней пришлось осуществлять прорыв в условиях преднамеренного отвода противником своих основных сил с главной полосы на вторую, а также развивать прорыв путем последовательного ввода двух танковых армий в узкой полосе.

Опыт прорыва и его развития в данной операции во многом не потерял своей поучительности и в современных условиях. В ней еще раз подтвердилась исключительная важность разведки противника и правильного анализа ее данных, которые должны лежать в основе оценки обстановки, принятия решений и планирования операции. Несвоевременное обнаружение дислокации оперативных резервов противника на львовском направлении не позволило разгадать его возможный контрманевр, что затруднило прорыв и его развитие. Недостаточно полные сведения о системе обороны противника отрицательно сказались и на эффективности артиллерийской подготовки.

Прорыв тактической зоны обороны противника в высоких темпах, особенно учитывая дислокацию его оперативных резервов и общие условия стратегической обстановки, в которых проводилась операция, являлся задачей первостепенной важности. От ее успешного решения зависело прежде всего стремительное продвижение войск к р. Висла и достижение конечных целей операции. Поэтому для непосредственного осуществления прорыва, на наш взгляд, следовало бы привлечь максимум сил и средств общевойсковых армий.

Поскольку фронт располагал в качестве эшелона развития успеха такими крупными силами, как три танковые армии, две конно-механизированные группы и отдельный танковый корпус, и имел в резерве стрелковый корпус, привлечение 5-й

гв. армии для нанесения удара на львовском направлении, как это предусматривалось директивой Ставки от 24 июня 1944 г.¹, видимо, было бы целесообразным. Нанесение же удара только силами 60-й и 38-й армий привело к назначению зауженного по сравнению с возможностями участка прорыва (14 км) и снижению силы первоначального удара, что в общем облегчило противнику ведение борьбы на флангах достигнутого прорыва и создало огромные трудности для войск фронта в «колтувском коридоре».

Ввод в прорыв двух танковых армий через узкий коридор, безусловно, является показателем смелости, риска, решительности командования фронта и творческого подхода к исполнению крупных подвижных объединений в конкретных условиях обстановки. Вместе с тем нельзя не отметить, что при создавшемся положении половину бронетанковых соединений (31 тк, 4 гв. тк, 6 мк) пришлось задействовать для обеспечения флангов коридора. Кроме того, 3-я гв. и 4-я танковые армии фактически не вводились в прорыв, а «проталкивались» через узкую брешь, что затянуло их ввод на четверо суток и привело к отставанию тылов и нехватке материальных средств (боеприпасов, горючего, средств связи) при развитии операции в глубину (после 18 июня)².

Нам представляется, что в данной операции, так же как и в Витебско-Оршанской, ввод в прорыв одной из танковых армий и конно-механизированной группы было бы целесообразным спланировать по двум вариантам. В частности, предусмотреть использование двух танковых армий не только на львовском, но и на рава-русском направлении за счет маневра одной из них с одного участка на другой. Выдвижение еще одной танковой армии на рава-русское направление (в случае задержки прорыва на львовском направлении) позволило бы ввести ее в «чистый» прорыв, что могло намного ускорить развитие оперативного прорыва в стратегический и с большими результатами (при меньших потерях) завершить операцию.

Нельзя признать оправданным создание низких плотностей танков НПП. Известно, что пехота в наступлении весьма чувствительна к огню обороны противника. Все уцелевшие после артподготовки огневые средства способны задержать продвижение ее вперед. Поэтому в боевых порядках общевойсковых соединений, как показал опыт войны, должны действовать танки и самоходные артиллерийские установки с такой плотностью, чтобы они могли своим огнем надежно обеспечивать успешное продвижение пехоты вплоть до завершения прорыва тактической зоны обороны.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, лл. 381, 382.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 428.

Несмотря на отмеченные недочеты, на которых мы остановились в целях критического обобщения боевого опыта, в Львовско-Сандомирской стратегической операции были достигнуты выдающиеся результаты.

Пути достижения высоких темпов прорыва в Ясско-Кишиневской операции

Прорыв обороны противника в районе Ясс и Кишинева, осуществленный войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов в августе 1944 г., характерен тщательностью подготовки, внезапным нанесением двух мощных ударов по наиболее уязвимым для врага направлениям с последующим окружением и уничтожением его крупной группировки, преодолением тактической зоны обороны в первый день операции, искусным вводом в прорыв танковой армии, высокими темпами наступления.

Против наших войск на ясско-кишиневском направлении на фронте почти в 580 км оборонялась группа армий «Южная Украина» в составе 8-й и 6-й немецких, 4-й и 3-й румынских армий и отдельного 17-го немецкого армейского корпуса¹. Всего в составе группы армий «Южная Украина» насчитывалось 47 дивизий и 5 бригад². При этом большинство дивизий (32 дивизии) и наиболее сильная 6-я немецкая армия оборонялись в центре построения группы армий, где оперативная плотность составляла одна дивизия на 7,5—8 км. На флангах же группы армий, где оборонялись румынские войска, оперативная плотность достигала 18—20 км на одну дивизию.

Оборона противника характеризовалась большой глубиной, тщательной подготовкой, наличием долговременных укреплений и большой насыщенностью живой силой и огневыми средствами, особенно на яском и кишиневском направлениях. Тактическая ее зона состояла из двух полос общей глубиной 8—15 км и более. Главная полоса глубиной 6—8 км включала две-три позиции, оборудованные траншеями и ходами сообщения. На тактически важных высотах были созданы опорные пункты с круговой обороной. Они состояли из нескольких линий траншей и имели дзоты, железобетонные колпаки и хорошо организованную систему пулеметного огня. Вторая полоса обороны включала две-три линии траншей и была оборудована так же, как и главная полоса, лишь с меньшей плотностью инженерных заграждений. Перед 2-м Украинским фронтом она проходила по южному берегу р. Бахлуй, которая своей болотистой поймой, топкими берегами и илистым дном сама по себе представляла серьезное препятствие. Перед 3-м

¹ См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке войск фашистской Германии, вып. 4. М., Воениздат, 1956, с. 114—115.

² См.: Ясско-Кишиневская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1964, № 8, с. 88.

Украинским фронтом вторая полоса была оборудована только на кишиневском направлении.

В системе тактической зоны обороны в районах Тыргу-Няму, Тыргу-Фрумос и Яссы были созданы укрепленные районы, оборудованные долговременными и дерево-земляными огневыми точками и многочисленными оборонительными препятствиями, прикрытыми противотанковыми и противопехотным заграждениями. На 1 км фронта укрепленных районов приходилось до семи и более долговременных сооружений¹

В оперативной глубине перед 2-м Украинским фронтом на удалении 20—25 км по хребту Маре проходила третья, армейская, полоса обороны, хорошо оборудованная отдельными опорными пунктами, прикрывавшими каждый узкий горный проход и узел коммуникаций. Перед 3-м Украинским фронтом в оперативной глубине имелись две полосы, расположенные по рекам Кагильник и Прут. В инженерном отношении эти полосы не везде были полностью оборудованы, но они опирались на водные преграды и в случае своевременного занятия их войсками представляли собой серьезные препятствия.

Исключительно большое внимание немецко-фашистское командование уделяло подготовке оборонительного рубежа по р. Серет, прикрывавшего важнейшие пути в глубь Румынии через известные «фокшанские ворота» — естественному 80-километровому проходу между Карпатами и Дунаем. Здесь были созданы до 1700 различных долговременных сооружений, мощные полосы противотанковых надолб и заполненные водой противотанковые рвы. Все доступные участки местности были опутаны колючей проволокой и прикрыты минными полями и фугасами.

Таким образом, развитая в инженерном отношении и подготовленная на глубину 80 км оборона противника, а также особенности района военных действий, изобилующего горными хребтами, высотами и большим количеством рек, текущих в меридиальном направлении, требовали от наших войск тщательной подготовки к прорыву и большого физического и морального напряжения при его осуществлении.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования (схема 13) заключался в том, чтобы силами 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвать вражескую оборону на двух далеко отстоящих друг от друга участках (удаление свыше 200 км), развить удары по сходящимся направлениям к району Хуши, окружить и уничтожить крупную яско-кишиневскую группировку противника (6-ю армию) и в дальнейшем овладеть «фокшанскими воротами» и устьем реки Дунай (глубина — 220—230 км)². Войска 3-го Украинского фронта, кроме того,

¹ См.: Яско-Кишиневские Каньоны. М., «Наука», 1964, с. 52.

² ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, лл. 435—437.

В замысле Ставки, выработанном на основе предложений командующих фронтами, обращает на себя внимание прежде всего продуманный и глубоко обоснованный выбор направлений главных ударов фронтов. Он основывался на максимальном использовании выгодного начертания линии фронта и слабого обеспечения флангов кишиневской группировки (6-й немецкой армии).

На 2-м Украинском фронте главный удар приходился между двумя укрепленными районами (Тыргу-Фрумос, Яссы), в междуречье Прута и Серета, где располагались менее боеспособные румынские части. Это позволяло фронту в кратчайший срок прорвать две мощные оборонительные полосы и изолировать 6-ю немецкую армию от 8-й немецкой и 4-й румынской армий. Дальнейшее развитие удара на 2-м Украинском фронте развертывалось между реками Прут и Серет, текущими с севера на юг, что уже само по себе обеспечивало фланги ударной группировки фронта с востока и запада, а наличие здесь основных дорог, идущих на юг, создавало благоприятные условия для стремительного наступления в глубину к «фокшанским воротам». Особенно выгодным рубежом была р. Прут, позволявшая с продвижением войск в глубину создать по ее западному берегу ограниченными силами прочный внутренний фронт окружения кишиневской группировки противника.

На 3-м Украинском фронте главный удар было решено нанести с плацдарма южнее Бендеры, что давало возможность войскам ударной группировки с самого начала операции достигнуть высоких темпов прорыва по сравнению с другими направлениями, где необходимо было предварительно форсировать р. Днестр, а удар в стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий позволял быстро изолировать их друг от друга, а затем окружить 6-ю армию в районе Кишинева, а 3-ю — на побережье. Кроме того, нанесение удара с плацдарма южнее Бендеры в наибольшей степени обеспечивало его внезапность, так как сам плацдарм из-за своих малых размеров, заболоченности и наличия лесов и садов менее всего подходил для этой цели. Не случайно немецко-фашистское командование исключало возможность нанесения главного удара нашими войсками с данного плацдарма, а ожидало его на кишиневском направлении.

Определяя задачи фронтам, Ставка Верховного Главнокомандования требовала от их командующих создания мощных ударных группировок, осуществления и развития прорыва в высоких темпах. Это обуславливалось тем, что участки прорыва фронтов были удалены один от другого на весьма значительное расстояние, сила ударов должна была обеспечить стремительный разгром не только дивизий первого эшелона, но и оперативных резервов врага и, таким образом, не дать

ему возможности сосредоточить свои усилия на парировании наших ударов. Темпы наступления должны были позволить нашим войскам, совершающим маневр на окружение, упредить противника в отходе их на р. Прут. Дело в том, что среднее удаление окружаемой группировки от района встречи наших фронтов (район Хуши) было 60—80 км, а участки прорыва находились от этого района в 90—100 км. Поэтому, если бы противник, обнаружив угрозу окружения, начал отвод своей кишиневской группировки в ночь на второй день операции, то войска 2-го и 3-го Украинских фронтов должны были наступать с темпом не менее 25 км в сутки. Только при этом условии они могли рассчитывать, что им удастся упредить противника в занятии плацдармов на р. Прут и создать прочный внутренний фронт окружения.

В соответствии с полученными указаниями оба фронта приступили к подготовке операции.

По решению командующего 2-м Украинским фронтом ударная группировка создавалась в составе 27, 52, 53-й общевойсковых, 6-й танковой и 5-й воздушной армий, 18-го танкового и двух отдельных стрелковых корпусов¹. При этом оборону противника планировалось прорвать силами 27-й армии и 52-й армии на одном участке шириной 16 км и к исходу первого дня операции выйти на рубеж хребта Маре (глубина—20—25 км). Во втором эшелоне намечалось использовать 53-ю армию для наращивания усилий в целях развития успеха в оперативной глубине в направлении Фокшаны. В резерве оставались два отдельных стрелковых корпуса².

Для развития наступления войск ударной группировки на главном направлении предусматривалось в первый день операции после овладения стрелковыми соединениями рубежом р. Бахлуй (основными узлами сопротивления противника на второй полосе) ввести в прорыв 6-ю танковую армию и 18-й танковый корпус соответственно в полосах 27-й и 52-й армий с задачей к исходу дня преодолеть с ходу хребет Маре и в дальнейшем 6-й танковой армией наступать в направлении Васлуй, Фокшаны, создавая внешний фронт окружения, а 18-м танковым корпусом — к переправам на р. Прут на участке Котумари, Леово, создавая внутренний фронт окружения³.

Такое решение на применение подвижных войск в создавшейся обстановке было наиболее целесообразным. Во-первых, ввод их в прорыв после того, как общевойсковые армии преодолеют всю тактическую глубину обороны противника, позволял не расходовать силы танковой армии и танкового корпуса на ее взламывание, а использовать всю их мощь для стреми-

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 51365, д. 1, лл. 6, 7.

² См.: Ясско-Кишиневские Каньы. М., «Наука», 1964, с. 62—63.

³ См.: Захаров М. Молниеносная операция. «Военно-исторический журнал», 1964, № 8, с. 16.

тельного развития успеха в оперативной глубине. Во-вторых, ввод в прорыв подвижных войск в первый день операции обеспечивал захват с ходу уже к концу этого дня рубежа обороны по хребту Маре, что лишало противника возможности занять его своими резервами. Наконец, это обеспечивало войскам фронта высокие темпы наступления, которые имели первостепенное значение не только для успешного окружения яскокишиневской группировки противника, но и для решения важной последующей задачи фронта по захвату «фокшанских ворот», открывавших пути в Центральную Румынию.

Для обеспечения правого фланга ударной группировки и расширения достигнутого прорыва намечалось силами четырех стрелковых дивизий 7-й гв. армии, используя прорыв в полосе 27-й армии, нанести удар в обход Тыргу-Фрумосского укрепленного района в общем направлении на Роман. Для развития успеха 7-й гв. армии планировалось в ее полосе ввести в сражение конно-механизованную группу (5 гв. кк, 23 тк) с задачей форсировать р. Серет, овладеть г. Роман и далее наступать на юг вдоль правого берега р. Серет, не допуская занятия этого рубежа войсками противника, как отходящими с фронта, так и подходящими из глубины.

Армии ударной группировки (27-я и 52-я) получили для прорыва участки шириной по 8 км, на которых развертывалось по два стрелковых корпуса от каждой армии. Оперативное построение армий было различным. 27-я армия, имевшая задачу действовать на внешнем фронте и на большую глубину, строилась в два эшелона; 52-я армия, задача которой в связи с выходом на внутренний фронт окружения не превышала 80—90 км, — в один эшелон. Боевые порядки стрелковых корпусов строились в два эшелона, дивизий — в один эшелон, а полков — в два эшелона. Участки прорыва в среднем были: корпусов — 4 км, дивизий — 2 км, полков — 600—700 м. Командующий фронтом требовал от соединений и частей ни в коем случае не отвлекать от основной задачи свои главные силы для ликвидации отдельных групп противника в лесах и горах. Для этого необходимо было выделять часть сил из вторых эшелонов и резервов¹.

Для создания групп танков НПП выделялось 270 танков и САУ, что обеспечивало среднюю плотность 17 бронеединиц на 1 км участка прорыва². При этом командующий фронтом требовал танки НПП не распределять равномерно по всему фронту, а использовать массированно в руках командиров дивизий, чтобы «в необходимый момент можно было бросить на ключевой опорный пункт противника 40—50 боевых машин. Если даже 10 танков будут подбиты, то остальные все-

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 1169, лл. 48, 49.

² Там же, оп. 16631, д. 3, лл. 67—69.

таки дойдут до цели, и тогда опорный пункт наверняка будет сломен»¹.

По решению командующего 3-м Украинским фронтом ударная группировка создавалась в составе 37, 46, 57-й общевойсковых и 17-й воздушной армий, 7-го и 4-го гв. механизированных и отдельного 10-го гв. стрелкового корпусов².

Прорыв обороны противника намечалось осуществить на одном сплошном участке шириной 18 км силами 37-й, частью сил 57-й и 46-й армий с задачей к исходу первого дня операции преодолеть тактическую зону обороны (10—12 км) и на пятый день выйти на р. Прут в районе Хуши (100 км), где совместно с войсками 2-го Украинского фронта завершить окружение кишиневской группировки противника³. При этом 57-я армия с прорывом обороны и дальнейшим продвижением вперед должна была создать внутренних фронт окружения путем последовательного развертывания своих сил к северу и, таким образом, надежно обеспечить ударную группировку фронта справа. В связи с этим оперативное построение армии создавалось в три эшелона (в каждом по одному стрелковому корпусу), а участок прорыва составлял всего 4 км⁴. 37-я армия, на которую возлагалась ведущая роль в операции и которая должна была всеми своими силами стремительно наступать навстречу войскам 2-го Украинского фронта, строилась в два эшелона, а участок ее прорыва составлял 6 км. 46-я армия строилась в один эшелон, а участок ее прорыва составлял 8 км. Одноэшелонное построение 46-й армии объяснялось главным образом тем, что она имела широкую полосу (111 км) и поэтому была вынуждена расходовать значительные силы и средства не только на участке прорыва, но и на остальном фронте. На правом крыле оборонялась 5-я ударная армия, имевшая задачу имитировать сосредоточение крупных сил и подготовку прорыва на кишиневском направлении⁵.

Для развития наступления войск ударной группировки фронта планировался ввод в сражение 7-го и 4-го гв. механизированных корпусов с утра второго дня операции после прорыва тактической зоны вражеской обороны (глубина ввода — 10—12 км). При этом 7-й механизированный корпус должен был действовать в качестве подвижной группы 37-й армии с задачей к исходу четвертого дня операции выйти к р. Прут, где соединиться с войсками 2-го Украинского фронта. 4-й гв. механизированный корпус должен был действовать как подвижная группа фронта и вводиться в полосу 46-й армии с задачей,

¹ Яско-Кишиневские Каньы. М., «Наука», 1964, с. 75.

² ЦАМО, ф. 243, оп. 20371, д. 50, л. 2.

³ См.: Яско-Кишиневские Каньы. М., «Наука», 1964, с. 64.

⁴ См.: *Мацуленко В. А.* Разгром немецко-фашистских войск на балканском направлении. М., Воениздат, 1957, с. 30.

⁵ ЦАМО, ф. 243, оп. 2900, д. 1102, лл. 93, 94.

выйдя в район Тарутино, в дальнейшем действовать по двум вариантам: наступать или на северо-запад и к исходу четвертого дня выйти в район Хуши или на юго-запад в направлении Кагул для развития удара на внешнем фронте. В том и в другом варианте корпус должен был из района Тарутино частью сил нанести удар на юг вдоль реки Кагильник для непосредственного окружения совместно с войсками 46-й армии группировки противника на побережье Черного моря (3-й румынской армии) ¹.

Для создания групп танков НПП на 3-м Украинском фронте было выделено 256 танков и САУ, что обеспечивало среднюю их плотность 14 бронеединиц на 1 км участка прорыва ². Особенность их применения состояла в том, что по решению командующего фронтом они вводились в бой только после захвата пехотой переднего края вражеской обороны. Это было связано с наличием сплошных и глубоких минных полей как перед передним краем, так и на нем, а также с тем, что разведку и обезвреживание их из-за резко пересеченной местности заблаговременно произвести было невозможно.

Большое искусство было проявлено во фронтах при подготовке артиллерийского обеспечения прорыва. Для создания высоких плотностей огня в состав артиллерийских группировок фронтов была включена артиллерия не только армий, прорывавших оборону, и артиллерия РВГК, но и вся свободная в период артиллерийской подготовки артиллерия вторых эшелонов, резервов и подвижных соединений. Это позволило на направлениях главных ударов фронтов создать плотность до 240—280 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше) на 1 км участка прорыва ³.

Артиллерийская подготовка атаки на 2-м Украинском фронте планировалась продолжительностью 90 минут, а на 3-м Украинском фронте — 105 минут. При этом на долю огневых налетов во 2-м Украинском фронте приходилось 50% времени артиллерийской подготовки, а на 3-м Украинском фронте — 19%. В последнем случае приходилось считаться с более экономичным расходом боеприпасов, так как фронт недополучил 317 тыс. снарядов ⁴.

Артиллерийская поддержка атаки на 2-м Украинском фронте планировалась двойным огневым валом на глубину 2—2,5 км, а на 3-м Украинском фронте — одинарным огневым валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня

¹ См.: История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, т. 2. М., изд. Академии БТ и МВ, 1953, с. 174—175.

² См.: Ясско-Кишиневские Каньы. М., «Наука», 1964, с. 75.

³ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. М., Воениздат, 1977, с. 116.

⁴ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 497.

на глубину 1,5—2 км. Артиллерийское сопровождение пехоты и танков при бое в глубине обороны должно было осуществляться последовательным сосредоточением огня.

Созданная в армиях обоих фронтов группировка артиллерии позволяла осуществлять централизованное управление огнем артиллерии. Необходимо, однако, отметить как недостаток (по сравнению с уже сложившимися взглядами и практикой) отсутствие дивизионных, а на 2-м Украинском фронте и корпусных артиллерийских групп, что лишало общевойсковых командиров возможности непосредственно влиять на ход боя.

На обоих фронтах выделялось необычно большое количество орудий для стрельбы прямой наводкой. Плотность их на участках прорыва составляла: на 2-м Украинском фронте — до 55, на 3-м Украинском фронте — 30—35 орудий на 1 км¹. С началом атаки эти орудия должны были действовать как орудия сопровождения пехоты и танков. При этом они действовали спаренно: одно орудие ведет огонь и прикрывает другое, перемещающееся на новую огневую позицию. Это значительно увеличивало их живучесть в бою.

Осуществление авиационного наступления возлагалось на 5-ю и 17-ю воздушные армии. Наиболее полно оно планировалось на первые три дня операции. В течение этих дней предусматривалось израсходовать 4000 самолето-вылетов на 2-м Украинском фронте и 4830 самолето-вылетов на 3-м Украинском, из них: на подавление и уничтожение живой силы и боевой техники противника в тактической зоне обороны — 50% самолето-вылетов, на прикрытие главной группировки наземных войск с воздуха — 19%, на сопровождение авиации — 13%, на борьбу с вражескими резервами — 9% и на разведку — 9%². Основные усилия авиации фронтов направлялись на поддержку атаки наземных войск при прорыве обороны противника, для чего в первый день планировалось израсходовать более 2000 самолето-вылетов на каждом фронте.

В результате решительного массирования сил и средств на избранных участках прорыва, составивших около 6% от общей протяженности линии фронта, было сосредоточено 67% пехоты, от 50 до 72% артиллерии и минометов, до 87% танков и самоходно-артиллерийских установок и 90% авиации. Это позволило создать высокие оперативные плотности сил и средств на участках прорыва (табл. 7).

Высокие оперативные плотности дали возможность достичь на участках прорыва значительного превосходства в силах над противостоящим противником: по пехоте — в 4—8 раз, по артиллерии — в 6—11 раз, по танкам — в 6 раз³. Это

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958. с. 452.

² ЦАМО, ф. 240, оп. 16671, д. 3, лл. 67—69.

³ Ясско-Кишиневские Каньы. М., «Наука», 1964. с. 102.

давало нашим войскам определенную гарантию в достижении прорыва вражеской обороны в высоких темпах.

Т а б л и ц а 7

Оперативные плотности сил и средств 2-го и 3-го Украинских фронтов на участках прорыва

Фронты	Ширина (км)		Плотность								
			дивизий			орудий и минометов			танков и САУ		
	полосы наступления	участка прорыва	всего	на участке прорыва	км на сд	всего	на участке прорыва	на 1 км участка прорыва	всего	на участке прорыва	на 1 км участка прорыва
2-й Украинский	320	16	51	25	0,44	9340	4239	250—280	1283	899	56
3-й Украинский	260	18	37	24	0,75	6600	4640	240—280	591	455	25

Прорыв обороны противника начался утром 20 августа. Ему предшествовала разведка боем, проведенная на 2-м Украинском фронте 19 августа в 16.00 и на 3-м Украинском фронте 20 августа в 5.00. Она подтвердила, что противник намерен прочно оборонять своими главными силами прежние позиции, позволила уточнить начертание переднего края, вскрыла ряд новых огневых точек и артиллерийских батарей противника. Захваченные при этом в плен 117 солдат и офицеров подтвердили правильность данных нашей разведки о характере обороны противника и группировке его войск.

20 августа в 6.10 на 2-м Украинском фронте и в 8.20 на 3-м Украинском фронте началась артиллерийская подготовка атаки. На 3-м Украинском фронте была проведена и авиационная подготовка атаки. В результате артиллерийской и авиационной подготовки, проведенных с высокой эффективностью, была полностью подавлена система огня противника на переднем крае и в ближайшей глубине обороны, полностью нарушены связь и управление войсками в звене рота—батальон—полк. По показанию пленных, вражеские дивизии понесли до 50% потерь в личном составе¹. Подразделения и части противника в беспорядке, без приказа стали отходить в южном направлении. Будучи подавленной и частью уничтоженной, прекратила огонь и вражеская артиллерия.

¹ ЦАМО, ф. 243, оп. 2900, д. 1102, л. 229.

В 7.40 пехота и танки ударной группировки 2-го Украинского фронта, сопровождаемые двойным огнем валом и ударами штурмовой авиации (группами по 8—20 самолетов), начали энергичную атаку. Уже к 8.30 наступавшие войска овладели первой и второй линиями траншей. В связи с успешным ходом прорыва дивизиям первого эшелона был отдан приказ ввести в действие заранее созданные передовые отряды (усиленные стрелковые батальоны) для захвата переправ через р. Бахлуй.

Продолжая наступление, войска фронта к 11.00 завершили прорыв главной полосы обороны и устремились к р. Бахлуй. Первыми к ней вышли передовые отряды с танками НПП, которые захватили исправными два моста грузоподъемностью до 50 т каждый¹. Немецко-фашистское командование с целью задержать наше наступление выдвинуло из оперативного резерва часть сил 18-й горнострелковой дивизии. Но войска 27-й и 52-й армий сломали сопротивление противника и к 13.00—14.00 полностью овладели его второй полосой обороны на южном берегу р. Бахлуй.

Таким образом, тактическая зона обороны противника была прорвана нашими войсками за 5 часов. Темпы ее прорыва достигали 2—3 км/ч. Были созданы благоприятные условия для ввода 6-й танковой армии, которая вошла в сражение в 14.00 на глубине 10—12 км. Это был единственный случай в ходе Великой Отечественной войны, когда танковая армия вводилась в прорыв уже в середине первого дня наступления в условиях завершившегося к этому времени прорыва тактической зоны обороны противника на всю ее глубину силами стрелковых соединений.

По заключению командующего группой армий «Южная Украина» генерала Фриснера, итог боев 20 августа оказался для нее катастрофическим. В армейской группе «Думитреску» обе дивизии 29-го армейского корпуса совершенно распались, а в группе «Велер» до пяти румынских дивизий были полностью разгромлены².

С вводом в прорыв танковая армия завязала ожесточенные бои в промежутке между второй и третьей (армейской) полосами обороны противника. Немецко-фашистское командование с целью остановить наше наступление ввело в сражение из оперативного резерва остальные части 18-й горнострелковой дивизии, 1-ю танковую, а затем и 10-ю моторизованную дивизии. Им была поставлена задача «немедленно отбросить русских за Бахлуй»³. Однако, натолкнувшись на мощные

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 1176, л. 7.

² См.: Фриснер Г. Проигранные сражения. М., Воениздат, 1966, с. 75.

³ Минасян М. М. Борьба Советской Армии за освобождение народов Юго-Восточной Европы в Великой Отечественной войне. М., ВАФ, 1957, с. 177.

удары наших танковых соединений, выполнить поставленную задачу вражеские соединения не смогли. До глубокой ночи шли кровопролитные бои, что не позволило танковой армии оторваться на значительное расстояние от пехоты. За день боя наши стрелковые соединения продвинулись на 9—12 км, а 6-я танковая армия — на 12—16 км, расширив фронт прорыва до 30 км.

В этот день соединения левого фланга ударной группировки 52-й армии завязали бои за яские высоты на северо-западной окраине города, но взять их не смогли. В связи с тем, что противник простреливал с этих высот долину, где должен был вводиться в сражение 18-й танковый корпус, командующий фронтом из-за возможных больших потерь в танках отменил в этот день ввод корпуса в сражение.

Серьезную помощь наступавшим войскам 20 августа оказала 5-я воздушная армия, которая произвела в этот день свыше 1500 самолето-вылетов, из них около половины (774) по войскам противника непосредственно на поле боя¹.

Хотя к исходу дня войска фронта и не вышли на запланированный рубеж, но в целом они достигли крупного оперативного успеха. Была не только прорвана тактическая зона обороны и разгромлены дивизии противника, оборонявшие ее, но и в ожесточенных боях во второй половине дня и в ночь на 21 августа оказались в значительной степени разбитыми и его крупные оперативные резервы. В результате стремительных действий наших войск оперативные резервы врага не успели занять оборону на р. Бахлуй, были вынуждены вступить в сражение на неподготовленной местности, понесли большие потери и в силу этого не смогли организованно занять оборону по хребту Маре.

Большую помощь стрелковым и танковым соединениям оказали инженерные войска фронта. В течение дня к р. Бахлуй были сосредоточены шесть pontонно-мостовых батальонов, которые в ночь на 21 августа построили 10 мостов грузоподъемностью 30—60 т и полностью обеспечили боевые действия войск фронта.

С утра второго дня противник вновь предпринял ряд попыток контратаковать наши части, но под ударами стрелковых и танковых соединений, поддержанных артиллерией и авиацией, понес крупные потери и был вынужден начать отход в южном направлении, 6-я танковая армия, а за ней и 27-я армия захватили с ходу перевалы через хребет Маре и к исходу 21 августа полностью завершили прорыв армейской полосы обороны противника. Войска 52-й армии с утра этого дня обеспечили ввод в прорыв 18-го танкового корпуса, который стал разви-

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958, с. 475.

вать успех в общем направлении на Хуши. К 15.00 войска армии овладели городом Яссы¹. В этот день из-за правого фланга ударной группировки перешла в наступление 7-я гв. армия, которая завязала бои за Тыргу-Фрумосский укрепленный район с востока. Во второй половине дня здесь же была введена в сражение конно-механизированная группа², которая с наступлением темноты совместно с частями 7-й гв. армии овладела городом Тыргу-Фрумосс.

За два дня боевых действий войска 2-го Украинского фронта прорвали три оборонительные полосы противника на глубину до 40 км, овладели важным оперативным рубежом — хребтом Маре, расширили прорыв до 65 км по фронту и на направлении главного удара создали благоприятные условия для развития стремительного наступления в глубину³.

Не менее успешно осуществлялся прорыв и на 3-м Украинском фронте. Эффективность артиллерийской и авиационной подготовки была довольно высокой. После преодоления пехотой наиболее заминированных участков нейтральной полосы и первой траншеи двинулись в бой сопровождаемые саперами танки НПП. В результате совместных ударов пехоты и танков, поддержанных огневым валом артиллерии и ударами штурмовиков, первая позиция противника была прорвана на всю глубину. Развивая достигнутый успех, соединения 37-й и 46-й армий к исходу дня завершили прорыв главной полосы обороны, продвинувшись на 10—12 км и расширив прорыв до 40 км по фронту.

С целью дольше удержать противника на вершине кишиневской дуги и поддержать его мнение о возможном нанесении главного удара советскими войсками на кишиневском направлении в этот день 5-я ударная армия провела разведку боем и сковала противостоящего противника. В результате этого немецко-фашистское командование даже к исходу 20 августа удар войск 3-го Украинского фронта с плацдарма южнее Бендер не считало главным и выделило из оперативного резерва для ликвидации этого удара одну (13-ю) танковую дивизию, сохранив в целостности свою кишиневскую группировку.

21 августа в сражение были введены механизированные корпуса. Особенно успешно действовал 4-й гв. механизированный корпус, который к исходу дня продвинулся на глубину 50 км⁴. 7-й механизированный корпус из-за плохой организации марша и забитых войсками дорог смог войти в сражение только в 14.00. Но и после ввода он действовал нерешительно и к концу дня, по существу, не смог оторваться от стрелковых

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 1279, с. 23.

² Там же, д. 1176, л. 7.

³ Там же, д. 1279, л. 23.

⁴ См.: Толубко В. Ф., Барышев Н. И. На южном фланге. М., «Наука», 1973, с. 191.

соединений. Не выполнила задачу второго дня и 37-я армия, отразившая в течение дня несколько контратак 13-й танковой дивизии противника.

В целом за второй день боев ударная группировка фронта углубила прорыв до 30 км, расширив его по дуге до 95 км¹.

Вечером 21 августа Ставка Верховного Главнокомандования, оценив сложившуюся обстановку как благоприятную, отдала директиву, в которой указывалось: «...Сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши... Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии»².

Во исполнение директивы Ставки командующие фронтами поставили дополнительные задачи войскам. Командующий 2-м Украинским фронтом указал 6-й танковой армии на медленные действия и потребовал более решительного движения в заданный район³, а 4-й гв. армии приказал перейти в наступление своим правым флангом⁴. Командующий 3-м Украинским фронтом, будучи особенно неудовлетворенным действиями 7-го механизированного корпуса, направил его командиру шифротелеграмму, в которой указал: «...По причине нерешительных действий... Вы теряете драгоценное время для выгryша и отдаете это время противнику. Приказываю: решительным движением мехкорпуса преследовать противника и выйти в район задачи дня»⁵. Одновременно командующий фронтом приказал 4-му гв. механизированному корпусу действовать по варианту, предусматривающему соединение с войсками 2-го Украинского фронта⁶.

Выполняя указания командующих фронтами, в последующие дни войска добились новых крупных успехов. Они продолжали стремительно развивать успех на главных направлениях и одновременно расширяли достигнутый прорыв в сторону флангов. На 2-м Украинском фронте перешла в наступление 4-я гв. армия, нанеся удар правофланговым корпусом вдоль восточного берега р. Прут. Войска 7-й гв. армии за 22 и 23 августа полностью преодолели Тыргу-Фрумосский укрепленный район и форсировали р. Серет, а конно-механизированная группа овладела г. Роман. 6-я танковая армия за эти дни очистила от противника г. Васлуй и, продвинувшись еще на 45 км южнее, овладела г. Бырлад. 27-я и 52-я армии вышли на рубеж

¹ ЦАМО, ф. 243, оп. 2900, д. 857, л. 41.

² Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 448.

³ Там же, д. 26, л. 48.

⁴ Там же, д. 23, л. 43.

⁵ Там же, ф. 43, оп. 20371, д. 60, л. 45.

⁶ Там же, оп. 2900, д. 1102, л. 123.

ближайшей задачи фронта, выполнив ее, таким образом, на сутки раньше установленного срока, и глубоко охватили группировку противника в районе Кишинева с запада.

Войска 3-го Украинского фронта к исходу дня 22 августа основными силами углубились в расположение противника до 70 км и расширили прорыв до 130 км по фронту. Особенно успешно действовали механизированные корпуса. 7-й механизированный корпус в этот день с боями прошел 80 км, выполнив задачу, поставленную ему на два дня, а 4-й гв. механизированный корпус преодолел расстояние в новом направлении почти в 90 км. На левом крыле фронта группа генерала Бахтина в ночь на 22 августа форсировала Днестровский лиман и нанесла поражение противостоящему противнику.

Только в ночь на 23 августа начала отход к р. Прут кишиневская группировка противника. «Но, — как отмечает бывший командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер, — было уже слишком поздно»¹. 23 августа 7-й и 4-й гв. механизированные корпуса вышли к р. Прут в районе Леово и заняли оборону фронтом на северо-восток. 24 августа к р. Прут вышли соединения 37-й армии, где они соединились с войсками 52-й армии и 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта и завершили окружение войск противника (пять армейских корпусов)².

Следует отметить, что в дальнейшем задачи как по развитию успеха на внешнем фронте, так и по уничтожению окруженного противника решались одновременно. Ликвидация главных сил окруженных войск была осуществлена фронтами в период с 25 по 29 августа (3-я румынская армия, окруженная на побережье Черного моря, капитулировала 25 августа). За это же время войска на внешнем фронте продвинулись на 190—220 км и вышли на подступы к Плоешти, Бухаресту и румыно-болгарской границе. В итоге операции войска фронтов с 20 по 29 августа разгромили основные силы группы армий «Южная Украина», освободили Молдавскую Советскую Социалистическую Республику и, развивая наступление в центральные районы Румынии и к границам Болгарии, добились прорыва стратегического фронта противника. Это позволило в дальнейшем с 30 августа по 24 сентября преодолеть Восточные Карпаты и Трансильванские Альпы в центре и на левом крыле, продвинувшись до 500 км, освободить румынский и болгарский народы от немецко-фашистских захватчиков и выйти к венгерской и югославской границам³.

Только к середине сентября с огромными усилиями немецко-фашистскому командованию удалось на указанном рубеже

¹ Фриснер Г. Проигранные сражения. М., Воениздат, 1966, с. 86.

² ЦАМО, ф. 240, оп. 16362, д. 26, л. 54.

³ Там же, оп. 73765, д. 41, л. 11.

создать новый сплошной фронт обороны за счет вновь созданной группы армий «Юг» в составе 8-й немецкой, 2-й и 3-й венгерских армий¹.

Выдающиеся итоги Ясско-Кишиневской операции общезвестны. Но они особенно становятся убедительными, если учесть, что эти успехи были достигнуты сравнительно малыми потерями с нашей стороны. Оба фронта вместе потеряли всего 12,5 тыс. человек², в то время как противник только пленными потерял 208 тыс. солдат и офицеров³.

Значительный вклад Ясско-Кишиневская операция внесла в область военного искусства. Прежде всего это относится к искусному выбору направлений главных ударов фронтов. Такие удары наносились по самым уязвимым местам во вражеской обороне, благодаря чему были обеспечены стремительный прорыв и расчленение всей группировки немецко-фашистских войск на три части. При этом центральная и приморская группировки были окружены и ликвидированы, а группировка, расположенная против правого крыла наших войск, отброшена в Карпаты.

Важную роль в достигнутом успехе сыграло искусное создание на узких участках фронта мощных ударных группировок. Это обеспечило огромную силу первоначального удара и стремительное сокрушение обороны противника на всю оперативную глубину с темпом до 15 км в сутки, а развитие операции — с темпом 20—30 км в сутки и более. В отдельные же дни подвижные войска продвигались до 70—90 км, а стрелковые — до 40 км.

Важно отметить, что в результате мощных и согласованных ударов фронтов тактическая зона обороны противника была прорвана в первый день наступления, а вся оперативная оборона — к исходу второго дня. При этом на направлениях главных ударов фронтов были полностью разгромлены все дивизии первого эшелона и значительная часть оперативных резервов врага, что способствовало быстрому выходу войск фронтов на р. Прут и окружению крупной группировки противника в районе Кишинева.

Прорыв обороны противника в высоких темпах был достигнут прежде всего благодаря эффективному поражению противника огнем артиллерии и ударами авиации. Надежный взлом вражеской обороны и значительные потери оборонявшихся войск (до 50%) обеспечили пехоте и танкам ведение, по существу, непрерывной атаки на всю глубину главной полосы

¹ См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии, вып. 4. М., Воениздат, 1956, с. 157.

² См.: Ясско-Кишиневские Канни. М., «Наука», 1964, с. 251.

³ См.: *Бирюзов С.* Выдающаяся победа Советских Вооруженных Сил: «Военно-исторический журнал», 1964, № 8, с. 6.

обороны. К тому же артиллерия противника была настолько подавлена (а в значительной части и уничтожена), что в первый период атаки наших войск фактически огонь не вела. Эффективными были и удары авиации, особенно штурмовиков, непрерывно поддерживавших атаку пехоты и танков с воздуха вплоть до завершения ими прорыва главной полосы обороны.

Стремительный прорыв обороны немецко-фашистских войск был обеспечен также своевременным наращиванием силы первоначального удара за счет ввода в сражение вторых эшелонов и подвижных войск. Особенно следует отметить своевременный ввод в прорыв 6-й танковой армии, которая уже к исходу первого дня сорвала попытки противника нанести контрудар и восстановить оборону по р. Бахлуй. На второй день сила удара была увеличена путем ввода в сражение 18-го танкового, 7-го и 4-го гв. механизированных корпусов. Такое наращивание усилий обеспечило как завершение разгрома соединений первого эшелона врага, так и полный разгром его оперативных резервов и в итоге — достижение высоких темпов прорыва и его развития в глубину. Высокие темпы наступления подвижных войск фронтов обеспечивались массированным их применением, а также тем, что они вводились в прорыв после того, как общевойсковые армии преодолели всю тактическую глубину обороны противника.

Прорыву обороны вражеских войск в Яско-Кишиневской операции присуща и такая характерная особенность. Здесь фронты не дробили своих усилий на участках главных и вспомогательных ударов. Каждый фронт наносил только один, главный, но чрезвычайно мощный удар. Вспомогательные же удары наносились только с использованием флангов уже достигнутого прорыва на главном направлении в целях расширения этого прорыва и выхода вспомогательной группировки в дальнейшем на вспомогательное направление, но такое, где она могла надежно обеспечить главные силы фронта. Так были использованы 7-я гв. армия и конно-механизированная группа 2-го Украинского фронта, главные силы 57-й и часть сил 46-й армий 3-го Украинского фронта.

Важными факторами достижения прорыва обороны противника в высоких темпах явились также внезапность ударов и непрерывное управление войсками. В достижении внезапности важную роль сыграли мероприятия по демонстрации подготовки наступления на кишиневском направлении. Управление войсками строилось на максимальном приближении всей системы управления к линии фронта и жесткой централизации его как в начале, так и в ходе операции, в результате чего ударные группировки фронтов действовали как монолитный, хорошо слаженный боевой организм.

В летне-осенней кампании 1944 г. Советская Армия добилась выдающихся успехов, разгромив крупные группировки немецко-фашистских войск на всех направлениях советско-германского фронта и дважды прорвав стратегический фронт врага.

Первый раз прорыв стратегического фронта был достигнут на Западном направлении в июле—августе 1944 г. Он характеризовался взломом вражеской обороны на участке от Полоцка до Станислава протяженностью 1200 км, разгромом двух групп армий — «Центр» и «Северная Украина» в составе до 100 дивизий и продвижением наших войск на глубину 400—600 км. Новый стабильный фронт немецко-фашистскому командованию удалось создать только на рубеже рек Нарев и Висла, выдвинув на него 55 новых дивизий.

Второй раз прорыв стратегического фронта противника был достигнут на Юго-Западном направлении в августе—сентябре 1944 г. в результате разгрома группы армий «Южная Украина». Здесь оборона противника была взломана на фронте свыше 500 км, разгромлено свыше 56 дивизий, а продвижение наших войск составило более 750 км. Стабильный фронт немецко-фашистскому командованию на этот раз удалось создать только на рубеже Восточных Карпат и северных островов Трансильванских Альп, выдвинув для этого из резерва 31 дивизию.

В обоих случаях прорыв стратегического фронта противника был достигнут проведением крупных стратегических операций, в которых первоначально одновременными ударами на нескольких узких участках полностью взламывалась вражеская оборона, а в дальнейшем действиями по сходящимся направлениям окружались и уничтожались основные силы противостоящих группировок противника и одновременно развивалось наступление в глубину в высоких темпах.

Как показал опыт, такой способ прорыва стратегического фронта противника обеспечивал советским войскам непрерывность ударов на большую глубину, развитие наступления в высоких темпах, сокращение сроков проведения стратегических операций, нанесение огромных потерь противнику в живой силе и боевой технике при относительно малых потерях с нашей стороны, а также приводил к истощению стратегических резервов врага и создавал выгодные условия для проведения новых стратегических операций на других направлениях.

Летне-осенняя кампания 1944 г. характерна также дальнейшим развитием искусства прорыва обороны противника на всю ее оперативную глубину. Это выражалось в искусном вы-

боре направлений главных ударов и решительном массировании на них сил и средств, увеличении эффективности огневого поражения противника, повышении мощи первоначального удара, применении широкого маневра в ходе прорыва, тщательной разработке и осуществлении целой суммы мероприятий, обеспечивших достижение внезапности, повышении темпов прорыва и его развития в глубину и в стороны флангов.

В зависимости от замысла операции, наличия сил и средств, характера обороны противника и его группировки фронт осуществлял прорыв на одном или двух участках. Из 13 начальных фронтовых операций, проведенных в июле—августе 1944 г., в семи операциях фронты прорывали на двух участках, а в шести — на одном. При этом, если фронт наносил одновременно удары на двух направлениях, то на каждом из них создавалась достаточно мощная ударная группировка, способная самостоятельно прорвать вражескую оборону и развить успех на большую глубину. В этом случае один удар именовался главным, а другой — вторым, а не вспомогательным, так как по своей силе, значимости и роли в операции он выходил за рамки вспомогательного удара, наносившегося обычно с ограниченной целью.

Следовательно, в летне-осенней кампании 1944 г. такая задача, как рассечение вражеской обороны на части несколькими одновременными ударами (три-шесть и более), решалась усилиями не одного фронта, как это было в предшествующей кампании, а группы фронтов, что обуславливалось наличием у противника сильной глубоко эшелонированной обороны и значительных оперативных резервов, состоявших в основном из танковых и моторизованных соединений, способных к широкому маневру и осуществлению мощных контрударов.

Главные удары во фронтовых операциях наносились преимущественно по слабому месту в обороне противника, но с таким расчетом, чтобы избранные направления выводили наши главные группировки во фланг и тыл основным силам врага (удары 1-го Прибалтийского фронта под Витебском, 1-го Белорусского фронта под Бобруйском, 2-го и 3-го Украинских фронтов в Яско-Кишиневской операции и др.). В ряде случаев главный удар наносился и по сильным местам в обороне противника. Это было тогда, когда удары на других направлениях не обеспечивали решения задачи по разгрому основных сил противостоящей группировки противника (1-й Украинский фронт в Львовско-Сандомирской операции), или тогда, когда через сильные участки обороны проходили важнейшие коммуникации, выгодные для успешного применения крупных сил подвижных войск (3-й Белорусский фронт на оршанском направлении). Большое значение при выборе направления главного удара придавалось достижению внезап-

ности. Особенно характерными в этом отношении являются удары 1-го Белорусского фронта в районе Парижи и 3-го Украинского фронта с плацдарма южнее Бендер. На этих направлениях противник совершенно исключал возможность нанесения нашими войсками главных ударов.

На избранных направлениях решительно массировались силы и средства и создавались мощные ударные группировки войск. Так, на участках прорыва, составлявших 6—15% всей ширины полосы фронта, сосредоточивалось 50—80% общевойсковых соединений, 60—80% артиллерии, 90—100% танков и авиации. Это позволяло создавать высокие оперативные плотности — в среднем одна стрелковая дивизия на 0,8—1 км, 150—200 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше), 60—80 танков и САУ на 1 км участка прорыва и достигать решающего превосходства над противником: по пехоте — в 4—6 раз, по артиллерии — в 6—10 раз, по танкам — в 48 раз, по авиации — в 4—10 раз.

Прорыв тактической зоны обороны осуществлялся на каждом из избранных участков двумя-тремя общевойсковыми армиями, усиленными артиллерией, танками, инженерными войсками, при мощной поддержке с воздуха авиации фронта.

Важнейшая роль в решении задачи прорыва тактической обороны противника принадлежала стрелковым соединениям, которые в большей мере, чем прежде, насыщались танками и артиллерией и получали меньше по ширине участки прорыва — до 1,5—2,5 км на дивизию и 3—5 км на стрелковый корпус. Это давало возможность увеличить тактические плотности сил и средств до 5—7 стрелковых батальонов, 150—250 орудий и минометов и 20, а в отдельных случаях и больше танков НПП на 1 км участка прорыва.

Боевые порядки общевойсковых соединений и частей строились, как правило, глубокими с расчетом нанесения сильного первоначального удара, возможности наращивания его в ходе прорыва и ведения безостановочной атаки на всю глубину главной полосы обороны противника. По сравнению с летне-осенней кампанией 1943 г. увеличилась глубина боевых задач. Стало правилом ставить ближайшую задачу для полка захват первой позиции на глубину до 2 км, для стрелковой дивизии — второй позиции на глубину 4—5 км, для стрелкового корпуса — овладение главной полосой обороны на глубину 6—8 км. Последующая задача для стрелковых дивизий в большинстве случаев определялась захватом главной полосы обороны на глубину 8—10 км, для стрелкового корпуса — выходом ко второй полосе или овладением всей тактической зоной на глубину 13—17 км. В тех случаях, когда на участке корпуса использовалась армейская подвижная группа, последующая задача корпуса (она же задача дня) ставилась и на большую глубину.

В летне-осенней кампании 1944 г. получило дальнейшее развитие артиллерийское обеспечение прорыва.

Повышение плотностей артиллерии на участках прорыва и улучшение ее качественного состава, увеличение лимита отпускаемых фронтам боеприпасов с учетом накопленного боевого опыта позволили увеличить удельный вес массированного огня в системе артиллерийской подготовки и повысить ее эффективность. Так, если в 1943 г. из общего времени на артиллерийскую подготовку на огневые налеты отводилось 8—20%, то в летне-осенней кампании оно достигло 50% и более. Глубина одновременного подавления обороны противника составляла 5—6 км, а в некоторых операциях (Яско-Кишиневской и др.) — до 8 км. В целях обеспечения надежности артиллерийской поддержки атаки применялся двойной огневой вал на глубину первой позиции вражеской обороны — 2—2,5 км. Улучшилось и управление артиллерией путем создания стройной системы артиллерийских групп по организационно-тактическому принципу и привлечения к управлению артиллерийскими группами штабов артиллерийских дивизий и корпусов прорыва.

Совершенствование авиационного обеспечения прорыва характеризовалось дальнейшим увеличением силы авиационных ударов, продолжительности непрерывной поддержки наземных войск на поле боя, более тесным взаимодействием авиации с наземными войсками. Последнее достигалось полным закреплением практики управления авиацией на поле боя представителями авиационного командования, располагавшимися на командных пунктах общевойсковых командиров.

Характерным для летне-осенней кампании 1944 г. явилась повсеместная тщательная подготовка войск к прорыву. Наличие достаточного времени на подготовку операции давало возможность осуществлять их детальное планирование, организовывать тщательное взаимодействие, проводить специальные совместные тренировки (учения) пехоты, танков, артиллерии, инженерных войск и войск связи на заранее подготовленных учебных полях, оборудованных так же, как и вражеская оборона, на местности, схожей с местностью, на которой предстояло действовать войскам.

Совершенствование искусства подготовки прорыва и методов его ведения позволило достичь в ряде операций (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты в районе Витебска, 1-й Белорусский фронт южнее Бобруйска и на ковельском направлении, 2-й и 3-й Украинские фронты в Яско-Кишиневской операции) прорыва тактической зоны обороны противника на всю ее глубину в первый день операции.

Развитие тактического прорыва в оперативный достигалось вводом в сражение подвижных групп армий и фронтов. При этом подвижные группы армий вводились, как правило, в первый день для завершения прорыва тактической зоны обороны

противника, а иногда и после ее прорыва (7-й механизированный корпус 37-й армии в Ясско-Кишиневской операции, 11-й танковый корпус 8-й гв. армии в Люблинско-Брестской операции). Подвижные же группы фронтов в составе танковых армий и конно-механизированных групп во всех случаях вводились в прорыв после преодоления тактической зоны обороны первым оперативным эшелоном, что являлось новым явлением в практике их применения и свидетельствовало о значительных достижениях советского военного искусства в решении проблемы прорыва вражеской обороны.

3. ИСКУССТВО ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА В ОПЕРАЦИЯХ 1945 г.

Кампания 1945 г. в Европе проводилась в благоприятной для наших войск военно-политической обстановке. Враг был изгнан за пределы Советского Союза, фронт вооруженной борьбы проходил через Восточную Пруссию, Польшу, Чехословакию и Венгрию, в 520—550 км от Берлина и в 650 км от р. Эльба — рубежа встречи союзных армий. В результате разгрома гитлеровских войск в Северной Норвегии, Прибалтике, выхода из войны Финляндии линия фронта сократилась с 4450 до 2250 км, что позволило нашему командованию направить высвободившиеся силы и средства для усиления действующих фронтов.

Благодаря мерам, принятым Коммунистической партией и Советским правительством, к началу 1945 г. техническая оснащенность и вооружение Советской Армии достигли наивысшего уровня за все время войны. В действующих войсках насчитывалось около 6,7 млн. человек, 106,7 тыс. орудий и минометов, около 11,8 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. боевых самолетов¹. Это создавало широкие возможности для образования мощных ударных группировок, способных проводить наступательные операции на большую глубину и в высоких темпах.

Политическое, экономическое и военное положение фашистской Германии к началу 1945 г. еще более ухудшилось. Она лишилась всех своих союзников в Европе. Со второй половины 1944 г. стало резко падать промышленное производство Германии. Огромные потери на советско-германском фронте привели к некоторому сокращению ее вооруженных сил.

Однако гитлеровская армия представляла собой еще серьезную силу. Против наших войск действовали 169 дивизий, из них 22 танковые и 9 моторизованных, и 20 бригад. Кроме того,

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 29.

на стороне германских войск пока воевало 17 венгерских дивизий, из них две танковые. На восточном фронте в войсках врага насчитывалось 3,6 млн. солдат и офицеров, 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. боевых самолетов ¹.

Руководители фашистской Германии, располагая еще крупными вооруженными силами, стремились оказать упорное сопротивление советским войскам. Они рассчитывали, что путем затягивания войны им все же удастся вызвать раскол антигитлеровской коалиции, заключить сепаратный мир с Англией и США и избежать безоговорочной капитуляции. Однако этот план базировался на порочной основе.

Советское Верховное Главнокомандование, разрабатывая план новой кампании, исходило из реальных возможностей наших Вооруженных Сил, необходимости в короткие сроки завершить разгром фашистской Германии на ее территории и закончить выполнение великой освободительной миссии. Для этого требовалось в ходе кампании уничтожить немецко-фашистскую армию и заставить гитлеровскую Германию безоговорочно капитулировать.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на кампанию предусматривал одновременный переход в наступление на всем стратегическом фронте с нанесением главного удара на варшавско-берлинском направлении на участке Остроленка, Краков в целях разгрома немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Австрии и выхода на рубеж устье р. Висла, Бромберг (Быдгощь), Познань, Бреслау (Вроцлав), Моравска-Острава, Вена ². В дальнейшем предполагалось наступать на Берлин и Прагу.

Наиболее детально были разработаны планы январских операций, связанных воедино, которые предполагалось начать одновременно в полосе от Балтики до Карпат силами шести фронтов (3, 2 и 1-го Белорусских и 1-го Украинского, частью сил 1-го Прибалтийского и 4-го Украинских фронтов).

Таким образом, обстановка к началу кампании 1945 г. в Европе была благоприятной для Советской Армии. Наши войска обладали превосходством над противником в силах и средствах, имели огромный боевой опыт и высокие морально-боевые качества. Почти трехмесячная стратегическая пауза позволила создать необходимые запасы материальных средств, пополнить войска и повысить их боевую выучку, тщательно спланировать начальные операции кампании.

В ходе кампании 1945 г. в Европе наши Вооруженные Силы провели ряд крупных стратегических наступательных опера-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 37, 44.

² См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1974, с. 285—286.

ций — Висло-Одерскую, Восточно-Прусскую, Восточно-Померанскую, Венскую, Берлинскую, Пражскую и др. Искусство прорыва и его развития рассмотрим только в некоторых из них.

Прорыв в Висло-Одерской операции

Висло-Одерская операция была проведена войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в период с 12 января по 3 февраля 1945 г. В наступательных группировках фронтов имелось 2,2 млн. человек, 28,6 тыс. орудий и минометов, более 7 тыс. танков и САУ, около 5 тыс. боевых самолетов¹.

Противник на Берлинском стратегическом направлении имел сильную группировку войск и подготовил мощную глубоко эшелонированную оборону. Против войск наших двух фронтов оборонялись главные силы группы армий «А» (9-я и 4-я танковая армии и основные силы 17-й армии). В их составе имелось более 30 дивизий, в которых насчитывалось 560 тыс. человек, 5 тыс. орудий и минометов, 1220 танков и штурмовых орудий, 630 самолетов². Средняя оперативная плотность составляла одна дивизия на 15 км фронта.

Между Вислой и Одером на глубину 300—500 км было подготовлено семь оборонительных рубежей. Наиболее сильно были укреплены первый, вислинский рубеж, состоявший из четырех полос общей глубиной 50—70 км, и рубеж, проходивший вдоль бывшей германо-польской границы, опиравшийся на три укрепленных района.

Главная полоса обороны глубиной 6—8 км имела две-три позиции по две-три траншеи в каждой. За ней в 10—12 км, а местами и более находилась вторая полоса обороны. Особенно прочной тактическая зона обороны была перед нашими вислинскими плацдармами в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира, против которых располагались танковые и моторизованные дивизии противника, входившие в оперативные резервы. Последующие оборонительные рубежи готовились в основном по рекам, что усиливало их прочность и позволяло немецко-фашистскому командованию последовательно переносить усилия в глубину и оказывать упорное сопротивление нашим войскам. Слабой стороной обороны противника являлось отсутствие войск на рубежах, подготовленных в оперативной глубине, что было учтено советским командованием при планировании и проведении операции.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 62.

² См.: Там же, с. 62.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования заключался в том, чтобы мощными фронтальными ударами с вислинских плацдармов войсками 1-го Белорусского фронта в направлении на Познань и 1-го Украинского фронта на Бреслау расцечь противостоящие группировки противника и уничтожить их по частям. Частью сил фронтов на их смежных крыльях предусматривалось нанести удары по сходящимся направлениям на Шидловец, окружить и уничтожить кельце-радомскую группировку противника (схема 14).

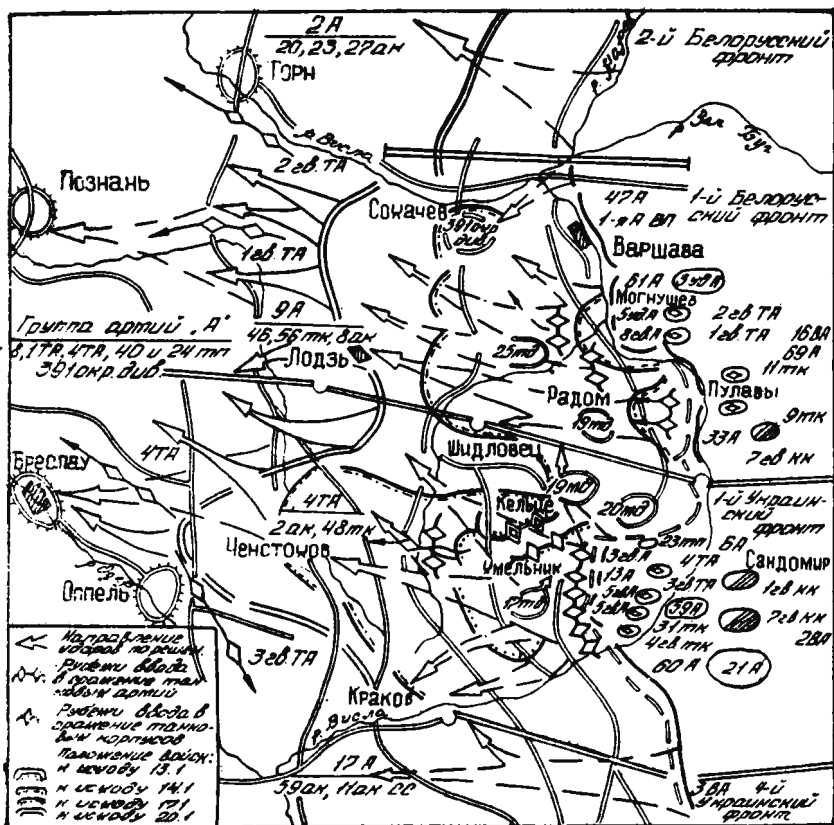

Схема 14. Решения командующих войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов и общий ход прорыва в Висло-Одерской операции

Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков главный удар решил нанести с магнупшевского плацдарма войсками 61-й, 5-й ударной и 8-й гв. армий и прорвать оборону противника на участке шириной 17 км. После прорыва тактической зоны обороны с утра вто-

рого дня операции следовало ввести в сражение 1-ю гв. танковую армию, с утра третьего дня — 2-ю гв. танковую армию, а вслед за ней — 2-й гв. кавалерийский корпус.

Прорыв вражеской обороны с пулавского плацдарма предусматривалось осуществить на фронте 13 км 69-й и 33-й армиями, усиленными 11-м и 9-м танковыми корпусами. Северозападнее Варшавы на сутки позже на фронте 4 км наносила вспомогательный удар 47-я армия. На четвертый день операции намечался переход в наступление 1-й армии Войска Польского. Во втором эшелоне фронта находилась 3-я ударная армия, а в резерве — 7-й гв. кавалерийский корпус.

Командующий 1-м Украинским фронтом решил ударом с сандомирского плацдарма прорвать оборону противника на одном 39-километровом участке войсками 13, 52 и 5-й гв. армий, а также частью сил 3-й гв. и 60-й армий. Для развития прорыва в полосах 13-й и 52-й армий планировалось ввести в первый день операции 3-ю гв. и 4-ю танковые армии. 3-я гв. армия усиливалась 25-м танковым, а 5-я гв. армия — 4-м гв. и 13-м танковыми корпусами, которые также намечалось ввести в сражение в первый день операции.

Во втором эшелоне фронта находились 21-я и 59-я армии, а в резерве — 7-й механизированный и 1-й гв. кавалерийский корпуса.

Ставка Верховного Главнокомандования, утверждая представленный командующим 1-м Украинским фронтом план операции, 29 декабря 1944 г. указывала: «Ввод танковых армий в прорыв производить не обязательно в первый день наступления, а после того как будет прорвана тактическая глубина обороны противника, получив предварительно разрешение Ставки на ввод армий в прорыв»¹.

Таким образом, по замыслу Ставки и решениям командующих фронтами предусматривалось нанести ряд фронтальных ударов в целях быстрого дробления и сокрушения обороны противника на вислинском рубеже. Этому способствовали создание мощных ударных группировок на каждом направлении, наличие сильных подвижных групп и сравнительно небольшие промежутки между ударами с основных вислинских плацдармов (между магнусшевским и пулавским — 20 км, между пулавским и сандомирским — около 60 км).

Ведущей идеей, которая закладывалась в планы фронтальных операций, было создание бреши во вражеской обороне в максимально высоких темпах. Как отмечал начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал М. С. Малинин на конференции по обобщению опыта Висло-Одерской операции, «нужно построить операцию так, чтобы не дать возможности противнику занимать подготовленные оборонительные

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 233, л. 19.

рубежи.., а силу удара создать такую, которая была бы способна преодолеть всю зону тактической обороны противника, затем быстро совершить и завершить оперативный прорыв с тем, чтобы мы могли захватывать рубежи раньше, чем противник силами отходящих частей и прибывающих из глубины резервов организует оборону».

Для достижения решающего превосходства над противником на направлениях ударов основные силы и средства фронтов решительно концентрировались на участках прорыва. Так, на 1-м Белорусском фронте на участках прорыва шириной 34 км, или 14,8% общей полосы фронта, сосредоточивались 88% стрелковых дивизий, 84% артиллерии фронта, 94% артиллерии РВГК, 96% реактивных установок, 94% танков и САУ и 100% авиации. На участке прорыва магнусевской группировки, составлявшем 8% полосы наступления фронта, должно было действовать 52% стрелковых дивизий, свыше 70% танков, 54% всей артиллерии фронта и 62% артиллерии РВГК.

Столь же высокая степень массирования была достигнута и на 1-м Украинском фронте. На 39-километровом участке прорыва, составлявшем около 15% полосы наступления, было сосредоточено 83% стрелковых дивизий, 89% артиллерии и 100% танков. «Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля, — пишет Маршал И. С. Конев, — и... предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии»¹.

Мощный состав ударных группировок, сосредоточение усилий на узких участках прорыва позволили создать на них очень высокие плотности сил и средств (табл. 8).

В результате высокой степени массирования сил и средств на участке прорыва было создано подавляющее превосходство над противником: по пехоте — в 9 раз, по артиллерии, танкам и САУ — в 10 раз.

Оперативное построение армий на 1-м Белорусском фронте было одноэшелонным, а на 1-м Украинском, за исключением 5-й и 3-й гвардейских армий, — двухэшелонным.

Одноэшелонное оперативное построение армий 1-го Белорусского фронта обуславливалось тем, что они имели более широкие полосы наступления, чем армии ударной группировки 1-го Украинского фронта, а также стремлением командования фронта создать сильный первый оперативный эшелон, поставив в него все стрелковые корпуса. Прорывая оборону на узких участках они могли бы последовательно наращивать

¹ Конев И. С. Сорок пятый. М., Воениздат, 1966, с. 7.

**Оперативные плотности сил и средств
в Висло-Одерской операции¹**

Фронты и армии	Общая ширина полосы наступления (км)	Ширина участка прорыва (км)	Плотность					
			км на сд		орудий и минометов		танков и САУ	
			во всей полосе	на участке прорыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва
1-й Белорусский	230	30 *	3,4	0,8	60	250	14	95
5-я ударная	12	6	1,5	0,75	134	282	83	166
8-я гв.	30	7	3,0	0,9	61	236	31	136
69-я	55	7	5,5	1	25	252	9	73
33-я	36	6	5,1	0,75	34	213	11	68
1-й Украинский	250	36 **	3,8	1,06	55	230	13	88
3-я гв.	20	2	2,2	0,22	42	381	12	121
13-я	11	11	1,4	1,4	233	233	74	74
52-я	10	10	1,1	1,1	228	228	99	99
5-я гв.	13	13	1,4	1,4	232	232	47	47

* Без 4-километрового участка прорыва 47-й армии.

** Без 3-километрового участка прорыва 60-й армии.

усилия и по возможности своими силами преодолеть обе полосы обороны и создать тем самым условия для ввода в прорыв танковых армий. Командующий фронтом, как отмечал позже генерал М. С. Малинин, не утверждал решений тех командующих армиями, которые предусматривали оперативное построение в два эшелона, потому что на ввод стрелкового корпуса в ходе прорыва было необходимо много времени, а это могло задержать наращивание усилий и весь ход прорыва.

¹ Таблица составлена на основании трудов: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 103, 111; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 618—619; Сандомирско-Силезская операция. М., Воениздат, 1948, с. 31, 32; *Кирьян М. М.* С сандомирского плацдарма. М., Воениздат, 1960; *Данилов Ф. В.* Радом-Лодзинская операция. М., Воениздат, 1958; «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, с. 75.

Армии, наступавшие на направлениях, где не вводились подвижные группы фронтов, имели свои подвижные группы в составе 1—2 танковых корпусов (на 1-м Белорусском фронте — 69-я и 33-я армии, на 1-м Украинском — 3-я и 5-я гв. армии). Подвижные группы армий предназначались для выполнения двух задач — завершения прорыва тактической обороны противника и развития наступления в оперативную глубину. Ввод их в сражение обычно намечался после прорыва обороны полков первого эшелона противника, т. е. двух позиций.

В армиях, которым в оперативное подчинение не передавались танковые корпуса, за счет приданных танковых полков создавались подвижные передовые отряды. Кроме того, в них имелись артиллерийские, зенитные артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые и инженерные резервы, подвижные отряды заграждений.

Боевые порядки стрелковых соединений и частей строились преимущественно в два эшелона, что позволяло последовательно наращивать усилия при прорыве позиций и полос тактической зоны обороны противника. Ширина участка прорыва корпуса составляла 2,5—5 км, дивизии — 1,2—2,5 км.

В использовании танков во фронтах проявились почти те же различия, что и летом 1944 г. В 1-м Белорусском фронте в атакующий эшелон было выделено около 850 бронеединиц, или 22%, что позволило создать в армиях ударных группировок средние плотности танков и САУ 25 бронеединиц, а в 33-й армии — даже более 30 бронеединиц на 1 км участка прорыва.

На 1-м Украинском фронте плотность танков НПП составляла около 20 бронеединиц на 1 км участка прорыва. При этом в 5-й гв. армии она была всего 10,3, а в 52-й армии — 13,7. Правда, в 3-й гв. армии, прорывавшей оборону на участке 2 км, она превышала 30 бронеединиц на 1 км участка прорыва¹

В эшелоны развития успеха фронты выделили: 1-й Белорусский — 2160, 1-й Украинский — 2640 танков, или почти на два танковых корпуса больше.

Нам представляется возможным отдать предпочтение распределению танков по эшелонам, осуществленному на 1-м Белорусском фронте. Оборона врага была очень прочная, поэтому рассчитывать на быстротечную атаку пехоты, усиленной небольшим количеством танков, даже при мощной огневой поддержке было трудно, особенно на 1-м Украинском фронте, начинавшем прорыв первым. Январский день не превышал 8 часов. Прорвать тактическую оборону при невысоком темпе наступления соединений за такой срок было крайне сложно.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 111.

Для завершения ее прорыва требовался ввод подвижных соединений.

Осуществить прорыв ночью в узкой горловине, забитой войсками первого оперативного эшелона, да еще на густо заминированной местности было очень трудно, это грозило (как и получилось) задержкой ввода в сражение крупных масс танков, а следовательно, и затяжкой развития тактического прорыва в оперативный.

Насыщение боевых порядков стрелковых дивизий первого эшелона главной группировки танками с плотностью 25—30 бронеединиц на 1 км ослабило бы оперативный танковый эшелон 1-го Украинского фронта всего на 170—300 бронеединиц, что по количеству танков и САУ несколько приблизило бы его к оперативному эшелону 1-го Белорусского фронта (2340—2470 : 2160). Это при минимальных затратах его сил для завершения прорыва тактической обороны противника обеспечивало стремительные действия в оперативной глубине.

Стрелковые дивизии, получив больше танков НПП, имели бы больше возможностей организовать с ними взаимодействие, с большим эффектом использовать результаты артиллерийского наступления и иметь их значительное количество (после неизбежных потерь в боях за главную полосу обороны) при завершении прорыва тактической глубины обороны, особенно при атаке ее второй полосы с ходу, успех которой при наличии танков во много раз вероятнее.

Но командующий 1-м Украинским фронтом предпочел вводить танковые армии по хорошо отработанному в предыдущих операциях варианту, т. е. для завершения прорыва тактической зоны обороны. При этом для прорыва главной полосы обороны выделялось по одной усиленной танковой (механизированной) бригаде от каждого корпуса первого эшелона.

Поэшелонный ввод танковых соединений в прорыв в крайне стесненных условиях вынуждал их наносить фронтальные удары, задерживаться, искать обходы. Все это увеличивало физическое и моральное напряжение танкистов, повышало расход моторесурсов и потери танков, снижало возможности танковых армий для стремительного броска в оперативную глубину.

Артиллерийская подготовка атаки на 1-м Украинском фронте планировалась почти так же, как и во Львовско-Сандомирской операции: продолжительность — 107 минут, из них на массированный огонь отводилось 37 минут, на подавление целей методическим огнем с одновременным их разрушением — 70 минут. Глубина подавления обороны противника в период артиллерийской подготовки достигала 7 км. Поддержка атаки несколько изменилась. Если во Львовско-Сандомирской операции двойной огневой вал предусматривался лишь в 38-й армии, то теперь — во всех армиях главной груп-

пировки фронта. Глубина его ведения возросла до 2,5—3 км. Он велся на глубину первой траншеи второй позиции. Далее артиллерия должна была сопровождать пехоту и танки методом последовательного сосредоточения огня на глубину задачи первого дня¹

В 1-м Белорусском фронте артиллерийское наступление планировалось по двум вариантам с учетом особенностей перехода войск фронта в наступление, когда атаке главных сил предшествовали действия усиленных передовых батальонов или, как их тогда называли, «особых эшелонов». Подготовка атаки передовых батальонов (разведки боем) предусматривалась одним мощным 25-минутным огневым налетом всей артиллерии фронта, сосредоточенной на участках прорыва (около 7,5 тыс. орудий и минометов), а не только специально выделенной (один-три артиллерийских полка на батальон), как это обычно практиковалось раньше. Поддержка их атаки планировалась одинарным огневым валом в течение 60 минут на глубину 1,5—2 км. В случае прорыва «особыми эшелонами» первой позиции артиллерия должна была обеспечить ввод в бой главных сил дивизий первого эшелона, а при задержке их продвижения проводить артиллерийскую подготовку по полному графику, т. е. еще в течение 70 минут (повторный огневой налет — 20 минут, разрушение и подавление целей методическим огнем — 30 минут, третий огневой налет — 20 минут).

Разработка двух вариантов артиллерийской подготовки явилась новшеством в планировании огневого поражения противника. Не менее важно было и то, что по первому варианту артиллерийская подготовка сокращалась до 25 минут. По второму варианту массированные огневые налеты составляли почти 60% ее продолжительности, а с учетом первого огневого налета — почти 70%.

На первый день наступления в обоих фронтах расход боеприпасов был запланирован в объеме 2—2,5 бк. При созданных плотностях орудий и минометов (половина из них была крупных калибров) они могли дать огромную массу огня — 500—600 т снарядов на 1 км участка прорыва и надежно взломать оборону противника очень большой прочности.

Боевые действия авиации планировались в форме авиационного наступления. При прорыве тактической зоны обороны противника основные усилия авиации направлялись на поддержку пехоты и танков ударных группировок, а после прорыва — на обеспечение действий подвижных войск. На 1-м Белорусском фронте в первые два дня наступления предусматривалось осуществить 7945, а на 1-м Украинском в первые три

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 623—624.

дня — 12080 самолето-вылетов. Однако плохие метеорологические условия не позволили в полной мере использовать авиацию, чем была уменьшена сила огневого удара в период прорыва и наступления в оперативной глубине.

Инженерное обеспечение планировалось с учетом всех сложностей предстоящей операции. Ограниченность плацдармов и исходных районов для наступления при большой плотности войск создавала угрозу переуплотнения, а следовательно, повышения потерь от огня противника. В силу этого было предусмотрено заблаговременное оборудование плацдармов широкой сетью траншей, ходов сообщения, инженерных сооружений, которые могли быть использованы в оборонительных боях за удержание плацдармов и для расположения войск непосредственно перед наступлением. Средние плотности инженерных сооружений на 1 км составили: траншей и ходов сообщения — до 9,6 км, артиллерийских и минометных окопов — до 75 КП и НП — до 27, блиндажей и землянок — более 100. Чтобы добиться непрерывного наращивания силы удара с плацдармов и бесперебойного снабжения войск при наступлении на большую глубину, через Вислу было построено 26 мостов различной грузоподъемности — от 5 до 13 на ударную группировку или 2—3 на армию. В целях максимального и быстрого использования мощного огневого удара войсками в заграждениях противника были созданы проходы по 3—4 на стрелковую роту и 2—3 на танковую роту. Для выполнения большого объема задач инженерного обеспечения плотности инженерных войск были доведены от 13 до 17 инженерных рот на 1 км фронта прорыва¹.

Партийно-политическая работа была всецело направлена на подготовку войск к осуществлению прорыва глубоко эшелонированной обороны в высоких темпах и стремительному развитию наступления в глубину. Задолго до начала операции партийно-политический аппарат сосредоточил внимание на овладении личным составом боевым мастерством и опытом ведения боев при прорыве, а также на взаимно согласованных действиях частей и подразделений различных родов войск при выполнении боевых задач.

В связи с особенностями операции, в ходе которой предстояло освободить братскую Польшу и начать разгром противника на его собственной территории, у личного состава воспитывалось интернационалистское отношение к местному населению, в том числе и к немецкому народу. Одновременно проводились беседы, на которых раскрывались зверства фашистов, показывалось, с каким нетерпением поработенные народы Европы ждут своего освобождения. Все это повышало бое-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1977, с. 66.

вой порыв войск и решительность их действий в ходе наступления.

Сложной проблемой в Висло-Одерской операции являлось достижение внезапности, поскольку широкое наступление было возможно только с плацдармов и места наших прорывов не могли быть тайной для противника. Поэтому Ставка и командования фронтов в наибольшей мере стремились скрыть от противника силу подготавливаемых ударов и время начала наступления. В этих целях Ставка активизировала боевые действия в Восточной Пруссии и Венгрии, стремясь растянуть группировку войск противника в Польше. Оба эти направления были чувствительны для Германии, ибо Восточная Пруссия являлась колыбелью германских кайзеров, а направление удара через Венгрию предусматривалось в планах русского командования еще в первую мировую войну и считалось германским генеральным штабом традиционным для русских устремлений. Все это привело Гитлера к убеждению, что главный удар в 1945 г. Советская Армия нанесет именно через Венгрию и Чехию. Туда и направлялись основные силы вермахта¹. Правда, за несколько дней до перехода наших войск в наступление противник догадался о том, что наступление с плацдармов начнется со дня на день.

Командования фронтов также проводили серию мероприятий по оперативной маскировке. В период активизации боевых действий на флангах стратегического фронта рядом мероприятий у противника создавалось впечатление, что войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов стремятся всемерно укрепить занимаемые плацдармы и в декабре—январе переходить в наступление не будут. Под видом этого готовились и исходные районы для наступления. Когда войска приступили к подготовке наступления, в соответствии с разработанными планами оперативной маскировки осуществлялся показ ложных направлений ударов, районов сосредоточения, ложных перевозок войск и разгрузок материальных средств, отвод войск с плацдармов. Одновременно скрытно проводились передвижение войск и занятия ими исходных районов для наступления. Большое внимание уделялось дезинформации противника путем подброса ему ложных документов, проведения ложных телефонных переговоров и др. Боевые задачи до войск в письменном виде доводились в такой последовательности: корпусам — за 5 дней; дивизиям: первого эшелона — за три дня, второго эшелона — за два дня; командирам полков — в это же время только устно.

Однако по ряду признаков (введение полного радиомолчания, несоблюдение мер маскировки при развертывании артил-

¹ См.: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, с. 310.

лерии на огневых позициях, усиление подвоза материальных средств на плацдармы, прохождение войсками переправ через Вислу днем и др.) противник все же сумел вскрыть подготовку к прорыву, но определить силу подготовленных ударов не смог. К началу наступления германская разведка определила состав 1-го Белорусского фронта в 31 дивизию, фактически же он имел 68 дивизий¹.

Следует отметить, что в Висло-Одерской операции оперативная маскировка широко проводилась в ходе оперативных прорывов и их развития в стратегический путем передачи ложных радиogramм и имитации действий войск на ложных направлениях.

Прорыв оборонительного рубежа противника на Висле начался наступлением войск 1-го Украинского фронта 12 января 1945 г. Передовые батальоны после 15-минутного огневого налета артиллерии (два-три артиллерийских полка на батальон) в 5.00, т. е. за 4 часа до рассвета, перешли в атаку и овладели первой траншеей.

В 10.00 началась артиллерийская подготовка. Ее мощь, а также то, что она проводилась непосредственно за разведкой боем, чего противник не ожидал, настолько потрясли его войска, что многие солдаты и даже офицеры потеряли самообладание и начали самовольно покидать позиции².

За 45 минут до окончания артиллерийской подготовки на всем участке прорыва стрелковые взводы, выделенные по одному от каждого батальона первого эшелона, начали демонстрацию общей атаки³. Для ее правдоподобности с каждым стрелковым взводом действовали два-три танка. Противник, зная по опыту прошлых операций, что наша атака главных сил начиналась с выходом танков на передний край, принял демонстрацию атаки за начало общего наступления и вывел из укрытий свои уцелевшие от артиллерийского огня войска для отражения наступления. В это время был проведен последний мощный 15-минутный налет всей артиллерии фронта. Вслед за ним перешли в атаку главные силы.

Атака пехоты и танков при поддержке двойного огневого вала развивалась в быстром темпе. Это послужило основанием прекратить двойной огневой вал после ведения огня по первому основному и двум промежуточным рубежам и перейти к поддержке атаки методом последовательного сосредоточения огня⁴. Ослабление огня нашей артиллерии позволило противнику усилить сопротивление и даже предпринять не-

¹ История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 69.

² ЦАМО. ф. 328, оп. 20718, д. 40, л. 66.

³ См.: История войн и военного искусства. М., Воениздат, 1970, с. 307.

⁴ Кирьян М. М. С сандомирского плацдарма. М., Воениздат, 1960, с. 103—104.

сколькo контратак, что сказалоcь на замедлении темпов атаки, особенно при бое за вторую позицию. Однако и эта позиция через 2—3 часа после начала наступления была прорвана.

Нарастание сопротивления противника подтверждало вывод о том, что на третьей позиции оно может быть значительным. Ввиду этого командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев в 14.00 отдал приказ на ввод в сражение танковых армий и отдельных танковых корпусов. При этом для завершения прорыва главной полосы обороны в бой вводилось по одной танковой (механизированной) бригаде от корпусов первого эшелона. Главные же их силы должны были с ходу прорывать вторую полосу обороны противника.

Передовые бригады (отряды) совместно со стрелковыми соединениями завершили прорыв главной полосы и устремились ко второй полосе обороны. Создались благоприятные условия для ввода главных сил подвижных групп. В общевойсковых армиях ввод в сражение главных сил их подвижных групп прошел своевременно, что позволило им быстро выйти ко второй полосе. Однако из-за наступившей темноты разведать слабо занятые участки обороны и сделать проходы в минных полях оказалось трудно, что задержало атаку второй полосы силами одних танковых корпусов и передовых отрядов дивизий. С выходом стрелковых корпусов ко второй полосе были предприняты попытки ее прорыва ночью, в результате чего удалось вклиниться в расположение врага, а танковым корпусам прорвать всю тактическую зону обороны и к утру 13 января выйти к р. Нида, где проходил армейский рубеж обороны противника.

Ввод главных сил 3-й гв. и 4-й танковых армий задержался примерно на 16 часов, т. е. вместо второй половины дня 12 января они фактически вошли в сражение в 8.00 13 января перед второй полосой обороны, когда передовые отряды, обойдя опорные пункты, уже вышли к р. Нида, оторвавшись от главных сил на 20—25 км. Задержка ввода главных сил танковых армий в прорыв произошла потому, что в момент подхода их к передовым частям общевойсковых армий все дороги и маршруты оказались забитыми движущимися вперед за своими частями артиллерией и транспортом. 3-я гв. танковая армия на преодоление главной полосы обороны противника без боя затратила всю ночь, а корпуса 4-й танковой армии остановились за боевыми порядками пехоты до утра 13 января.

Запоздание с вводом в сражение главных сил танковых армий привело к тому, что они вступили в бой тогда, когда противник нанес контрудар 24-м танковым корпусом, опираясь на вторую полосу обороны, где отошедшими войсками он удерживал важные опорные пункты. Это привело к затяжным боям, которые длились весь второй день операции. Вторая полоса войсками фронта вместо первого дня наступления была

прорвана только на второй день. Танковые же армии задачу первого дня наступления (с ходу форсировать р. Нида) выполнили только на третий день.

Разгром оперативного резерва противника — 24-го танкового корпуса создал предпосылки для выхода на оперативный простор. Уже утром 14 января войскам фронта удалось форсировать р. Нида, прорвать на ней подготовленную оборону, слабо занятую противником, и устремиться к четвертому рубежу обороны, оборудованному по р. Пилица, на который противник спешно отводил свои разгромленные войска. Упредив их в выходе, 3-я гв. танковая армия форсировала с ходу р. Пилица и овладела рядом важных пунктов и переправ. 16 января был взят г. Радомско, расположенный в 30 км за р. Пилица. На следующий день рубеж на р. Пилица с ходу прорвали войска 4-й танковой и 13-й армий, после чего началось оперативное преследование противостоящих 1-му Украинскому фронту войск противника.

На 1-м Белорусском фронте прорыв начался 25-минутным огневым налетом. Авиационное наступление так же, как и на 1-м Украинском фронте, из-за неблагоприятной погоды не проводилось.

Сокращение артиллерийской подготовки позволило сэкономить 30 тыс. т боеприпасов из 53 тыс. выделенных на нее¹.

В 8.55 двадцать два усиленных батальона и двадцать пять стрелковых рот перешли в атаку на фронте свыше 100 км.

Немецкие офицеры и солдаты знали о скором переходе в наступление войск 1-го Белорусского фронта, но рассчитывали, что артиллерийская подготовка будет продолжаться 1,5—2 часа, во время которой будет произведено несколько передовых батальонов для противника оказалась неожиданной. Они быстро овладели на своих направлениях первой, а затем и второй траншеями. Поддержка атаки осуществлялась: на главном направлении—одинарным огневым валом и только по основным рубежам, а в полосах 33-й и 69-й армий — последовательным сосредоточением огня.

В связи с успешными действиями передовых батальонов в атаку перешли главные силы дивизий. Поддержка их осуществлялась последовательным сосредоточением огня и лишь там, где противник оказывал упорное сопротивление, — двойным огневым валом.

К 12.00 в полосе 5-й ударной армии была прорвана вторая позиция, и соединения начали быстро продвигаться к р. Пилица, за которой проходила вторая полоса обороны противника.

¹ См.: Антипенко Н. А. На главном направлении. М., «Наука», 1967, с. 223.

К исходу дня на ней были захвачены исправные мосты и небольшой плацдарм.

8-я гв. армия в первый день не закончила прорыв главной полосы обороны. Артиллерия в условиях ограниченной видимости не смогла надежно подавить цели на второй позиции. Армейская подвижная группа не успела принять участия в атаке, и удар по второй позиции получился недостаточной силы. На прорыв второй позиции и выход к третьей ушло около трех часов. Наступила темнота, осложнившая наступление. Лишь к 3.00 главная полоса обороны противника в полосе армии была прорвана.

Еще с меньшим результатом вели атаку войска 61-й армии, на пути которых в пределах главной полосы обороны протекала р. Пилица.

Общее продвижение войск главной группировки в первый день составило 7—12 км, а 61-й армии — только 2—3 км.

Более успешно проходил прорыв с пулавского плацдарма. Здесь огневой налет артиллерии пришелся на тот момент, когда противник переводил свою пехоту из первой и второй траншей в третью. Наибольшее число убитых оказалось в ходах сообщения¹. Первая и вторая траншеи были заняты еще затемно без больших помех со стороны противника. Но в третьей траншее противник оказал упорное сопротивление и задержал атаку. Артиллерия задержала на ней огонь, подавила пехоту и противотанковые средства, и через 1 час 20 минут батальоны овладели третьей траншеей. Таким образом, первая позиция оказалась прорванной, что нарушило систему огня и взаимодействие противника. Надежно подавленная артиллерия неприятеля молчала. Устойчивость главной полосы обороны существенно снизилась.

Специально выделенные взводы шли следом за передовыми батальонами и очищали траншеи от оставшихся там солдат противника.

Дальнейший ход тактического прорыва можно проследить на действиях 61-го стрелкового корпуса 69-й армии (схема 15).

В связи с успешными действиями передовых батальонов по приказу командующего армией в 10.00 перешли в наступление главные силы дивизий первого эшелона². Артиллерийская подготовка была заменена 15-минутным огневым налетом по целям на второй позиции. Поскольку туман затруднял ведение огня с закрытых огневых позиций, все орудия полковых артиллерийских групп были выдвинуты для стрельбы прямой наводкой. Остальная артиллерия, приблизив свои наблюдательные пункты к пехоте, поддерживала наступление соединений последовательным сосредоточением огня, поскольку оборона

¹ ЦАМО, ф. 426, оп. 95713, д. 1, л. 4.

² Там же.

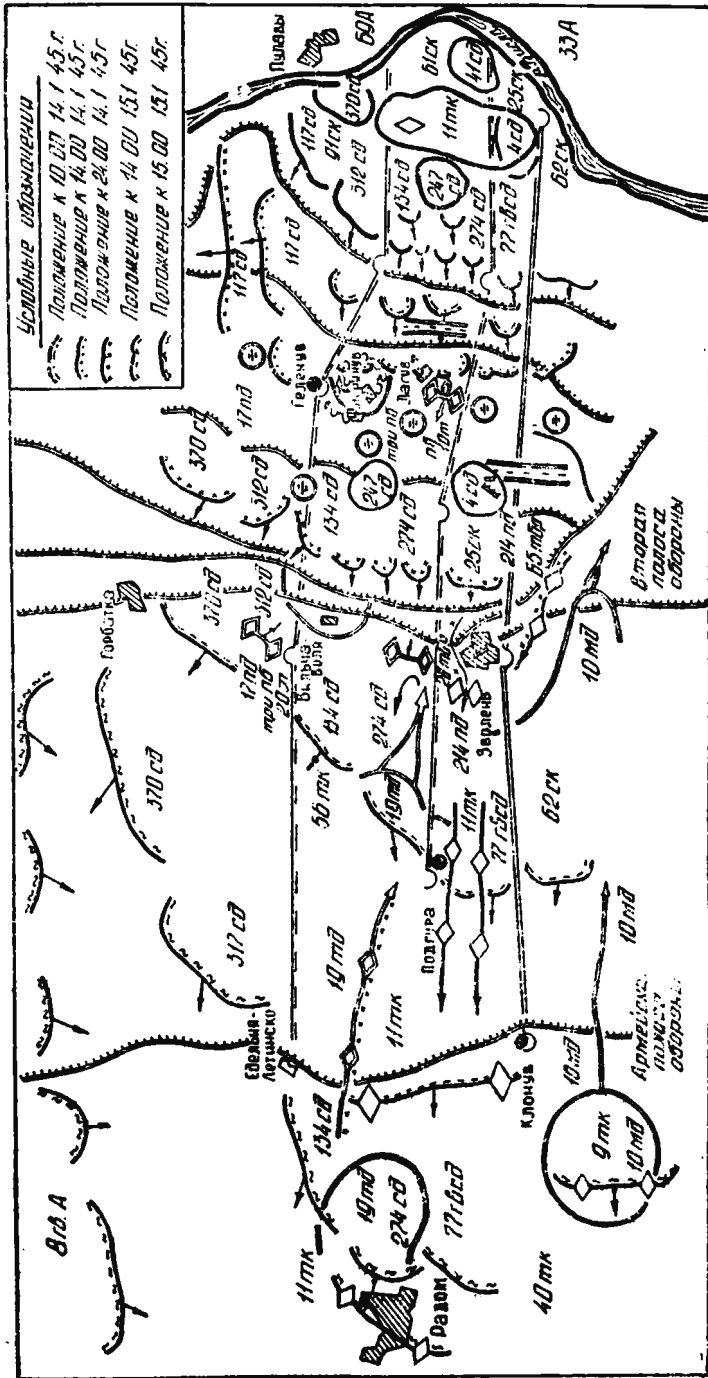

Схема 15. Прорыв обороны 61-м стрелковым корпусом 69-й армии в Висло-Одерской операции

противника в какой-то мере распалась на отдельные очаги сопротивления, которые методом последовательного сосредоточения огня удалось поражать более плотно. Все это позволило прицельно поражать обнаруживаемые цели противника, знать положение пехоты и танков, без опасения поразить их, вести массированный огонь и своевременно переносить его в ходе атаки. Иначе говоря, эта мера позволила объединить огонь и удар, тем самым сломить сопротивление противника на второй позиции и к середине дня прорвать главную полосу обороны.

В 10.30 после надежной огневой обработки 134-я и 274-я стрелковые дивизии атаковали вторую позицию. Первой траншеей удалось овладеть сразу. Но вскоре противник, оправившись от полученного удара, начал оказывать все возрастающее сопротивление. Из роши восточнее Флерянув, на опушке которой было расположено пять дзотов, полки 134-й стрелковой дивизии встретили упорное сопротивление. Из леса южнее Геленув противник предпринял контратаку.

Полки первого эшелона, сосредоточив огонь в основном орудий прямой наводки и танков по дзотам, обходным маневром овладели дзотами и разгромили противника в роше. Контратакующая группа была подавлена огнем артиллерии и затем разгромлена последующим за ним встречным ударом. В 13.30 вторая позиция тоже оказалась прорванной.

274-я стрелковая дивизия была контратакована на подступах во второй позиции, перед вводом в бой главных сил. Хотя отражение контратаки заняло полчаса, однако и это время позволило противнику организовать оборону второй позиции. В 11.00 после огневого налета полки перешли в атаку. Противник оказал упорное сопротивление, особенно в опорном пункте Лачув, подступы к которому были прикрыты минными полями и противотанковым рвом.

Командир дивизии сосредоточил по Лачув огонь дивизионной артиллерийской группы. В процессе ведения методического и сосредоточенного огня саперы проделали проходы в минных полях и в противотанковом рву. Перешедшие в атаку танки и пехота сломили сопротивление 55-го пехотного полка и овладели второй позицией. Однако противник тут же предпринял новую контратаку. Огнем артиллерии она была приостановлена, а затем атакой пехоты и танков контратакующий противник был отброшен с немалыми для него потерями.

Далее оборона противника представляла собой цепь опорных пунктов и окопов, что позволило войскам 61-го стрелкового корпуса, подавляя часть из них огнем артиллерии, обходить другие и продвигаться в глубину в более высоком темпе. Однако командиры дивизий, приберегая вторые эшелоны для атаки второй полосы, не ввели их в бой. Не были высланы и передовые отряды. Поэтому развитие наступления несколько замедлилось, что задержало ввод в сражение 11-го танкового

корпуса. Наступление темноты еще больше затруднило продвижение частей 61-го стрелкового корпуса. Но все же к 21.00 он подошел ко второй полосе, продвинувшись за короткий день на 15 км и расширив фронт прорыва с 4 до 6 км. Но его дивизии не использовали всех возможностей для прорыва второй полосы обороны врага с ходу.

Ввод в сражение 11-го танкового корпуса начался в 14.00 после прорыва двух позиций противника. В первом эшелоне шли две танковые бригады. Поскольку сопротивление между главной и второй полосами обороны не ослабевало, передовым отрядам бригад пришлось втянуться в бой. Под их прикрытием через слабые участки были введены в бой главные силы бригад. Это позволило 20-й танковой бригаде к 20.00 достичь второй полосы обороны неприятеля. 65-я танковая бригада подошла к ней вместе со стрелковыми войсками.

Ввиду замедления наступления войск 69-й армии противник успел занять ее 19-й танковой дивизией и остатками 17-й и 214-й пехотных дивизий. Всего на фронте 18 км, где 69-й армии предстояло прорвать оборону, противник имел 8 свежих батальонов и 4—5 сводных из остатков 17-й и 214-й пехотных дивизий¹.

Поскольку войска противника занимали оборону поспешно и в темноте, в ней, по предположению командования корпуса, должны были быть слабые участки. Два таких участка были обнаружены севернее и южнее г. Зволень. Действуя энергично, 20-я танковая бригада уже к 21.00 прорвала вторую полосу обороны и начала обходить город с севера. Ее успехом воспользовались дивизии 25-го стрелкового корпуса, предприняв атаку города с фронта и флангов ночью. Он был взят к 24.00. Во второй полосе образовалась брешь шириной около 8 км.

61-му стрелковому корпусу предстояло прорвать вторую полосу на самом сильном участке, где оборону занимали три свежих батальона 19-й танковой дивизии и значительное количество отошедших сил противника. В силу этого атаку было решено предпринять с утра 15 января, т. е. с подготовкой в ограниченные сроки.

На фронте прорыва было сосредоточено 603 орудия и миномета, что создало плотность 103 ствола на 1 км участка прорыва (артиллерия усиления уже убыла из состава корпуса). При 30-минутной артиллерийской подготовке это позволило создать достаточно высокую плотность огня.

Наступление возобновилось в 9.30. Противник все же оказал упорное сопротивление в местах, где оборонялись его танковые подразделения. 134-я стрелковая дивизия после овладения первой траншеей была остановлена. Три вражеских ба-

¹ Данилов Ф. В. Радом-Лодзинская операция. М., Воениздат, 1958, с. 127.

тальяна при поддержке 20 танков перешли в контратаку. Для их разгрома командир дивизии ввел в бой второй эшелон, нацелив его под основание клина. Вместе с ним перешли в атаку главные силы дивизии. Овладев сильным опорным пунктом Вельча Воля, они разгромили контратакующие силы врага и начали быстро продвигаться вперед.

В 274-й стрелковой дивизии второй эшелон был введен в бой для атаки второй полосы. Более сильный, чем в 134-й дивизии, ее удар обеспечил успешное продвижение частей дивизии. К 12.00 они прорвали вторую полосу, чему способствовал и успех 11-го танкового корпуса, который в этот день вместе с 77-й гв. стрелковой дивизией вел ожесточенные бои с 10-й моторизованной дивизией врага и нанес ей тяжелое поражение. Развивая достигнутый успех, он с ходу прорвал третью полосу обороны и к концу 15 января подошел к г. Радам.

Таким образом, пулавская ударная группировка по сути дела в течение одних суток прорвала всю тактическую зону обороны и тем самым создала предпосылки для броска в оперативную глубину.

Успех прорыва мог быть и большим, если бы темп прорыва не спал. При прорыве главной полосы обороны он был 1,5—2 км в час, но в последующем, когда противник был обескровлен и деморализован, — только 1 км в час. Причина этого спада состояла в излишней осторожности, вызванной плохой видимостью, незнанием о передвижениях резервов противника, поскольку авиация не могла вести разведку.

С утра 15 января войска ударной группировки 1-го Белорусского фронта возобновили наступление. 5-я ударная армия атаковала после 10-минутного огневого налета. Мощь его и дружная атака войск привели к быстрому слому сопротивления противника. В 9.30 в бой была введена подвижная группа армии, которая стала быстро продвигаться в глубину.

8-я гв. армия возобновила наступление после 40-минутной артиллерийской подготовки, в ходе которой сопротивление противника на промежуточных позициях было надломлено, а удар войск опрокинул расчеты врага на постепенный перенос усилий на вторую полосу.

К 16.00—17.00 соединения армии вышли к позиции, являвшейся продолжением второй полосы, оборудованной по р. Пиллица, и предприняли попытку прорвать ее с ходу. Противник остатками разбитых частей и выдвинутых оперативных резервов оказал упорное сопротивление, и продвижение замедлилось.

В это время на рубеж ввода в сражение вышли главные силы 1-й гв. танковой армии. После сильного огневого удара артиллерии 8-й гв. армии они устремились вперед, и к исходу 15 января вся тактическая зона обороны противника в полосе 8-й гв. армии оказалась прорванной.

Но если в полосе 5-й ударной армии это сразу открывало ворота для свободного движения в оперативную глубину, то в полосе 8-й гв. армии предстояло еще сломить сопротивление оперативного резерва — главных сил 25-й танковой дивизии. Правда, ее сил было явно недостаточно для противодействия двум армиям. Оказавшись обойденной войсками 5-й ударной армии с севера и 1-й гв. танковой армией с юга, она попыталась отойти за р. Пилица, но ее упредили передовые отряды танковой армии, которые форсировали реку и закрыли пути ее отхода, что и привело к ее полному разгрому. Впереди не было занятых войсками рубежей, что позволяло развить стремительное наступление в оперативную глубину.

Пулавская группировка к исходу второго дня наступления также прорвала армейскую полосу обороны. Северо-восточнее г. Радом наметилось окружение разрозненных частей, которые были разгромлены в течение 16 января, после чего образовался единый участок прорыва 1-го Белорусского фронта. Войска перешли к стремительному преследованию. Упреждая резервы и отходящие войска, они с ходу прорывали последующие оборонительные рубежи.

На второй день операции перешли в наступление войска 47-й армии, а в ночь на 17 января — и 1-й армии Войска Польского. Они захватили плацдармы на р. Висла и создали угрозу удара по варшавской группировке с севера и юга. Их успех позволил использовать все силы 2-й гв. танковой армии для удара в оперативную глубину. Введенная утром 16 января, т. е. на третий день операции, в «чистый» прорыв она сразу сделала бросок на 70—90 км и вышла главными силами в район Жирардув, Сохачев.

Стремительное преследование противника в течение 15—17 января силами 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов создало в оперативно-стратегической обороне противника бреши, глубина которых достигала соответственно 160, 80 и 60 км. Это означало прорыв трех-четырёх оперативных оборонительных рубежей и глубокое расчленение войск группы армии «А», у которой уже не было резервов не только для восстановления обороны по р. Висла, но и для организации обороны на последующих рубежах. Остатки ее разгромленных войск разрозненно откатывались к Германии. Все это предопределило быстрое перерастание оперативных прорывов в стратегический на фронте от Карпат до Вислы, а вскоре и до Балтийского моря, куда вышли войска 2-го Белорусского фронта. По существу, стратегический прорыв был достигнут уже 17 января, на пятый день операции, когда оборона противника оказалась прорванной на 500-километровом фронте.

Опыт прорыва в Висло-Одерской операции показал, что в условиях наступления с плацдармов, когда невозможно достичь полной внезапности, состав ударных группировок дол-

жен обеспечивать создание особенно высоких плотностей сил и средств, которые гарантировали бы надежное подавление обороны противника и сохранение подавляющего превосходства на все время ведения оперативного прорыва. Вместе с тем для преодоления сопротивления противника, изготовившегося к отражению наступления, необходимы особенно тщательное согласование усилий частей и соединений всех родов войск, участвующих в прорыве, и такое их объединение по месту, времени и цели, которое обеспечивало бы единство их удара при овладении чередующимися оборонительными позициями и рубежами. В условиях плохой или ограниченной видимости особое значение приобретают насыщение боевых порядков пехоты и танков артиллерией сопровождения и приближение к ним артиллерийских наблюдательных пунктов для обеспечения действительного массированного огня и своевременного переноса его в ходе поддержки атаки.

Опыт операции показал также, что завершение прорыва тактической обороны успешнее проходило в тех армиях, которые в своем оперативном подчинении имели танковые корпуса, из которых создавались подвижные группы. Командующие армиями лучше, теснее организовывали их взаимодействие с общевойсковыми соединениями, надежнее обеспечивали ввод «своих» подвижных групп в сражение и быстрее использовали их успех стремительными действиями войск.

Ввод подвижной группы фронта с точки зрения достижения высоких темпов операции оказался более выгодным после прорыва тактической зоны обороны.

При вводе танковых армий в сражение в пределах тактической зоны обороны и в условиях создания очень высоких плотностей войск они не могли быстро обогнать стрелковые войска и растрачивали моторесурсы, горючее и силы на преодоление небольших участков дорог и колонных путей, забитых войсками и техникой общевойсковых армий.

Заблаговременное создание в общевойсковых армиях, которые не получали на усиление танковых корпусов, импровизированных подвижных групп вело к уменьшению количества танков НПП и ослаблению ударных возможностей атакующих эшелонов. Вместе с тем образование подвижных армейских (корпусных) передовых отрядов за счет танковых групп НПП после преодоления тактической зоны обороны дало положительные результаты.

Висло-Одерская операция проводилась в условиях, когда противник создал многочисленные оборонительные рубежи, преимущественно за речными преградами. Ведение ее показало, что быстрый прорыв их с минимальной затратой сил и средств оказался возможным благодаря сокрушительному разгрому войск, занимавших тактическую зону обороны, бли-

жайших оперативных резервов и стремительному движению вперед подвижных групп фронтов и армий, а также многочисленных передовых отрядов, которые упреждали отход на них разгромленных войск, неожиданными ударами захватывали переправы, важные пункты и узлы дорог, громили подходящие резервы, что лишало противника возможности образовать целостный оборонительный рубеж до тех пор, пока он не стал собирать силы на рубеже в непосредственной близости от Берлина, в 600 км от рубежа, где его войска потерпели сокрушительное поражение.

Отличительной особенностью Висло-Одерской операции были высокие темпы наступления — 25—30 км в сутки. Наступление танковых армий после прорыва обороны противника развивалось со средним темпом — до 45 км в сутки, в отдельные дни — до 70 км в сутки, а в отрыве от общевойсковых армий — до 100 км.

Важными предпосылками наступления в высоких темпах являлись: искуренное массирование сил и средств на участках прорыва, надежное огневое подавление обороны противника и нанесение мощного первоначального удара, прорыв тактической зоны обороны в короткие сроки; упреждение противника в выходе на подготовленные рубежи в глубине, широкое применение маневра, тесное взаимодействие всех родов войск и четкое управление, решительность действий и высокий наступательный порыв. Этот опыт не утратил своего значения и в настоящее время.

Характерные особенности прорыва сильно укрепленной обороны противника в Восточно-Прусской операции

Прорыв в Восточно-Прусской операции осуществлялся силами двух фронтов на далеко отстоящих друг от друга и разобщенных Мазурскими озерами операционных направлениях. Боевые действия проходили при неблагоприятной погоде — плотный туман, мокрый снег, дождь, что исключило участие в прорыве авиации и создавало большие трудности в применении артиллерии и танков.

Немецко-фашистское командование, поставив своей целью не допустить вторжения советских войск на территорию Восточной Пруссии, прикрывавшую подступы к центральным районам Германии с северо-запада, сосредоточило здесь крупные силы своих войск и создало мощную систему обороны. Восточно-пруссские укрепленные районы и полосы обороны с включенными в них крепостями, сочетавшимися с естественными препятствиями, не уступали по своей мощи западногер-

манской линии Зигфрида, а на отдельных участках превосходили ее ¹.

Тактическая зона обороны состояла из двух оборонительных полос: главной — глубиной 4—8 км, оборудованной двумя-тремя позициями с двумя-тремя линиями траншей в каждой, и второй, оборудованной двумя-тремя линиями траншей на удалении 8—15 км от переднего края главной полосы обороны. В оперативной глубине был подготовлен ряд оборонительных полос и укрепленных районов, таких, как Ильменхорстский, Летценский, Алленштайский, Хайльсбергский, Млавский и Торуньский.

Наиболее мощным был Хайльсбергский укрепленный район, насчитывавший 911 долговременных оборонительных сооружений, что составляло в среднем до 5, а на важнейших направлениях до 10—12 сооружений на 1 км фронта. Между полосами обороны и укрепленными районами имелись многочисленные хорошо оборудованные отсечные и промежуточные позиции. Все населенные пункты, особенно крупные, также были подготовлены к упорной обороне. Общая глубина оперативной обороны составляла 150—200 км.

Оборонялась в Восточной Пруссии и Северной Польше группа армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4-й и 2-й полевых армий, имевших 43 дивизии (в том числе 4 танковые и 4 моторизованные). Всего в группе армий «Центр» насчитывалось 580 тыс. солдат и офицеров и 200 тыс. фольксштурмовцев, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 515 боевых самолетов ². Основные усилия группы армий «Центр» концентрировались на инстербургском и млавском направлениях, где оперативная плотность достигала соответственно 8 и 12 км на одну дивизию. В центре, где войска противника оборонялись в Летценском укрепленном районе, опиравшемся на Мазурскую систему озер, оперативная плотность составляла 18—20 км на одну дивизию. Одной из особенностей являлось также то, что основные силы противника находились в первом эшелоне и занимали тактическую зону обороны. В оперативном резерве армий и группы армий «Центр» имелись три танковые, две моторизованные и одна пехотная дивизии. Следовательно, советским войскам предстояло преодолеть упорнейшее сопротивление противника в тактической зоне и отразить мощные удары танковых войск при развитии наступления в глубине.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования осуществление операции по разгрому противника в Восточной Пруссии возлагалось на 3-й и 2-й Белорусские фронты, имевшие в своем составе 14 общевойсковых, одну танковую и две

¹ См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., Политиздат, 1974, с. 475.

² См.: *История второй мировой войны 1939—1941*, т. 10. М., Воениздат, 1977, с. 93.

воздушные армии. Всего во фронтах насчитывалось: во 2-м Белорусском — 63 дивизии, более 12 тыс. орудий и минометов, 2200 танков и около 1600 самолетов; в 3-м Белорусском — 67 дивизий, свыше 12 тыс. орудий и минометов, более 1600 танков и САУ, 1500 боевых самолетов¹. Это обеспечивало фронтам двукратное превосходство над противником по живой силе и трех-пятикратное по боевой технике и позволяло создавать мощные ударные группировки для прорыва вражеской обороны на всю ее глубину.

Замысел Ставки на операцию (схема 16) заключался в том, чтобы прорвать оборону противника войсками 3-го Бело-

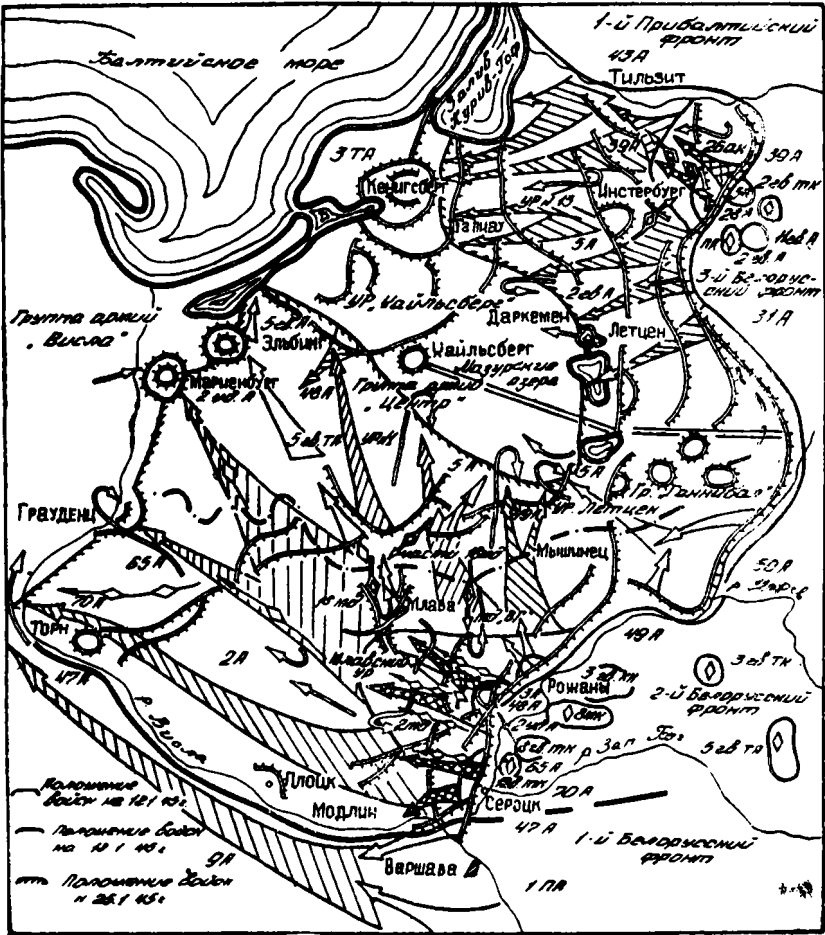

Схема 16. Прорыв и его развитие в Восточно-Прусской операции

¹ См.: Восточно-Прусская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1970, № 2, с. 17—18.

русского фронта на инстербургском и войсками 2-го Белорусского фронта на млавском направлениях, развить стремительное наступление на Кенигсберг и Мариенбург, отсечь войска группы армий «Центр» от фашистских сил, оборонявших берлинское направление, прижать их к морю, расчлениить и уничтожить по частям в пределах Восточной Пруссии.

В соответствии с замыслом и полученными задачами были приняты решения командующими фронтами. Командующий 3-м Белорусским фронтом главный удар наносил силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов из района севернее Мазурских озер в общем направлении Велау, Кенигсберг. Оборону противника наметил прорвать на одном сплошном участке шириной 24 км силами 39, 5 и 28-й армий. В первый день наступления армии должны были прорвать тактическую зону обороны и создать условия для ввода в сражение с утра второго дня в полосе 5-й армии подвижной группы фронта — 2-го гв. танкового корпуса. 11-я гв. армия оставалась во втором эшелоне фронта с задачей с утра пятого дня операции во взаимодействии с 1-м танковым корпусом войти в сражение на стыке 5-й и 28-й армий и нанести стремительный удар в направлении Велау, Кенигсберг, а частью сил на Инстербург.

2-я гв. армия должна была с утра третьего дня операции нанести удар в обход Мазурских озер с северо-запада и прочно обеспечить ударную группировку фронта с юга. 31-й армии приказывалось прочно оборонять занимаемый рубеж¹.

Удар войск 3-го Белорусского фронта осуществлялся в полосе местности, наиболее удобной для действий всех родов войск, и приходился по стыку 3-й танковой и 4-й полевой армий. Это позволяло рассечь тильзитско-инстербургскую группировку противника и обойти с севсра мощные узлы сопротивления — Гумбиннен и Инстербург.

Глубокое оперативное построение войск фронта отвечало замыслу операции и обеспечивало прорыв глубоко эшелонированной, плотно занятой обороны противника и необходимого наращивание усилий в ходе развития прорыва в оперативной глубине.

Командующий 2-м Белорусским фронтом решил, используя плацдармы на западном берегу р. Нарев, нанести с них два мощных удара, разгромить пшеаснышко-млавскую группировку противника и в дальнейшем, развивая стремительное наступление к побережью Балтийского моря, отсечь войска группы армий «Центр» от остальной территории Германии.

Главный удар планировалось нанести с рожанского плацдарма, где намечалось прорвать оборону противника на участке 18 км силами 3, 48 и 2-й ударной армий. Для развития

¹ ЦАМО. ф. 241, оп. 2593, д. 863, лл. 43—54.

успеха с этого плацдарма предназначались 5-я гв. танковая армия и три отдельных корпуса: 8-й механизированный, 8-й гв. танковый и 3-й гв. кавалерийский.

Второй удар намечалось нанести с сероцкого плацдарма силами 65-й армии и 70-й армии. Участок прорыва здесь составлял 10 км. Для развития успеха предназначался 1-й гв. танковый корпус.

Армии обеих группировок имели задачу в первый день прорвать тактическую зону обороны. Для завершения ее прорыва предполагалось использовать армейские подвижные группы: в 48-й армии — 8-й механизированный корпус; во 2-й ударной армии — 8-й гв. танковый корпус и в 65-й армии — 1-й гв. танковый корпус.

50-я армия должна была прочно удерживать занимаемый рубеж; 49-я армия получила задачу, обороняясь одним стрелковым корпусом, остальными двумя, используя участки прорыва в полосе 3-й армии, нанести удар на Мышинец с целью обеспечить ударную группировку фронта с севера. Такую же задачу, но с развитием наступления на Алленштайн получил 3-й гв. кавалерийский корпус, который должен был войти в сражение в полосе 3-й армии после прорыва вражеской обороны.

5-я гв. танковая армия имела задачу войти в сражение в полосе 48-й армии на третий день операции и стремительно развивать наступление в обход восточно-прусской группировки противника с юго-запада¹.

Таким образом, по решению командующего фронтом главный удар в операции наносился в направлении, которое обеспечивало обход с юга Мазурских озер и всей восточно-прусской группировки противника, что приводило к крушению всей его мощной системы обороны на территории Восточной Пруссии.

В отличие от 3-го Белорусского фронта, где определялся один сплошной участок прорыва, во 2-м Белорусском фронте их назначалось несколько с наличием промежутков между ними. Так, между 3-й и 48-й армиями промежуток составлял 11 км, между 2-й ударной и 65-й армиями — 21 км, между 65-й и 70-й армиями — 5 км. Такое положение, как докладывал командующий фронтом в Ставку Верховного Главнокомандования², вызывалось особенностями местности, которая была невыгодной для прорыва на одном сплошном участке, а также наличием у противника на переднем крае ряда сильно укрепленных узлов обороны, которые целесообразно было брать не ударом в лоб, а обходным маневром.

¹ ЦАМО, ф. 16, оп. 956, д. 24, лл. 5—18.

² Там же, ф. 237, оп. 2394, д. 1088, лл. 3—6.

Командующий фронтом, идя на такое решение, учитывал возросшие возможности и опыт общевойсковых армий, позволявшие им прорвать вражескую оборону собственными силами. Учитывалось также то, что уже на второй-третий день операции армейские участки будут объединены в единый сплошной участок прорыва фронта, ширина которого достигнет 70—80 км и более, и что локализовать такой прорыв противник уже будет не в состоянии. Чтобы обеспечить армиям высокие оперативные плотности и решающее превосходство над противником, участки их прорыва назначались несколько меньшими, чем при прорыве на сплошном фронтовом участке. Так, если на 3-м Белорусском фронте участки прорыва армий составляли 7—9 км, то на 2-м Белорусском фронте они не превышали 6—7 км. Превосходство на них над противником составляло: по пехоте — в 5—9 раз, по артиллерии и танкам — в 7—10 раз, по авиации — в 4—6 раз.

Общевойсковые армии, входившие в состав ударных группировок фронтов, и на 1-м Белорусском фронте строились в один оперативный эшелон при наличии в резерве одной стрелковой дивизии. Это обуславливалось необходимостью достигнуть мощного первоначального удара по противнику в целях быстрейшего прорыва тактической зоны обороны. Нарращивание усилий прорывающих войск в этих условиях должно было производиться за счет сил глубоко построенных корпусов, дивизий и полков, которые имели боевые порядки двух-, а в ряде случаев и трехэшелонными¹.

В армиях, решавших главную задачу, создавались армейские подвижные группы в составе танкового или механизированного корпуса. Ввод их в сражение планировался в первый день в целях завершения прорыва второй полосы обороны и разгрома на второй день ближайших оперативных резервов противника. Это создавало большие гарантии фронту в успешном и стремительном прорыве тактической зоны обороны и обеспечивало благоприятные условия для ввода в сражение на третий день подвижной группы фронта — 5-й гв. танковой армии. В этом было значительное преимущество армий 2-го Белорусского фронта перед армиями 3-го Белорусского фронта, которые не имели подвижных групп, а во фронте было всего два танковых корпуса. Вообще в Восточно-Прусской операции применение танков имело свои особенности. Предвидя особо упорное сопротивление противника в ходе тактического прорыва, командующие войсками обоих фронтов приняли решения о возможно большем насыщении боевых порядков стрелковых соединений и частей танками НПП. Так, на 3-м Белорусском фронте в эшелон прорыва было выделено 903, а с танками, приданными 11-й гв. армии, — 1085 танков

¹ ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 987, лл. 116—139.

и САУ, т. е. более 70% от всех имевшихся во фронте. На 2-м Белорусском фронте для непосредственной поддержки пехоты было выделено 830 танков и САУ, или 41%. Это позволило создать в атакующем эшелоне высокие плотности — 25—37 танков и САУ на 1 км участка прорыва¹. Такое решение следует признать целесообразным.

Важная роль в успешном решении задачи прорыва вражеской обороны отводилась артиллерии. Ей предстояло мощным массированным огнем разрушить оборону противника, нанести поражение живой силе и боевой технике, нарушить управление войсками, а затем мощной поддержкой своих войск обеспечить им не только прорыв тактической зоны обороны, но и развитие наступления в оперативной глубине.

С этой целью на участках прорыва сосредоточивалось от 53 до 77% орудий и минометов, имевшихся в составе фронтов. Такое массирование артиллерии позволило создать плотность 160—220 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше на каждом километре участка прорыва, а в отдельных армиях 2-го Белорусского фронта — до 300².

В целях удобства и надежности управления артиллерией и наиболее эффективного ее использования в частях и соединениях всех фронтов создавались полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы, группы орудий для стрельбы прямой наводкой, минометные (в отдельных случаях и контрминометные) группы, а в армиях — армейские артиллерийские группы (АДД, прорыва, ГМЧ). Их состав и задачи были в основном такими же, как и в предыдущих операциях. Однако имелись и некоторые особенности. Например, в состав корпусных, а в ряде случаев и дивизионных артиллерийских групп включалась реактивная артиллерия, что позволяло организовать более тесное ее взаимодействие с пехотой. Как известно, раньше реактивная артиллерия находилась только в составе армейских групп ГМЧ. Новым явлением в создании группировки артиллерии явилось заблаговременное образование полковых артиллерийских групп в полках второго эшелона дивизий. Это исключало переподчинение артиллерии из одного полка в другой в ходе прорыва и обеспечивало более быстрый ввод в бой полков второго эшелона. На 3-м Белорусском фронте создавалась фронтальная группа АДД в составе двух полков особой мощности, вооруженных 152-мм пушками БР-2 и 210-мм пушками БР-17, которые в условиях прорыва укрепленного района предназначались для поражения важных объектов в глубоком тылу противника.

¹ См.: Информационный сборник БТ и МВ № 6—7. М., Воениздат, 1948, с. 30.

² См.: История второй мировой войны 1941—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 98.

Артиллерийское наступление в обоих фронтах планировалось, как обычно, по трем периодам. На 3-м Белорусском фронте на артиллерийскую подготовку отводилось 120 минут, из них 5 минут — на огневой налет, 15 минут — пауза, 60 минут — на разрушение, 40 минут — на методическое подавление¹. Следовательно, за два часа артиллерийской подготовки планировалось произвести только один 5-минутный огневой налет. Это был крупный недостаток планирования артиллерийской подготовки, так как при небольшом удельном весе массированного огня (4% от общей продолжительности артподготовки) и отсутствии мощного огневого налета непосредственно перед атакой не представлялось возможным надежно подавить живую силу и огневые средства противника и по-настоящему подготовить атаку пехоты и танков. Это неизбежно должно было отразиться на темпах прорыва.

На 2-м Белорусском фронте на артиллерийскую подготовку отводилось 85 минут. Ее проведение готовилось по трем вариантам в зависимости от успеха действий передовых батальонов, переходящих в атаку после первого 15-минутного огневой налета, при поддержке двойным огнем валом². В случае неуспеха передовых батальонов артиллерийская подготовка должна была проводиться по полному графику; при захвате передовыми батальонами только первой траншеи — по полному графику за исключением подавления и разрушения целей в первой траншее. По третьему варианту, предусматривавшему полный успех передовых батальонов, т. е. захват первой и второй траншей и дальнейшее продвижение вперед, продолжение артиллерийской подготовки не планировалось, а вводимые в бой главные силы дивизий должны были поддерживаться сразу двойным огнем валом.

Уместно отметить, что опыт планирования действий артиллерии по нескольким вариантам приобретает важное значение и в современных условиях. Это позволяет артиллерии в быстро меняющейся обстановке заблаговременно подготовиться к решению огневых задач в различных условиях, сократить время, необходимое для открытия огня и артиллерийской подготовки в целом, обеспечить быстрое перенацеливание усилий артиллерии на подавление обороны противника, а иногда и сократить расход боеприпасов.

Поддержка атаки главных сил на 2-м Белорусском фронте планировалась двойным огнем валом на глубину первой позиции — 2—3 км, а на 3-м Белорусском фронте — новым методом — двойным последовательным сосредоточением огня также на глубину первой позиции. В последнем случае вся

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 784.

² См.: Там же, с. 785.

глубина поддержки атаки разбивалась на рубежи огня шириной 250—300 м. Для поддержки атаки привлекались 5—6 дивизионов на 1 км фронта и создавались две группы артиллерии равного состава, так как с началом поддержки атаки огонь одновременно открывался по целям, расположенным на первых двух рубежах, образуя полосу огня глубиной 500—600 м. При этом цели на первом рубеже подавлялись огневыми налетами, а на втором рубеже — методическим огнем. При подходе пехоты и танков к первому рубежу на расстояние 150—200 м первая группа артиллерии переносила огонь по целям на третьем рубеже, подавляя их методическим огнем. Этот перенос огня одновременно служил сигналом для изменения режима огня второй группы артиллерии по второму рубежу — с методического огня на огневой налет и т. д. на глубину всей первой позиции противника¹.

Важная роль в подавлении обороны противника возлагалась на авиацию, в составе которой в обоих фронтах и привлекаемой авиации 1-го Прибалтийского фронта и 18-й воздушной армии насчитывалось более 2000 штурмовиков и бомбардировщиков. Они в состоянии были произвести более 4000 самолето-вылетов в день. Однако наступление началось в плохую погоду, исключавшую возможность применения авиации.

Плотности инженерных войск на участках прорыва фронтов были 10,5—13,5 инженерно-саперные роты на 1 км участка прорыва, что позволило выполнить большой объем работ по его инженерному обеспечению.

Прорыв в Восточно-Прусской операции начался 13 января переходом в наступление войск 3-го Белорусского фронта.

Противник определил день перехода наших войск в наступление. Накануне ночью и утром он вел сильный артиллерийский огонь по первой и второй траншеям исходного района, в которых занимали исходное положение для наступления атакующие батальоны.

В полосе 39-й армии противник провел контрподготовку, в результате которой войска понесли некоторые потери. Все это не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии изготовившихся к наступлению войск фронта и в конечном итоге на ходе прорыва.

С целью установить, не отвел ли противник свои силы с первой траншеи в глубину, после первого 5-минутного огневого налета (во время 15-минутной паузы) начали действовать разведподразделения, выделявшиеся от каждой дивизии первого эшелона. Они установили, что первая траншея занята только боевым охранением, а главные силы отведены на вто-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 597.

рую траншею. В связи с этим основная масса артиллерийского огня была обрушена на вторую и последующие траншеи. Однако густой туман и низкая облачность ограничивали видимость до 100—200 м, а в ряде мест — до 40—50 м, что сказалоcь на эффективности артиллерийской подготовки¹.

Атака главных сил началась в 11.00 после двухчасовой артиллерийской подготовки. И хотя сила ее огня была значительной, результаты оказались недостаточными.

В 5-й и 39-й армиях вторая траншея, где были основные силы пехоты противника, оказалась подавленной в несколько раз слабее, чем первая. Прямые попадания в нее были единичными. В силу этого даже первой траншеей не везде удалось овладеть быстро, поскольку противник, не подавленный во второй траншее, вел сильный огонь по подступам к первой траншее, нанося атакующим цепям пехоты и танкам НПП существенные потери. В густом тумане противник подпускал наши танки на близкое расстояние и поражал их фаустпатронами и противотанковыми орудиями. Атака шла медленно и трудно. Взаимодействие пехоты с танками и поддерживающей их артиллерией нарушилось, поскольку линия цепей слишком изломалась. Атака разрознилась по направлениям и времени. Войска были вынуждены «прогрызать», а не расчищать взломанную оборону. В итоге войска этих армий за день напряженных боев продвинулись всего на 2—3 км, т. е. прорвали только первую позицию и то не во всей полосе. Войска 28-й армии, где результаты артиллерийской подготовки были намного лучше, смогли углубиться в оборону до 7 км².

Причины ограниченного успеха войск фронта крылись также в том, что в условиях ограниченной видимости, когда артиллерия, ведущая огонь с закрытых позиций, не могла уверенно поддерживать наступление пехоты и танков, а авиация наносить удары, насыщение боевых порядков орудиями сопровождения оказалось недостаточным. Очень большие помехи доставляли минные поля в глубине, разминирование которых под огнем противника представляло большую сложность и отнимало много времени. Медленно восстанавливалось взаимодействие, что в условиях плохой видимости приводило к несогласованным действиям частей различных родов войск.

Командующий фронтом, вскрыв недостатки первого дня наступления, приказал приблизить к войскам наблюдательные пункты батарей и дивизионов, обеспечить прочную связь с пехотой, выделить в роты больше орудий сопровождения, организовать более тесное взаимодействие пехоты, танков и артиллерии в звене полк—батальон. В течение ночи войска устра-

¹ ЦАМО. ф. 241, оп. 2593, л. 819, л. 54.

² Там же, д. 988, лл. 140—143.

няли указанные недостатки и в 12.45 14 января после 30-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление¹.

За это время противник перебросил к участку прорыва из резерва и неатакованных участков 5-ю танковую, 56-ю и 61-ю пехотные дивизии и с переходом наших войск в наступление предпринял сильные контратаки по всему фронту.

В течение 14 и 15 января войска 3-го Белорусского фронта в ожесточенных боях отражали ежедневно более 30 контратак противника силами батальон—полк, усиленных танками и штурмовыми орудиями. В результате ударной группировке удавалось продвигаться за сутки не более чем на 2—3 км². Таким образом, только за три дня войска фронта прорвали главную полосу обороны и на отдельных участках подошли ко второй. Атака ее, предпринятая после подготовки в ограниченные сроки, в условиях, когда противник занял ее отходившими войсками и уплотнил резервами, не дала ощутимых результатов. Создалась явная угроза, что наступление войск фронта может остановиться.

Чтобы исключить возможность маневра противника и увеличить силу удара наших войск, командующий фронтом приказал 2-й гв. армии перейти 16 января в наступление левее ударной группировки (на даркеменском направлении), а в полосе 5-й армии ввел в сражение 2-й гв. танковый корпус³. Этот корпус, войдя в сражение во второй половине дня 16 января, сразу же встретил упорное сопротивление и контратаки противника. К исходу дня он углубился в оборону всего на 1—1,5 км и только в ночь на 17 января овладел несколькими важными опорными пунктами противника, но дальше продвинуться не смог. Противник непрерывно подбрасывал резервы и сохранял сплошную линию фронта обороны⁴.

Несмотря на ограниченный успех войск 3-го Белорусского фронта, за четыре дня наступления они нанесли противнику существенные потери. Для него также создалась кризисная ситуация, ибо тактическая оборона держалась из последних сил и достаточно было проломить ее в одном месте в условиях, когда у противника были израсходованы все оперативные резервы, чтобы привести к ее краху. И он вполне был реален, так как во втором эшелоне 3-го Белорусского фронта находилась еще самая боеспособная армия — 11-я гвардейская. Кроме того, используя свои основные резервы против 5-й, 28-й армий и 2-го гв. танкового корпуса, вражеское командование не смогло усилить оборону в полосе наступления 39-й армии. Здесь сильным ударом левофланговых корпусов 39-я армия

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 600.

² ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, л. 819, лл. 77—79.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 855, лл. 45—49.

утром 17 января завершила прорыв тактической зоны обороны противника и стала развивать успех в северо-западном направлении. Противник начал поспешно отходить.

Командование фронтом, учитывая сложившуюся обстановку, решило немедленно использовать успех 39-й армии и ввести в сражение в ее полосе 1-й танковый корпус, а затем и 11-ю гв. армию¹.

Утром 18 января 1-й танковый корпус по двум маршрутам вошел в сражение. Поддержанный ударами авиации, он, уничтожая на своем пути остатки противника, к вечеру достиг р. Инстер и с ходу форсировал ее. Войска 39-й армии, используя успех танкового корпуса, продвинулись за этот день до 20 км и также вышли к р. Инстер. На остальном участке фронта наши войска по-прежнему встречали упорное сопротивление противника. И хотя в этот день корпус 5-й и 28-й армий завершили прорыв тактической зоны обороны, развить успех в глубине не смогли.

В целом же к исходу 18 января войска 3-го Белорусского фронта достигли крупного оперативного успеха. Оборона противника была прорвана до 60 км по фронту и 45 км в глубину. Для развития достигнутого успеха командующий фронтом 19 января ввел в образовавшийся прорыв вслед за 1-м 2-й гв. танковый корпус (переброшенный из полосы 5-й армии), а с утра 20 января — свой второй эшелон — 11-ю гв. армию. К вечеру следующего дня она продвинулась на 45 км и к утру 22 января во взаимодействии с 5-й армией овладела г. Инстербург.

Противник начал отвод своих войск на долговременный оборонительный пояс, проходящий по рекам Дайме, Алле и городам Бартенштейн, Хайльсберг. Однако ни отходящими войсками, ни наспех собранными резервами он не смог занять этот рубеж на всем фронте — он был прорван с ходу или с подготовкой атаки в ограниченные сроки. Войска 3-го Белорусского фронта развили наступление непосредственно на Кенигсберг.

Прорыв обороны противника на 2-м Белорусском фронте начался утром 14 января. После первого 15-минутного огневого налета начали действия передовые батальоны, которые захватили первую, а на отдельных участках вторую и третью траншеи противника, где встретили сильное сопротивление. Было принято решение снять огонь с захваченных участков вражеской обороны и продолжать артиллерийскую подготовку по полному графику. Но из-за густого тумана, ограничившего видимость до 150—200 м, результаты артиллерийского огня не наблюдались. Не проводилась и авиационная подготовка.

¹ ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 863, л. 74.

По окончании артиллерийской подготовки в 11.25 перешли в наступление главные силы, поддержанные двойным огневым валом. Однако при подходе ко второй позиции, куда противник успел отвести свои войска, они встретили упорное сопротивление и были задержаны. На подготовку атаки ушло несколько часов. Если бы огневое подавление второй позиции было предусмотрено заранее, то на ее захват ушло бы меньше времени, а при проведении огневого подавления во время подхода к ней танков и пехоты она могла быть прорвана без задержки. В условиях же успешно начавшейся атаки значительная часть артиллерии начала смену огневых позиций и наблюдательных пунктов. При плохой видимости этот процесс затянулся. Светлого времени осталось мало, и к исходу дня войска продвинулись только на 3—6 км.

Таким образом, и в полосе 2-го Белорусского фронта ударные группировки не выполнили задачи дня. Ни на одном из участков наступления главная полоса обороны противника не была прорвана. Низкие темпы прорыва так же, как и на 3-м Белорусском фронте, обуславливались не только тяжелыми метеоусловиями, исключившими действия авиации и снизившими эффективность огня артиллерии, но и нарушением взаимодействия пехоты, танков НПП и орудий сопровождения, неготовностью органов разведки вскрывать цели противника в условиях пониженной видимости, а артиллерии — быстро открывать массированный огонь по участкам, где намечалось продолжение атак. Трудности наступления усиливались также тем, что в условиях низких темпов прорыва армейские вклинения оставались пока разъединенными. Это позволяло противнику поражать наступающие войска огнем и наносить контратаки с флангов, отвлекая тем самым на себя значительные силы, необходимые для развития прорыва в глубину. Все это не позволило ввести в сражение в первый день, как планировалось, армейские подвижные группы.

Утром 15 января наступление возобновилось. Но противник в течение ночи подтянул резервы, в том числе 7-ю танковую дивизию и моторизованную дивизию «Великая Германия». В течение дня войска фронта отразили более 70 контратак. Части 7-й танковой дивизии, предприняв контратаку, попали под подготовленный массированный огонь нашей артиллерии и потеряли до 70 танков и более 1200 солдат и офицеров¹. Это несколько ослабило вражеский фронт. Возобновив атаку, стрелковые соединения потеснили противника, что позволило ввести в сражение по одному танковому корпусу на каждом из плацдармов. Сильными сосредоточенными ударами танковых корпусов удалось завершить прорыв главной полосы обо-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 606.

роны и, продвинувшись на 5—8 км¹, вклиниться во вторую ее полосу.

Решительный перелом произошел 16 января, когда в полосу 48-й армии при мощной поддержке авиации был введен в сражение 8-й механизированный корпус, а противник, посчитав, что наступательные возможности 2-го Белорусского фронта уже исчерпаны, начал переброску танкового корпуса «Великая Германия» в район Лодзи, куда шли войска 1-го Белорусского фронта. К исходу третьего дня наступления все участки прорыва были объединены в один фронтовой, достигший 60 км по фронту и 30 км в глубину. Это создало благоприятные условия для ввода подвижной группы фронта.

5-я гв. танковая армия вошла в «чистый» прорыв во второй половине дня 17 января. Устремившись вперед, она при поддержке авиации с ходу прорвала третий оборонительный рубеж противника и к исходу суток, продвинувшись до 30 км, вышла к Млавскому укрепленному району. 18 января он был обойден с севера и юга, а на следующий день очищен от противника². Прорыв достиг 60 км в глубину и 110 км по фронту. Путь войскам 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю в целях отсечения всей восточно-прусской группировки противника был открыт.

Таким образом, несмотря на неблагоприятную погоду и особую прочность обороны противника, прорыв ее был успешно осуществлен войсками обоих фронтов. Важным условием достигнутого успеха явился правильный выбор направлений главных ударов фронтов.

Вместе с тем опыт данной операции показывает, что при прорыве сильно укрепленной обороны противника ни на одном из направлений нашим войскам не удалось в первый день прорвать даже главную полосу обороны. Прорыв тактической зоны обороны на 2-м Белорусском фронте был завершен на третий день, а на 3-м Белорусском фронте — только на пятый-шестой день. Главными причинами этого явились: отсутствие в первый и второй дни авиационной поддержки наступающих войск; недостаточная глубина одновременного подавления обороны противника артиллерийским огнем (одна-две позиции глубиной 4—6 км); низкая эффективность артиллерийской подготовки атаки; упорное сопротивление противника, использовавшего большую часть оперативных резервов в борьбе за удержание тактической зоны обороны; недоучет условий плохой видимости при подготовке прорыва и отсутствие внезапно наступления.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 67.

² См.: Информационный сборник БТ и МВ № 25. М., Воениздат, 1952, с. 67—75.

Опыт прорыва обороны противника в Восточно-Прусской операции дает основание полагать, что преодоление сильно укрепленной обороны, насыщенной элементами долговременной фортификации, особенно в сложных метеорологических условиях, связано с огромными трудностями, при малейших упущениях в подготовке наступления это может привести к кризисным ситуациям, разрешение которых потребует значительных сил и времени.

При прорыве такой обороны целесообразно предусматривать различные варианты действий войск, в том числе и такой, когда наиболее мощное поражение противника огнем артиллерии и авиации проводится на позициях в глубине обороны.

Поскольку сильно укрепленная оборона обладает очень высокой степенью устойчивости, то, развивая атаку, желательно продвигать войска в глубину в постоянной готовности к быстрому, организованному и мощному удару по рубежу, где противник восстановил устойчивость своей обороны. Всякое продвижение без должной устойчивости управления ведет к нарушению взаимодействия войск, неорганизованным атакам, затрате времени на подготовку повторных атак и в конечном итоге к потере темпов прорыва, которые в Восточно-Прусской операции были невысокими: на 2-м Белорусском фронте — 6—12 км, на 3-м Белорусском фронте — только 3—5 км в сутки. При этом войска при прорыве тактической зоны обороны понесли значительные потери: во 2-м Белорусском фронте — 1,3% его боевого состава, в трех армиях, действовавших на главном направлении 3-го Белорусского фронта (39, 5 и 28-я), — свыше 1,5% их боевого состава¹.

Опыт Восточно-Прусской операции показал, что развитие тактического прорыва в оперативный лучше проходило тогда, когда в состав общевойсковых армий включались танковые (механизированные) корпуса. Объединение их усилий с усилиями стрелковых соединений позволяло с меньшими затратами сил и времени окончательно сломить сопротивление врага и открыть пути в оперативную глубину его обороны.

Прорыв в Берлинской операции (Схема 17)

Берлинская операция, проведенная советскими войсками в апреле—мае 1945 г., занимает особое место в Великой Отечественной войне как по своим масштабам, сложности решения задач, так и по достигнутым военно-политическим резуль-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 69.

татам. Огромный вклад она внесла и в развитие советского военного искусства. Всего за 24 дня Советская Армия разгромила миллионную группировку немецко-фашистских войск, штурмом овладела Берлином и принудила гитлеровскую Германию к безоговорочной капитуляции.

Прорыв обороны противника осуществлялся в трудных условиях обстановки. Гитлеровская правящая верхушка, сле-

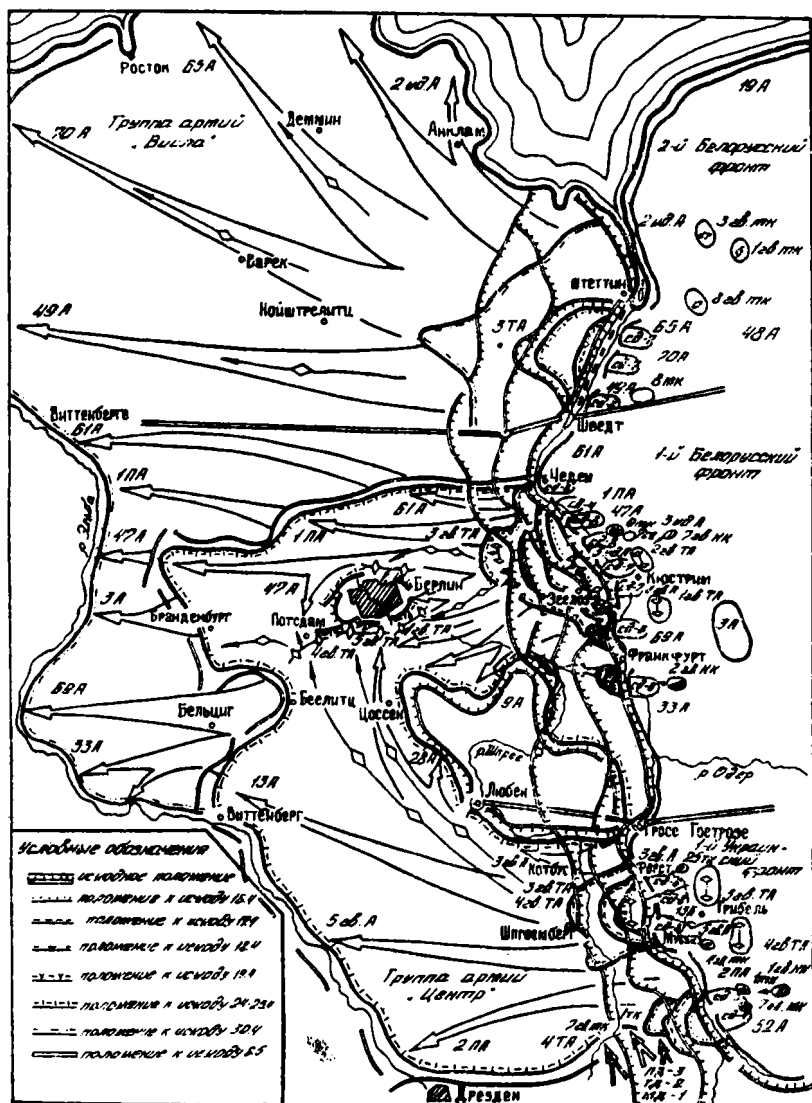

Схема 17. Прорыв обороны противника в Берлинской операции

дую политике «лучше сдать Берлин англо-американским войскам», бросила на восточный фронт свои основные силы. К середине апреля 1945 г. 80% всех вооруженных сил фашистской Германии находилось на советско-германском фронте. Берлинское стратегическое направление обороняли наиболее боеспособные 3-я танковая и 9-я армии из группы армий «Висла» и 4-я танковая и 17-я армии из группы армий «Центр», в составе которых насчитывалось 48 пехотных, 6 танковых и 9 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и большое число отдельных артиллерийских и специальных частей и соединений. Всего берлинская группировка противника насчитывала 1 млн. человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов ¹.

Указанные силы и средства позволили немецко-фашистскому командованию создать высокие оперативные плотности. Так, в полосе наступления 2-го Белорусского фронта они достигали 9 км, 1-го Белорусского фронта — 7 км и 1-го Украинского фронта — 10,5 км на дивизию. Особенно высокие плотности войск были созданы противником против кюстринского плацдарма. Здесь в полосе 44 км оборонялось 14 дивизий, а средняя оперативная плотность составляла 3 км на дивизию, 66 орудий и 17 танков на 1 км фронта ².

Готовясь к отражению наступления советских войск, фашистское командование создало на подступах к Берлину мощную оборону. Одерско-нейсенский оборонительный рубеж состоял из трех полос и ряда промежуточных и отсечных позиций и имел глубину от 20 до 40 км. За ним располагался Берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых оборонительных обводов и укреплений в самом городе. Общая глубина обороны достигала 90—100 км.

Три оборонительные полосы вдоль рек Одер, Нейсе и обводы Берлина были плотно насыщены огневыми средствами, минными заграждениями, бетонированными сооружениями для огневых средств, противотанковыми и противопехотными препятствиями, мощными опорными пунктами, приспособленными к круговой обороне. Наиболее прочно была оборудована первая полоса. Она имела три позиции со сплошными траншеями, дотами и дзотами на глубину от 5 до 10 км ³.

Следует также отметить, что местность между Одером—Нейсе и Берлином была выгодна для обороны. Зееловские высоты, реки Одер, Нейсе, Даме, Шпрее, густая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, большое количество городов с

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 322, 326.

² См.: Там же, с. 323.

³ ЦАМО, ф. 233, оп. 2382, д. 478, лл. 29—41.

каменными зданиями и леса — все это крайне усложняло действия наступающих войск.

Таким образом, в заключительной операции войны советским войскам предстояло взломать самую мощную оборону врага, разгромить крупнейшую его стратегическую группировку и овладеть столицей фашистской Германии — Берлином, гарнизон которого насчитывал до 200 тыс. человек. Гитлер в приказе на оборону столицы требовал от ее защитников: «Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона»¹.

Советское командование хорошо понимало всю трудность и сложность предстоящей операции и тщательно готовилось к ее проведению. К операции привлекались три фронта: 2-й и 1-й Белорусские, 1-й Украинский, насчитывавшие в своем составе 2,5 млн. человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 самолетов². Наши войска превосходили противника: по личному составу — в 2,5 раза, по артиллерии — в 4 раза, по танкам и САУ — в 4,2 раза, по авиации — в 2,3 раза.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на операцию (см. схему 16) состоял в том, чтобы тремя мощными ударами прорвать одерско-нейсенский рубеж обороны на штеттинском, берлинском и котбуском направлениях, после чего силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии 2-го Белорусского фронта осуществить окружение берлинской группировки противника, расчленить ее по частям, уничтожить их порознь, овладеть Берлином и выйти на р. Эльба, где соединиться с войсками союзников.

В соответствии с замыслом Ставки и полученными задачами командующие войсками фронтов приняли решения, на основе которых проводилась подготовка операций.

Командующий 1-м Белорусским фронтом решил главный удар нанести силами пяти общевойсковых и двух танковых армий с кюстринского плацдарма в общем направлении на Берлин; прорыв обороны противника осуществить на участке 44 км войсками 47, 3 и 5-й ударных и 8-й гв. армий; после овладения этими армиями грядой Зееловских высот на глубине 12 км ввести в сражение 2-ю и 1-ю гвардейские танковые армии и развить наступление в оперативную глубину.

Если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника и возникнут опасения, что наступление задержится, то танковые армии должны войти в сражение с целью усилить удар общевойсковых армий и помочь им завершить прорыв тактической обороны³.

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 801858, д. 187, лл. 1--27.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг., т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 326.

³ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 603.

Вспомогательные удары предусматривалось нанести: севернее главного удара — силами 61-й армии и 1-й армии Войска Польского на участке 7,5 км, южнее главного удара — силами 69-й и 33-й армий на участке 12,5 км. Во втором эшелоне фронта оставалась 3-я армия.

Ширина участков прорыва общевойсковых армий (от 2,5 до 7 км) была несколько меньше по сравнению с предстоящими операциями, что вызывалось необходимостью создания особенно высоких плотностей войск. При этом, если в прошлых операциях армии прорывали оборону противника, как правило, смежными флангами, то в данном случае почти все армии имели самостоятельные участки прорыва при наличии незначительных промежутков между ними. 5-я ударная и 8-я гв. армии прорывали оборону на смежных флангах на участке 14 км, а 33-я армия имела два участка прорыва с промежутком между ними 4 км. Возросшие боевые возможности армий и наличие крупных танковых сил позволяли уже к исходу первого дня или на второй день объединить все участки прорыва армий в один общий фронтовой участок, что обеспечивало одновременно с прорывом расширение его по фронту до таких размеров, которые исключали бы его локализацию противником и создание нового сплошного фронта обороны. Мощные удары армий приводили к дроблению тактической зоны обороны врага и его группировки войск на отдельные части, а в последующем к взлому на широком фронте всей оперативной обороны и созданию условий для широкого маневра основными силами фронта.

Для обеспечения успешного прорыва тактической зоны обороны в армиях создавались высокие плотности сил и средств на участках прорыва (табл. 9), чем достигалась большая сила первоначального удара.

Оперативное построение армий (за исключением 3-й ударной) было одноэшелонным с наличием в резерве по одной стрелковой дивизии. Это обуславливалось, во-первых, ограниченной глубиной плацдарма на р. Одер, по существу исключавшей возможность размещения вторых эшелонов армий, и, во-вторых, большой сложностью маневра в узких полосах наступления крупными по составу вторыми эшелонами как в ходе прорыва, так и при развитии операции в глубине. В этих условиях непрерывное наращивание усилий наступающих войск предусматривалось: при прорыве первой позиции — вторыми эшелонами стрелковых батальонов; при прорыве второй позиции — вторыми эшелонами стрелковых полков; при прорыве третьей позиции — вторыми эшелонами стрелковых дивизий; при прорыве второй полосы — вторыми эшелонами стрелковых корпусов, в составе которых находилось 16 стрелковых дивизий. Кроме того, 8 дивизий было в резерве армий (с учетом второго эшелона 3-й ударной армии).

Плотности сил и средств на участках прорыва в армиях 1-го Белорусского фронта¹

Армии	Ширина (км)		Плотность		
	полосы наступления	участка прорыва	км на сд	орудий и минометов от 76-мм и выше на 1 км участка прорыва	танков и САУ на 1 км участка прорыва
61-я	37	2,5	0,4	$\frac{277}{283}$ *	$\frac{-}{21}$ **
1-я армия Войска Польского	12	5	1,2	$\frac{171}{176}$	$\frac{8,2}{12}$
47-я	9	4,3	0,5	$\frac{316}{355}$	$\frac{23,5}{23,5}$
3-я ударная	13	6	0,8	$\frac{228}{266}$	$\frac{20,3}{55}$
5-я ударная	9	7	1,1	$\frac{260}{313}$	$\frac{43,7}{141}$
8-я гв.	13	7	1,1	$\frac{278}{325}$	$\frac{28,8}{132}$
69-я	18	6	1	$\frac{231}{244}$	$\frac{37,2}{40,7}$
33-я	64	6,5	0,7	$\frac{315}{327}$	$\frac{24,3}{36,6}$

* В знаменателе — с реактивной артиллерией.

** В числителе — НПП, в знаменателе — оперативная.

Из восьми армий первого эшелона фронта только три имели подвижные группы (61-я армия — 7-й гв. кавалерийский корпус, 3-я ударная армия — 9-й танковый корпус, 33-я армия — 2-й гв. кавалерийский корпус). В полосах двух армий (5-я ударная и 8-я гв.) планировался ввод танковых армий.

¹ Таблица составлена на основании данных труда «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 313.

Характерным в планировании боевого применения танковых войск являлось то, что из 3155 танков и САУ, имевшихся во фронте, 1154 (36,6%) выделялись в состав групп танков НПП, что позволяло иметь их высокую плотность, особенно на направлении главного удара (от 20 до 43 бронеединиц).

В целях достижения внезапности атаки командующий фронтом решил начать наступление ночью за два часа до рассвета¹. Для освещения позиций противника, психологического воздействия на него, а также для показа направлений атакующим частям было решено с началом атаки включить 143 прожектора, которые располагались по фронту на удалении 150—200 м один от другого и 300—800 м от переднего края.

Для артиллерийского наступления фронт имел крупные силы артиллерии — 14 628 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше². Из них на направлении главного удара было сосредоточено 8983, а на участках прорыва армий главного удара — 7087. Это позволило создать высокие средние артиллерийские плотности на направлении главного удара — 310 орудий и минометов, а в некоторых армиях и более на 1 км фронта.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 30 минут. Поддержку атаки намечалось осуществить на глубину 2 км двойным огневым валом, а на последующие 2 км — одинарным огневым валом.

Таким образом, в данной операции планировалось достигнуть непрерывной атаки пехоты и танков на глубину 4 км, т. е. на глубину первой и второй позиций главной полосы обороны. Сопровождение боя пехоты и танков в глубине предусматривалось методом последовательного сосредоточения огня (глубина — 8 км).

С учетом прочности обороны противника и возможности ввода в сражение танковых армий в процессе борьбы за вторую полосу обороны планировалось перед их вводом провести артиллерийскую подготовку продолжительностью 20 минут.

Большие задачи возлагались на авиацию 16-й (3188 самолетов) и 18-й (800 самолетов) воздушных армий³.

Авиационную подготовку намечалось провести за 30 минут до начала атаки силами двух ночных бомбардировочных авиационных дивизий (120 самолетов ПО-2) и самолетами Ил-4 18-й воздушной армии. Авиационную поддержку решено было осуще-

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 602.

² См.: Берлинская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 85.

³ Там же, с. 81.

ствить путем нанесения последовательных эшелонированных ударов с расходом в течение дня 8126 самолето-вылетов¹.

Важное внимание уделялось инженерному обеспечению. Всего во фронте насчитывалось 194 инженерно-саперных батальона, в том числе 15 понтонно-мостовых². Из этого количества 168 батальонов находилось в составе первого эшелона и подвижных групп фронта, что обеспечивало среднюю плотность на участке прорыва армии от 9 до 11 инженерно-саперных рот на каждый километр фронта³.

Для сообщения с плацдармом через р. Одер было построено 25 мостов и подготовлено 40 паромов грузоподъемностью от 3 до 60 т. В среднем на каждые 4 км реки приходились один мост и один-два паромы, а на направлении главного удара — два моста и три паромы⁴, что полностью обеспечивало все потребности войск фронта. При оборудовании исходных районов для наступления на кюстринском плацдарме на каждый километр фронта было создано 7 км траншей и кодов сообщения и до 50 позиций артиллерийских батарей. В ночь на 16 апреля 35 инженерно-саперных батальонов проделали проходы в заграждениях противника из расчета 6—7 проходов на стрелковый батальон шириною 6—10 м каждый и 2—3 прохода на танковую роту шириной 15—30 м каждый. Всего в полосе фронта было проделано 340 проходов⁵.

Таким образом, войска 1-го Белорусского фронта в результате напряженнейших подготовительных работ к середине апреля 1945 г. были полностью готовы к наступательным действиям и имели все необходимое для взлома вражеской обороны по р. Одер и последующего штурма Берлина.

Командующий 1-м Украинским фронтом решил главный удар нанести на правом крыле фронта силами пяти общевойсковых, двух танковых армий и двух отдельных танковых корпусов из района Трибеля в общем направлении на Шпремберг, Бельциг⁶; оборону противника прорвать на одном сплошном участке (27 км) силами 3-й гв. (с 25 тк), 13-й и 5-й гв. (с 4 гв. тк) армий. В течение первого дня наступления предусматривалось прорвать тактическую зону обороны на глубину 12—16 км, на второй день — третью полосу обороны на западном берегу р. Шпрее (глубина задачи — 22—24 км) и к исходу третьего дня завершить разгром котбуской группировки противника и выйти на глубину 35—40 км⁷.

¹ См.: Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, с. 606.

² См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1970, с. 92.

³ ЦАМО, ф. 233, оп. 2382, д. 487, лл. 1—28.

⁴ См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1970, с. 91.

⁵ ЦАМО, ф. 233, оп. 2382, д. 487, лл. 40—50.

⁶ Там же, ф. 236, оп. 2712, д. 351, лл. 133—141.

⁷ Там же, д. 346, лл. 89—91.

Для обеспечения главной ударной группировки с юга намечалось нанести вспомогательный удар силами 2-й армии Войска Польского и 52-й армии, прорвать оборону противника на 9-километровом участке и в дальнейшем развивать наступление в направлении на Дрезден.

Подвижную группу фронта составляли 3-я и 4-я гвардейские танковые армии.

Второй эшелон фронта предполагалось иметь в составе 28-й и 31-й армий, находившихся еще в процессе перегруппировки из Восточной Пруссии. В резерв командующего фронтом выделялся 1-й гв. кавалерийский корпус.

Таким образом, 1-й Украинский фронт, имея полосу наступления шириной 190 км, прорывал оборону противника на двух участках общей протяженностью 36 км (19% всей полосы). Здесь сосредоточивались основные силы и средства фронта.

Танковые армии по директиве Ставки намечалось ввести в сражение к исходу второго дня наступления с рубежа р. Шпрее¹. Но 14 апреля командующий фронтом дал указание ввести обе танковые армии в первый день операции². 3-я гв. танковая армия получила задачу форсировать р. Нейсе через 3 часа после начала наступления 3-й гв. армии, обогнать пехоту на рубеже основных артиллерийских позиций противника и к исходу первого дня операции передовыми отрядами захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее, а главными силами подойти к реке. С утра второго дня операции развивать успех в заданном ранее направлении³. Задача 4-й гв. танковой армии состояла в том, чтобы в первый день передовыми отрядами непосредственно за боевыми порядками пехоты 5-й гв. армии форсировать р. Нейсе, а к исходу дня — и р. Шпрее. Главные силы должны были в ночь с первого на второй день операции переправиться через р. Нейсе и к исходу второго дня, форсировав р. Шпрее, овладеть районом Шпремберг⁴. На пятый день операции обе армии выходили на конечный рубеж задачи фронта.

В соответствии с указаниями Ставки командующий фронтом предусмотрел и второй вариант действий танковых армий. По этому варианту 3-я гв. танковая армия и часть сил 4-й гв. танковой армии наносили удар непосредственно на Берлин с юга, а остальные силы 4-й гв. танковой армии — на Потсдам. Здесь она должна была соединиться с войсками 1-го Белорус-

¹ Конев И. С. Сборник сорок пятый. М., Воениздат, 1966, с. 98.

² История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии. т. 2. М., изд. Академии БТ и МВ. 1953, с. 380.

³ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 2059, лл. 16—18

⁴ Там же, ф. 302, оп. 2677, д. 228, лл. 62—63.

ского фронта и завершить совместно с ними окружение берлинской группировки противника ¹.

Общевойсковые армии в обеих ударных группировках в отличие от 1-го Белорусского фронта сосредоточивали свои усилия на смежных флангах и должны были прорывать вражескую оборону на сплошном участке. Ширина полос их наступления, участков прорыва и достигнутые на них плотности сил и средств приведены в таблице 10.

Таблица 10

Полосы наступления, участки прорыва и созданные на них плотности сил и средств в армиях 1-го Украинского фронта

Армии	Ширина (км)		Плотность		
	полосы наступления	участков прорыва	км на сд	орудий и минометов калибра от 76 мм и выше на 1 км участка прорыва	танков и САУ на 1 км участка прорыва
3-я гв.	28	9	1,5	227 *	11,3**
				246	75
13-я	10	10	1,2	182	9,7
				195	9,7
5-я гв.	13	8	1,0	222	14,4
				258	63,2
2-я армия Войска Польского	33	4	1,3	187	27,8
				192	94,5
5-я	106	5	1,2	267	4,8
				299	41,6

* В знаменателе — с реактивной артиллерией.

** В числителе — НПП, в знаменателе — оперативная.

Оперативное построение армий было одно- и двухэшелонным. Кроме того, во всех армиях первого эшелона фронта за исключением 13-й создавались подвижные группы в составе танкового (механизированного) корпуса. Их предусматривалось ввести в сражение в первый день операции для завершения прорыва тактической зоны обороны. Полки, дивизии и корпуса строились, как правило, в два эшелона. Такое по-

¹ См.: История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, т. 2. М., изд. Академии БТ и МВ, 1953, с. 381.

строение войск позволило из 45 дивизий¹, имевшихся в составе правого крыла фронта, выделить во вторые эшелоны корпусов, армий и фронта 22 стрелковых дивизии², что вполне обеспечивало непрерывное наращивание усилий наступающих войск как при прорыве обороны противника, так и при развитии операции в глубине.

В составе войск фронта к началу операции насчитывалось 1818 танков и САУ³. Из этого количества для непосредственной поддержки пехоты было выделено 449 (23,4%), в состав подвижных групп фронта и армий — 1414 (73,8%) и в резерв фронта — 55 (2,8%) бронеединиц⁴. Средняя плотность танков НПП на участках прорыва составляла 12,5 бронеединицы на 1 км, что не вполне соответствовало требованиям прорыва сильной, глубоко эшелонированной вражеской обороны. Командующий фронтом основную массу танковых войск сосредоточивал в своих руках с тем, чтобы, добившись нарушения пехотой, артиллерией и незначительным количеством танков НПП обороны противника в главной полосе (выход в район огневых позиций артиллерии между второй и третьей позициями), а в лучшем случае завершив ее прорыв, двинуть вперед на достаточно узких участках крупные массы танков, при активной поддержке их артиллерией и авиацией взломать тактическую зону обороны противника и приступить к оперативному преследованию на направлении главного удара.

Опыт операций, проведенных 1-м Украинским фронтом, показывает, что командование фронтом, как правило, добивалось успеха как при прорыве вражеской обороны, так и при развитии наступления в глубину, вплоть до достижения конечных целей операции. Однако нельзя не отметить, что такой метод прорыва, когда первоначально вся тяжесть борьбы возлагалась, по существу, только на пехоту и артиллерию, а в дальнейшем перекладывалась почти полностью на танковые армии, приводил к значительным потерям личного состава стрелковых соединений и танков танковых армий. Это свидетельствует о том, что при определении соотношения количества танков в группах НПП и группах развития успеха на 1-м Украинском фронте вплоть до конца войны игнорировался ее обобщенный опыт и тем самым допускались серьезные ошибки. Как известно, в наших послевоенных взглядах по вопросу плотностей танков на воссужение был взят опыт в

¹ С учетом девяти дивизий 28-й армии, но без учета четырех левофланговых дивизий 52-й армии.

² См.: Берлинская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 83.

³ См.: Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, с. 188.

⁴ См.: История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, т. 2. М., изд. Академии БТ и МВ. 1953, с. 469.

основном Белорусских фронтов — иметь 25—30 танков НПП на 1 км участка прорыва.

В планировании боевого применения артиллерии характерным являлось стремление к ее массированному использованию на направлении главного удара. Из имевшихся в составе правого крыла фронта 10 265 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше на участке прорыва армий главного удара было сосредоточено 7170, что позволило создать плотность в среднем 265 стволов на 1 км участка прорыва¹. Значительное количество орудий выделялось для стрельбы прямой наводкой. Так, на каждый километр участка прорыва в 13-й армии приходилось 45, а в остальных армиях главного удара — до 50 орудий.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 145 минут и включала: подготовку форсирования р. Нейсе — 40 минут; обеспечение форсирования реки, захвата и удержания плацдармов — 60 минут; подготовку атаки за рекой — 45 минут². Поддержку атаки пехоты и танков предусматривалось провести методом ПСО в течение 10 минут, а сопровождение пехоты и танков при бое в глубине — сосредоточенными огнями по вызову³. Ввод в сражение танковых армий намечалось обеспечить 2250 орудиями и минометами на глубину 20 км, для чего по заранее определенным девяти рубежам был подготовлен сосредоточенный огонь. Для последовательного его вызова выделялись офицеры-корректировщики⁴.

Авиационное обеспечение прорыва возлагалось на 2-ю воздушную армию, которая насчитывала 2148 самолетов и превосходила авиацию противника (1060 самолетов) в два раза⁵. Непосредственную авиационную подготовку планировалось начать за 45 минут до форсирования р. Нейсе ударами двух бомбардировочных авиакорпусов (230 самолето-вылетов). На авиационную поддержку пехоты и танков назначалось 3400 самолето-вылетов⁶.

В составе войск фронта имелись крупные силы инженерных войск — 120 инженерно-саперных и 13 понтонно-мостовых батальонов, из них только 25 инженерных батальонов обеспечивали левое крыло фронта. Плотность инженерных войск на участках прорыва составляла от 7 до 11 саперных рот на 1 км фронта⁷.

¹ См.: Берлинская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 85.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 70500, д. 1, лл. 48, 50.

³ Там же, л. 54.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 332.

⁵ См.: Берлинская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 81.

⁶ ЦАМО, ф. 302, оп. 4196, д. 130, лл. 107—110, 149—152, 160—163.

⁷ Там же, ф. 69, оп. 272735, д. 76, лл. 14—15.

Особое внимание уделялось инженерному обеспечению форсирования р. Нейсе. Исходя из плана операции, первыми форсировали реку передовые отряды дивизий. Для них саперы подготовили легкие деревянные лодки «СДЛ». За передовыми отрядами форсировали реку усиленные батальоны первой линии, для чего готовились штурмовые мостики и десантные лодки. Затем для преодоления реки остальными силами полков первого эшелона дивизий и артиллерии сопровождения саперы подготовили легкие паромы и должны были навести понтонные мосты. Танки НПП должны были переправляться по понтонным 30-тонным мостам, а тяжелые танки и САУ — по деревянным 60-тонным мостам на жестких опорах.

Для успешного форсирования р. Нейсе планировалось оборудовать: один-два штурмовых мостика на стрелковый полк, один-два 3-тонных наплавных моста на дивизию, один 16-тонный понтонный мост на корпус, два 30-тонных понтонных моста на армию, два 30-тонных моста на жестких опорах на армию, два 60-тонных моста на жестких опорах на армию¹.

В целях маскировки сосредоточения ударной группировки войск фронта все просматриваемые противником места были прикрыты вертикальными и горизонтальными масками. Для обеспечения скрытого и безостановочного накапливания войск в исходном районе были отрыты магистральные ходы сообщения шириной 1,5 м и глубиной 1,8 м. Они располагались на расстоянии 1,5—2 км друг от друга².

Чтобы скрыть направление главного удара фронта, прикрыть форсирование передовыми отрядами и усиленными батальонами р. Нейсе и наведение переправ через нее, замаскировать переправу главных сил армий при налетах авиации противника, по всей линии фронта протяжением до 400 км подготавливалась дымовая завеса³.

В целом войска 1-го Украинского фронта к началу операции были полностью подготовлены к выполнению стоящих перед ними задач. Стрелковые соединения, многочисленная артиллерия, танки и авиация были готовы к сокрушительному удару по врагу, взлому его обороны и стремительному броску в глубину.

Командующий 2-м Белорусским фронтом решил главный удар нанести на левом крыле фронта на участке Штеттин, Шведт силами трех общевойсковых армий, трех танковых, одного механизированного и одного кавалерийского корпусов в общем направлении на Нойштрелитц. Форсирование р. Одер и прорыв одерского рубежа обороны противника на участке от Штеттина до Шведта (47 км) предусматривалось осуще-

¹ См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1970, с. 94.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 1983, л. 9.

³ Там же, ф. 237, оп. 2394, д. 1424, лл. 321—326.

ствить войсками 65, 70 и 49-й армий. После решения этой задачи для развития успеха предназначались 1, 3, 8-й гвардейские танковые, 8-й механизированный и 3-й гв. кавалерийский корпуса ¹.

Войска правого крыла фронта (19-я и 2-я ударная армии) получили задачу прочно удерживать рубеж на участке Кольберг, Штеттин.

Оперативное построение фронтов было одноэшелонным, армии строились в один (65-я) и в два эшелона (70-я и 49-я). Боевые порядки частей и соединений строились, как правило, в два эшелона. Ширина полос наступления, участков прорыва и достигнутые на них оперативные плотности приведены в таблице 11.

Таблица 11

Ширина полос наступления, участков прорыва и созданные на них плотности сил и средств в армиях 2-го Белорусского фронта

Армии	Ширина (км)		Плотность		
	полосы наступления	участка прорыва	км на сд	орудий и минометов калибра от 76-мм и выше на 1 км участка прорыва	танков и САУ на 1 км участка прорыва
65-я	17	4	0,5	<u>252 *</u>	<u>7 **</u>
				289	46,5
70-я	14	4	0,5	228	<u>35</u>
				249	71,2
49-я	16	3+3	0,7	<u>178</u>	<u>24,6</u>
				242	64,4

* В знаменателе — с реактивной артиллерией.

** В числителе — НПП, в знаменателе — оперативная.

На избранном участке главного удара фронта протяженностью 47 км три армии прорывали оборону противника на четырех самостоятельных участках с промежутками между ними 5—8 км. Узкие участки прорыва обеспечивали достижение максимально возможных плотностей сил и средств в армиях. Это позволяло им при слабости оперативных резервов противника успешно раздробить тактическую зону его обороны на отдельные части в значительной полосе, а в дальнейшем

¹ ЦАМО, ф. 69, оп. 272735, д. 76, л. 28.

объединить все армейские участки прорыва в один общий фронтовой участок шириной около 50 км.

2-й Белорусский фронт на главном направлении располагал сильной танковой группировкой, насчитывавшей 976 боевых машин. Из этого количества 417 танков и САУ (42%) придавались армиям для использования их в качестве танков НПП, а остальные должны были действовать в составе подвижных групп¹. Подвижные группы оставались в руках командующего фронтом до захвата стрелковыми соединениями достаточных плацдармов на западном берегу р. Вест Одер. Однако командующий фронтом предполагал в дальнейшем передать в оперативное подчинение 1-й гв. танковый корпус 65-й армии, 3-й гв. танковый корпус 70-й армии, 8-й механизированный и 3-й гв. кавалерийский корпуса 49-й армии. 8-й танковый корпус оставался в его резерве.

Реку Одер предусматривалось форсировать в два этапа. На первом этапе планировалось форсировать передовыми частями фронта ее восточный рукав, овладеть междуречьем и вывести к западному рукаву главные силы армий. На втором этапе намечалось форсировать западный рукав реки, захватить там плацдармы и сосредоточить на них необходимые силы и средства для прорыва вражеской обороны на западном берегу.

В соответствии с этим строилось артиллерийское наступление в армиях. Так, в целях обеспечения форсирования р. Ост Одер и преодоления междуречья устанавливалась первая артиллерийская подготовка продолжительностью: в 65-й армии — 90, в 70-й армии — 120 и в 49-й армии — 110 минут. С переходом в наступление главных сил армий, которым предстояло форсировать р. Вест Одер, планировалась вторая артиллерийская подготовка продолжительностью: в 65-й армии — 45, в 70-й армии — 60 и в 49-й армии — 50 минут².

Поддержку атаки и сопровождение пехоты и танков при бое в глубине во всех армиях предусматривалось осуществлять методом последовательного сосредоточения огня на глубину задачи дня.

Авиационное наступление возлагалось на 4-ю воздушную армию, имевшую 1360 самолетов. Она превосходила авиацию противника (550 самолетов) в 2,5 раза³. В течение трех ночей перед наступлением намечалось провести предварительную авиационную подготовку силами ночной бомбардировочной дивизии. Непосредственную авиационную подготовку должна была провести штурмовая авиация в течение двух часов до начала атаки, совершив 272 самолето-вылета. Авиационную

¹ См.: Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, с. 173.

² ЦАМО, ф. 237, оп. 2394, д. 1309, лл. 22—37.

³ Там же, ф. 319, оп. 4809, д. 87, лл. 156—162.

поддержку решено было осуществить путем нанесения последовательных эшелонированных ударов по опорным пунктам, узлам сопротивления и артиллерии противника на всю глубину задачи дня. Всего на первый день было запланировано провести 4079 самолето-вылетов¹.

Основной задачей инженерных войск фронта являлось обеспечение форсирования р. Одер. Эта задача осложнялась тем, что в нижнем своем течении река делится на два рукава шириной около 150—250 м каждый. Они отделены друг от друга 2,5-километровой полосой, которая в период операции была затоплена водой на глубину 30—40 см, что исключало возможность передвижения танков, артиллерии и автотранспорта вне дамб. Форсирование осложнялось также господством левого берега реки над правым.

Для решения этих сложных задач командование фронта сосредоточило на направлении главного удара 105 инженерно-саперных и понтонных батальонов². Инженерные войска, несмотря на ограниченное время подготовки операции (от 5 до 8 суток), подготовили и сосредоточили в полосах армии значительное количество табельных и местных переправочных средств, обеспечивавших переправу за один рейс во всех армиях до 136 стрелковых батальонов, считая в среднем по 300 человек в батальоне³. Что касается переправы тяжелой техники, то наличие металлических и деревянных парков удовлетворяло нужды войск фронта только на 60%. Этот недостаток планировалось восполнить строительством свайных деревянных мостов. Несмотря на все трудности подготовки операции с одновременным совершением перегруппировки на расстояние 240—300 км по железной дороге, автотранспортом и походным порядком, войска фронта к 18 апреля были готовы к выполнению поставленных перед ними задач.

Сосредоточение крупных сил трех фронтов на берлинском направлении (126 стрелковых и кавалерийских дивизий, 21 танковый и механизированный корпус, 18 артиллерийских, 25 зенитных артиллерийских, 65 авиационных дивизий⁴) позволило создать необходимое превосходство над противником как общее, так и на участках прорыва (табл. 12).

Из таблицы видно, что наименее выгодное соотношение сил было на 1-м Белорусском фронте. Это объясняется тем, что фронт наносил удар на важнейшем и наиболее опасном для противника направлении. Здесь гитлеровское командование сосредоточило более 50% всех сил и средств, имевшихся в составе берлинской группировки.

¹ ЦАМО, ф. 319, оп. 4798, д. 346, лл. 16—24.

² См.: Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, с. 118.

³ ЦАМО, ф. 237, оп. 2392, д. 427, лл. 108—124.

⁴ См.: Берлинская операция в цифрах. «Военно-исторический журнал», 1965, № 4, с. 80.

Соотношение сил на главных направлениях фронтов
в Берлинской операции ¹

Фронты	Соотношения			
	по личному составу	по артиллерии	по танкам и САУ	по самолетам
2-й Белорусский	4,6 : 1	5,2 : 1	7,1 : 1	2,5 : 1
1-й Белорусский	3,2 : 1	3,4 : 1	3,3 : 1	1,9 : 1
1-й Украинский	8 : 1	10 : 1	9,6 : 1	2 : 1

Примечание. Соотношение по артиллерии указано с учетом реактивных установок.

В целом же достигнутое превосходство в силах и средствах являлось важнейшим фактором, обеспечившим разгром не только сил противника, оборонявших одерско-нейсенский рубеж, но и всех тех многочисленных резервов, которые противник бросал в ходе операции.

Боевые действия по прорыву вражеской обороны на реках Одер и Нейсе войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов начали 16 апреля, а 2-го Белорусского фронта — 20 апреля 1945 г. Переходу в наступление ударных группировок фронтов предшествовала разведка боем.

На 1-м Белорусском фронте разведка боем проводилась в течение двух дней — 14 и 15 апреля усиленными батальонами, выделенными от каждой дивизии первой линии на главном направлении и усиленными ротами от каждой дивизии на вспомогательных направлениях. В ходе разведки боем на главном направлении удалось вклиниться в первую полосу обороны противника на 2—4 км, а на отдельных участках — до 5 км ².

На вспомогательных направлениях продвижение усиленных стрелковых рот было меньшим. Но в целом в результате разведки боем была нарушена целостность первой полосы обороны, уточнена система огня противника и преодолена зона наиболее плотных минных заграждений.

В 5.00 16 апреля началась артиллерийская и авиационная подготовка. Артиллерийская подготовка была сокращена до 20—25 минут. Оборона противника подавлялась на глубину

¹ См.: Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950, с. 38—44, 169—184; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 4. М., Воениздат, 1953, с. 318, 331.

² ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 498, лл. 6—8.

6—8 км, а на некоторых участках — до 10 км¹. Мощной была и авиационная подготовка атаки. В ней приняли участие ночные бомбардировщики 16-й воздушной армии и 5-го бомбардировочного авиационного корпуса 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта².

С началом атаки были включены 143 прожектора, ослепительный свет которых вызвал растерянность противника и в значительной мере способствовал атаке наших войск.

Однако от поднявшейся пыли свет прожекторов рассеивался, образуя белесую мглу, которая ограничивала видимость наших войск, затрудняла им обнаружение целей противника и даже ориентирование.

С переходом в наступление пехоты и танков четыре авиационных корпуса 18-й воздушной армии (745 бомбардировщиков) нанесли удар по обороне противника на Зееловских высотах. В то же время штурмовики 16-й воздушной армии осуществляли поддержку атакующих войск. Удары по противнику с воздуха были непрерывными. В течение каждого часа наступления над полем боя находилось от 250 до 660 самолетов³.

От огня артиллерии и ударов авиации вражеские войска, занимавшие первую позицию, понесли от 30 до 70% потерь и не смогли оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление⁴. Поэтому в течение первого часа наступления войска ударной группировки фронта повсеместно добились успеха, прорвав первую позицию и продвинувшись на 1,5—2 км в глубину⁵. Однако в дальнейшем, по мере продвижения атакующих войск, сопротивление противника непрерывно возрастало. Особенно упорным оно стало на рубеже третьей позиции главной полосы обороны. Немецко-фашистское командование вводило в бой все новые и новые резервы, в том числе и оперативные, и осуществляло одну за другой по всему фронту наступления сильные контратаки пехотой и танками.

В полосе 47-й армии к исходу дня удалось прорвать главную полосу обороны и подойти к промежуточной позиции, продвинувшись на 5—6 км⁶. Командующий 3-й ударной армией в 10.00 ввел в сражение 9-й танковый корпус. Совместными усилиями пехоты и танков при поддержке артиллерии и авиации сопротивление противника в главной полосе было сломлено. К исходу дня войска армии продвинулись до 8 км и вышли к промежуточной оборонительной позиции⁷.

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2317, д. 67, л. 100.

² Там же, оп. 2356, д. 600, л. 207.

³ Там же, ф. 15, оп. 647244, д. 181, л. 124.

⁴ См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1970, с. 132.

⁵ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 775, л. 8.

⁶ Там же, д. 600, л. 191.

⁷ Там же, л. 194.

Особенно упорное сопротивление противник оказал войскам 5-й ударной и 8-й гв. армий, но соединения и части этих армий, имея в боевых порядках до 30—40 танков и САУ НПП на каждый километр фронта, при мощной поддержке артиллерии и непрерывных ударах штурмовой авиации быстро сломили сопротивление вражеских войск на главной полосе обороны и к середине дня подошли ко второй полосе, проходившей по Зееловским высотам. К этому времени в боевые порядки соединений 8-й гв. армии вошли и передовые бригады корпусов 1-й гв. танковой армии¹.

Однако в связи с тем, что стрелковые корпуса 8-й гв. армии к рубежу Зееловских высот подходили неодновременно, запланированный огневой налет артиллерии перед атакой второй полосы провести в масштабе армии не удалось. Он проводился в соединениях по мере подхода их к высотам. Произошел также большой разрыв между ударом авиации 18-й воздушной армии и атакой войск. Поэтому оборона противника оказалась неподавленной, и атака наших войск с ходу успеха не имела. К тому же противник, подтянув на Зееловские высоты свежие резервы, в том числе танковую дивизию «Мюнхеберг» и значительное количество артиллерии из берлинской зоны ПВО, встречал атаки наших частей шквалом огня всех видов, и особенно противотанковой артиллерии². Вспоминая бои этого дня, Маршал Г. К. Жуков писал: «...К 13 часам я отчетливо понял, что оборона противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять»³.

В соответствии с такой оценкой сложившейся обстановки командующий фронтом, посоветовавшись с командующими армиями, в 16.30 16 апреля отдал приказ: ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Действуя совместно с пехотой 5-й ударной и 8-й гв. армий, они должны были прорвать вторую оборонительную полосу⁴.

1-я гв. танковая армия с получением приказа командующего фронтом фактически была уже развернута в полосе наступления 8-й гв. армии. Все три ее корпуса (11-й, 11-й гв. танковые и 8-й гв. механизированный) двигались за боевыми порядками пехоты, каждый по двум маршрутам, имея на каждом из них по одной передовой бригаде (всего впереди двигалось пять танковых и одна механизированная бригада). Установив взаимодействие с войсками 8-й гв. армии, они без промедления совместно с ними вступили в бой за вторую по-

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 600, лл. 195, 205.

² См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1970, с. 135.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 341.

⁴ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 804, лл. 105, 239.

лосу обороны¹. Однако успеха добиться не смогли. Атака не была должным образом подготовлена. Оборона противника оставалась недостаточно надежно подавленной. Следует отметить, что гряда Зееловских высот, возвышавшаяся над долиной р. Одер на 40—50 м, имевшая склоны с крутизной 30—40°, изрезанная лощинами и оврагами, сама по себе являлась для наступающих войск, особенно для танков, большим препятствием. С учетом же того, что на ней была подготовлена прочная оборона, заблаговременно занятая войсками, сила которой, кстати сказать, не была в должной степени оценена нашим командованием, эта преграда оказалась особенно трудно преодолимой.

2-я гв. танковая армия начала движение из исходного района сразу же после получения приказа. В первом эшелоне по четырем маршрутам двигались 9-й и 12-й гвардейские танковые корпуса, а за ними — 1-й механизированный корпус. Однако, выйдя к 19.00 на линию передовых частей 3-й и 5-й ударных армий, дальше продвинуться не смогла².

Таким образом, полностью выполнить задачу первого дня — прорвать тактическую зону обороны противника главной ударной группировке фронта не удалось. Недовыполненной она осталась и на направлениях действий правой и левой ударных группировок фронта. Но, несмотря на это, в целом войска фронта в первый день операции добились важных результатов. Повсеместно была прорвана первая полоса обороны, а на главном направлении, продвинувшись на 8—10 км, войска вышли ко второй полосе и завязали бои в целях ее прорыва. Ввод в сражение танковых армий ранее намеченного времени позволил усилить удары общевойсковых армий и не допустить укрепления вражеской обороны на Зееловских высотах. Враг понес огромные потери.

Командование фронта пришло к правильному выводу, что ключевой позицией в системе обороны противника является вторая полоса обороны, проходившая по Зееловским высотам. Для ее преодоления необходимо было провести новую мощную артиллерийскую и авиационную подготовку, а танковым армиям — действовать совместно с общевойсковыми.

Оценив создавшееся положение, командующий фронтом вечером 16 апреля приказал сосредоточить к утру 17 апреля не менее 250—270 орудий и минометов на каждый километр фронта, провести 30—40-минутную артиллерийскую подготовку и совместными усилиями соединений общевойсковых и танковых армий, установив между ними тесное взаимодействие, прорвать вторую полосу обороны противника. Чтобы не допу-

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 600, л. 205.

² Там же, л. 204.

стить дальнейшего усиления обороны, войскам было приказано вести активные действия в течение всей ночи ¹.

С утра 17 апреля наступление наших войск возобновилось с новой силой. И несмотря на то, что враг выбросил из резерва против главных сил фронта еще три моторизованные и одну авиаполевую дивизии, ему не удалось удержать занимаемых позиций. 47-я и 3-я ударная армии с 9-м танковым корпусом и 9-м гв. танковым корпусом 2-й гв. танковой армии при поддержке артиллерии и авиации сломили упорное сопротивление врага, прорвали промежуточную позицию и, продвинувшись за день на 4—8 км, завязали бои за вторую полосу обороны. Войска 5-й ударной и 8-й гв. армий с главными силами 1-й и 2-й гв. танковых армий при поддержке авиации после упорных и кровопролитных боев прорвали оборону противника на Зееловских высотах и продвинулись за день на 11—13 км ². На направлениях правой и левой ударных группировок в этот день войска продвинулись на 4—7 км.

Таким образом, в ходе двухдневных ожесточенных боев войскам фронта удалось прорвать тактическую зону обороны противника в полосе 5-й ударной и 8-й гв. армий. Темпы прорыва оказались ниже запланированных, а танковые армии из-за сплошной прочной обороны противника не смогли оторваться от пехоты и были вынуждены наступать совместно с нею.

В связи с задержкой прорыва вражеской обороны на 1-м Белорусском фронте Ставка Верховного Главнокомандования дала указание Маршалу И. С. Коневу повернуть свои танковые армии для действий по второму варианту — на Берлин и Потсдам, чтобы совместно с войсками 1-го Белорусского фронта окружить и уничтожить берлинскую группировку противника ³. Днем позже получил указание и 2-й Белорусский фронт, войска которого с переходом в наступление должны были развивать удар в обход Берлина с северо-запада ⁴. Следовательно, даже в том случае, если бы наступление 1-го Белорусского фронта было задержано противником, окружение и разгром берлинской группировки противника по плану Ставки Верховного Главнокомандования были гарантированными.

Но задержать наступление войск 1-го Белорусского фронта противнику не удалось. С утра 18 апреля после 10—30-минутной артиллерийской подготовки наступление возобновилось по всему фронту. Не помогли противнику и вновь брошенные в сражение из резерва две моторизованные дивизии, две

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 401802, д. 1, 105.

² Там же, оп. 2356, д. 600, лл. 208—226.

³ Там же, ф. 236, оп. 2712, д. 359, лл. 24—25.

⁴ Там же, ф. 237, оп. 2394, д. 416, л. 85.

танко-истребительные бригады, бригада фольксштурма, два пехотных полка, ряд отдельных батальонов и подразделений зенитных частей берлинской зоны ПВО.

В ходе боев 18 апреля главная ударная группировка фронта, продвинувшись от 3 до 8 км, прорвала первую и вторую промежуточные позиции и вышла к третьей полосе обороны, которая была прорвана на следующий день¹.

Таким образом, к исходу 19 апреля войска фронта завершили прорыв одерского рубежа обороны противника на фронте 70 км и продвинулись на глубину до 30 км. За четыре дня были преодолены три полосы обороны, состоявшие из двух-трех позиций каждая, и две промежуточные позиции, все одновременно занятые войсками. В ходе этих боев 9-я немецко-фашистская армия и переброшенные сюда резервы из 3-й танковой армии понесли огромные потери. Активно содействовала наземным войскам авиация фронта, которая при неблагоприятной погоде за четыре дня совершила 15 тыс. самолето-вылетов². Все это благоприятно сказалось на дальнейшем развитии операции.

К основным причинам заниженных темпов прорыва войсками фронта следует отнести: во-первых, глубокое построение обороны противника, насыщенной противотанковыми препятствиями и имевшей большую плотность огня всех видов, и особенно артиллерии, в том числе противотанковой; во-вторых, как справедливо отмечает Маршал Г. К. Жуков, «нами была допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня. При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону»³. Это вынуждало каждый день проводить артиллерийскую и авиационную подготовку, это же не позволило подвижным войскам оторваться от стрелковых соединений для развития успеха в глубину. Несмотря на все трудности войска фронта неудержимо продвигались вперед, и уже 20 апреля в 13.50 наша артиллерия произвела первый залп по Берлину⁴.

Войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта. В ночь на 16 апреля на главном направлении была проведена разведка боем усиленными стрелковыми ротами, которая подтвердила, что противник прочно занимает свои позиции на западном берегу р. Нейсе. В 6.15 началась артиллерийская

¹ ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 600, лл. 248—266.

² Там же, оп. 2374, д. 93, л. 213.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 616.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10. М., Воениздат, 1978, с. 345.

подготовка. Она проводилась в соответствии с разработанным графиком. В ходе ее войска форсировали р. Нейсе и в 8.40 начали атаку¹.

Немецко-фашистские войска оказывали ожесточенное сопротивление, но под ударами артиллерии, авиации и настойчивых атак пехоты с танками были вынуждены откатываться назад. Особенно ожесточенные бои завязались в середине дня на рубеже третьей позиции главной полосы обороны. Противник, пытаясь остановить наступление войск ударной группировки фронта, ввел в сражение из оперативного резерва части 21-й танковой дивизии, танковые дивизии «Охрана фюрера» и «Богемия», одну танко-истребительную бригаду и провел ряд сильных контратак². Наступление наших войск несколько замедлилось. Стали сказываться недостаток танков НПП, а также трудные условия лесисто-озерной местности, да и начавшиеся большие лесные пожары.

К 13.00—14.00 саперы построили через р. Нейсе мосты на жестких опорах грузоподъемностью до 60 т. По ним начали переправу танки НПП и передовые бригады танковых корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, которые с ходу вступали в бой. Ввод в сражение шести танковых и одной мотострелковой бригад значительно усилил удары атакующих частей³. Сопротивление противника на третьей позиции главной полосы обороны было сломлено по всему фронту главного удара. К исходу дня войска ударной группировки продвинулись на 8—13 км на фронте 29 км и вышли ко второй полосе, а 10-й гв. танковый корпус 4-й гв. танковой армии своими передовыми бригадами вклинился и во вторую полосу обороны, обогнав пехоту на 1—1,5 км⁴. 2-я армия Войска Польского и 52-я армия на дрезденском направлении также прорвали главную полосу и продвинулись за день до 10 км.

Успех войск фронта, несмотря на то, что задача первого дня осталась невыполненной, был большим. Оборона противника оказалась основательно надломленной, его соединения понесли от 50 до 70% потерь, только пленными было взято более 2000 солдат и офицеров⁵.

Немецко-фашистское командование, стремясь во что бы то ни стало задержать наступление войск фронта на второй полосе обороны, бросило в сражение из своего резерва кроме указанных ранее еще одну танковую дивизию — «Герман.Геринг», 40-ю моторизованную дивизию, запасную пехотную бригаду и другие отдельные части и подразделения. В свою очередь командующий фронтом с утра 17 апреля ввел в сра-

¹ См.: *Конов И. С.* Сорок пятый. М., Воениздат, 1966, с. 102.

² См.: *Берлинская операция 1945 года.* М., Воениздат, 1950, с. 237.

³ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 2448, л. 36.

⁴ Там же, д. 2487, лл. 1—2.

⁵ Там же, д. 2448, л. 34.

жение главные силы 3-й и 4-й гвардейских танковых армий¹. В результате этого главные силы фронта, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, к исходу дня прорвали вторую полосу обороны на 15-километровом участке и продвинулись от 8 до 15 км, а войска 2-й армии Войска Польского и 52-й армии вклинились на 2—3 км во вторую полосу.

В связи с прорывом второй полосы немецко-фашистское командование предприняло энергичные меры по восстановлению целостности обороны на третьем рубеже обороны р. Шпрее силами 275-й, 344-й пехотных и 10-й танковой дивизий. Основные же силы противник сосредоточил на удержании крупных узлов сопротивления Котбус и Шпремберг.

Командующий фронтом, получив указания Ставки о действиях танковых армий по второму варианту, в 1.40 18 апреля приказал 3-й и 4-й гв. танковым армиям в течение ночи на 18 апреля форсировать р. Шпрее и в дальнейшем действовать: 3-й гв. танковой армии — на Берлин, а 4-й гв. танковой армии — на Потсдам². Установив по данным разведки, что противник сосредоточивает основные силы в районе Котбус и Шпремберг, командующий решил форсировать р. Шпрее и прорвать третью полосу между этими узлами сопротивления. Сюда, в полосу 13-й армии, были направлены и главные усилия обеих танковых армий.

Развивая наступление, войска ударной группировки фронта в течение ночи потеснили противника и к утру 18 апреля вышли к р. Шпрее³. В 13.00 они с ходу форсировали ее севернее и южнее Шпремберга и тем самым завершили прорыв третьей полосы обороны противника. Большого успеха в этот день достигла и группировка наших войск, наступавшая на дрезденском направлении, которая завершила прорыв второй полосы обороны противника и продвинулась к исходу дня до 20 км. Однако на левом ее фланге, против 52-й армии, противник в этот день нанес сильный контрудар силами двух танковых и одной пехотной дивизий и потеснил части армии на 3—4 км к северу.

Таким образом, за три дня напряженных боев войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны на фронте до 35 км на котбусском и до 20 км на дрезденском направлениях и, продвинувшись на глубину 25—30 км, создали благоприятные условия для стремительного наступления в оперативной глубине.

Существенную помощь наземным войскам оказала 2-я воздушная армия фронта, совершившая в эти дни 7517 самолетовылетов⁴.

¹ ЦАМО, д. 236, оп. 2673, д. 2448, л. 39.

² Там же, оп. 2712, д. 359, лл. 24—25.

³ Там же, оп. 2673, д. 2487, лл. 12—18.

⁴ Там же, лл. 4, 11, 18.

Следует отметить, что прорыв обороны противника войсками фронта, несмотря на наличие трех оборонительных полос и двух водных преград, был осуществлен как непрерывный процесс. Так, форсировав р. Нейсе, войска фронта сразу же без всякой паузы прорывали сильную, хорошо подготовленную главную полосу обороны, затем вторую полосу и далее третью, опять-таки с форсированием реки и без всяких перерывов в боевых действиях. Непрерывность боевых действий обеспечилась: массированным применением сил и средств фронта на избранных направлениях ударов; хорошо организованной и проведенной артиллерийской подготовкой, которая состояла, по существу, из двух частей — артподготовки форсирования р. Нейсе и артподготовки по прорыву обороны противника на противоположном берегу; мощными и непрерывными ударами авиации по оборонявшимся войскам и подходившим оперативным резервам противника; вводом в сражение в первый день передовых бригад, а на второй день и всех сил первых эшелонов танковых армий.

Ввод в сражение в первый день прорыва части сил танковых армий в условиях крайне ограниченного количества танков НПП был осуществлен своевременно. Это позволило завершить прорыв тактической зоны обороны, с ходу прорвать оборону противника на р. Шпрее и создать условия для развития операции в направлении Берлина.

На 2-м Белорусском фронте передовые части и соединения армий ударной группировки приступили к форсированию р. Ост Одер 18 апреля. Для выполнения этой задачи от 65-й и 70-й армий было выделено по одному стрелковому полку от каждой дивизии первого эшелона, а в 49-й армии в этих боях участвовали четыре дивизии. Передовые части фронта, преодолев реку на подручных и легких переправочных средствах, уничтожили прикрывающие р. Ост Одер подразделения противника и к исходу дня на ряде участков, в основном там, где были дамбы, преодолели междуречье и вышли на восточный берег р. Вест Одер¹. В течение 19 апреля соединения фронта очищали междуречье от отдельных групп противника, накапливали силы и одновременно расширяли занимаемые участки в сторону флангов². Лишь одной дивизии 70-й армии удалось захватить небольшой плацдарм.

В результате двухдневных боев армии обеспечили себе исходное положение на восточном берегу р. Вест Одер для форсирования ее главными силами. И все же ограниченная емкость исходного района (в связи с затоплением междуречья) не позволила ввести в сражение крупные соединения, а артиллерия была вынуждена оставаться на восточном берегу

¹ ЦАМО, ф. 237, оп. 2394, д. 1372, лл. 133--135.

² Там же, оп. 2430, д. 76, лл. 245—251.

р. Ост Одер на удалении 5—6 км от переднего края вражеской обороны. Это, конечно, не могло не повлиять на ход дальнейших действий войск фронта и требовало от них большого напряжения сил.

В 7.15 20 апреля с началом артиллерийской подготовки началось форсирование р. Одер одновременно всеми армиями ударной группировки фронта¹. Из-за тумана авиация фронта до 9.00 не действовала.

С захватом нашими частями небольших плацдармов сразу же были наведены паромные переправы, по которым, хотя и медленно, накапливались силы на противоположном берегу. В 8.00 переправившиеся части перешли в атаку, но встретили сильное сопротивление противника. К исходу дня войскам 65-й и 70-й армий удалось расширить захваченные плацдармы южнее Штеттина до 6 км по фронту и 1,5 км в глубину. За день на эти плацдармы было переправлено: в 65-й армии — 31 стрелковый батальон и небольшое количество артиллерии², а в 70-й армии — 10 стрелковых батальонов без артиллерии³. Менее успешно шло форсирование реки войсками 49-й армии. Здесь из-за плохой разведки целей артиллерии не удалось надежно подавить оборону противника, и наши подразделения встретили сильный пулеметный огонь. В результате этого только отдельным группам удалось форсировать реку и зацепиться за противоположный берег. За день на захваченные плацдармы было переправлено всего четыре стрелковых батальона⁴.

В течение последующих трех дней шли ожесточенные бои по расширению захваченных плацдармов и отражению многочисленных контратак противника, который подбросил из резерва главного командования четыре пехотные дивизии и танко-истребительную бригаду. В результате этих боев войска 65-й и 70-й армий к исходу 23 апреля соединили все ранее захваченные плацдармы в один общий плацдарм шириной до 30 км по фронту и до 6 км в глубину. Только в полосе 49-й армии оставалось прежнее положение. Все попытки войск армии расширить захваченные 20 апреля плацдармы не дали результатов⁵.

В связи со сложившейся обстановкой командующий фронтом отдал распоряжение о перегруппировке части артиллерии и переправочных средств из полосы 49-й армии на направлении достигнутого войсками 65-й и 70-й армий успеха. В то же время в связи с выходом войск 1-го Белорусского фронта в район северо-западнее Берлина 2-й Белорусский фронт полу-

¹ ЦАМО, ф. 237, оп. 2394, д. 1372, л. 257.

² Там же, д. 1382, л. 79—84.

³ Там же, д. 1339, лл. 2—46.

⁴ Там же, ф. 204, оп. 9711, д. 470, лл. 171—172.

⁵ Там же, ф. 237, оп. 2430, д. 76, лл. 297—304.

чил указания Ставки Верховного Главнокомандования действовать по первоначальному плану, нанося главный удар в общем направлении на Штрелитц¹.

В последующих боях 24 и 25 апреля войска фронта завершили прорыв главной полосы обороны и, продвинувшись до 15 км, вышли ко второй полосе на участке 20 км². Противник понес большие потери и оказался не в силах сдерживать дальнейших ударов войск фронта. Прорвав вторую полосу вражеской обороны и введя в сражение подвижные войска, армии 2-го Белорусского фронта перешли в стремительное преследование противника.

Войска 1-го Белорусского фронта продолжали вести ожесточенные бои. Днем бои вели первые эшелоны дивизий, а ночью — вторые. Войскам фронта приходилось по-прежнему последовательно прорывать многочисленные позиции обороны противника и каждый день начинать наступление артиллерийской и авиационной подготовкой. Танковые армии в этих жестоких боях не смогли оторваться от общевойсковых соединений и действовали в боевых порядках пехоты.

Несмотря на всю тяжесть боев, войска фронта продвигались вперед с темпом до 12 км в сутки и, прорвав внешний и внутренний оборонительный обводы Берлина, 21—22 апреля завязали бои на окраинах города. В то же время стремительное наступление танковых армий 1-го Украинского фронта с темпом 30—35 км в сутки позволило им к исходу 22 апреля прорвать внешний берлинский оборонительный обвод противника и ворваться силами 3-й гв. танковой армии на южные окраины Берлина, а 4-й гв. танковой армии выйти на подступы к Потсдаму.

25 апреля 4-я гв. танковая армия 1-го Украинского фронта, 47-я и 2-я гв. танковая армии 1-го Белорусского фронта соединились западнее Берлина, завершив полное окружение берлинской группировки немецко-фашистских войск. Все последующие дни советские войска вели бои по уничтожению окруженного противника. 30 апреля остатки ранее окруженной франкфуртско-губенской группировки противника были расчленены на отдельные группы, потерявшие связь между собой, и 1 мая полностью уничтожены. Такая же участь постигла и берлинскую группировку противника. Войска настойчиво продвигались к центру города и в ночь с 30 апреля на 1 мая водрузили над рейхстагом Знамя Победы. К вечеру 2 мая вся территория Берлина была занята советскими войсками, а 8 мая немецко-фашистское главнокомандование было вынуждено подписать акт о безоговорочной капитуляции. Так, бле-

¹ ЦАМО, ф. 237, оп. 2394, д. 1372, лл. 180—182.

² Там же, оп. 2430, д. 76, лл. 327—334.

стящей победой завершилась Берлинская стратегическая операция.

Опыт прорыва вражеской обороны в Берлинской операции свидетельствует о том, что различная степень инженерной подготовки обороны противника, насыщенности ее живой силой и огневыми средствами, особенности местности в полосе каждого из фронтов наложили отпечаток как на темпы прорыва, так и на его развитие в глубину. Наличие сильной, глубоко эшелонированной, плотно насыщенной живой силой и огневыми средствами обороны, заблаговременно занятой войсками на всю глубину, привело к тому, что войска 1-го Белорусского фронта осуществляли прорыв тактической зоны и обороны в оперативной глубине со средним темпом — 7—8 км в сутки.

В более выгодных условиях осуществлялись прорыв и его развитие в полосе 1-го Украинского фронта, где тактическая зона обороны противника была менее развита в инженерном отношении, а плотности вражеских войск были значительно ниже, чем перед 1-м Белорусским фронтом. Однако наличие в системе обороны двух водных преград определило темпы прорыва — они были примерно такие же, как и на 1-м Белорусском фронте — 8—9 км. Развитие успеха в оперативной глубине осуществлялось уже в более высоких темпах: общевойсковыми армиями — 17 км, а танковыми армиями — до 30 км в сутки.

Трудности, связанные с форсированием двух рукавов р. Одер и преодолением междуречья, обусловили темпы прорыва тактической зоны обороны противника войсками 2-го Белорусского фронта — 3—4 км в сутки. При развитии успеха темпы наступления составили 26—29 км в сутки.

Успех прорыва, несмотря на его невысокие темпы, во всех фронтах достигался созданием сильных ударных группировок и решающего превосходства в силах и средствах над врагом.

Особенность прорыва на 1-м Белорусском фронте состояла в проведении короткой, но мощной артиллерийской подготовки и переходе войск в наступление ночью с применением прожекторов. На 1-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах, где необходимо было форсировать водные преграды, особенность прорыва состояла в том, что артиллерийская подготовка осуществлялась в несколько этапов — артиллерийская подготовка форсирования и артиллерийская подготовка прорыва обороны на противоположном берегу реки, а также в широком применении дымов в целях маскировки направлений главных ударов и войск, форсирующих реки.

Для 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов характерно участие в прорыве тактической зоны обороны входивших в их состав четырех танковых армий, что в создавшихся конкретных условиях обстановки было целесообразным и

оправданным. Следует отметить и такую характерную черту, как широкое применение частями и соединениями ночных боев специально выделенными для этого силами (вторыми эшелонами), по существу, в ходе всей операции.

В связи с прорывом прочной обороны противника участки прорыва армий и общевойсковых соединений назначались более узкими. Так, из шестнадцати армий первого эшелона ударных группировок фронтов десять прорывали на участках до 6 км, три — от 6 до 8 км и три — от 8 до 12 км. Из 25 стрелковых корпусов первого эшелона армий 17 прорывали на участках шириной до 3 км, а восемь — на участках от 3 до 5 км. Стрелковые дивизии прорывали оборону на участках в пределах 1—2 км, а стрелковые полки — 700—1200 м. Узкие участки прорыва обеспечивали создание высоких плотностей сил и средств, глубокое построение боевых порядков частей и соединений, нанесение мощного первоначального удара и наращивание его силы в ходе прорыва.

В целом Берлинская операция, явившаяся венцом победоносного пути наших Вооруженных Сил в четырехлетней войне с фашистской Германией и ее сообщниками по агрессии, дала богатый поучительный опыт, который во многих своих аспектах не утратил значения и в современных условиях.

В кампании 1945 г. в Европе Вооруженные Силы Советского Союза добились всемирно-исторической победы. Был завершен разгром вооруженных сил фашистской Германии, освобождены от немецко-фашистских захватчиков народы Центральной и Юго-Восточной Еврспы. С 12 января по 8 мая Советская Армия прошла с боями от Вислы до Эльбы свыше 800 км и победоносно закончила войну. Советские воины, воспитанные Коммунистической партией, проявили высокое боевое мастерство, умение в совершенстве владеть боевой техникой и способность к величайшему напряжению своих моральных и физических сил во имя Родины и тех благородных целей, которые поставили перед ними партия и правительство.

Советское военное искусство, впитав весь предшествующий боевой опыт, поднялось на новую, более высокую ступень. В этой кампании впервые в ходе Великой Отечественной войны стратегическое наступление велось одновременно на всем советско-германском фронте. Это лишало противника возможности эффективно использовать свои резервы, заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи на большую глубину и привело к дроблению и рассеянию его стратегического фронта.

В результате разгрома стратегической группировки противника на варшавско-берлинском направлении и стремитель-

ного развития наступления в январе 1945 г. был достигнут стратегический прорыв. В обороне противника образовалась огромная брешь протяженностью свыше 500 км на участке от Быдгощи до Кракова. Новый стратегический фронт немецко-фашистскому командованию удалось создать только в первой половине февраля 1945 г. использованием мощного водного рубежа — рек Одер и Нейсе и переброской более 40 новых дивизий.

Этот успех был достигнут нанесением мощных фронтальных ударов на большую глубину несколькими взаимодействующими фронтами, что приводило к дроблению стратегического фронта противника на обширных участках с последующим окружением и уничтожением оставшихся за флангами прорывов крупных группировок немецко-фашистских войск.

Каждый фронт прорывал оборону противника на главном направлении усилиями трех-четырех, а иногда и пяти армий. При этом формы прорыва применялись каждый раз в зависимости от условий обстановки и характера района боевых действий. 3-й Белорусский фронт в Восточной Пруссии, 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях прорывали вражескую оборону с плотно примкнутыми флангами трех-пяти армий на одном сплошном участке шириной 24—39 км. 1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях, 2-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской и в Берлинской операциях наносили главные удары примерно такими же силами — три-пять армий, но при этом каждая армия прорывала тактическую зону обороны противника на самостоятельном узком участке с промежутками между ними от 3—5 до 7—10 км; общая ширина армейских участков была в пределах 20—22 км. Это обеспечивало первоначально дробление обороны противника на отдельные, изолированные друг от друга части, а в дальнейшем, уже к исходу первого или второго дня, позволяло объединить все армейские участки прорыва в один общий фронтовой участок значительной ширины — 50—70 км и более. Применение такого способа прорыва обуславливалось возросшими боевыми возможностями армий, большим опытом их командования, а также особенностями обстановки, в которых совершался прорыв.

На узких участках прорыва с предельной решительностью сосредоточивались основные силы и средства фронтов и армий: 60—80% общевойсковых соединений, 60—90% артиллерии, 80—95% танков и САУ, до 100% авиации. Это позволяло достигать превосходства над противником: по пехоте — в 3—5 раз, по артиллерии — в 5—10 раз, по танкам — в 7—9 раз, по самолетам в 2—4 и более раза.

Кампания 1945 г. в Европе обогатила советское военное искусство опытом применения крупных сил танковых войск. Танковые армии, составлявшие подвижные группы фронтов,

использовались как для развития прорыва в оперативной глубине, так и для завершения прорыва тактической зоны обороны. В первом случае они сохраняли свою ударную силу и имели возможность развивать прорыв в глубину с темпом 30—50 км и более в сутки. Ввод танковых армий для завершения прорыва тактической зоны обороны противника совместно с общевойсковыми армиями обусловливался возросшей силой вражеской обороны, недостаточной плотностью танков НПП и в ряде случаев стремлением командующих фронтами нарастить силу удара и быстрее прорвать тактическую зону обороны, чтобы лишить противника возможности вводом ближайших оперативных резервов уплотнить боевые порядки своих войск в тактической зоне. Однако при таком использовании танковые армии несли значительные потери, что снижало их возможности по развитию наступления в оперативной глубине.

Широкое применение в операциях завершающей кампании в Европе получили армейские подвижные группы в составе танкового или механизированного корпуса. Они вводились для завершения прорыва тактической зоны обороны и, как правило, оказывали решающее влияние на успешное его осуществление в высоких темпах.

Боевое применение артиллерии характеризовалось улучшением качественного состава артиллерийских группировок, повышением мощи огня, дальнейшим увеличением глубины одновременного подавления обороны противника в период артиллерийской подготовки (до 6—8 км и более), совершенствованием методов артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков.

Характерными чертами в боевом применении авиации являлись: сосредоточение основных усилий (65—75% всех самолето-вылетов) на обеспечении действий сухопутных войск, повышение плотности бомбовых и штурмовых ударов по объектам обороны противника, передача части сил авиации в оперативное подчинение командующих общевойсковыми и танковыми армиями при развитии боевых действий в глубине. В условиях скоротечных боев и при резком изменении обстановки, свойственных ряду операций 1945 г., последнее обеспечивало быструю помощь войскам со стороны авиации и поддержание тесного взаимодействия со стрелковыми и особенно с подвижными соединениями.

В операциях кампании 1945 г. в Европе дальнейшее развитие получило искусство маневра на поле боя и поддержания непрерывного взаимодействия между всеми родами войск как при прорыве, так и в ходе его развития. Гибкий стремительный маневр на поле боя, обходы и захваты опорных пунктов, крупных и мелких группировок противника в сочетании с фрон-

тальными ударами свидетельствовали о дальнейшем развитии тактики маневрирования.

Победа над фашистской Германией явилась убедительным доказательством полного превосходства советского военного искусства над военным искусством немецко-фашистской армии.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОРЫВА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1. РОЛЬ ПРОРЫВА В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ И УСЛОВИЯ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ ЕГО РАЗВИТИЕ

За четыре года Великой Отечественной войны Советская Армия провела большое количество наступательных операций. В них проявились передовой характер советского военного искусства, умение нашего командования, вооруженного марксистско-ленинской теорией, творчески оценивать ход острой вооруженной борьбы и находить решения, отвечавшие конкретно складывающейся стратегической и оперативно-тактической обстановке. Эти черты в полной мере проявились и при решении проблем прорыва обороны противника в ходе войны.

Наступательные операции Великой Отечественной войны представляли собой совокупность боевых действий, проводимых по единому плану крупными объединениями войск одного или нескольких видов вооруженных сил для достижения определенной стратегической цели. Они велись на большую глубину и включали разнообразные боевые действия: преодоление многочисленных оборонительных рубежей, окружение и разгром крупных группировок противника, форсирование водных преград, борьбу за расширение и удержание плацдармов, преследование, закрепление рубежей и объектов и т. д.

Однако в условиях сплошных фронтов, в которых протекали военные действия в годы войны, самым важным и наиболее трудным этапом наступательной операции был прорыв тактической зоны обороны. Для ее удержания противник выделял до 80—90% своих сил и средств, прилагал наибольшие усилия по ее инженерному оборудованию, на ней наилучшим образом организовывалась система огня и заграждений. Наконец, для ее удержания нацеливалось и большинство оперативных резервов, особенно танковых и моторизованных дивизий. В силу этого осуществление прорыва тактической зоны обороны противника во многом предопределяло успешное развитие наступления на всю оперативную глубину. Там, где прорыв

не удавался, ни о каком развитии операции и достижении намеченных в ней целей не могло быть и речи.

Сущность прорыва состояла во взломе обороны противника огнем артиллерии и ударами авиации, решительном наступлении войск в целях образования в ней одной или нескольких брешей, развитие наступления через которые в глубину и в сторону флангов приводило к разрушению фронта подготовленной и занятой войсками обороны врага.

Учитывая сложность прорыва и важность решения этой задачи для достижения успеха наступательной операции и ее конечных оперативно-стратегических результатов, советское командование всех инстанций в годы Великой Отечественной войны уделяло искусству прорыва большое внимание. Ставка, Генеральный штаб, командования фронтов и армий творчески обобщали боевой опыт, находили наиболее рациональные формы прорывов, определяли оптимальный состав ударных группировок войск и их построение, способы взлома вражеской обороны при тесном взаимодействии различных родов войск и быстрого развития тактических прорывов в оперативный и стратегический.

В годы Великой Отечественной войны теория и практика прорыва подготовленной обороны прошли сложный путь развития. В основе его лежали: непрерывное возрастание боевых возможностей оперативных объединений и общевойсковых соединений, повышение уровня военного искусства на основе умелого использования опыта войны командованием и штабами всех степеней, постоянное укрепление морального духа советских войск, а также изменение обороны противника в ходе войны. Определенное влияние на подготовку и ведение прорыва оказывали характер местности, время года и метеорологические условия.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз, значительные потери, понесенные Советской Армией в первый месяц войны, привели к крупным изменениям в организации войск. Были упразднены управления корпусов, уменьшены до 4—6 дивизий состав армий и на 1/3 численность стрелковых дивизий. Вместо танковой дивизии основным соединением становится танковая бригада, уступавшая ей по боевой численности в четыре раза. В силу этого существенно изменился и состав фронтов.

Особая сложность стратегической обстановки, недостаток сил и средств, резкое уменьшение боевого состава фронтов и армий сказались на определении полос наступления и участков прорыва, на создании ударных группировок и плотностей войск, организации и ведении прорыва и наступательных операций в целом.

Развертывание в СССР военного производства, рост общей численности Вооруженных Сил позволили улучшить органи-

зацию войск, усилить боевой состав объединений и соединений. Характер изменений боевого состава фронта и армии, действовавших на главных направлениях в наступательных операциях, показан в таблице 13.

Таблица 13

Изменение боевого состава фронта и армии
в годы войны

Силы и средства	Фронт			Армия		
	Зима 1941/42 г.	Лето 1943 г.	1944—1945 гг.	Зима 1941/42 г.	Лето 1943 г.	1944—1945 гг.
Стрелковые дивизии	20—40	30—50	50—70	5—9	7—12	9—12
Личный состав (тыс.)	200—550	200—500	400—1000	55—100	100—130	100—150
Орудия и минометы (76-мм и выше)	2000—3000	4000—8000	До 14 000	600—1000	2200—2600	3000—3400
Танки и САУ	200—900	700—2000	2000—3000	50—150	100—300	300—600
Самолеты	200—400	800—1000	2000—3200	40—120	—	—

Как видно из таблицы, боевой состав фронта за годы войны увеличился: по стрелковым дивизиям — примерно в 2 раза, по артиллерии — в 4—5 раз, по танкам и самолетам — в 7—8 раз. Значительно возрос и численный состав общевойсковых армий.

Наряду с этим изменился и качественный состав вооружения. Если в первом периоде войны в составе артиллерии ударных группировок было до 70% минометов, преимущественно 82-мм калибра, то в третьем периоде войны они составляли только 40—45%, при этом не менее половины из них были 120—160-мм. В составе танковых соединений уже не было легких танков, а тяжелые составляли 16%. В самолетном парке удельный вес штурмовиков и дневных бомбардировщиков поднялся до 48—50% вместо 30—32% в первом периоде войны.

По мере развития военного производства повышалось насыщение вооружением и боевой техникой стрелковых дивизий. Осенью 1941 г. стрелковая дивизия имела 142, во второй половине 1942 г. — 183, а к концу войны — 282 орудия и миномета¹. Насыщение дивизии вооружением позволило существ-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 742—743.

венно поднять ее огневые возможности. Так, в июле 1941 г. ее стрелковое вооружение могло дать 140 470 выстрелов в минуту, а к концу войны — 442 720; вес залпа артиллерии и минометов соответственно увеличился с 547,8 до 2040,4 кг, или почти в четыре раза. Кроме того, дивизия получала на усиление 9—12 дивизионов артиллерии преимущественно крупных калибров, одну-две танковые бригады или два-три танковых полка прорыва. Эти средства позволяли стрелковой дивизии успешно вести прорыв при помощи артиллерии и ударов авиации средствами старших начальников.

Улучшение организации войск, рост боевого и численного состава фронтов, армий и входящих в них соединений с одновременным значительным их усилением средствами Верховного Главнокомандования позволили резко увеличить мощь ударных группировок и тем самым обеспечить взлом и прорыв позиционной обороны, к которой противник перешел после крупных поражений в зимней кампании 1942/43 г.

Вместе с тем увеличение и качественное улучшение боевого состава армейской и дивизионной артиллерии, воссоздание корпусной артиллерии, усиление соединений, осуществлявших прорыв, большим количеством артиллерии, инженерных войск, танков НПП, а в ряде случаев включение в состав общевойсковых армий танковых и механизированных корпусов способствовали лучшей организации взаимодействия между различными родами войск, достижению более тесного сочетания огня, удара и движения наступающих войск, что создавало основу ведения прорыва в высоких темпах и на всю глубину. Возрастание в составе ударных группировок количества артиллерии, танков и авиации позволяло увеличивать надежность и глубину огневого поражения обороны противника, осуществлять действенную и непрерывную поддержку наступающих войск и тем самым преодолевать главную полосу и всю тактическую зону обороны в высоких темпах, безостановочно развивать тактический прорыв в оперативный путем ввода в сражение подвижных групп фронтов и армий.

Большое влияние на совершенствование способов и форм прорыва в годы Великой Отечественной войны оказывало изменение обороны противника.

В наступательных операциях первого периода войны советским войскам пришлось прорывать в основном очаговую оборону.

Заблаговременное отмобилизование и развертывание противником массовой армии, применение в обороне большого количества танков, противотанковых орудий и автоматического оружия с самого начала войны сделало очаговую оборону достаточно устойчивой против фронтального удара. Обход флангов, наступление через незанятые участки местности в такой обороне были невозможны или крайне ограничены. В

силу этого войскам Советской Армии пришлось в условиях сильного воздействия противника, захватившего стратегическую инициативу, а также под влиянием других факторов изменять и трансформировать ряд теоретических и уставных положений. В частности, пришлось отказаться от прорыва очаговой обороны с подхода. Применение противником танков в обороне, быстрое возведение им прочных огневых сооружений потребовало увеличения плотности сил и средств на участках прорыва и тщательной подготовки войск к наступлению.

Переход противника к позиционной обороне, особенно с лета 1943 г., еще в большей степени вызвал необходимость усиления мощи ударных группировок, повышения степени огневого поражения и совершенствования методов поддержки наступающих войск, увеличения глубины боевых порядков и оперативного построения с тем, чтобы можно было непрерывно наращивать силу удара в ходе прорыва.

Увеличение количества войск, осуществлявших прорыв, возрастание глубины и прочности обороны противника и общей ее устойчивости потребовали совершенствования организации взаимодействия войск на все время прорыва, а следовательно, увеличения сроков на подготовку операций, улучшения партийно-политической работы в целях повышения морально-боевых качеств войск, их наступательного порыва, решительности действий при ведении тяжелых боев, связанных преодолением упорного сопротивления врага. Вместе с тем возрастание прочности обороны противника, изменение им приемов ведения оборонительных боев приводили к поискам более совершенных способов осуществления прорыва как всей ударной группировкой, так и каждым объединением, соединением и частью каждого рода войск, входящих в их состав.

В условиях, когда противник не располагал временем для создания позиционной обороны, он нередко применял в ходе войны очаговую, неглубокую оборону, в частности, в сражении на Правобережной Украине. Опыт боевых действий показал, что для прорыва такой обороны нужен сильный первоначальный удар, который позволял бы в короткие сроки сделать в ней брешь и выйти на оперативный простор. Для этого зачастую создавались высокие плотности артиллерии, а подвижные группы вводились в сражение уже после прорыва первой позиции противника.

Выход войск Советской Армии к границам фашистской Германии и ее сателлитов, прикрытых на многих участках укрепленными районами, потребовал внесения в теорию и практику прорыва новых положений. В составе ударных группировок увеличивается количество тяжелой, большой и особой мощности артиллерии, тяжелых танков, инженерно-штурмовых частей и соединений. В графике артиллерийской подготовки предусматривается предварительный период разруше-

ния, авиация получает задачу на разрушение долговременных огневых сооружений, в боевых порядках создаются штурмовые группы и отряды.

Успех прорыва в операциях, развитие теории и практики его в ходе Великой Отечественной войны во многом определялись состоянием военного искусства к началу каждой кампании, степенью овладения боевым опытом командным составом различных звеньев управления, уровнем боевой выучки войск.

Отсутствие боевого опыта у нашего командного состава в начале войны, резкое усложнение характера вооруженной борьбы в условиях захвата противником стратегической инициативы нередко приводили, как это отмечалось в указаниях и приказах Ставки, к ошибочным решениям, которые зачастую принимались по карте, без предварительной рекогносцировки противника и местности¹. Для проведения операции назначалось большое количество участков прорыва или наступление осуществлялось во всей полосе, что вело к распылению сил и средств, к недостаточным плотностям войск и созданию незначительного превосходства над противником². Крупные недочеты были в боевом применении артиллерии и в управлении войсками. Боевые приказы запаздывали, взаимодействие организовывалось поспешно, без учета условий местности и их влияния на использование родов войск в бою³.

Победы, одержанные войсками Советской Армии в контрнаступлениях под Москвой, Тихвином и Ростовом-на-Дону, вырвали у противника стратегическую инициативу, что облегчило ведение военных действий и положило начало систематической работе по обобщению боевого опыта.

Внедрение в боевую практику положений, изложенных в директивном письме Ставки от 10 января 1942 г., развитие их на основе нового боевого опыта, внедрение его во всю толщу войск Советской Армии подняло уровень военного мастерства командных кадров и боевой выучки войск, что благотворно повлияло на результаты действий войск при прорыве обороны противника.

Рост боевого мастерства командиров, штабов и войск, в свою очередь, расширил возможности оперативных командований по выбору форм оперативных прорывов и операций в целом, позволил определять войскам более реальные задачи, улучшить организацию взаимодействия. Более высокий уровень боевой выучки приводил к появлению все более совершенных методов действий войск, новых приемов подготовки и ведения прорыва.

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, лл. 288—290.

² Там же, д. 9, л. 429; д. 91, лл. 291—292.

³ Там же, д. 91, л. 292.

В первом периоде войны обобщение опыта ограничивалось анализом отдельных операций, выводы по ним носили частный характер, а прогнозы возможных изменений в способах ведения прорыва делались краткосрочными, т. е. не более, чем на операцию, сходную по условиям с проведенной. Начиная со второго периода войны обобщение боевого опыта приобрело более широкий размах, а прогнозирование характера предстоящей вооруженной борьбы стало более дальновидным. Оно делалось с таким расчетом, чтобы заблаговременно можно было найти такие способы ведения наступательных действий, которые оказались бы эффективными к началу новой кампании и могли быть применимы на всем ее протяжении. Так, к началу летне-осенней кампании 1943 г. на основе анализа развития обороны противника, вскрытия тенденции окончательного перерастания ее в позиционную был сделан вывод о необходимости резкого повышения степени ее огневого поражения, увеличения плотностей войск, совершенствования организации соединений, общевойсковых и танковых армий, артиллерии и т. д. Все эти меры, проведенные накануне кампании, позволили успешно осуществить целую серию прорывов более прочной, чем зимой 1942/43 г., обороны противника.

Повышение искусства вождения войск нашими военачальниками, боевого мастерства всего личного состава в сочетании с мощью объединений и соединений оказывало влияние на совершенствование и изменение самого процесса ведения прорыва. Увеличивались темпы прорыва при меньших затратах сил и средств и большем нанесении поражения войскам противника, оборонявшимся на участках прорыва. Улучшались способы развития тактического прорыва в оперативный, превращения их в единый непрерывный процесс, быстро выводящий войска на оперативный простор. В свою очередь создание при подготовке операций условий, гарантирующих образование в обороне врага всех намеченных брешей, позволило в третьем периоде войны так планировать стратегические операции, чтобы развитие оперативных прорывов сразу вело к образованию стратегического прорыва фронта обороны противника. Примером этому могут служить Белорусская, Яско-Кишиневская и Висло-Одерская операции.

Вооруженная борьба в годы Великой Отечественной войны развернулась на огромном пространстве, включавшем различные театры военных действий и операционные направления, резко отличавшиеся друг от друга условиями местности.

В каждой операции местность существенно влияла на выбор участков прорыва, характер проводимых мероприятий как при подготовке, так и в ходе наступления. Например, подготовка прорывов на открытой местности в районе Сталинграда оказала влияние на характер создания и состав ряда ударных группировок, на мероприятия по оперативной маскировке. В

Белорусской операции участки прорыва избирались с учетом возможности использования крупных масс войск в условиях лесисто-болотистой местности. Прорыв обороны противника, организованной на водной преграде, зачастую приводил к удлинению артиллерийской подготовки, изменял порядок перехода войск в атаку, ввод в бой вторых эшелонов и использование резервов, авиации и артиллерии. Наличие плацдармов на водной преграде, трудности форсирования ее, как правило, вынуждали выбирать участки прорывов именно на плацдармах, что, в свою очередь, требовало целого комплекса дополнительных мероприятий, в том числе и по достижению внезапности.

Определенное влияние на прорыв оказывали время года и метеорологические условия. Прорыв зимой требовал учета низких температур, глубокого снежного покрова, трудностей маскировки войск, в весеннюю распутицу, как это было на Правобережной Украине, повышения проходимости боевой техники. Густой туман, сильный снег, затруднявшие ведение огня артиллерией, осуществление боевых полетов авиацией, движение войск в атаку и ведение прорыва, требовали проведения целого ряда мероприятий, которые снижали бы отрицательное воздействие погоды.

Рассмотренные условия оказывали влияние на подготовку и ведение прорыва как каждое в отдельности, так и в различном сочетании и в совокупности в целом. Правильный и своевременный учет позволял находить верные решения проблемы прорыва в конкретных условиях обстановки.

Ставка Верховного Главнокомандования, командования фронтов и армий в ходе войны умело и творчески определяли сложные переплетения условий, требовавших изменений способов прорыва, что помогало своевременно и правильно решать проблемы, которые они, эти условия, ставили перед войсками, осуществлявшими прорыв. В свою очередь войска, проявляя творчество при выполнении задач, обогащали боевой опыт, обобщение которого поднимало искусство прорыва на новую ступень.

Восторженный учет различных факторов, которые оказывали влияние на подготовку и осуществление прорыва, как это делалось в операциях Великой Отечественной войны, сохраняет свое значение и в современных условиях.

2. ВИДЫ И ФОРМЫ ПРОРЫВА

..В наступательных операциях Великой Отечественной войны войска Советской Армии успешно применяли различные виды и формы прорыва.

Виды прорыва определялись его целями, содержанием, масштабами, достигнутыми конечными результатами. В зави-

симости от этого различались тактический, оперативный и стратегический прорывы. Они развивались как единый и непрерывный процесс, но в то же время каждый из них имел определенные качественные особенности.

Тактический прорыв представлял собой образование бреши в тактической обороне противника. По своему содержанию он включал: взлом обороны на всю ее тактическую глубину огнем артиллерии и ударами авиации, т. е. уничтожение живой силы и боевой техники врага, разрушение его оборонительных сооружений и глубокое морально-психологическое подавление войск, лишавшее их способности к сопротивлению в наиболее ответственный момент наступления — во время атаки—и снижавшее волю по противодействию в ходе развития ее в глубину; атаку пехоты и танков, поддерживаемых огнем артиллерии и авиацией; последующее развитие успеха в глубину и в стороны флангов стрелковыми, подвижными соединениями при тесном взаимодействии с артиллерией, авиацией и инженерными войсками.

По глубине тактический прорыв ограничивался преодолением тактической зоны обороны противника. Его осуществление в короткие сроки создавало благоприятные условия для последующего развития операции. Основную роль в достижении тактического прорыва выполняли стрелковые соединения первого эшелона общевойсковых армий, усиленные и подержанные значительным количеством артиллерии, танков, авиации и специальных войск. При недостатке усилий соединений первого эшелона зачастую вводились подвижные группы армий (фронтов).

Опыт войны показал, что стрелковые корпуса должны быть способны самостоятельно осуществлять прорыв тактической зоны обороны противника на всю ее глубину и притом в первый день операции, что и было учтено в послевоенной организации корпуса. В частности, в его состав включалась механизированная дивизия, превосходившая по своей ударной силе и огневой мощи механизированный корпус периода войны.

Оперативный прорыв заключался в создании бреши на всю оперативную глубину обороны противника. Он включал тактический прорыв и его незамедлительное развитие в глубину стремительными действиями подвижных соединений и объединений в тесном взаимодействии со стрелковыми соединениями и общевойсковыми армиями при сопровождении их артиллерией и авиацией, а также разгром оперативных резервов противника и расширение созданной бреши с тем, чтобы исключить или максимально затруднить восстановление целостности фронта обороны на новом оперативном рубеже.

Ведущая роль в превращении тактического прорыва в оперативный, в достижении оперативного прорыва в целом при-

надлежала танковым армиям, а также танковым и механизированным корпусам, составлявшим подвижные группы фронта (армии). Ввод их в сражение после прорыва тактической зоны, как правило, приводил к таким качественным изменениям условий ведения наступления, которые обеспечивали успешное выполнение промежуточных задач и достижение цели операции.

Стратегический прорыв представлял собой сокрушение стратегического фронта и образование в нем такой бреши, которую противник оказывался не в состоянии закрыть имевшимися оперативными резервами и был вынужден для создания нового стабильного фронта перебрасывать дополнительно крупные силы из глубокого тыла и других стратегических направлений.

Основным содержанием стратегического прорыва являлось: объединение отдельных оперативных прорывов в единую брешь на стратегическом направлении, ведение преследования разгромленных сил противника в широкой полосе, прорыв поспешно занимаемых войсками противника оборонительных рубежей, срыв попыток противника контрударами дезорганизовать, задержать развитие наступления и тем самым выиграть время для стабилизации стратегического фронта на новом рубеже.

За годы Великой Отечественной войны советские войска пять раз достигали стратегического прорыва: в контрнаступлении под Сталинградом, в операции по освобождению Правобережной Украины, в Белорусской, Яско-Кишиневской и Висло-Одерской операциях.

Осуществление стратегического прорыва явилось выдающимся достижением советского военного искусства в годы войны, а формы и способы сокрушения стратегического фронта представляют собой значительный интерес и в современных условиях.

Советская Армия в годы Великой Отечественной войны применяла разнообразные *формы прорыва* обороны противника, которые определялись в зависимости от конкретных условий оперативно-стратегической обстановки, цели, замысла, масштаба операции, наличия сил, средств и других факторов. Форма прорыва представляла собой выражение замысла на прорыв, организацию усилий войск для его осуществления, определение направлений ударов в операции, которые приводили бы к образованию брешей в обороне противника, к крушению ее на операционном или стратегическом направлении и позволяли достигнуть намеченных в операции целей.

В основе форм оперативного прорыва, которые нашли применение в ходе войны, лежали те, что были разработаны советской военной теорией перед Великой Отечественной вой-

ной. Некоторые из них получили дальнейшее развитие, другие, наоборот, не дали ожидаемых результатов и не нашли широкого применения, третьи оказались наиболее целесообразными, но лишь в другом масштабе операции.

В армейских наступательных операциях (схема 18) наиболее распространенной формой оперативного прорыва в первом периоде войны являлся удар на двух-трех направлениях. При этом один-два удара наносились по сходящимся направлениям в целях окружения противостоящих группировок противника. Такая форма оперативного прорыва применялась в наступательных операциях под Смоленском, в контрнаступлении под Москвой и отчасти под Сталинградом.

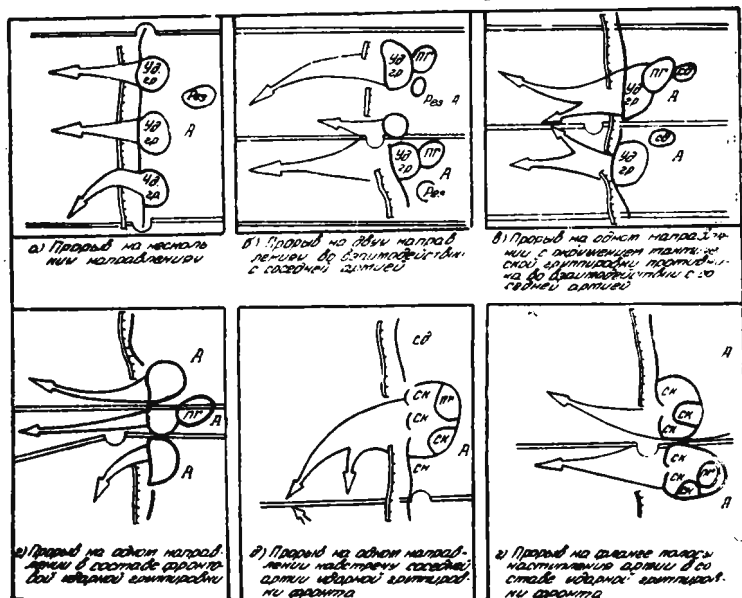

Схема 18. Формы оперативного прорыва, применявшиеся в армейских наступательных операциях

Широкое применение в первом периоде войны эта форма прорыва получила потому, что в специфических условиях вооруженной борьбы того времени позволяла армии перейти в наступление (контрнаступление) в самые короткие сроки, поскольку не требовала сложных перегруппировок войск и сосредоточения их к одному участку прорыва. Известное влияние на частое применение этой формы оказывало и то, что предвоенной теорией она рассматривалась как наиболее выгодная.

Однако, отвечая одному из важных условий проведения наступательных операций, эта форма прорыва содержала в

себе и существенный недостаток, который заключался в распылении усилий армии, боевой состав которой к тому же значительно уменьшился. При большом числе участков прорыва на каждом из них оказывалось недостаточно сил и средств, чтобы осуществить оперативный прорыв. Это снижало результаты предпринимаемых прорывов или вообще приводило к неуспеху.

Настоятельная необходимость максимального массирования сил и средств на избранных для прорыва участках привела к уменьшению количества ударов армии. Уже в наступлении Юго-Западного фронта под Харьковом летом 1942 г. армии наносили по одному удару. В других операциях наносились один-два удара, но целью вспомогательного удара в основном было сковывание сил противника путем активной демонстрации наступления (20-я, 30-я армии в Ржевско-Сычевской операции летом 1942 г.). При этом армии часто наносили удар уже не самостоятельно, а в составе ударной группировки фронта.

Во втором и особенно в третьем периоде войны армии, как правило, наносили один удар преимущественно в составе ударной группировки фронта, осуществлявшей прорыв на одном участке. Лишь отдельные армии, в частности 59-я в наступлении под Новгородом зимой 1944 г., наносили два удара.

Если армия наносила самостоятельный удар, то он преимущественно был рассекающим или направленным к пункту, где замыкался фронт окружения группировки противника (11-я гв. и 61-я армии в Орловской операции). Когда армия входила в состав ударной группировки фронта, она наносила фронтальный удар центром своего оперативного построения и во всей полосе наступления, если она располагалась между двумя наступающими армиями, либо удар группировкой, созданной на одном из ее флангов. В этом случае главными силами она наносила фронтальный удар, а частью сил развивала удар в сторону фланга в целях сматывания обороны противника. В некоторых операциях эта задача возлагалась и на главные силы армии (3-я гв. армия в Висло-Одерской, 28-я и 49-я армии в Восточно-Прусской операциях).

Во фронтовых наступательных операциях (схема 19) формы оперативного прорыва прошли ту же эволюцию, что и в армии. В 1941—1942 гг. фронты обычно наносили большое число дробящих ударов (в Смоленском сражении: Западный фронт — 4—6, Резервный — 3—4, Брянский — 4—5 ударов; в контр наступлении под Москвой: Калининский фронт — 3—5, правое крыло Юго-Западного фронта — 3—4, Западный фронт — до 10 ударов).

После выхода директивного письма Ставки от 10 января 1942 г. число ударов в наступательных операциях фронтов резко сократилось: летом и осенью 1942 г. — до двух-трех, а в

1943 г. — до одного-двух ударов. Например, в контрнаступлении под Курском Западный, Центральный и Степной фронты наносили по одному удару, Брянский и Воронежский фронты — по два удара.

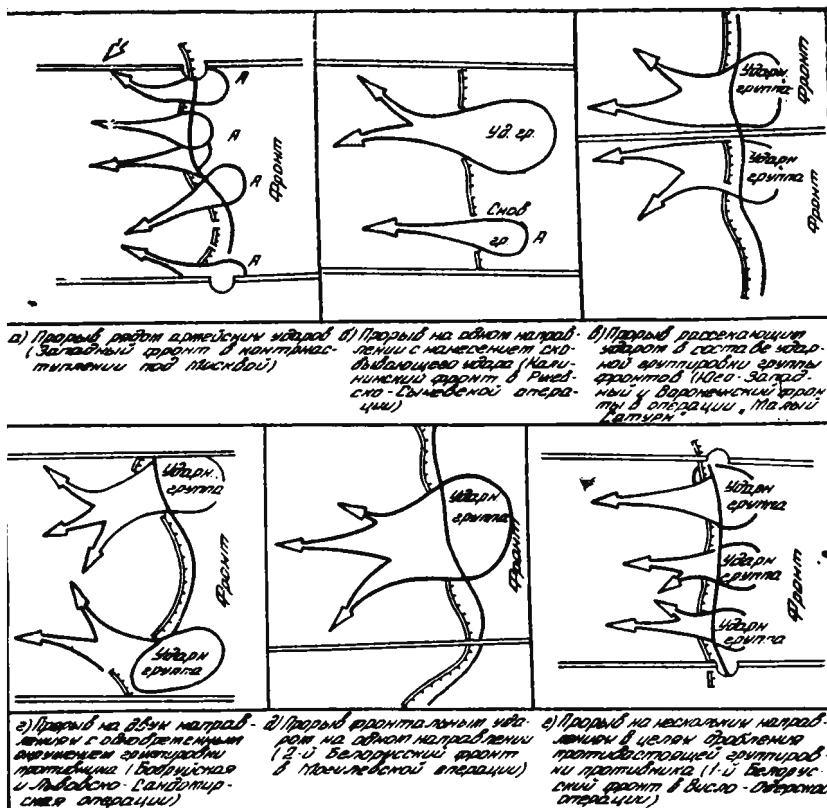

Схема 19. Формы оперативного прорыва, применявшиеся во фронтовых наступательных операциях

В операциях 1944—1945 гг. фронты наносили обычно один-два, а иногда (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях) — три удара. При прорыве очаговой обороны противника на Правобережной Украине количество ударов было большим.

Формы прорыва оперативной обороны, предопределявшиеся направлениями ударов и их взаимным удалением, были разнообразными. При прорыве очаговой неглубокой обороны, что было характерно для зимних кампаний 1941/42 и 1944 гг., фронт обычно наносил несколько ударов силами одной армии или ударных группировок в составе до двух армий. Из них один-два удара были рассекающими, один-два направлялись

навстречу друг другу или к удару соседнего фронта в целях окружения определенной группировки противника.

С переходом противника к позиционной обороне формы оперативного прорыва во фронтовых операциях получают дальнейшее развитие. При прорыве на одном направлении форма оперативного прорыва представляла собой фронтальный удар на фланге или в центре полосы наступления. При этом он направлялся к точке встречи с соседним фронтом (2-й и 3-й Украинские фронты в Ясско-Кишиневской операции) или в глубину оперативной обороны в целях ее рассеяния (2-й Белорусский фронт в Белорусской операции, 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции и др.).

При прорыве обороны на двух-трех направлениях форма оперативного прорыва представляла собой фронтальные удары с последующим двухсторонним охватом и обходом определенной группировки противника и развитием удара частью сил или главными силами в глубину (Бобруйская, Львовско-Сандомирская операции) либо фронтальные удары на всю оперативную глубину в целях дробления противостоящей группировки противника и уничтожения остающихся между ударами его сил в ходе развития операции (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской операции).

В стратегических наступательных операциях, проводимых группой фронтов (схема 20), как правило, одновременно наносилась серия ударов (Сталинградская — 7, Белорусская — 6, Висло-Одерская — 4, Берлинская — 6). Опыт войны показал, что сокрушение фронта обороны противника на стратегическом направлении возможно при нанесении нескольких мощных ударов в полосе шириной 450—700 км и более, которыми захватывалось от 15 до 30% активного фронта вооруженной борьбы. Серия сильных ударов затрудняла противнику не только парирование их имеющимися резервами, но и определение места и значения каждого из них. Разгром его крупной группировки на одном из стратегических направлений вел к ослаблению его сил на других, что позволяло успешно проводить ряд последовательных операций, сокрушая тем самым огромную часть и даже весь стратегический фронт обороны врага.

При проведении операции группой фронтов в зависимости от конкретных условий обстановки применялись и соответствующие формы прорыва. В первом периоде войны, когда маневренность наших войск была небольшой, а фронтовые удары увязывались между собой недостаточно, формы прорыва в операциях групп фронтов представляли собой серию дробящих ударов, часть из которых направлялась навстречу друг другу в целях окружения небольших группировок противника. Такая форма прорыва облегчала создание ударных группиро-

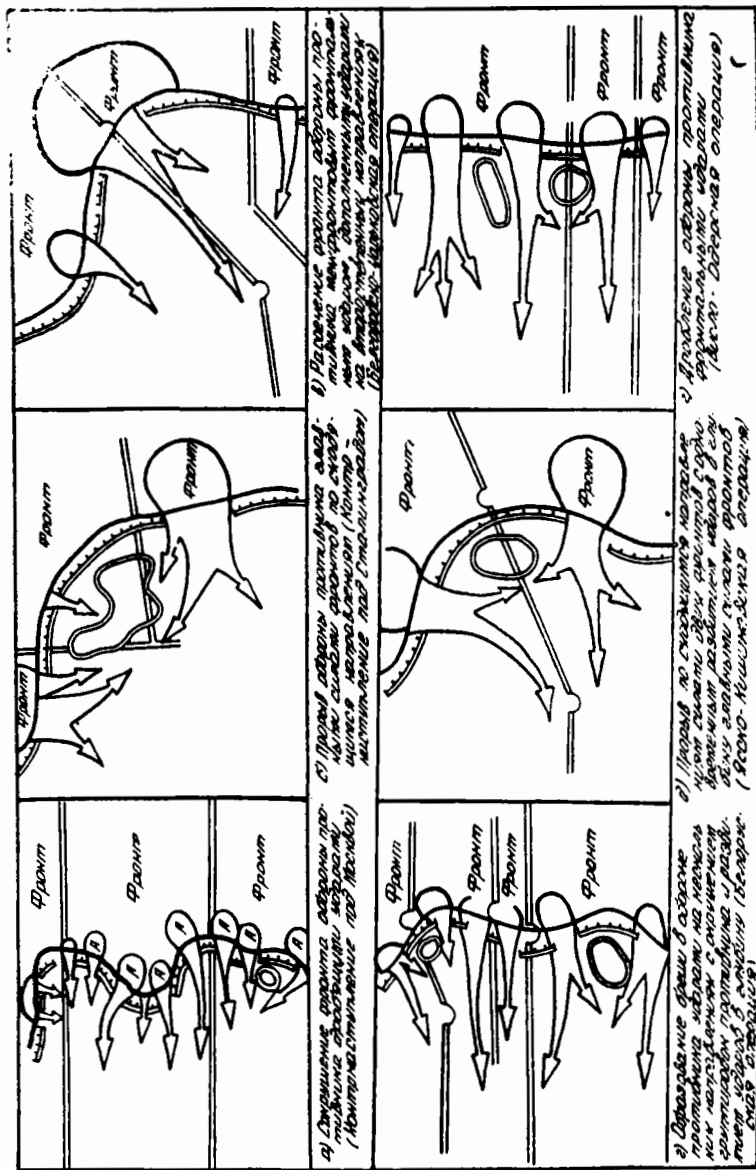

Схема 20. Формы прорыва, применявшиеся в годы войны в стратегических операциях группы фронтов

вок в ограниченные сроки и быстрый переход их в наступление.

В зимней кампании 1942/43 г. преобладающей формой прорыва становится нанесение фронтовых ударов по сходящимся направлениям. Она позволяла при общем равенстве сил или небольшом превосходстве над противником сосредоточить максимально возможное количество сил и средств на главных направлениях, быстро прорвать оборону и замкнуть кольцо окружения, обеспечив внешний фронт окружения ограниченными силами путем временного перехода их к обороне на выгодном рубеже и даже в отдельных пунктах.

В летне-осенней кампании 1943 г. наметилась тенденция к сочетанию рассекающих ударов с ударами на окружение. Однако в полной мере она проявилась в кампаниях третьего периода войны.

Для операций групп фронтов летом 1944 г. было характерным выделение равного или меньшего количества сил ударной группировки для окружения крупных группировок противника. Равная или большая часть сил фронтов, развивая наступление в созданной бреши, дробила оперативную оборону противника на всю ее глубину, создавая тем самым подвижный внешний фронт окружения и условия для безостановочного перерастания оперативных прорывов в стратегический.

В операциях 1945 г., когда фронт вооруженной борьбы намного сократился, определяющей формой прорыва в стратегической операции становятся взаимно увязанные рассекающие фронтовые удары на всю глубину. Окружение небольших группировок противника, остающихся между ними, предусматривалось незначительными силами и в процессе сокращения стратегического фронта врага.

В целом развитие форм прорыва оперативной обороны в годы Великой Отечественной войны показывает, что наибольший успех достигался при проведении стратегической операции группой фронтов и нанесении серии ударов, которыми захватывался значительный участок стратегического фронта обороны противника. Частные операции, проводимые небольшими силами, с нанесением скользящих ударов были отвергнуты опытом войны и ушли в прошлое. С возрастанием прочности обороны уменьшалось число ударов, но увеличивалась их мощь.

Формы оперативного прорыва в виде множественности ударов, впервые примененные в наступательной операции русского Юго-Западного фронта в 1916 г. и развитые советским военным искусством, из области оперативного искусства перешли в стратегию, стали присущи операциям, проводимым группами фронтов.

3. ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ УДАРОВ И УЧАСТКОВ ПРОРЫВА

Стратегический фронт обороны противника в годы Великой Отечественной войны простирался на тысячи километров, упираясь флангами в Баренцево и Черное моря. Одновременное его разрушение оказалось возможным только на заключительном этапе войны, когда он сузился в несколько раз, а боевая мощь наших Вооруженных Сил резко возросла. В большинстве же военных кампаний он разрушался на одних стратегических направлениях.

Стратегическое направление включало полосу значительной ширины — 700—1200 км. Разрушение обороны в такой широкой полосе осуществлялось серией ударов — главных и вспомогательных.

Понятие «главный удар» принадлежит к основным категориям военного искусства. Оно возникло на ранней ступени развития военного дела и всегда являлось выражением принципа сосредоточения основных усилий на направлении, имеющем решающее значение для выполнения поставленных задач.

Классики марксизма-ленинизма считали правильным выбор направления главного удара непрерывным условием достижения победы над врагом. Так, Ф. Энгельс утверждал, что великий принцип неравномерного распределения войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара в решающем пункте определял успех многих известных сражений¹.

Распределение сил и средств в зависимости от значения решаемых стратегических задач в конкретно сложившейся обстановке В. И. Ленин считал важнейшей предпосылкой для достижения победы и непосредственно связывал его с выбором главного звена как способа решения политических, военных и любых других задач. Осуществляя практическое руководство вооруженной борьбой в годы гражданской войны, Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным уделял самое пристальное внимание выбору направления главного удара в зависимости от важности того или иного фронта вооруженной борьбы. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что для достижения победы необходимо «в решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией»².

Руководствуясь этим положением, советское военное искусство всегда уделяло большое внимание разработке теории

¹ См.: Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., Воениздат, 1957, с. 181.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 6.

главного удара. Правильный выбор его относился к важнейшим предпосылкам не только успешного прорыва вражеской обороны, но и достижения конечных целей операции.

По предвоенным взглядам считалось, что направление главного удара должно выводить ударную группировку в те районы, овладение которыми означает решение объединением оперативных задач. В связи с этим, направление главного удара может необязательно проходить через районы и участки, наиболее доступные в тактическом отношении. Выбирая направление главного удара, командующие должны были исходить прежде всего из оперативных соображений, принося им в жертву, если это нужно, непосредственные интересы тактики. Правда, теория оговаривала, что ущерб тактических интересов никогда не должен доходить до степени тактической невыполнимости оперативного задания.

В годы Великой Отечественной войны теория главного удара обогатилась новыми положениями. Опыт войны показал, что правильный выбор направления главного удара зависит от многих факторов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Учет только одного из них и игнорирование всех других факторов может привести к односторонним и потому неверным выводам.

Направление главного удара в наступательной операции определялось прежде всего ее целями и конкретными условиями обстановки, в которых она проводилась. Оно выбиралось с учетом оперативного положения своих войск и войск противника, их количественного и качественного состава, расположения группировок основных сил, особенно бронетанковых. Во всех случаях наиболее выгодным для нанесения решающего удара считалось то направление, которое выводило ударные группировки наступающего к самым уязвимым местам основных сил противника и обеспечивало в короткие сроки разгром той его группировки, от поражения которой резко нарушалась устойчивость обороны в целом.

Именно такие условия определили выбор направлений главного удара советских войск при переходе в контрнаступление под Сталинградом, где советское Верховное Главнокомандование искусно воспользовалось ослаблением фланговых группировок противника, наличием в их составе менее устойчивых войск, растянутостью коммуникаций немецко-фашистских армий и ее невыгодным оперативным положением.

В наступательных операциях Великой Отечественной войны главный удар наносился чаще всего по наиболее слабому, наиболее уязвимому месту в обороне противника. Такими слабыми местами обычно являлись участки с невысокими плотностями сил и средств, с недостаточно развитой системой инженерного оборудования местности, занятые войсками со сла-

бой подготовкой и невысокими морально-боевыми качествами. К слабым местам в обороне относились направления, на которых противник не располагал крупными оперативными и стратегическими резервами. Наиболее уязвимыми местами в обороне всегда считались стыки и фланги, особенно в тех случаях, когда они недостаточно прикрывались. Наконец, слабым местом в обороне обычно являлись участки местности, которую противник по своим тактическим свойствам считал труднодоступной. Здесь он оставлял, как правило, минимальные силы и средства. Нанесение ударов по таким участкам обороны оказывалось для противника неожиданным. Благодаря достигаемой в этом случае внезапности, даже наступая по труднодоступной местности, войска приобретали большие преимущества. Стремительный прорыв и выход наступающих войск во фланг и тыл противника вынуждали его снимать войска с хорошо подготовленных позиций, перебрасывать их на направления ударов наступающего и вести бой с перевернутым фронтом на недостаточно оборудованной или совсем необорудованной местности. Поучительные примеры использования слабых мест в обороне противника дают Сталинградская, Яско-Кишиневская и многие другие операции.

Оперативное положение войск и начертание линии фронта решающим образом определили направления главных ударов в Киевской, Висло-Одерской и в ряде других операций, где наши войска имели плацдармы на водных преградах.

При выборе направления главного удара всегда учитывались морально-боевые качества войск противника, а также возможность наиболее эффективного применения всех родов войск и средств поражения, особенно крупных масс танков.

Существенное влияние на выбор направления главного удара оказывали физико-географические условия и характер инженерной подготовки местности. Нередко эти факторы предопределяли выбор направления главного удара. Например, в Восточно-Прусской операции наличие обширного района Мазурских озер явилось одним из факторов нанесения главного удара войсками 2-го Белорусского фронта в обход труднодоступного района и долговременных укреплений Восточной Пруссии с юга и запада, где условия местности допускали развертывание крупной группировки танковых войск и благоприятствовали быстрому выходу ее на побережье Балтийского моря.

Опыт войны показал, что местность, выбранная для нанесения главного удара, должна способствовать скрытому сосредоточению и развертыванию ударной группировки, быть удобной для оборудования и занятия войсками исходного положения, обеспечивать благоприятные условия для действий круп-

ных масс артиллерии и танков, осуществления маневра, организации оперативного и тактического взаимодействия, своевременного и бесперебойного подвоза войскам материальных средств.

В ряде случаев решающее влияние на выбор направления главного удара оказывал элемент времени. Выигрыш во времени позволял срывать возможные контрмероприятия противника и подвергать его решительному разгрому в короткие сроки на данном направлении.

Влияние элемента времени на выбор направления главного удара можно наглядно видеть на примере Белгородско-Харьковской операции. Начертание линии фронта к началу операции было вполне благоприятным для нанесения охватывающих ударов в целях окружения харьковской группировки противника. Однако при отсутствии времени на крупную перегруппировку войск осуществить эти удары не представлялось возможным. Поэтому Воронежский и Степной фронты были вынуждены нанести главный удар в направлении на Белгород и Харьков в целях рассеяния противостоящей группировки немецко-фашистских войск.

В годы Великой Отечественной войны имели место случаи, когда на выбор направления главного удара преимущественное влияние оказывало стремление окружить и уничтожить главные силы противника, не допустив их отхода. Так было в Сталинградской, Яско-Кишиневской, Восточно-Прусской и многих других операциях.

В наступательных операциях Великой Отечественной войны было немало случаев, когда главный удар наносился и по наиболее сильным местам в обороне противника, где это было выгодно и удобно с оперативно-стратегической точки зрения. Так часто было при переходе в наступление с оперативных плацдармов. Иногда главный удар приходилось наносить по сильным участкам обороны при отсутствии времени для перегруппировок, когда через такие участки проходили важнейшие коммуникации, выгодные для применения крупных сил подвижных войск (3-й Белорусский фронт в Витебско-Оршанской операции) либо в целях быстрого разгрома наиболее мощной группировки врага, например, в Львовско-Сандомирской и Восточно-Прусской операциях.

Прорыв вражеской обороны на очень сильных ее участках, когда мощь ударных группировок не обеспечивала решительного превосходства над противником, существенно отражался на развитии некоторых операций. Например, в Орловской операции лишь усиление Брянского фронта крупными силами, в том числе 3-й, а затем 4-й танковыми армиями, позволило ему выполнить поставленную задачу, разгромить группировку противника и ликвидировать его орловский выступ. Медленно

развивалось наступление и Центрального фронта при переходе в контрнаступление.

Маршал Г. К. Жуков, оценивая направления ударов этих фронтов, писал: «Позже, анализируя причины медленного развития событий, мы пришли к выводу, что основная ошибка крылась в том, что Ставка несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла Западного фронта, которую в ходе сражения нужно было серьезно подкрепить. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать глубоко эшелонированную оборону лобовым ударом... Центральный фронт свое контрнаступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировки противника. Главный удар Центрального фронта нужно было бы сместить несколько западнее в обход Кром»¹.

Опыт прорыва позиционной глубоко эшелонированной обороны в 1944—1945 гг. показал, что такая оборона при занятии ее стойкими войсками таит в себе огромную силу сопротивления. Прорыв ее связан с большими затратами сил и средств и нередко проходит на пределе возможностей. Так, в частности, он проходил в полосах 11-й гв., 31-й, 3-й и 48-й армий 3-го и 1-го Белорусских фронтов в Белорусской операции, на направлении главного удара 2-го и 3-го Белорусских фронтов в Восточно-Прусской и 1-го Белорусского в Берлинской операциях. Смещение ударов к слабым пунктам обороны врага сразу сказывалось на ходе прорыва. Эти обстоятельства позволяют сказать, что, избирая направление ударов, необходимо при малейшей возможности отдавать предпочтение нанесению их через более слабые участки обороны противника.

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что наибольший успех в наступательной операции достигается обычно тогда, когда главный удар наносится в направлении, дающем возможность осуществить стремительный прорыв обороны противника и развитие операции по кратчайшим расстояниям, выводящим основную группировку наступающего на такие рубежи, с овладением которыми рушится оперативная устойчивость вражеской обороны, а для наступающих войск открываются возможности ведения широких маневренных действий.

За время Великой Отечественной войны существенные изменения произошли в роли, которая отводилась главному и вспомогательным ударам.

По предвоенным взглядам, вспомогательный удар по отношению к главному имел вспомогательное значение и мог вы-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН. 1970. с. 468.

полнять задачи по обеспечению ударной группировки от фланговых ударов противника, сковыванию его противостоящих сил, а также играть роль одного из концентрических ударов в операции на окружение противника.

Хотя перед вспомогательным ударом могли ставиться решительные цели по разгрому противника, но все же задачи, которые на него возлагались, не могли идти в сравнение с главным ударом. В армейской операции ими стремились достичь тактических целей, во фронтовой — чаще всего сковывания сил на неактивных участках фронта.

Эти взгляды лежали в основе определения значения ударов в операциях всего первого периода войны. Вспомогательный (сковывающий) удар был обязательным элементом всякой операции. И поскольку на нанесение таких ударов обычно выделялось мало сил, они зачастую давали крайне ограниченный оперативный и даже тактический результат. Это видно даже на успешно проведенных операциях, таких, например, как Ржевско-Сычевская (лето 1942 г.), в которой на вспомогательных направлениях фронтов продвижение войск было незначительным.

В контрнаступлениях под Сталинградом и Курском задачи, которые получали войска, действовавшие на вспомогательных направлениях, уже немногим отличались от задач, которые ставились перед войсками главных группировок. Они тоже должны были прорвать тактическую оборону и развить успех в оперативную глубину. Именно такие задачи получили армии Донского фронта в Сталинградской операции. И силы, которыми наносились вспомогательные удары, немногим отличались от сил главного удара. Дальнейшее выравнивание силы ударов наблюдается в третьем периоде войны, когда значительно возросли наши возможности по созданию сильных ударных группировок. Однако примерное равенство силы ударов никогда не исключало главного удара. Поэтому утверждения некоторых военачальников о том, что при одновременном нанесении фронтом двух мощных ударов оба они являлись главными, не являются обоснованными. Именно поэтому, чтобы не вносилась путаница в нашу военную терминологию, а вместе с тем и в военную теорию, Маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях справедливо отмечает, что «если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли «мощными ударами» или «ударными группировками»¹.

При выборе направления главного удара особое внимание уделялось определению участка прорыва, т. е. участка оборо-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 529.

ны противника, где намечалось пробить первоначальную брешь.

Опыт войны показал, что ширина участка прорыва всегда должна намечаться в соответствии с имеющимися силами и средствами, и особенно средствами огневого подавления, а также с количеством и качеством общевойсковых соединений. Намеченный участок прорыва должен быть таким, чтобы в его пределах можно было оборудовать удобное исходное положение для главной группировки и скрытно развернуть силы и средства, предназначенные для прорыва. Кроме того, следует учитывать условия развития тактического успеха в оперативный и одновременно возможности противника по противодействию прорыву.

В ходе войны ширина участков прорыва соединений, армий, фронтов и ударных группировок претерпела существенные изменения.

До войны целесообразной шириной участка прорыва для ударной армии считалась полоса 20—30 км, а для фронта — 60—80 км. При определении ширины участков прорыва кроме боевых возможностей исходили также из того, что брешь шириной 20—30 км не может простреливаться артиллерией противника с флангов, а это позволит без больших помех развивать успех на главном направлении. На таком участке прорыва можно достаточно свободно ввести в сражение подвижную группу, выделив на каждую танковую дивизию по два маршрута. Брешь в 20—30 км не может быть закрыта ближайшими оперативными резервами.

Изменение состава общевойсковых армий в начале Великой Отечественной войны привело к необходимости сужения участков прорыва ударных группировок. Переход противника к позиционной обороне и необходимость создания для ее прорыва более высоких плотностей сил и средств обусловили дальнейшее сужение участков прорыва. Кроме того, ход войны показал, что наиболее сильно противодействуют наступлению войск средства, ведущие огонь прямой наводкой (противотанковые орудия и танки), а также пулеметы и минометы, а не артиллерия, расположенная на закрытых огневых позициях, по дальности стрельбы которой с флангов рассчитывалась наиболее целесообразная ширина участков прорыва. Относительная ее малочисленность, трудность маскировки позволяли успешно вести борьбу с ней, в том числе и на флангах участков прорыва. В свою очередь, опыт показал, что для танковых и механизированных корпусов уменьшенного состава нужна более узкая полоса ввода их в сражение. Все это в совокупности оказало влияние на сужение участков прорыва. Их ширина и соотношение с полосой наступления в некоторых операциях показаны в таблице 14.

**Ширина участков прорыва и их соотношение с полосами наступления
в операциях Великой Отечественной войны**

Наименование операций	Фронт, армия, ударная группировка	Ширина полосы наступления (км)	Количество и ширина участков прорыва (км)	% к ширине полосы наступления
Контрнаступление под Москвой	16-я армия	25	1—7,5	30
	10-я армия	100	3—56	56
Харьковская	Северная группа	235	56	24
	Южная группа	101	36	36
Ржевско-Сычевская	Калининский фронт	500	2—18,5	3,3
	30-я армия	65	1—12,5	20
	Западный фронт	380	2—23	6
Контрнаступление под Сталинградом	20-я и 31-я армии	50	1—20	40
	Юго-Западный фронт	250	2—22	9
Контрнаступление под Курском	5-я танковая армия	35	1—10	28
	Брянский фронт	158	2—30	19
	63-я и 3-я армии	74	1—18	24
	Воронежский фронт	172	3—30	17
Белорусская	6-я и 5-я гвардейские армии	26	2—11	42
	1-й Прибалтийский фронт	160	1—25	16
	3-й Белорусский фронт	130	2—37	28
	11-я гв. и 31-я армии	60	1—19,5	34
	1-й Белорусский фронт (правое крыло)	232	2—33	14
Львовско-Сандомирская	65-я и 28-я армии	100	1—18	18
	1-й Украинский фронт	440	2—27	6
Яско-Кишиневская	38-я и 60-я армии	70	1—15	21
	2-й Украинский фронт	330	1—16	5
Висло-Одерская	3-й Украинский фронт	590	1—14	2,3
	1-й Белорусский фронт	230	3—34	15
Берлинская	1-й Украинский фронт	250	1—39	16
	1-й Белорусский фронт	175	3—44	25
	1-й Украинский фронт	390	2—36	11

Как видно из таблицы, ширина участка прорыва ударной группировки фронта, прорывавшей оборону на самостоятельном направлении, чаще всего составляла 15—20 км. При ее определении в первую очередь исходили из возможностей

фронта создать необходимые плотности артиллерии. Такие плотности в пределах 250 стволов от 76-мм и выше на 1 км фронта прорыва нередко указывались Ставкой.

Конечно, участки прорыва шириной 15—20 км были стеснительными для действий мощных фронтовых ударных группировок. Ввиду этого в планах операций предусматривалось их расширение уже в ходе прорыва тактической обороны противника путем нанесения ударов по вскрывшимся в результате образования бреши в обороне противника флангам. Такой способ создания оперативного простора оказался наиболее экономичным по затратам сил. Если для прорыва обороны требовалось 250—300 орудий и минометов, 7—10 стрелковых батальонов и 15—20 танков НПП на 1 км участка, то расширение созданной бреши проходило при плотностях, меньших в 3 и более раза.

Для успеха операции важное значение имели наиболее целесообразное удаление ударов друг от друга и оптимальная сила каждого из них.

В довоенной теории этот вопрос не был достаточно разработан. Поэтому в первых наступательных операциях Великой Отечественной войны подход к определению взаимного расположения направлений ударов и участков прорыва был эмпирическим, что приводило к существенным просчетам. Так, начальный пункт для наступления ударной группы генерала В. Я. Качалова в первом наступлении на Смоленск был на таком удалении от ударных групп, наступавших севернее Ярцево, что ведение ею прорыва не оказывало сколько-нибудь заметного влияния на успех этих ударных групп. Взаимное расположение участков прорыва ударных групп генералов В. А. Хоменко, С. Я. Калинина, К. К. Рокоссовского, а затем 30, 19, 16 и 20-й армий не соответствовало силе их ударов. При вклинении их войск в оборону противника районы его обороны, остававшиеся между участками прорыва, сохраняли свою устойчивость, чем затруднялись развитие армейских операций в глубину и образование единого фронтового участка прорыва.

Опыт наступательных операций, проведенных в 1941—1942 гг., показал, что расстояние между участками прорыва должно соответствовать силе намечаемых ударов и избираемому способу разгрома группировок противника, остающихся между направлениями ударов.

В контрнаступлениях под Москвой и Сталинградом фронтовые удары наносились в основном силами армейских группировок, но группировки войск противника между ними были небольшие, и разгром их намечалось осуществить путем окружения и расчленения в ходе прорыва тактической обороны, чтобы уже с выходом за нее можно было образовать единый фронтовой и даже межфронтовой участок прорыва.

Так, в Сталинградской операции промежуток между участками прорыва главной группировки Юго-Западного фронта и группировкой 21-й армии, наносившей удар совместно с 65-й армией Донского фронта, составлял около 25 км и оборонялся всего полуторами дивизиями. Обход этих сил с флангов растягивал их оборону, уменьшал ее устойчивость. Неизбежная угроза окружения с одновременным нанесением рассекающих ударов позволила разгромить эту группировку в короткие сроки и уже с выходом на глубину 30—40 км образовать единый фронт наступления подвижных групп, а затем всех сил 5-й танковой и 21-й армий.

Не менее отчетливо стремление быстро образовать единый фронтовой участок прорыва наблюдается во взаимном расположении ударных групп и направлений их действий на Сталинградском фронте. Удаление в 12—15 км одного участка прорыва от другого позволяло не только установить между ними тесное оперативное взаимодействие, но и вести боевые действия в тактической связи, ибо такие промежутки перекрывались огнем артиллерии каждой из ударных группировок. К тому же они оборонялись слабыми силами противника, что в общей сложности уже на второй день наступления позволило образовать единую брешь в его обороне.

С возрастанием мощи ударных группировок определилась тенденция к увеличению расстояний между участками прорыва. Так, в Орловской операции удаление участка прорыва 11-й гв. армии от 61-й армии составляло 55 км, между ударными группировками Брянского фронта — 60 км, между южной группировкой Брянского и Центрального фронтов — 65 км.

Ход боевых действий показал, что такое удаление, особенно для группировок в составе одной общевойсковой армии, было несколько завышенным. В течение всего времени прорыва они не смогли разгромить силы противника между участками прорыва и оказались по сути дела изолированными. Это давало противнику определенную свободу для маневрирования своими резервами в целях противодействия наступлению наших войск в глубину.

Более выгодным оказалось удаление участков прорыва в Белгородско-Харьковской операции. Вспомогательный удар, наносившийся 27-й и 40-й армиями, находился от удара главной группировки фронта всего в 20 км, что позволило и при очень упорном сопротивлении противника уже на третий день операции создать единую брешь в его обороне на фронте около 50 км.

В третьем периоде войны широкое применение нашли операции на окружение крупных группировок врага. Ввиду этого в основу расчетов расстояний между участками прорыва ударных группировок часто бралась возможность при определенных темпах наступления завершить окружение сил противника

до отхода их из окруженного района, быстро разгромить окруженную группировку и тем самым образовать такую брешь в его оперативной обороне, в которой было бы возможно свободное маневрирование фронтовыми (или группы фронтов) силами в целях развития оперативных прорывов в стратегический, а противнику трудно было бы закрыть ее имеющимися на операционном или стратегическом направлении резервами. Зависимость удаления участков прорыва от некоторых параметров операций в последнем периоде войны показана в таблице 15.

Таблица 15

Зависимость удаления участков прорыва от некоторых параметров операций 1944—1945 гг.

Наименование операций	Удаление участков прорыва (км)	Расстояние до района встречи (км)	Глубина возможного отхода противника (км)	Ширина бреши, образующейся после уничтожения окруженной группировки (км)	Необходимое количество дивизий для закрытия бреши
Витебско-Оршанская	40	30—40	40	100	5—7
Бобруйская	55	50—60	60	90—100	5—7
Львовско-Сандомирская	70	60—70	45—60	120—140	7—9
Яско-Кишиневская	140	100—120	100	250	12—15
Берлинская	50	100	80	160—180	9—12

Примечание. Расчеты сделаны на основе схем труда «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне» 1941—1945 гг., т. 3. М., Воениздат, 1958.

Из данных, приведенных в таблице, можно заключить, что при темпах наступления 15—20 км в сутки удаление участков прорыва избиралось примерно таким же, на какое нашим войскам нужно было продвинуться до района, где намечалось замкнуть фронт окружения, а противнику миновать его с учетом начала отхода из окружаемого района после потери на направлениях ударов тактической зоны обороны, т. е. на сутки-двое позже после перехода наших войск в наступление.

При нанесении в операции мощных рассекающих ударов (Висло-Одерская операция и др.) расстояние между участ-

ками прорыва было таким, что уже в ходе преодоления тактической обороны противника его группировки, оборонявшиеся между участками прорыва, теряли всякую устойчивость и единый фронтовой или межфронтовой участок прорыва мог быть образован уже в ближайшей оперативной глубине.

Таким образом, при определении ширины участков прорыва, их взаимного удаления друг от друга в годы Великой Отечественной войны исходили из возможностей ударной группировки прорвать оборону противника на избранном направлении, получить необходимое пространство для ввода оперативных эшелонов, затруднить противнику закрытие создаваемой бреши тактическими и ближайшими оперативными резервами и прострел ее массированным огнем артиллерии с флангов в условиях ведения с ней контрбатарейной борьбы.

Методы подхода к выбору участков прорыва во многом сохраняют свое значение и в современных условиях при ведении наступления с применением только обычных средств поражения.

4. СОЗДАНИЕ УДАРНЫХ ГРУППИРОВОК, МАССИРОВАНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ И ПОСТРОЕНИЕ ВОЙСК

Для осуществления прорыва и его развития в годы Великой Отечественной войны во фронтах и армиях создавались ударные группировки. Особенно отчетливо переход к действиям ударными группировками обозначился после выхода в свет директивного письма Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 г., в котором были сформулированы наиболее важные положения по прорыву обороны противника. Одно из них гласило: «Чтобы взламывать и рвать оборону противника, надо нам научиться действовать ударными группами»¹.

Для создания ударных группировок в годы войны применялись три способа:

преимущественно за счет резервов Ставки;

в основном путем проведения армейских, фронтовых и межфронтовых перегруппировок войск и включения в состав фронтов некоторых объединений и соединений из резерва Ставки, проходивших пополнение и подготовку в полосах фронтов;

комбинированный способ, когда фронты, получив силы и средства из резерва Ставки, в последующем проводили необходимые перегруппировки войск, сосредоточивая их на избранных для наступления направлениях.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, лл. 75—81.

Каждый из этих способов применялся в зависимости от конкретных условий обстановки. Основными факторами, определявшими их применение, являлись: обладание стратегической и оперативной инициативой; соотношение сил воюющих сторон к началу операции; замысел на предстоящую операцию; наличие у Ставки резервов, а у фронтов и армий соединений, способных вести наступательные действия, и их расположение; характер обороны противника и необходимые для ее прорыва плотности войск; время, отведенное на подготовку операции; состояние дорог, наличие материальных средств и возможности их подвоза.

Создание ударных группировок преимущественно за счет резервов Ставки наиболее часто применялось в наступательных операциях первого периода войны. Стратегическая инициатива к началу таких операций находилась в руках противника, он вел активные наступательные действия. Наши фронты, где намечалось наступление, вели напряженные оборонительные операции, они не располагали достаточными силами и средствами для создания ударных группировок, а условия для внутрифронтных и армейских перегруппировок были крайне неблагоприятными. Так, для проведения наступления в районе Смоленска из сил фронта резервных армий Ставкой было создано три ударные группировки в составе 3—4 дивизий каждая, на базе которых затем создавались ударные группировки Западного фронта. Планируя контрнаступление под Москвой, Ставка передала Западному фронту 1-ю ударную, 20-ю и 10-ю армии и несколько соединений, а Юго-Западному фронту — 61-ю армию и ряд соединений. Эти силы составили основное ядро ударных группировок фронтов, что позволило образовать их в короткие сроки и без опасных перегруппировок вдоль фронта.

Способ создания ударных группировок в основном за счет проведения армейских, фронтовых и межфронтовых перегруппировок с включением в состав фронтов некоторых объединений и соединений из резерва Ставки применялся в условиях перерастания без паузы одной кампании в другую, когда резервы Ставки были израсходованы в предшествующих операциях, а новые еще не закончили пополнение и подготовку.

Такой способ был характерен, в частности, для зимней кампании 1944 г. При подготовке наступательных операций на Правобережной Украине Ставка из четырех фронтов, привлекавшихся к стратегической операции, выделила в ноябре—декабре 1943 г. лишь 1-му Украинскому фронту две общевойсковые, одну танковую армии и два отдельных танковых корпуса. Но половина этих сил была использована для отражения контрнаступления противника. Поэтому при проведении операций первого этапа борьбы за Правобережную Украину ударные группировки создавались преимущественно путем

фронтных и межфронтных перегруппировок. Но соединения, включаемые в ударную группировку, в первую очередь получали пополнение людьми и боевой техникой, объем которого в первом квартале 1944 г. составил около 800 тыс. человек, 4,8 тыс. орудий и минометов, 4,6 тыс. танков и САУ

Наиболее широкое применение в годы Великой Отечественной войны получил комбинированный способ создания ударных группировок. Он позволял в полной мере использовать внутренние возможности фронтов и армий, ограничивал крупные передвижения войск с одного операционного направления на другое или из тыла к фронту, что давало возможность более скрытно готовить операции, способствовало более экономному и целенаправленному использованию стратегических резервов.

Возможность применения этого способа появилась тогда, когда Советская Армия зимой 1941/42 г. перехватила стратегическую инициативу и лишила противника возможности вести наступление на всем стратегическом фронте. Например, летом 1942 г. на Западном стратегическом направлении противник не проводил крупных наступательных операций. Это позволило Западному и Калининскому фронтам при подготовке Ржевско-Сычевской операции создавать ударные группировки за счет внутрифронтных перегруппировок и включения в состав ударных группировок сил и средств, полученных из резерва Ставки. Их было выделено: для Калининского фронта — пять стрелковых дивизий, шесть танковых бригад, шесть артиллерийских полков РВГК и 16 дивизионов М-30; для Западного фронта — одна стрелковая дивизия, два танковых и один кавалерийский корпуса, шесть танковых бригад и 18 дивизионов М-30. По Западному фронту это составило: по стрелковым дивизиям — 1,9%, по танковым бригадам — 40%, по реактивным минометам — 100% к общей его численности. По отношению к ударной группировке силы, поступавшие из резерва Ставки, составили: по стрелковым дивизиям — 7%, по танковым бригадам — 100%; артиллерийская группировка (за исключением реактивных установок М-30) создавалась только за счет сил фронта.

При подготовке контрнаступления под Сталинградом три фронта, принимавшие в нем участие, получили на усиление четыре танковых и механизированных корпуса, кавалерийский корпус, девять стрелковых дивизий и двадцать восемь артиллерийских полков. Это составило: 11% стрелковых дивизий, 33% кавалерийских и 66% танковых и механизированных корпусов, 30% артиллерийских полков. Остальные силы в состав ударных группировок были привлечены из имеющихся сил фронтов.

В условиях, когда между кампаниями образовывалась стратегическая пауза, за время которой Ставка успевала соз-

дать крупные резервы, при образовании ударных группировок она передавала фронтам значительные силы в виде целых объединений и крупных соединений. Так, для образования ударных группировок в контрнаступлении под Курском Ставка выделила фронтам следующие силы (табл. 16).

Таблица 16

**Количество объединений и соединений,
переданных во фронты из резерва Ставки
в контрнаступлении под Курском**

Наименование фронтов	Передано в состав фронтов		
	общевоисковых армий и диви- зий	танковых ар- мий и корпусов	артиллерий- ских соедине- ний
Западный	Армий — 1	Армий — 1, корпусов — 2	Корпусов — 1
Брянский	Стрелковых ди- визий — 3	Армий — 1, корпусов — 2	Корпусов — 2
Центральный	Стрелковых ди- визий — 6	Армий — 1, корпусов — 2	Корпусов — 1
Воронежский	Армий — 1	Армий — 2, корпусов — 4	Дивизий — 3

Наряду с этим для пополнения имеющихся во фронтах дивизий Ставка выделила им значительное количество личного состава и боевой техники. Например, фронты Юго-Западного направления в апреле—июне 1943 г. получили 163 тыс. человек и более 9 тыс. орудий и минометов.

Следует отметить, что в ударную группировку, наносившую главный удар на Юго-Западном направлении, был включен целый Степной фронт, созданный на базе Резервного фронта Ставки. Это позволило в короткие сроки (за десять дней) образовать огромную по своей мощи группировку в составе трех общевоисковых, двух танковых армий, механизированного корпуса и более 5 тыс. орудий и минометов.

Несмотря на включение в состав фронтов новых объединений и соединений, первый оперативный эшелон, осуществлявший прорыв тактической зоны обороны, обычно создавался из войск, ранее входивших в состав фронтов, ибо определение в первую линию новых соединений облегчало противнику обнаружение подготовки наступательной операции.

В условиях летне-осенней кампании 1944 г., когда главный удар переносился с Юго-Западного на Западное направление, комбинированный способ образования ударных группировок

получил иное воплощение. Чтобы скрыть перенос усилий на новое направление, Ставка пошла на максимально возможное сокращение перебросок сил как с одного стратегического направления на другое, так и внутри стратегического направления. Если же такие перегруппировки осуществлялись, то они проводились по дорогам в глубоком тылу. Так, до начала кампании на белорусское направление были переброшены 5-я гв. танковая и две общевойсковые армии. При этом последние (2-я гв. и 51-я армии) были переданы в состав фронтов только в ходе операции. 1-й Украинский фронт и левое крыло 1-го Белорусского фронта получили две общевойсковые и одну танковую армии. Остальное пополнение шло в виде отдельных стрелковых и артиллерийских дивизий, танковых, механизированных и авиационных корпусов.

Ударные группировки фронтов создавались на базе имевшихся объединений путем внутрифронтовых и межфронтовых перегруппировок и пополнения выделенных в них соединений личным составом и боевой техникой из текущих поступлений. По Белорусским и 1-му Прибалтийскому фронтам они составили 210 тыс. человек, или 18%, 2,8 тыс. орудий и минометов, или 10%, и около 90% танков и САУ

В кампании 1945 г. в Европе особенность усиления фронтов, действовавших на главных направлениях, состояла в том, что Ставка передавала им часть сил из тех фронтов, которые закончили военные действия или роль которых значительно уменьшилась. Так, перед наступлением в Польше в январе 1945 г. в состав 2-го Белорусского фронта вошли 2-я ударная, 5-я гв. танковая армии из Ленинградского и 1-го Прибалтийского фронтов; в состав 1-го Белорусского фронта — 3-я ударная, 61-я армии из 1-го, 2-го Прибалтийских фронтов; в состав 1-го Украинского фронта — 21-я армия из Ленинградского фронта. Кроме них на Западное направление поступили артиллерийские соединения, в частности 3-й артиллерийский корпус прорыва. В Берлинской операции 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты получили 3, 28 и 31-ю армии, соединения артиллерии и авиации за счет 3-го Белорусского фронта, закончившего штурм Кенигсберга, и Ленинградского фронта.

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что для прорыва обороны противника необходимо создавать такие ударные группировки, которые были бы способны самостоятельно осуществить прорыв вражеской обороны на всю ее глубину и развить в высоких темпах успех до достижения конечной цели операции. К концу войны состав ударной группировки фронта обычно включал две-три общевойсковые и одну-две танковые армии, один-два танковых корпуса, значительное количество артиллерии; действия ее поддерживались всеми или частью сил авиации фронта.

Опыт войны показал также, что создание ударных группировок — сложный процесс. Он требует от командиров и штабов умения сосредоточивать на главном направлении необходимое количество войск, проводить в короткие сроки и скрытно перегруппировки и готовить их к предстоящему прорыву.

Создание мощных группировок в короткие сроки возможно при наличии резервов. Поэтому их накопление, а также поддержание в боеспособном состоянии войск, которые могут быть включены в состав ударных группировок, должно являться одной из постоянных забот Ставки и фронтов.

Состав ударных группировок во фронтовой операции определялся директивой Ставки, в которой обычно указывалось количество или наименование общевойсковых и танковых армий, конно-механизированных групп, танковых и механизированных корпусов, а нередко и плотности артиллерии, которые необходимо было создать на участках прорыва.

По мере повышения боевой мощи наших Вооруженных Сил, увеличения количественного состава оперативных объединений, насыщения их боевой техникой, накопления боевого опыта у руководящего состава, а также усиления устойчивости обороны противника и изменения условий ведения вооруженной борьбы в целом состав фронтовых ударных группировок непрерывно возрастал (табл. 17).

Таблица 17

Состав ударных группировок фронтов
в некоторых операциях Великой Отечественной войны

Наименование операций и ударных группировок	Количество				
	объедине- ние	дивизий (сд, кд)	танков и САУ	орудий и мино- метов	само- летов
Контрнаступление под Москвой. Ударные группировки Западного фронта	Армий — 1	3—7	35—125	160—600	50—100
Контрнаступление под Сталинградом. Ударные группировки Юго-Западного фронта	Армий — 1—2	7—11	250—300	1200	300—400
Белгородско-Харьковская. Главная группировка Воронежского фронта	Армий — 2, танковых армий — 2	20	Около 2000	5300	1700

Наименование операций и ударных группировок	Количество				
	объединений	дивизий (сд, кд)	танков и САУ	орудий и минометов	самолетов
Добруйская. Главная группировка 1-го Белорусского фронта	Армий — 2, конно-механизированных групп — 1	21	901	5000	1600
Львовско-Сандомирская. Главная группировка 1-го Украинского фронта	Армий — 3, танковых армий — 2, конно-механизированных групп — 1	29	1179	4400	2000
Яско-Кишиневская. Ударная группировка 2-го Украинского фронта	Армий — 3, танковых армий — 1, конно-механизированных групп — 1	25	1356	5032	1148
Висло-Одерская. Главные ударные группировки:	Армий — 4, танковых армий — 2	35	2048	Около 6500	1800
1-го Украинского фронта	Армий — 6, танковых армий — 2	50	3193	Около 7000	2600
Берлинская. Главные ударные группировки:	Армий — 5, танковых армий — 2	42	2226	7500	1800
1-го Украинского фронта	Армий — 5, танковых армий — 2	44	1277	6226	1400

Примечание. Количество авиации на направлении главного удара фронта выведено из расчета 60—70% от общего ее количества во фронте.

Как видно из таблицы, за годы войны состав ударных группировок фронтов увеличился: по дивизиям — в 8—10 раз, по танкам и САУ — в 10—20 раз, по артиллерии — в 10—12 раз, по авиации — в 18—25 раз. Значительно улучшился и их качественный состав путем применения более эффективных образцов танков, самоходно-артиллерийских установок, орудий, минометов, реактивных систем и самолетов.

Из общего боевого и численного состава фронтов в ударные группировки, как правило, включалось 50—70% стрелковых соединений, 70—80% орудий и минометов, 80—100% танков и авиации фронта. Они развертывались на участках, ширина которых составляла 5—20% ширины полосы наступления фронта. Этим достигалось решительное массирование сил и средств на избранных для прорыва направлениях, создание их высоких плотностей и решающего превосходства над противником, что являлось одним из важнейших факторов успешного осуществления прорыва (табл. 18).

Из данных, приведенных в таблице, следует, во-первых, что плотности войск в ходе войны непрерывно повышались и в операциях 1945 г. достигали 6—7 стрелковых батальонов, 250—300 орудий и минометов, 20—30 танков и САУ НПП на 1 км участка прорыва. Во-вторых, по мере увеличения плотностей сил и средств на участках прорыва и создания более выгодного их соотношения повышались в целом и темпы прорыва тактической зоны обороны противника. Однако успех прорыва и его темпы определялись не только плотностями сил и средств и созданным превосходством над противником. Большое значение имели качество подготовки прорыва, искусство управления войсками, эффективность применения вооружения, боевой техники и действий войск, достижение внезапности удара, поддержание тесного взаимодействия родов войск, своевременное наращивание усилий и другие факторы.

Плохая подготовка прорыва обычно снижала эффективность огня (а следовательно, и реальное его соотношение), вела к неполному использованию имевшихся возможностей. Потеря внезапности приводила к таким же последствиям, ибо противник, узнав о направлении прорыва, обычно усиливал его, чем изменял к более выгодному для себя соотношению сил. Приведя войска в полную боевую готовность, он тем самым снижал психологический эффект удара, что делало его войска более устойчивыми в обороне, т. е. они с большей действительностью применяли свое оружие, что также меняло реальное соотношение средств.

Опыт прорыва обороны противника войсками 11-й гв. и 31-й армий в Белорусской операции, 60-й и 38-й армий во Львовско-Сандомирской операции, всех фронтов в Берлинской операции показывает, что хотя плотности сил и средств и их соотношение были высокими, но при отсутствии внезапности прорыв порой принимал затяжной характер и был связан с большими затратами сил и средств.

Следовательно, успех прорыва, его темпы в ходе войны определялись всей совокупностью факторов, характеризующих искусство подготовки и ведения прорыва. В первом периоде войны успешные прорывы, по данным некоторых исследований, составляли примерно 25% от предпринимавшихся, во

Плотности и соотношение сил на участках прорыва
и влияние их на темпы прорыва тактической зоны обороны противника

Наименование операций и ударных группировок	Пехота		Артиллерия		Танки и САУ		Темпы прорыва (км в сутки)
	Плот- ность, (об на км (ки на сд))	Соотно- шение сил	Плот- ность	Соотно- шение сил	Плот- ность	Соотно- шение сил	
Ржевско-Вяземская, 20-я армия	$\frac{3,5}{2}$	4,3 : 1	$\frac{57}{67}$	4 : 1	12,5	2 : 1	2
Харьковская, 21, 28, 38-я армии	$\frac{2,3}{3,9}$	3 : 1	$\frac{45}{74}$	3—4 : 1	12	2,5 : 1	6—10
Контрнаступление, под Сталинградом: 5-я танковая армия	$\frac{2,1}{2,3}$	2,7 : 1	$\frac{68}{122}$	5 : 1	13	Абсолютное	18—20
57-я армия	$\frac{1,4}{6}$	2,7 : 1	$\frac{32}{44}$	3 : 1	$\frac{6}{12}$	3 : 1	16—17
Контрнаступление под Курском: 11-я гв. армия	$\frac{6,4}{1,3}$	4—6 : 1	$\frac{142}{183}$	9 : 1	13	Абсолютное	12—14
3 и 63-я армии	$\frac{4,5}{2}$	4 : 1	$\frac{140}{168}$	8 : 1	$\frac{6—15}{19}$	$\frac{2 : 1}{3 : 1}$	7—8
5-я гв. армия	$\frac{9}{0,9}$	6 : 1	$\frac{192}{215}$	11—12 : 1	15	3 : 1	6—26
53-я армия	$\frac{4,2}{1,2}$	4 : 1	$\frac{138}{242}$	8 : 1	$\frac{11}{37}$	2 : 1	4—8

Наименование операций и ударных группировок	Пехота		Артиллерия		Танки и САУ		Темпы прорыва (км в сутки)
	Плотность (об на км) (км на сл)	Соотношение сил	Плотность	Соотношение сил	Плотность	Соотношение сил	
Белорусская: 6-я гв. и 43-я армии	4	3—4:1	128	5—6:1	12	3:1	16
	1,4		165		22	5:1	
11-я гв. и 31-я армии	6,0	3—4:1	141—220	6—10:1	10—21	2—4:1	3—10
	1,3		153—250		65	6:1	
65-я и 28-я армии	7,3	8:1	166	16:1	11	4:1	10—11
	1,2		206		73	6:1	
Львовско-Сандомирская, 60-я и 38-я армии, 3-я гв. и 4-я танковые армии	6	5:1	240	7—10:1	11—12	2:1	3—7
	0,74		250		70	3,5:1	
Яско-Кишиневская, 27-я и 52-я ар- мии, 6-я танковая армия	6,7	4,5:1	261	14:1	14—19	6:1	12—16
	1,4		274		60—40		
Висло-Одерская: 61-я, 5-я ударная, 8-я гв. армии,	7	7:1	296	18:1	20—30	3—4:1	12—15
1-я и 2-я гв. танковые армии	1		310		132—141	12:1	
3-я гв., 13, 52 и 5-я гв. армии, 3-я и 4-я гв. танковые армии	5,4	7:1	291	9,7:1	10—22	2—3:1	6—15
	11		307		63—75	10:1	
Берлинская: 47-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гв. ар- мии, 1-я и 2-я гв. танковые армии	12	8:1	296	4:1	20—44	2—3:1	4—8
	0,8		310		55—141	3—8:1	
3-я гв., 13-я, 5-я гв. армии, 3-я и 4-я гв. танковые армии	6	5—7:1	250	16:1	10—14	2:1	10—13
	1,2		255		63—75	9,6:1	

Примечания:
1. В числителе указаны тактические плотности, в знаменателе — оперативные.
2. Соотношение сил по пехоте и артиллерии дано по тактическим плотностям.

втором периоде — уже около 70%, а в третьем периоде при проведении стратегических операций прорыв обороны противника достигался в подавляющем числе операций.

Наряду с прорывом подготовленной глубоко эшелонированной обороны в ходе Великой Отечественной войны войскам Советской Армии неоднократно приходилось прорывать и неглубокую очаговую оборону. Преимущественно это было в первом периоде войны и в зимних кампаниях второго и третьего ее периодов. Прорыв такой обороны проводился при значительно меньших плотностях войск и соотношении сил, которые, однако, в ходе войны имели тенденцию к возрастанию (табл. 19).

Таблица 19

**Плотности войск и соотношение сил
при прорыве очаговой обороны
в годы Великой Отечественной войны**

Наименование операции и ударных группировок	Пехота		Артиллерия		Танки и САУ		Темпы прорыва (км в сутки)
	Плотность (сб на км)	Соотношение	Плотность	Соотношение	Плотность	Соотношение	
Контрнаступление под Москвой: 16-я армия	2—2,2	3 : 1	16—43	1,5—4 : 1	8—10	1 : 2	1
10-я армия	1—1,7	3 : 1	10	2 : 1	0,4	1 : 5	20
Острогожско-Россошанская, 3-я танковая армия	1,6	2,3 : 1	52	5,1 : 1	10 * 26	3,7 : 1	тк—23 сд — 2—4
Житомирско-Бердичевская, 1-й Украинский фронт	3,6	5 : 1	120— 180	8— 10 : 1	20	2 : 1	тк—20 сд — 5—7
Корсунь-Шевченковская: 1-й Украинский фронт	3,3—6		60	4 : 1	5—9	2— 3 : 1	2—12
2-й Украинский фронт	5—6	6 : 1	100	10 : 1	15	10 : 1	6
Проскуровско-Черновицкая, 1-й Украинский фронт	1,8—2	4 : 1	80— 200	9— 12 : 1	До 24	2 : 1	10—25
Уманско-Ботошанская, 2-й Украинский фронт	3,3— 4,5	3,3 : 1	120— 150	6,3 : 1	До 25	2 : 1	12—15

* В знаменателе — оперативная.

Из таблицы видно, что в зимней кампании 1944 г. (Корсунь-Шевченковская, Проскуровско-Черновицкая, Уманско-Ботошанская операции) плотности войск и соотношение сил приблизились к средним плотностям войск, которые создавались в целом ряде операций летне-осенних кампаний 1943—1944 гг., а по наивысшим плотностям, создаваемым на направлениях главного удара, они были равными. И надо сказать, что такие плотности не были завышенными, о чем говорят не столь уж высокие темпы прорыва стрелковых войск — 6—15 км в сутки.

Хотя очаговая, да еще поспешно занятая оборона намного слабее позиционной, однако первую позицию, а порой и всю первую полосу обороны противник успевал оборудовать инженерными сооружениями. На угрожаемых направлениях он обычно увеличивал плотности войск до 5—8 км на дивизию. Отсюда устойчивость переднего края и полковых участков обороны была довольно высокой. Уровень психологической устойчивости войск, потерпевших в предыдущих операциях чувствительные поражения, был, конечно, невысоким, но достаточным, чтобы выдержать удар средней силы, т. е. удар при плотности войск 2—3 стрелковых батальона, 8—10 танков, 60—80 орудий на 1 км и соотношении сил 3 : 1 по пехоте и танкам и 4—6 : 1 по артиллерии. Фактические же плотности огня с учетом ускоренной подготовки наступления были намного ниже. Ниже оказывалось и действительное соотношение огневых возможностей сторон. Поэтому в третьем периоде войны советское военное командование, планируя операции с прорывом очаговой, поспешно оборудованной обороны, стремилось повысить плотности артиллерии и танков и довести их до уровней, свойственных прорыву позиционной обороны.

Для успеха прорыва и его развития наряду с высокими плотностями войск и другими факторами большое значение имело построение войск для операции и боя, ибо в нем закладывались возможности и последовательность наращивания усилий. В каждой операции построение войск фронта и армии зависело от их состава и задач, характера обороны противника и других конкретных условий обстановки, складывающихся к началу операции. Вместе с тем в ходе войны в оперативном построении войск фронта (армии) наблюдались определенные тенденции, которые выражались в количественном и качественном усилении первого эшелона, создании мощной подвижной группы, второго эшелона, резервов различного назначения, более сильной группировки авиации во фронте и артиллерийских групп в армии, а также в увеличении в 2—3 раза глубины оперативного построения.

По предвоенным взглядам, предусматривалось глубокое оперативное построение войск фронта. Однако потери, понесенные Советской Армией в приграничных сражениях, стра-

тегическая инициатива, которой владел противник, не позволяли образовывать мощные группировки и иметь в них сильные вторые эшелоны, резервы и подвижные группы. Вместе с тем неглубокая очаговая оборона противника создавала определенные предпосылки для ее прорыва одним оперативным эшелоном фронта. В силу этого в двух первых кампаниях первого периода войны фронты строились в один эшелон с небольшим резервом (схема 21).

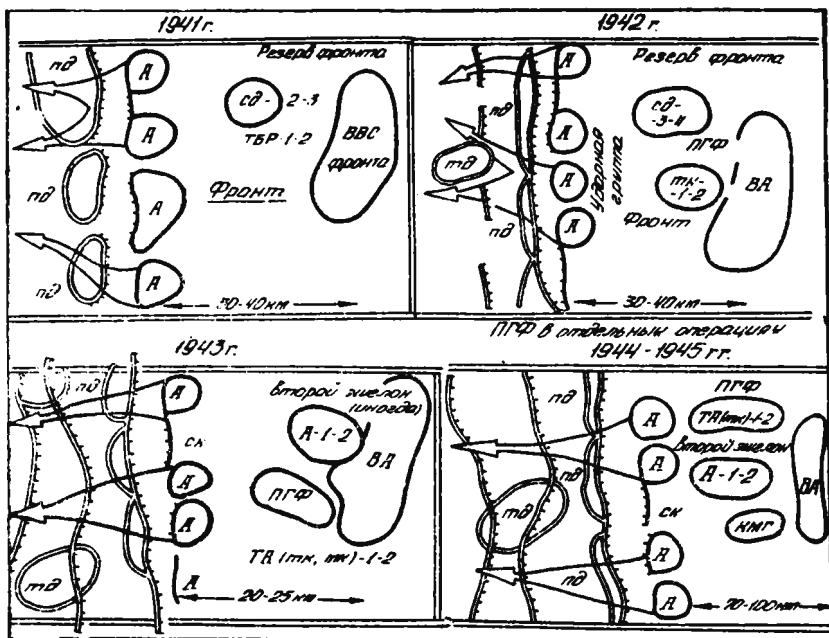

Схема 21. Развитие оперативного построения фронта в наступательных операциях Великой Отечественной войны

Опыт наступательных операций показал, что одноэшелонное оперативное построение фронтов хотя и позволяло прорывать подготовленные рубежи обороны, но не обеспечивало быстрого развития тактического прорыва в оперативный и противник успевал создавать в глубине новые оборонительные рубежи. Поэтому уже с лета 1942 г. в оперативном построении фронта появляются подвижные группы в составе одного-двух танковых корпусов (Погорело-Городищенская операция Западного фронта) и более сильные резервы. С созданием воздушных армий значительно возросли возможности массированной авиации, а командующие фронтами получили мощное средство поддержки войск.

Количественный и качественный рост боевого состава фронтов, увеличение прочности и глубины обороны против-

ника predeterminedили дальнейшие изменения оперативного построения фронта. В контрнаступлении под Курском во фронтах впервые создаются подвижные группы в составе одной-двух танковых армий. В ряде операций второго периода войны во фронтах образуется второй эшелон в составе одной, а иногда и двух общевойсковых армий (Западный фронт в Смоленской операции).

В третьем периоде войны при проведении операций на главных направлениях фронты строились обычно в два эшелона с выделением во второй эшелон одной-двух общевойсковых армий. Подвижные группы стали обязательным элементом оперативного построения фронта. Их состав был различным: одна-две, а в некоторых случаях и три танковые армии, одна-две конно-механизированные группы или один-два танковых (механизированных) корпуса. Иногда создавался общевойсковой резерв в составе танкового (механизированного), кавалерийского или стрелкового корпуса. В оперативном построении всех фронтов имелась воздушная армия.

Существенно (количественно и качественно) изменилось оперативное построение армии (схема 22). В 1941—1942 гг. общевойсковые армии имели небольшой второй эшелон (одна-две стрелковые дивизии) или резерв. В ряде случаев создавались подвижные группы из усиленных кавалерийских соединений, нескольких танковых бригад или одного-двух танковых корпусов. В 1943 г. во второй эшелон армии в зависимости от ее состава выделялось до одного-двух стрелковых корпусов. Многие армии имели подвижные группы в составе одного-двух танковых (механизированных) корпусов. Кроме этого, в армии создавались: артиллерийские группы дальнего действия (ДД), группы разрушения (АР), ГМЧ, зенитная, а также артиллерийско-противотанковый, инженерный резервы и подвижный отряд заграждений.

В наступательных операциях 1944—1945 гг. армии, осуществлявшие прорыв, чаще всего строились в два эшелона. При этом во второй эшелон выделялись один-два стрелковых корпуса. В отдельных случаях, когда, например, предусматривалось наступление в сторону фланга, армии строились даже в три эшелона (49-я армия в Восточно-Прусской, 3-я гв. армия в Висло-Одерской операциях). В один эшелон, как и во втором периоде войны, армии строились тогда, когда противник имел сильную тактическую зону обороны, но не располагал на направлении удара оперативными резервами. В этих случаях более глубокое построение имели стрелковые соединения.

Для завершения тактического прорыва общевойсковым армиям во многих операциях передавались в оперативное подчинение танковые и механизированные корпуса. Для решения огневых задач в армии стала создаваться одна армейская артиллерийская группа, которая делилась на подгруппы по

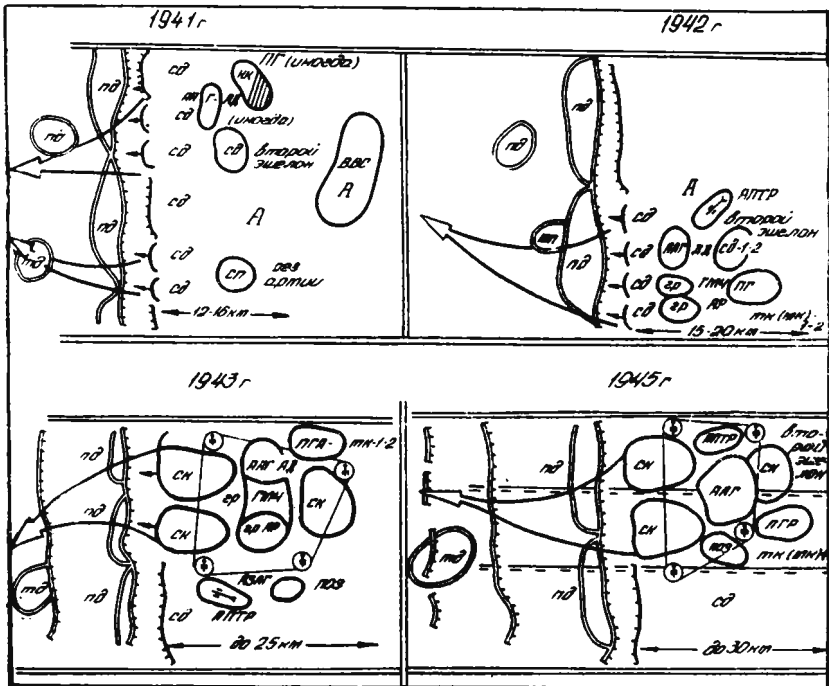

Схема 22. Развитие оперативного построения армии в наступательных операциях Великой Отечественной войны

числу корпусов первого эшелона. В ее состав включалось 3—5 артиллерийских бригад, 2—4 отдельных артиллерийских полка и 2—6 полков реактивной артиллерии, или 180—260 орудий, минометов и установок реактивной артиллерии. Это позволяло командующим армиями наносить массированные удары артиллерией по крупным тактическим и оперативным объектам и эффективно воздействовать на ход прорыва. В армии, как и прежде, создавались армейская зенитная артиллерийская группа и различные резервы.

Развитие боевых порядков войск шло в тех же примерно направлениях, что и оперативного построения. В первом периоде войны боевые порядки соединений, частей и подразделений в соответствии с предвоенными взглядами строились преимущественно в два эшелона (схема 23). Такое построение не всегда отвечало условиям обстановки. Поэтому приказом Народного Комиссара Обороны № 306 от 8 октября 1942 г. предусматривалось построение боевых порядков от роты до дивизии в один эшелон с выделением 1/9 сил в резерв. Но уже к началу летне-осенней кампании 1943 г. глубокие боевые

порядки соединений и частей при прорыве обороны противника стали наиболее типичными. В них создавались артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений. Группы танков НПП с 1944 г. стали не только использоваться централизованно в масштабе дивизий, но и придаваться полкам, а к концу войны и батальонам.

▼ 1941 - 1942 гг. (до приказа № 306)

По приказу № 306 от 8/10 1942г.

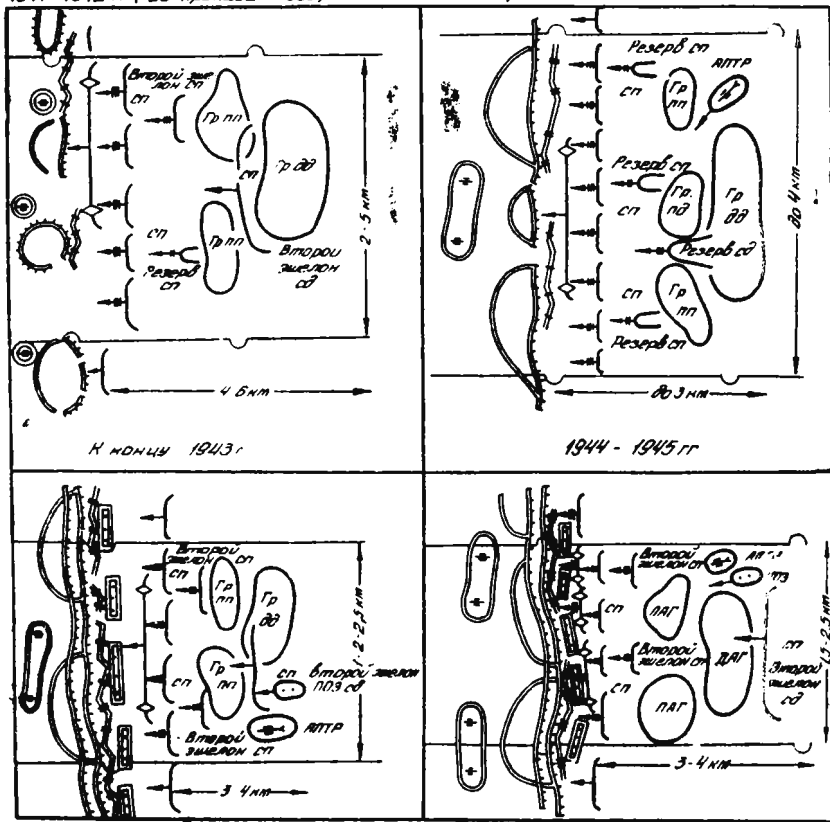

Схема 23. Развитие боевого порядка стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что прорыв глубокой обороны противника требует глубокого построения наступающих войск. При этом первый эшелон армии должен быть способным самостоятельно прорвать тактическую зону обороны на всю ее глубину и тем самым создать предпосылки для успешного развития операции. В оперативном построении фронта (армии) должен быть эшелон разви-

тия успеха, способный в короткие сроки войти в прорыв и стремительно развить его на всю оперативную глубину. В руках каждого общевойскового командира от командира полка до командующего армией необходимо иметь подчиненную ему артиллерийскую группу. Авиацию, особенно при ограниченном ее количестве, наиболее целесообразно использовать централизованно в масштабе фронта. Эти выводы из опыта войны были положены в основу построения войск в наступлении в послевоенные годы.

5. ОГНЕВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА

Огонь в сражениях Великой Отечественной войны был главным средством взлома обороны противника — уничтожения его живой силы и огневых средств, разрушения различных инженерных сооружений и заграждений, подавления воли к сопротивлению. За годы войны средства и способы огневого поражения противника получили большое развитие.

Основную массу огня давала артиллерия. Вес ее боеприпасов достигал 85—90% от всех, что расходовались в операции. Важнейшими направлениями в развитии боевого применения артиллерии являлись повышение ее огневой мощи и эффективности артиллерийского обеспечения прорыва.

Повышение огневой мощи артиллерии достигалось главным образом увеличением плотности орудий и минометов на участках прорыва и расхода боеприпасов. За годы Великой Отечественной войны плотности возросли с 30—40 до 220—250, а в ряде операций до 300 и более орудий и минометов на 1 км, или в 6—10 раз. По сравнению с предвоенными взглядами они увеличились в 3—6 раз.

Артиллерийское обеспечение прорыва, по предвоенным взглядам, включало артиллерийскую подготовку, артиллерийскую поддержку атаки и действия артиллерии по обеспечению ввода в бой вторых эшелонов, отражению контратак, сковыванию тыла и воспрепятствованию подходу резервов противника¹.

По сути дела те же периоды были и в артиллерийском наступлении — понятии, возникшем в годы Великой Отечественной войны. Много сходного было и в способах выполнения огневых задач в каждом из периодов. Однако существенный недостаток предвоенных взглядов на артиллерийское обеспечение состоял в том, что периоды его не были жестко объединены в единый непрерывный процесс и тесно увязаны с действиями пехоты и танков. Этот недостаток был устранен в ходе войны, особенно после выхода в свет директивного письма Ставки от 10 января 1942 г.

¹ См.: Тактика артиллерии, ч. 1. М., Воениздат, 1941, с. 226—253.

Артиллерийское наступление заключалось в подавлении обороны противника, а также в непрерывной поддержке пехоты и танков массированным, действительным огнем артиллерии (минометов)¹. Оно включало три тесно связанных между собой периода: артиллерийскую подготовку атаки, артиллерийскую поддержку атаки и артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника.

Успех прорыва во многом зависел от эффективности артиллерийской подготовки, т. е. от степени подавления и уничтожения живой силы, огневых средств, боевой техники и оборонительных сооружений противника. Эффективность артиллерийской подготовки определялась рядом факторов, в частности плотностью артиллерии, точностью стрельбы, количеством выпущенных боеприпасов в течение определенного времени, построением, продолжительностью и глубиной подавления противника.

Надежное подавление и уничтожение противника в ходе артиллерийской подготовки атаки требовало определенной суммарной мощи огня, которая повышалась с возрастанием прочности обороны.

С увеличением плотности артиллерии за годы войны в 6—10 раз и расхода боеприпасов на одно орудие в 1,5—2 раза суммарная мощь огня артиллерии на 1 км участка прорыва возросла в 10—15 раз. Однако следует отметить, что суммарная мощь огня могла быть дана и при меньшей плотности артиллерии, ибо коэффициент использования огневых возможностей орудий и особенно минометов, которые могли вести огонь в основном на подавление на глубину одной позиции, был невелик, в силу чего им приходилось от 50 до 70 % времени, отведенного на артиллерийскую подготовку, молчать. Далеко не на полную мощь использовались и 76-мм пушки. Действие их снарядов (как и 82-мм минометов) было малоэффективным при стрельбе по прочным целям, и поэтому они ограниченно применялись в периоды разрушения.

Невысокий коэффициент использования огневых возможностей артиллерии получался еще и от того, что в самом графике артиллерийской подготовки резко разграничивались периоды по характеру ведения огня. В период подавления не велся огонь на разрушение, в период разрушения мало велся огонь на подавление, во время стрельбы орудиями прямой наводки огонь могла вести только дальнобойная артиллерия и т. п. Основная масса боеприпасов расходовалась во время огневых налетов, однако в 1941—1943 гг. они составляли в среднем всего около 20 % от всей продолжительности артиллерийской подготовки, а в ряде случаев и того меньше. В операциях

¹ См.: Боевой устав пехоты Красной Армии, ч. 2. М., Воениздат, 1942, ст. 423.

1944—1945 гг. удельный вес времени, отводимого на огневые налеты, в целом увеличивается до 60% и более. Однако во многих случаях он не превышал 25—50%.

Все это приводило к тому, что огневые возможности орудий и минометов, если исходить из режима огня, использовались только на 60—70%. При более высоком коэффициенте их использования можно было сократить на 30—40% или плотности артиллерии или продолжительность артиллерийской подготовки.

Но в 1942—1943 гг. в связи с переходом противника к позиционной обороне, несмотря на некоторое увеличение плотностей нашей артиллерии и расхода боеприпасов, отпускаемых на артиллерийскую подготовку, ее продолжительность непрерывно возрастала. Если в операциях 1941 г. артиллерийская подготовка продолжалась 10—45 минут, в 1942 г. — 60—90 минут, то в 1943 г. в таких операциях, как Белгородско-Харьковская, она достигла 3 часов.

Большая продолжительность артиллерийской подготовки имела существенный недостаток. За 2—3 часа ее проведения противник успевал определить участки прорыва, отдать необходимые распоряжения своим тактическим и ближайшим оперативным резервам и даже начать их выдвижение к угрожаемым направлениям, что усложняло осуществление прорыва. Ввиду этого велись поиски путей сокращения продолжительности артиллерийской подготовки без снижения ее эффективности.

Первоначально из артиллерийской подготовки были исключены пристрелка, часть или все ложные переносы огня и огневое молчание, поскольку последние не давали ожидаемых результатов. Затем пошли на сокращение методического огня с одновременным увеличением продолжительности огневых налетов. Наконец, в периоды разрушения и ведения огня прямой наводкой значительная часть артиллерии продолжала выполнять задачи по подавлению целей в ближайшей глубине. Все это позволило к концу войны в 2—3 раза сократить продолжительность артиллерийской подготовки, а 1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях сократил ее в 6—7 раз.

Короткая, но мощная артиллерийская подготовка производила очень сильное морально-психологическое воздействие на противника и достаточно надежно взламывала его оборону. Однако при прорыве сильно укрепленной обороны (Берлинская операция) она все же не дала ожидаемого результата.

Для повышения эффективности огня за время войны существенно улучшилось ведение артиллерийской разведки. С помощью общевойсковой, инженерной и воздушной разведки удавалось вскрыть до 80% целей в пределах первой полосы

обороны и до 40—60% на второй полосе обороны. Это позволяло огонь каждой батареи и каждого орудия, выделенного для стрельбы прямой наводкой, направлять по действительным целям.

Благодаря обобщению боевого опыта и внедрению его в практику было усовершенствовано планирование артиллерийской подготовки. Каждому артиллерийскому подразделению ставились определенные огневые задачи и указывались способы их выполнения на все периоды артиллерийской подготовки. Это дало возможность подвергать огневому воздействию большинство целей с учетом их важности в системе огня противника.

Для разрушения и уничтожения целей на переднем крае очень широко стал применяться огонь прямой наводкой орудиями, САУ и даже танками. Плотность этих средств доходила до 30—40 на 1 км участка прорыва.

За время Великой Отечественной войны существенно изменялось построение артиллерийской подготовки. Для достижения внезапности артиллерийскую подготовку стали начинать мощным огненным налетом, сместив разрушение целей стрельбой с закрытых огневых позиций на последующее время. Чтобы скрыть окончание артиллерийской подготовки и тем самым лишить противника возможности подготовить свои войска к отражению атаки, последний огневой налет по интенсивности огня назначался таким же, каким начиналась артиллерийская поддержка. Залпы реактивной артиллерии распределялись по всей артиллерийской подготовке. Продолжительность первого и последнего огневых налетов постоянно увеличивалась и к концу войны возросла до 15—25 минут, что позволяло более надежно поражать противника и добиваться сильного морального воздействия. Это было особенно важно перед броском пехоты и танков в атаку. Чередование массированных и методических огней, огней на разрушение и ложных переносов огня, если они применялись, стало различным для большинства артиллерийских подготовок.

Постоянный рост плотности артиллерии на участках прорыва, улучшение ее качественного состава позволили увеличивать глубину огневого поражения обороны противника. Если в 1941—1942 гг. массированным огнем оборона подавлялась на глубину 1,5—2,5 км, то в 1943 г. — на глубину до 3—4 км, а в 1944—1945 гг. — до 6—8 км и более. В заключительных операциях Великой Отечественной войны глубина подавления достигала 8—10 км, а в Берлинской операции — 10—12 км. В полосе наступления 8-й гв. армии оборона подавлялась на глубину 17—18 км¹.

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1960, с. 689, 757.

Однако надо сказать, что стремление к увеличению глубины подавления обороны противника не всегда было оправданным. При недостатке артиллерии это вело к распылению огневых усилий, в силу чего надежно не подавлялась даже первая позиция. К тому же подавление противника на большой глубине, как правило, было малоэффективным, а моральное воздействие, оказываемое огнем во время артиллерийской подготовки, обычно исчезало ко времени подхода к ним наступающих войск.

В целом опыт войны показал, что построение артиллерийской подготовки должно учитывать все особенности обороны противника, быть не шаблонным, а творческим, разнообразным, чтобы не дать возможности противнику определить ее начало и конец, а также ее отдельные периоды. Интенсивность огня в последнем огневом налете должна быть такой же, как и в начале артиллерийской поддержки атаки (с началом огневого вала). Глубина подавления обороны в период артиллерийской подготовки должна соизмеряться с возможностями артиллерии и обеспечивать прежде всего надежное поражение противника на глубину атаки и важнейших объектов за ее пределами. Переход от артиллерийской подготовки к артиллерийской поддержке атаки должен осуществляться без какой-либо паузы и совершенно незаметно для противника.

Методы артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков в каждой операции выбирались в зависимости от характера обороны, наличия артиллерии, особенно крупных калибров, а также боеприпасов. При прорыве очаговой обороны, а также тогда, когда доставало артиллерии или боеприпасов, поддержка атаки осуществлялась последовательным сосредоточением огня. С переходом противника к позиционной обороне все чаще находил применение одинарный, а затем и двойной огневой вал в сочетании с последовательным сосредоточением огня. На некоторых фронтах были разработаны и успешно применены разновидности огневого вала: метод сползания (Ленинградский фронт), нарастающий огневой вал (Воронежский фронт), ведение двойного последовательного сосредоточения огня (3-й Белорусский фронт) и др.

Глубина поддержки атаки увеличивалась от кампании к кампании и к концу войны достигла 2—2,5 км, а в Берлинской операции — 4 км, т. е. проводилась до овладения пехотой и танками двух позиций противника. Иначе говоря, глубина поддержки определялась глубиной расположения основных сил полков первого эшелона обороняющегося противника и глубиной ведения атаки.

Общие тенденции в развитии артиллерийской подготовки и поддержки атаки в годы войны показаны в таблице 20.

**Артиллерийская подготовка и поддержка атаки
по опыту важнейших операций Великой Отечественной войны**

Армии и операции	Плотность на 1 км участка прорыва	Продолжитель- ность артподго- товки (мин)	Время на огневые налеты		Глубина подав- ления обороны противника (км)	Метод артилле- рийской поддер- жки атаки и ее глубина (км)
			в мин	в %		
20-я армия, битва под Москвой	54	90	35	38,8	1,5—2,5	ПСО; до 1,5
5-я танковая армия, бит- ва на Волге	68	80	15	18,7	2—4	ПСО; до 1,5
11-я гв. армия, битва под Курском	185	165	30	17,6	3—4	Огневой вал; до 1
65-я армия, Белорусская операция	210	120	35	29,1	До 6	Двойной огневой вал; до 1,5
27-я армия, Ясско-Киши- невская операция	257	90	45	50	До 6—8	Двойной огневой вал; до 2
5-я ударная армия, Вис- ло-Одерская операция	282	25	25	100	До 8—10	Двойной огневой вал; до 2,5
8-я гв. армия, Берлин- ская операция	279	30	20	66,6	До 17—18	Двойной и одинарный огневой вал; до 4

Из таблицы видно, что артиллерийская подготовка разви- валась по линии сокращения ее продолжительности (со вто- рой половины 1943 г.), повышения удельного веса огневых на- летов и, следовательно, темпа поражения и плотности огня, увеличения глубины одновременного подавления обороны про- тивника и в целом в направлении повышения эффективности. Общая тенденция в совершенствовании артиллерийской под- держки атаки заключалась в применении более надежных ме- тодов поддержки, увеличении ее глубины и плотности огня.

Артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков при бое в глубине осуществлялось огнем отдельных орудий, взво- дов и батарей, продвигавшихся в боевых порядках наступаю- щих подразделений пехоты, огнем самоходных установок, а также сосредоточенным и массированным огнем дивизионов, полков, бригад и артиллерийских групп, в составе которых иногда насчитывалось до 100—200 орудий и минометов. Так, в Берлинской операции для подавления противника в населен-

ном пункте Зорген было привлечено пять бригад из состава 1-й гв. артиллерийской дивизии, насчитывавших 220 орудий и минометов¹.

Надежное сопровождение пехоты и танков при бое в глубине оказывалось возможным в том случае, когда батальонная, полковая, часть дивизионной артиллерии, САУ продвигались вслед за пехотой и танками, а дивизионы и батареи артиллерийских групп перемещались с таким расчетом, чтобы не менее 1/2—2/3 могли вести сосредоточенный и массированный огонь в любой момент прорыва тактической обороны противника.

Существенную роль в огневом поражении противника играла авиация. Для обеспечения наступления наземных войск авиация в годы войны использовала 46% всех самолето-вылетов, причем до 70% из этих ресурсов на направлениях главных ударов фронтов. Так, в Берлинской операции на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта действовало 2760 самолетов, или 71% всего состава 16-й воздушной армии.

При недостатке авиации, что было свойственно первому периоду войны, ее ресурсы в основном использовались для сопровождения пехоты и танков в ходе прорыва. Лишь иногда штурмовая и бомбардировочная авиация наносила удары в конце артиллерийской подготовки.

С 1943 г. Военно-Воздушные Силы Советской Армии переходят к действиям в форме авиационного наступления, которое включало два периода: авиационную подготовку атаки и авиационную поддержку атаки и наступления пехоты и танков в глубине обороны противника. Иногда, в частности при прорыве блокады Ленинграда, штурме Севастополя, проводилась предварительная авиационная подготовка. Но более широко практиковалось нанесение авиационных ударов в ночь перед наступлением. В операциях 1944—1945 гг. авиационная подготовка разделилась на предварительную и непосредственную авиационную подготовку.

Предварительная авиационная подготовка начиналась задолго до начала наступления и выполнялась сосредоточенными ударами и действиями мелких групп и одиночных самолетов на широком фронте днем и ночью в целях уничтожения и изурования живой силы противника прежде всего в тактической зоне обороны и в местах сосредоточения резервов, а также по районам расположения артиллерии, пунктов управления и других целей.

Во время непосредственной авиационной подготовки атаки поражались цели преимущественно на участках прорыва. Обычно удары авиации приурочивались к концу артиллерий-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., М., 1960, с. 699.

ской подготовки. Ими стремились перекрыть момент перехода артиллерии от артиллерийской подготовки к поддержке атаки, когда танки и пехота шли в атаку. Большинство ударов авиации нацеливалось по артиллерийским и минометным батареям, чтобы не позволить им вести огонь в целях прикрытия переднего края огневой завесой непосредственно перед атакой наступающих войск.

На проведение авиационной подготовки авиация использовала не более 1/3 своих ресурсов. Остальные шли на поддержку наступления пехоты и танков. Такое распределение авиационных ресурсов было вполне оправданным, ибо они в большей мере были нужны именно в ходе наступления, когда заметно снижалась плотность огня артиллерии или она в силу быстрого движения подвижных групп не могла надежно обеспечить их вступление в сражение на рубежах ввода.

В ходе поддержки наступления пехоты и танков авиация наносила сосредоточенные и массированные удары и применяла эшелонированные действия. Они направлялись так, чтобы обеспечить развитие атаки и особенно ввод в прорыв подвижных групп армий и фронтов и их действия в оперативной глубине. С возрастанием во фронтах количества штурмовой и бомбардировочной авиации все чаще стали применяться массированные удары, оперативный эффект которых был значительным. Они наносились по выдвигающимся для контрудара оперативным резервам, отходящим войскам с целью не допустить их выхода из окруженного района, а также по важным объектам обороны противника.

Успех авиационного наступления достигался в первую очередь мощью авиационных ударов, взаимодействием, умелым согласованием выполняемых авиацией задач с артиллерией по месту, времени и цели. Дополняя огонь артиллерии в тех районах, где ведение его было затруднено или невозможно, авиация тем самым решала очень важные оперативно-тактические задачи.

Наиболее выгодным оказалось применение штурмовой и бомбардировочной авиации в ходе прорыва, когда оживала недостаточно подавленная оборона противника и открывалась возможность быстро обнаруживать и поражать цели.

Непрерывность поддержки наступления в сочетании с массированными ударами являлась лучшей формой обеспечения наступления пехоты и танков в ходе прорыва.

Таким образом, огневое поражение, основанное на умелом сосредоточении крупных масс артиллерии и авиации на участках прорыва и наиболее целесообразном распределении массы огня по основным объектам и целям обороны врага, обеспечивало ее взлом, продвижение войск в ходе прорыва и в конечном итоге образование бреши на всю глубину опера-

тивного построения противника. Многие из боевого опыта планирования и осуществления артиллерийского и авиационного наступления не потеряло своего значения и в современных условиях.

6. РОЛЬ ВНЕЗАПНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Советская военная теория в предвоенные годы правильно определяла значение внезапности. В проекте Полевого устава Красной Армии говорилось: «Внезапность ошеломляет противника, парализует его волю и лишает возможности оказывать организованное сопротивление»¹. Определялись и основные способы ее достижения. Это — скрытность подготовки операции, умелый выбор направления главного удара (там, где противник его меньше всего ожидает), быстрота и решительность подготовки и ведения операции, удачное использование оперативной маскировки².

Опыт Великой Отечественной войны убедительно подтвердил чрезвычайно большую роль внезапности в наступлении и на много обогатил способы ее достижения.

Нанесение мощного внезапного удара позволяло осуществлять прорыв вражеской обороны в высоких темпах, с минимальными собственными потерями в людях и боевой технике, морально подавляло войска противника, парализовывало его волю, вносило дезорганизацию, растерянность и замешательство и тем самым создавало благоприятные условия для успешного достижения конечных целей операции.

Конкретное представление о роли и цене внезапности при прорыве в совокупности с другими факторами можно получить при сравнении отдельных показателей в некоторых операциях третьего периода войны.

Так, в Яско-Кишиневской операции, в которой была достигнута внезапность, тактическая зона обороны противника на глубину 12—16 км была прорвана войсками 2-го Украинского фронта за 5 часов. В Львовско-Сандомирской операции, где переход наших войск в наступление не явился неожиданным для противника, 1-му Украинскому фронту потребовалось трое суток. В Восточно-Прусской операции прорыв тактической зоны обороны войсками 2-го Белорусского фронта был завершён на третий день, а 3-го Белорусского фронта — на пятый-шестой день. Потери войск 2-го и 3-го Украинских фронтов на первом этапе Яско-Кишиневской операции соста-

¹ Полевой устав Красной Армии (проект). М., Воениздат, 1941, ст. 8.

² См.: Оперативный словарь. М., изд. АГШ КР, 1940, с. 49.

виды около 11 тыс. человек¹, 2-го и 3-го Белорусских фронтов при прорыве тактической зоны обороны в Восточно-Прусской операции — свыше 64 тыс. человек²; а трех Прибалтийских и Ленинградского фронтов на первом этапе наступления в Прибалтике — 146 тыс. человек³.

Учитывая огромное значение внезапности, Ставка, командования фронтов и армий в ходе войны уделяли этой проблеме постоянное внимание, что позволило на основе обобщения боевого опыта выработать целый ряд мероприятий, обеспечивших высокую степень достижения внезапности. Они охватывали весь процесс подготовки операции, а в третьем периоде войны ряд из них осуществлялся и в ходе ее.

Во время планирования операций для достижения внезапности ограничивался круг лиц, знающих содержание замысла. В целях сохранения секретности в разработке плана операций обычно участвовало 2—3 человека от фронта и не больше от Генерального штаба⁴. Запрещались также переписка и переговоры по техническим средствам связи по вопросам, связанным с подготовкой операций. В 1943 г. был введен режим радиомолчания.

Маршал А. М. Василевский в своей книге пишет, что по существовавшим во время войны законам, установленным Ставкой, даже ответственным работникам Генерального штаба, участникам всех заседаний Государственного Комитета Обороны и совещаний в Ставке Верховного Главнокомандования, на которых рассматривались вопросы оперативно-стратегического порядка, запрещалось в свои рабочие тетради записывать что-либо, кроме общих, правда, основных, но ничего не говорящих для постороннего человека фраз и цифр. Такая строгость в этом вопросе во время войны была совершенно оправдана⁵.

Для более длительного сохранения в тайне замысла операции и ее подготовки задачи до соответствующих командиров и войск доводились последовательно, по мере приближения сроков наступления и только в части, их касающейся. За 8—15 дней до начала наступления задачи получали командующие армиями, за 5—10 дней — командиры корпусов, за 3—5 дней — командиры дивизий. В оставшиеся дни задачи доводились до командиров частей и подразделений. Личному со-

¹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 3, Воениздат, 1958, с. 789.

² См.: Там же, т. 4, М., Воениздат, 1958, с. 69.

³ См.: Там же, т. 3, с. 789.

⁴ См.: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1973, с. 295.

⁵ См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 5, 6.

ставу они объявлялись обычно после занятия войсками исходного положения для наступления.

Целый комплекс мероприятий проводился для скрытия от противника подготовки операций.

Соединения ударных группировок обычно находились на большом удалении от линии фронта и в стороне от намеченных направлений ударов. Войска располагались скрытно, тщательно маскировались. Штаб фронта ежедневно с воздуха осуществлял контроль за скрытым расположением войск. До начала наступления запрещалось выдвигать вновь прибывающие войска в непосредственное соприкосновение с противником.

Для скрытого проведения рекогносцировок работа командиров на них планировалась так, чтобы на переднем крае и в исходном районе не скапливалось много групп, а ее окончание позволяло показать отход подразделений в глубину после ночного дежурства. Как правило, участники рекогносцировок переодевались в солдатскую форму и вооружались их огнестрельным оружием.

Более сложной задачей было скрыть размещение в исходном районе огромного количества наблюдательных пунктов, работа которых начиналась за несколько дней до занятия войсками исходного положения для наступления. Чтобы не дать возможности противнику обнаружить развертываемую сеть визуального наблюдения и по ней определить подготовку наступления, оптические приборы, вновь оборудуемые наблюдательные пункты, средства связи и личный состав разведывательных органов тщательно маскировались.

Для достижения внезапности огромное значение имело сохранение в исходном районе для наступления установившегося режима жизни войск. В этих целях войскам объявлялся режим их жизни, устанавливалась строгая комендантская служба в районах развертывания сети наблюдательных пунктов, подготовки огневых позиций артиллерии, на дорогах, в районах размещения войск. Пристрелка целей и участков подавления проводилась только пристрелочными орудиями, по одному на полк (бригаду) с последующим перерасчетом данных для всех батарей.

Крайне трудно было скрыть от противника мероприятия по инженерному обеспечению прорыва, особенно оборудование исходного района и проделывание проходов в минных полях. Чтобы уменьшить объем инженерных работ в исходных районах, оборудование их проводилось под видом усиления оборонительных позиций задолго до начала операций и на широком фронте. Если определялись участки прорыва, то обычно оставалось только дооборудовать их, т. е. отрыть небольшое количество траншей для размещения пехоты, оборудовать огневые позиции и наблюдательные пункты для артиллерии. В ряде операций и эти работы выполнялись заблаговременно.

Продельвание проходов в минных полях начиналось: своих — за несколько ночей, противника — за одну-две ночи до начала наступления. Самым опасным в этот момент был возможный захват саперов разведкой противника. В целях отражения ее вылазок организовывалась охрана саперов, готовилось прикрытие их артиллерией.

Достижение внезапности во многом зависело от скрытого занятия войсками исходного положения для наступления. Сложность состояла в том, что на ограниченную площадь исходного района нужно было выдвинуть огромное количество войск и техники и в течение суток сохранить установившийся режим жизни войск в этом месте.

В целях скрытого занятия войсками исходного положения для наступления оно проводилось обычно только в последние две ночи перед наступлением. К утру все выдвинутые в исходный район войска тщательно маскировались. Чтобы заглушить шум многочисленных моторов, применялась ружейно-пулеметная стрельба, непрерывные полеты ночной авиации, работа специальных звуковых станций.

Для того чтобы мероприятия, намеченные по оперативной маскировке, выполнялись точно и полно, устанавливалась строгая ответственность командиров и всего личного состава, вплоть до наказания по законам военного времени. В сочетании с жесткой комендантской службой это позволяло скрытно провести крупные мероприятия, сохранить неизменным в исходном районе для наступления режим жизни войск и тем самым способствовать достижению внезапности.

Наиболее вероятные направления нашего наступления противник всегда держал под тщательным наблюдением большинства видов разведки, особенно когда обнаруживал некоторые признаки его подготовки. Чтобы исключить проникновение разведки противника к интересующим его объектам, организовывалось тщательное прикрытие войск. На переднем крае усиливались наблюдение и охрана, в районах расположения выставлялось охранение, осуществлялся контроль за передвигающимися людьми. Исходные районы, районы расположения войск прикрывались зенитной артиллерией и авиацией.

В целях лишения агентурной разведки возможности установить наблюдение за движением войск с осени 1942 г. было введено отселение гражданского населения из 25-километровой прифронтовой полосы.

Широкое применение в годы войны получила разведка боем накануне прорыва. Вначале она проводилась по инициативе командиров соединений и частей и носила тактический характер. Начиная с контрнаступления под Сталинградом, разведка боем приобрела оперативный характер. Если она велась достаточно большим числом передовых батальонов, то

противник нередко принимал ее за начало общего наступления и подтягивал к обозначившимся участкам свои тактические резервы, чтобы отразить повторные атаки. На следующий день резервы накрывались огнем в период артиллерийской подготовки. Поражение резервов облегчало ведение прорыва, ибо им наносились известные потери. Не менее важным было и то, что массированный огонь наносил резервам психологический ущерб, от чего у них снижался боевой дух и они с меньшей уверенностью шли в контратаки или удерживали занимаемые позиции.

Но уже в конце второго периода войны и особенно в третьем ее периоде разведка боем, проводимая за 1—2 суток до начала наступления, превратилась в убедительный признак скорого начала наступления. Это мешало нашим войскам добиться тактической внезапности.

Чтобы лишить противника возможности определять по разведке боем время начала наступления и вероятные участки прорыва, командования фронтов стали приближать ее проведение к началу атаки, совмещая в ней цели разведки и попытки ограниченными силами прорвать первую позицию, а затем развить успех главными силами дивизий первого эшелона (Висло-Одерская, Берлинская операции).

В условиях усложнения вооруженной борьбы, увеличения состава ударных группировок при непрерывном улучшении способов и средств разведки противника достичь внезапности путем проведения мероприятий по скрытию намерений без действенной дезинформации и обмана противника становилось все труднее. В связи с этим в операциях второго и особенно третьего периодов войны оперативная маскировка все более насыщается мероприятиями по введению противника в заблуждение относительно истинных направлений наносимых ударов. Они становятся очень важной частью планирования и подготовки операций. Для обмана противника Ставка и фронты создавали крупные ложные группировки на стратегическом или операционном направлении, активизировали наступательные действия на второстепенных направлениях с целью отвлечь туда резервы и внимание противника, использовали для дезинформации исторические аналогии (традиционных направлений в политике) и т. д.

За основу ложных группировок чаще бралась имитация расположения и деятельности одной или нескольких общевойсковых и особенно танковых армий.

Ложные группировки создавались на убедительном оперативно-стратегическом направлении и умело показывались противнику различными демаскирующими признаками, в том числе и агентурной разведкой. Удаление их от направления главного удара выбиралось таким, чтобы группировка войск, созданная противником для парирования удара на ложном

направлении, могла быть переброшена не ранее чем через сутки после начала прорыва на истинном направлении (в Корсунь-Шевченковской операции — в 50—60 км, в Берлинской (1-й Белорусский фронт) — 90 км).

Обман противника о направлении главного удара достигался и сохранением группировки войск, особенно танковых армий, сложившейся в предыдущих операциях или в конце минувшей кампании. Примером этого являлось сохранение пяти танковых армий на Юго-Западном стратегическом направлении перед летне-осенней кампанией 1944 г.

Создаваемые ложные группировки показывались и сопровождались демонстративными действиями на всех этапах их образования, начиная с перемещения войск и их тылового базирования и кончая занятием исходного положения для наступления.

Усложнение возможностей достижения внезапности привело и к централизации разработки мероприятий по ее достижению. Основным органом, который определял комплекс мер по достижению стратегической и оперативной внезапности, стала Ставка Верховного Главнокомандования. Именно она еще задолго до постановки задач определяла, какие из них должны проводить те или иные фронты, чтобы скрыть направления стратегических ударов и участки прорыва в намечаемых операциях.

На основании указаний Ставки фронты разрабатывали планы по оперативной маскировке, а также различные распоряжения и указания.

Планирование оперативной маскировки возглавлял начальник штаба фронта, при котором создавалась специальная группа офицеров. Она использовала весь накопленный опыт достижения внезапности и применяла его с учетом сложившейся оперативно-стратегической обстановки.

Оперативная маскировка организовывалась и проводилась на основе четко определившихся принципов: централизации всех мероприятий (разработка мероприятий по оперативной маскировке по единому замыслу и при едином руководстве); активности, проявлявшейся в настойчивости проведения намеченных мероприятий; убедительности и правдоподобности ложных мероприятий по отношению к истинным по характеру действий, масштабам, времени, месту или другим косвенным признакам, присущим создаваемым объектам или действиям войск; непрерывности, означавшей постоянное, как боевая жизнь войск, проведение мероприятий, и, наконец, разнообразия, т. е. нешаблонного, творческого их применения в конкретно сложившейся оперативно-стратегической обстановке.

Важными путями достижения внезапности при прорыве в годы войны являлись: применение новых приемов в использовании средств борьбы, неожиданных для противника приемов

действий войск при переходе в атаку; умелое использование местности, метеорологических условий и времени суток; неожиданный перенос усилий с одного направления на другое; смелый и решительный маневр в ходе операции. Несомненно, что изучение богатейшего опыта минувшей войны с учётом новых условий может принести большую помощь при разработке современной теории обеспечения внезапности и всесторонней подготовке командиров, штабов и войск.

7. ПРОРЫВ ТАКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ОБОРОНЫ (Схема 24)

Прорыв главной полосы обороны

В наступательных операциях Великой Отечественной войны было применено несколько способов прорыва обороны: при подходе с марша и с рубежа непосредственного соприкосновения с противником, как рекомендовал Временный Полевой устав 1936 г., с ходу и с подготовкой атаки в ограниченные сроки.

Уже опыт первых операций Советской Армии (Смоленское сражение, наступление на Малую Вишеру в ноябре 1941 г.) показал, что наступление на обороняющегося противника с подхода связано с огромными трудностями, малоэффективно и не может быть основным способом, как это расценивал Временный Полевой устав 1936 г.¹

При переходе в наступление с подхода разведка не успевала хорошо вскрыть оборону противника, а артиллерия надёжно подавить ее. Из-за ограниченных сроков подготовки наступления взаимодействие войск организовывалось неконкретно, войска переходили в атаку с удаленных исходных позиций, за время подхода к переднему краю несли существенные потери, а атака получалась разрозненной, что нередко вело к ее срыву. Применение наступления с подхода оказалось возможным только в условиях неустойчивой обороны противника и при достижении скрытого подхода к ней наступающих войск. Именно благодаря этому 10-й армии Западного фронта в контрнаступлении под Москвой удалось прорвать оборону противника и быстро развить наступление в глубину.

В последующем прорыв с подхода подготовленной обороны противника применялся редко, например в Луцко-Ровенской операции, где оборона противника на ряде участков занима-

¹ З проекте Полевого устава 1941 г. наступление на подготовленную оборону и укрепленный район, как правило, рекомендовалось вести из непосредственного соприкосновения, на недостаточно развитую оборону — в день подхода. Но эти положения устава не были узаконены, поскольку ПУ-41 вышел после начала войны и не был утвержден.

лась слабыми силами. Это позволило кавалерийским корпусам проникнуть в тыл противника и вместе с ударом стрелковых войск с фронта опрокинуть оборону врага.

Наступление с подхода, разделившееся во время войны на два вида — с ходу и с подготовкой атаки в ограниченные сроки, нашло широкое применение в процессе развития операции при прорыве оборонительных рубежей в глубине.

Основным способом перехода войск в наступление на подготовленную оборону и укрепленный район был переход из непосредственного соприкосновения с противником. Опыт войны показал, что оборона противника, насыщенная многочисленными огневymi точками, хорошо укрытыми в земле и в огневых сооружениях, танками и большим количеством артиллерии, намного устойчивее, чем предполагалось. Для ее прорыва требуется сосредоточивать на направлениях ударов крупные массы войск, тщательно готовить их действия и с точностью до минуты атаковать передний край обороны противника вслед за переносом огня артиллерии в глубину. А это возможно только при тщательной подготовке прорыва и переходе войск в атаку из непосредственного соприкосновения с противником.

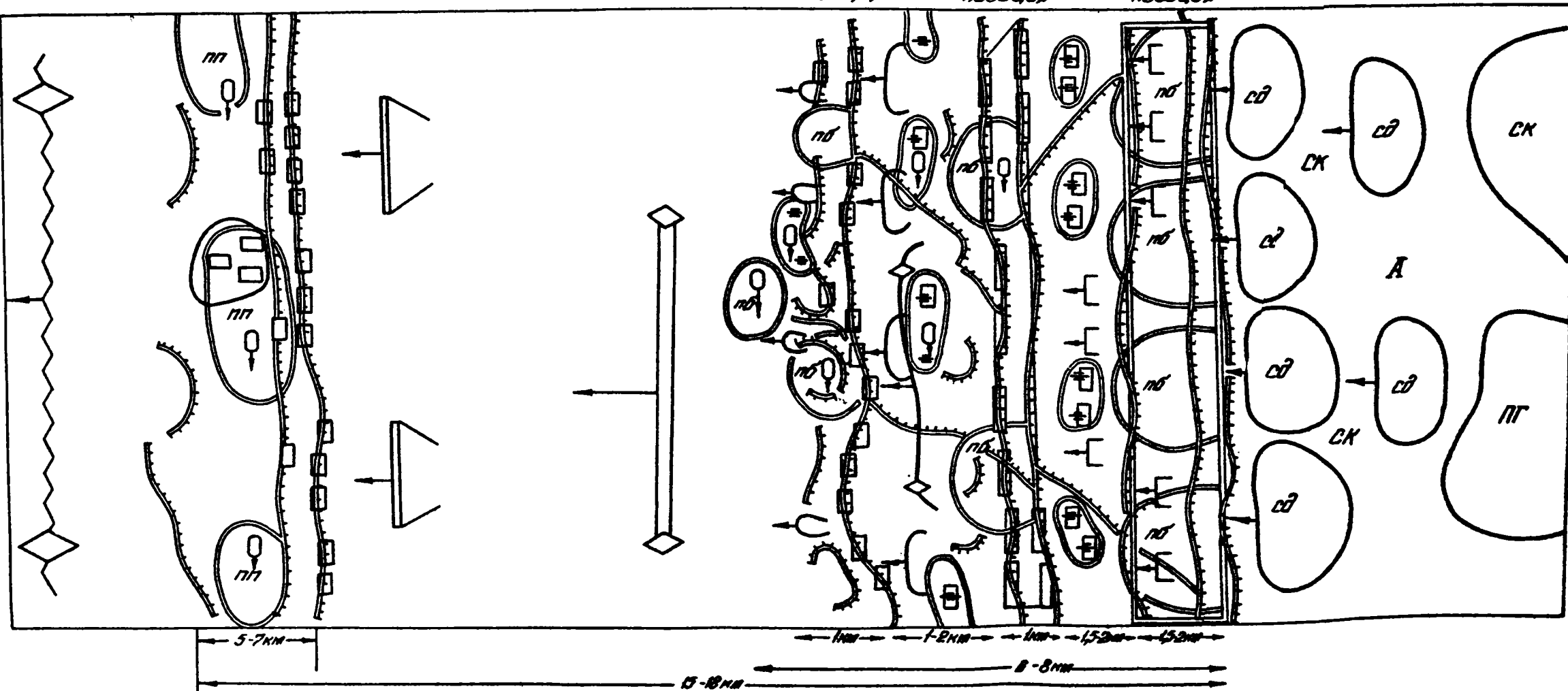
В ряде операций первого периода войны практиковался переход пехоты в атаку из исходного положения, удаленного на 600—800 м и более от противника. Но это нередко вело к тому, что противник огнем артиллерии и автоматического оружия еще до начала атаки выводил из строя значительное количество бойцов и командиров, что, естественно, отражалось на успешности ее проведения. Кроме того, при таком способе атаки, особенно если пехота была недостаточно натренирована, а командиры не всегда правильно могли рассчитать время на преодоление расстояния от исходных позиций до переднего края противника, одновременности ее добиться было трудно. А одновременная, точно согласованная с переносом огня артиллерии атака танков и пехоты всегда имела исключительно важное значение как для успешного начала наступления, так и для всего хода операции, ибо атакой предопределялся захват переднего края, на котором обычно располагалась большая часть сил полков первого эшелона противника и для обороны которого наиболее тщательно организовывалась система огня всех видов. Расстройство ее и уничтожение значительного количества пехоты и противотанковых средств в первые минуты наступления резко ослабляли устойчивость обороны противника и создавали в ней слабые участки, развитие атаки в которых позволяло быстро сокрушать оборону первой позиции, а затем и второй — основу обороны главной полосы.

Все это предопределяло необходимость приближения первой траншеи, из которой пехота переходила в атаку, на удале-

Вторая полоса обороны

Главная полоса обороны!
Третья позиция Вторая позиция Первая позиция

Узб. НИ-8-6а Зап. №008 18772

Условные обозначения

ние 150—300 м от переднего края противника. Если же достигнуть этого не удавалось, то пехота в ночь перед наступлением или во время артиллерийской подготовки атаки выдвигалась вперед на 200—300 м от переднего края противника, где оккупывалась и организовывала наблюдение. Танки в это время выходили на исходные позиции, с которых и переходили в атаку. Эти положения были закреплены в проекте Полевого устава Красной Армии 1943 г. ¹.

Совмещение исходного положения с рубежом атаки в первой траншее, приближенной к противнику на 200—300 м, обеспечивало укрытое расположение пехоты до перехода в атаку, что положительно сказывалось на ее морально-психологическом настроении, а также дружную и одновременную атаку.

В ряде операций (Острогжско-Россошанская, Витебско-Оршанская, Висло-Одерская) был применен новый способ перехода в атаку — передовыми батальонами с развитием их успеха главными силами дивизий. Ценность этого способа состояла в том, что он позволял одновременно провести разведку боем и, если оказывалось, что оборона противника слабая или потеряла устойчивость под ударом передовых батальонов, развить успех основными силами полков и дивизий первого эшелона, которые вводились в бой после прорыва первой позиции, чем наращивалась сила удара и достигался быстрый прорыв всей главной полосы обороны противника.

Начало наступления передовыми батальонами после проведения короткой артиллерийской подготовки в случае удачного прорыва позволяло экономить боеприпасы, силы и средства. Однако этот способ атаки оказывался эффективным только в условиях полного достижения внезапности на участках, где плотность и глубина расположения войск противника в обороне были небольшими или его войска теряли психологическую устойчивость от мощного огневого удара.

Глубина атаки, т. е. безостановочного движения первого эшелона пехоты и танков, в годы Великой Отечественной войны возрастала по мере увеличения мощи огневого поражения обороны противника, насыщения атакующих войск танками, орудиями сопровождения, инженерными подразделениями, а также повышения качества организации взаимодействия.

В наступательных операциях первого периода войны атака ограничивалась обычно захватом переднего края и опорных пунктов первой линии полосы обороны противника ². Небольшая глубина атаки определялась слабым подавлением противника артиллерийским огнем и ударами авиации, потерей

¹ Полевой устав Красной Армии (проект). М., Воениздат, 1943, ст. 217—221.

² См.: Петрусь П. М. Развитие тактики наступательного боя стрелковой дивизии в Великой Отечественной войне. М., ВАФ, 1958, с. 44.

внезапности, плохой организацией взаимодействия войск. Крайне отрицательно на успехе атаки сказывался разрыв между окончанием артиллерийской подготовки и броском пехоты и танков на передний край противника. Артиллерия зачастую ограничивалась проведением артиллерийской подготовки и не осуществляла поддержку атаки, а если и осуществляла, то без достаточного согласования перемещения огня с развитием атаки танков и пехоты. Слабая поддержка объяснялась недостатком боеприпасов, большим удалением наблюдательных пунктов и огневых позиций артиллерии от танков и пехоты. Орудия сопровождения на поле боя передвигались вручную, что не позволяло им поспевать не только за танками, но и за пехотой. В то же время у танкистов было мало радийных танков. Это не давало возможности использовать отдельные из них в качестве наблюдательных пунктов для своевременной поддержки огнем пехоты и танков и меткой стрельбы артиллерии.

Сами пехота и танки слабо использовали силу огня своего оружия для уничтожения целей противника на поле боя и неумело выходили броском вперед из-под огня артиллерии и минометов. Танки, ведя атаку на больших скоростях, быстро отрывались от пехоты, их взаимодействие с ней, а также с артиллерией нарушалось. Это вело к разрозненным их действиям, а командиры еще не приобрели достаточных навыков, чтобы быстро восстанавливать нарушенное взаимодействие¹.

Задержка атаки давала противнику возможность подводить к участку прорыва тактические резервы и проводить ими контратаки. Если контратаки проводились пехотой с танками, то противнику нередко удавалось потеснить атакующие войска, поскольку командиры не научились еще надежно закреплять занятые рубежи и срывать контратаки массированным огнем артиллерии и ударом авиации в их зародыше.

Для возобновления наступления обычно требовалось несколько часов. Иногда оно возобновлялось только на следующий день. Все это вело к снижению темпов и увеличению времени на прорыв.

Во втором периоде войны глубина атаки ограничивалась глубиной поддержки ее артиллерией последовательным сосредоточением огня или огневым валом, т. е. от 500 до 2000 м. В контрнаступлении под Сталинградом глубина ее составляла 500—800 м, в Орловской операции — 500—1000 м, в Белгородско-Харьковской операции — 1,5—2 км.

Глубина атаки, являвшаяся исключением для второго периода войны, стала типичной для третьего ее периода, особенно с лета 1944 г. В ряде операций (Белорусская, Висло-Одер-

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., Воениздат, 1947, с. 28, 29, 38—40.

ская) она возросла до 3—4 км. Однако не на всем участке прорыва атака на такую глубину шла безостановочно, ибо в какие-то моменты противник после переноса огня в глубину оказывал пехоте и танкам сопротивление и приходилось заново подавлять его.

Развитие атаки в глубину в первом периоде войны, когда ощущался недостаток огневых средств, обычно осуществлялось вводом вторых эшелонов полков и дивизий, который обеспечивался непродолжительным огнем налетом. Усилия их зачастую нацеливались непосредственно на опорные пункты. Если же применялись обходы и охваты, то развитие атаки в глубину проходило более успешно. Иногда охваты и обходы завершались окружением опорных пунктов противника. Но выделение значительного количества сил для их овладения, особенно за счет первого эшелона, отрицательно сказывалось на развитии атаки в глубину, а следовательно, и на темпах прорыва главной полосы обороны.

Несмотря на то, что до лета 1942 г. главная полоса обороны противника имела глубину всего 3—4 км, для завершения ее прорыва часто приходилось атаку повторять несколько раз. Прорыв обороны на всю глубину осуществлялся за 2—3 суток и лишь иногда (Погорело-Городищенская операция) — за один день.

Развитие прорыва главной полосы обороны носило затяжной характер и потому, что войска, израсходовав боеприпасы на артиллерийскую подготовку и поддержку атаки, слабо сопровождалась огнем артиллерии. Как свидетельствует Маршал Г. К. Жуков, из запланированных на первую декаду января 1942 г. боеприпасов фронту было подано: 82-мм мин — 1%, артиллерийских выстрелов — 20—30%, а в целом за январь — 2,7—55% выстрелов¹. При низких плотностях танков основная тяжесть прорыва ложилась на пехоту, легко уязвимую от огня артиллерии и автоматического оружия противника, что, естественно, сказывалось на темпах прорыва.

Очень существенной причиной низких темпов прорыва в зимней кампании 1941/42 г. являлось то, что группировки войск, осуществлявшие прорыв, не располагали сильными моторизованными подвижными группами. Подвижные группы из кавалерийских корпусов не обладали необходимой пробивной силой для завершения прорыва оборонительных полос, достаточной подвижностью, чтобы развить удар в глубину, расширить оборону противника и позволить войскам вести прорыв в более быстром темпе.

Обретение советскими войсками боевого опыта, появление в составе ударных группировок сильных подвижных групп

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 57.

позволило сделать процесс прорыва безостановочным не только на глубину главной полосы, но нередко и всей тактической зоны обороны. Так, в контрнаступлении под Сталинградом большинство танковых корпусов было введено в сражение на глубине от 0,5 до 5 км, т. е. для развития атаки или завершения прорыва главной полосы обороны¹. Это позволило нарастить усилия стрелковых дивизий и быстро выйти в район основных артиллерийских позиций противника. При высоком темпе продвижения танковых бригад артиллерия противника не успевала изготoвиться к отражению их атак, и они довольно успешно громили артиллерийские батареи. После преодоления главной полосы танковые корпуса смогли устремиться в глубину обороны противника, а стрелковые дивизии завершить разгром его пехоты в тактической зоне обороны.

С переходом противника к позиционной обороне развитие атаки изменилось. В связи с тем, что первый эшелон полков прорывал сквозной атакой обычно только первые две траншеи и овладевал районами расположения противотанковых средств противника, для завершения прорыва первой позиции и овладения без задержки второй в бой вводились вторые эшелоны полков. В отдельных случаях, когда первому эшелону полков удавалось овладеть всей первой позицией, вторые эшелоны полков вводились в бой для прорыва второй позиции. Атака ее чаще всего начиналась после огневого налета, во время которого пехота и танки сближались с противником и сразу после окончания налета атаковывали его.

Сопротивление противника обычно нарастало при завершении прорыва первой позиции или перед второй позицией, когда заканчивалась поддержка атаки пехоты и танков артиллерией, значительная часть которой начинала смену огневых позиций, и сила огня ее падала; в бою за первую позицию несли потери и танки.

В целях усиления атакующего эшелона и быстреего прорыва второй позиции противника, чем надламывалась устойчивость главной полосы его обороны, в бой вводились вторые эшелоны дивизий — в промежутки между полками первого эшелона или, в исключительных случаях, перекастом через их боевые порядки. Предпочтение отдавалось тем направлениям, где можно было добиться скорейшего развития удара в глубину. Для обеспечения ввода в бой вторых эшелонов дивизий проводился мощный огневой налет.

Прорыв второй позиции противника обычно существенно менял условия ведения прорыва главной полосы. Артиллерия противника под угрозой выхода атакующих войск в район ее расположения начинала спешно менять огневые позиции. По-

¹ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 1. М., Воениздат, 1944, с. 12, 26, 45.

этому огонь артиллерии ослабевал. Это вело не только к уменьшению огневого сопротивления противника, но и к понижению устойчивости пехоты противника на занимаемых позициях, что открывало перспективы для быстрого завершения прорыва главной полосы обороны.

Однако и наступающие войска в связи со сменой в это время около половины огневых позиций артиллерии, с потерей определенной части танков непосредственной поддержки пехоты лишались значительной силы огня и удара, что ограничивало их возможности для рывка вперед. Это грозило снижением темпов прорыва, а противнику позволяло выиграть время для переноса усилий на вторую полосу, что вело к усложнению условий прорыва ее с ходу.

Проблема завершения прорыва главной полосы обороны и развития наступления на вторую полосу решалась обычно вводом в бой вторых эшелонов корпусов или подвижных групп.

Для ввода вторых эшелонов корпусов требовалось много времени. Они не обладали достаточной силой удара, поскольку у них, как правило, отсутствовали танки. Развитие наступления ко второй полосе осуществлялось медленно, так как они продвигались пешим порядком. Все это вынуждало наше командование для завершения прорыва главной полосы и наступления на вторую полосу вводить в сражение подвижные группы армий, а в ряде случаев и фронтов. Бронетанковые войска успешно компенсировали ослабление огня артиллерии и снижение ударов танков непосредственной поддержки пехоты. Обладая высокой проходимостью, они колоннами выходили к району огневых позиций артиллерии противника, где развертывались в боевые порядки, и совместно с пехотой при поддержке специально назначенной артиллерии атаковывали третью позицию противника. Массы танков оказывали на врага большое психологическое воздействие, и он обычно не выдерживал их удара. Главная полоса обороны противника оказывалась прорванной, что создавало условия для быстрого наступления ко второй полосе обороны.

Прорыв второй полосы обороны

В предвоенные годы теория прорыва второй полосы обороны включала ряд принципиальных положений. Так, в проекте Полевого устава 1941 г. говорилось: «При прорыве развитой обороны планом боя необходимо предусмотреть овладение второй оборонительной полосой».

Авиация совместно с дальнобойной артиллерией должна воспрепятствовать организованному занятию противником второй оборонительной полосы.

При успешном развитии наступления следует стремиться

к захвату второй оборонительной полосы с ходу»¹. Для захвата второй полосы с ходу рекомендовалось создавать в корпусе передовые отряды из моторизованной пехоты, танков и артиллерии, а их действия поддерживать авиацией.

Если же противник успел заблаговременно занять вторую полосу и она к тому же недостаточно разведана, то прорыв ее предусматривался после перегруппировки, которая для ускорения начала атаки могла проводиться еще в ходе боя.

Проблема прорыва второй полосы в ходе Великой Отечественной войны возникла в 1942 г., когда противник начал создавать ее в своей обороне. Сложность состояла в том, что вторая полоса располагалась вне досягаемости основной массы огня артиллерии. Она не просматривалась с наземных наблюдательных пунктов, и разведка целей на ней могла осуществляться только авиацией. На угрожаемых направлениях вторая полоса заблаговременно занималась резервами или их выдвижение предусматривалось во время боя за главную полосу обороны. Для прорыва второй полосы всей ударной группировкой необходимо было переместиться на 10—15 км вперед и почти заново подготовиться к прорыву или вести наступление так, чтобы упредить резервы противника в занятии на ней позиций и воспретить ему образование сплошного фронта.

В операциях Великой Отечественной войны применялись различные способы прорыва второй полосы: с ходу, с подготовкой атаки в ограниченные сроки, после планомерной подготовки наступления. Прорыв с ходу проектом Наставления по прорыву позиционной обороны 1944 г. считался основным и по существу включал два способа — истинно с ходу, когда войска, используя незанятые или слабо занятые участки второй полосы обороны, без задержки вклинивались в нее и завершали прорыв, и с подготовкой атаки в ограниченные сроки, когда на подготовку к прорыву отводилось не более суток. Прорыв с планомерной подготовкой атаки применялся тогда, когда вторая полоса оказывалась заблаговременно занятой сильными резервами и на подготовку прорыва затрачивалось 1—2 дня (3-я гв., 13-я армии в Львовско-Сандомирской операции; 8-я гв., 5-я ударная армии в Берлинской операции).

Время подготовки войск к прорыву второй полосы в основном лимитировалось возможностями артиллерии подготовиться к огневому поражению противника. Оно колебалось от 3—5 часов до суток. Так, соединения 8-го гв. стрелкового корпуса с 5-м танковым корпусом для подготовки к прорыву второй полосы обороны в Орловской операции затратили ночь с 12 на 13 июля и несколько часов светлого времени 13 июля, соединения 10-й гв. армии и 2-го гв. танкового корпуса в Смоленской операции — сутки.

¹ Полевой устав Красной Армии 1941 г. (проект), ст. 165.

Прорыв второй полосы осуществлялся подвижными группами и общевойсковыми армиями.

В целях ускорения подготовки прорыва второй полосы обороны противника планирование его, как требовал проект Наставления по прорыву позиционной обороны, осуществлялось во время подготовки операции¹, а уточнялось командующими армиями в ходе завершения прорыва главной полосы обороны (Висло-Одерская операция — 1-й Белорусский фронт). После уточнения решений боевые распоряжения отдавались в первую очередь передовым отрядам, основной задачей которых было, не ввязываясь в бои с отходящими войсками и арьергардами противника, как можно быстрее выйти ко второй полосе его обороны и захватить на ней участки, с которых можно было бы развить прорыв на всю ее глубину. В случае неудачи на одном направлении они должны были предпринять атаки на других направлениях, попутно выясняя систему огня противника.

Данные передовых и разведывательных отрядов, авиационной и артиллерийской разведки клались в основу решений командиров танковых (механизированных) и стрелковых корпусов, которые теперь являлись основными организаторами прорыва. При захвате передовыми отрядами участков обороны на второй полосе в направлении наметившихся успехов они с ходу вводили первые эшелоны бригад (дивизий), которые и развивали успех. Если бой передовых отрядов показывал, что противник прочно занял вторую полосу, то командиры корпусов на основании указаний командующего армией принимали решения на прорыв ее с подготовкой атаки в ограниченные сроки или с планомерной подготовкой.

В условиях, когда короткие сроки не позволяли тщательно организовать наступление, а значительная часть артиллерии, принимавшая участие в прорыве главной полосы обороны, возвращалась в свои соединения, успех прорыва второй полосы во многом определялся ударами в слабые места, если удавалось нанести их с ходу без сколько-нибудь длительной задержки перед полосой обороны. Именно ударом в слабое место, обнаруженное на фланге 11-й танковой дивизии противника, 3-му механизированному корпусу 1-й танковой армии удалось прорвать вторую полосу обороны в Белгородско-Харьковской операции.

Не занятые или слабо занятые войсками противника участки обороны на второй полосе образовывались в тех случаях, когда прорыв главной полосы проходил в достаточно высоком темпе (5-я и 65-я армии в Белорусской операции), оборонявшие ее войска несли большие потери, а преследование в меж-

¹ См.: Наставление по прорыву позиционной обороны (проект). М., Воениздат, 1944, ст. 264.

полосном пространстве велось по меньшей мере так, что отходящие войска противника или его выдвигающиеся резервы не успевали занять на ней все районы обороны или организовать надежную систему огня. При поспешном переходе к обороне противник, как правило, стремился занять в первую очередь те места, которые перекрывали наиболее опасные в тактическом отношении направления, т. е. высоты, населенные пункты, узлы дорог и т. п. Промежутки между ними, особенно в труднодоступных местах, оставались слабо прикрытыми и, следовательно, более уязвимыми.

Когда противнику все же удавалось образовать сплошной фронт обороны на менее доступных и второстепенных направлениях, глубина его обороны, как правило, оказывалась небольшой. Именно в таких местах нашим войскам чаще всего удавалось вклиниться во вторую полосу и путем развития удара в глубину и в сторону флангов завершить ее прорыв.

Примером такого прорыва могут служить действия 66-го стрелкового корпуса 37-й армии в Яско-Кишиневской операции. Противник, потеряв первую полосу обороны, рядом контратак стремился сковать действия первого эшелона корпуса и тем самым выиграть время для организации обороны южнее Каушаны. Учитывая сложившуюся обстановку, командир корпуса решил прорвать полосу обороны на слабо обороняемом направлении. Введя в бой дивизию из второго эшелона, он создал решительное превосходство над противником, что в сочетании с ее быстрым выдвиганием ко второй полосе и предопределило прорыв с ходу.

Слабые участки в обороне второй полосы часто возникали в результате быстрых действий частей и соединений подвижных войск. Использование их успеха зачастую вело к быстрому прорыву второй полосы обороны стрелковыми соединениями (69-я армия в Висло-Одерской операции).

Слабый участок второй полосы обороны нередко бывал менее доступным или удобным для ведения прорыва. И все же при принятии решения такому участку отдавали предпочтение, ибо удар на таком участке способствовал достижению внезапности. Противник менее всего ожидал его здесь, атакующие войска быстро и без помех со стороны резервов проникали в глубину обороны, чем и предreshали прорыв второй полосы.

Успех прорыва второй полосы во многом определялся умелым массированием войск в условиях, когда они понесли уже значительные потери, часть средств усиления у них была изъята, а полосы наступления значительно расширились. Необходимые плотности войск создавались в первую очередь путем решительного сужения участков прорыва соединений.

Обычно к моменту подхода дивизий и корпусов ко второй полосе обороны фронт их наступления расширялся в 1,5—

2 раза. Например, в Орловской операции в начале прорыва ширина полосы наступления 8-го гв. стрелкового корпуса была 4 км, на второй день, т. е. при бое за вторую полосу, она возросла до 7 км. Расширилась также полоса наступления 35-го стрелкового корпуса в Яско-Кишиневской операции¹. С учетом потерь и уменьшения средств усиления это в 3—4 раза снижало плотности войск. Чтобы иметь достаточные плотности сил и средств, усилия соединений сосредоточивались примерно на половине полосы наступления. Так, в Восточно-Прусской операции для 250-й стрелковой дивизии участок прорыва был определен в 1,8 км при ширине полосы наступления 3,5 км². Примерно такая же ширина участков прорыва дивизий (1,5—2 км) была в большинстве операций, в которых приходилось осуществлять прорыв второй полосы с подготовкой атаки в ограниченные сроки. Это позволяло создавать над обороняющимся противником выгодное превосходство в силах и средствах и добиваться успеха прорыва.

Количество участков прорыва определялось условиями, в которых проходило наступление в тактической зоне обороны.

Командующие армиями, принимая или уточняя решение на прорыв второй полосы, обычно определяли для корпусов один участок прорыва, преимущественно на стыке наступающих соединений. Это позволяло сосредоточить на нем основную массу сил и средств без сложных перегруппировок и в процессе подхода войск ко второй полосе. Иногда их было больше, если удавалось захватить на второй полосе несколько участков, развитие наступления в которых было перспективным. Когда же противник успевал прочно занять оборону на второй полосе, армия прорывала ее и на одном участке, на котором объединялись усилия двух корпусов и средств самой армии.

Анализ прорыва второй полосы обороны в годы войны показывает, что если даже она занималась войсками противника поспешно, то создавалось значительное превосходство: 5—8-кратное по артиллерии и 2—3-кратное по пехоте и танкам. Таким его удавалось достичь при плотностях войск: три стрелковых батальона, около 100 орудий и 6—10 танков НПП на 1 км участка прорыва. В подвижных группах плотности войск на 1 км участка прорыва составляли 50—90 орудий и минометов, 30—50 танков и один-два мотострелковых батальона.

В ряде операций для прорыва второй полосы удавалось создавать и более высокие плотности войск. Так, в Выборгской операции в полосе наступления 90-й стрелковой дивизии 108-го стрелкового корпуса средние плотности на участке про-

¹ См.: Прорыв подготовленной обороны противника стрелковыми соединениями. М., 1957, с. 11, 25.

² ЦАМО, ф. 310, оп. 21360 сс, д. 1, лл. 86—90.

рыва достигали 124 орудия и миномета, около четырех стрелковых батальонов на 1 км.

Взлом второй полосы обороны осуществлялся в основном мощным огневым налетом или короткой 20—40-минутной артиллерийской подготовкой, во время которых пехота и танки приближались к обороне противника и с их окончанием атакывали передний край.

Поддержка атаки обычно велась последовательным сосредоточением огня или огнем по вызову. Но если разведкой устанавливалось, что вторая полоса обороняется прочно, то для поддержки атаки применялся огневой вал. Так было в полосе наступления 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии 17 апреля 1945 г. при прорыве второй полосы обороны противника, проходившей по Зееловским высотам.

Успех атаки, в этом случае, как и при прорыве главной полосы обороны, во многом зависел от одновременности атаки на участке прорыва и решительности действий войск, развивающих успех, достигнутый передовыми отрядами.

В целях достижения непрерывного огневого взаимодействия пехоты и танков последним при атаке обычно рекомендовалось не отрываться от пехоты более чем на 200—300 м, и лишь тогда, когда сопротивление обороняющихся войск оказывалось надломленным, танки часто с десантом устремлялись к важным тактическим пунктам или в глубину, что вело к расчленению обороны на второй полосе и к ее крушению.

Пониженная устойчивость войск, оборонявших вторую полосу обороны, была характерной чертой такой обороны. Поэтому одновременно с охватами и обходами опорных пунктов применялись диверсионные отряды. Проникая в тыл противника, они вызывали панику среди его обороняющихся подразделений или существенно подрывали их уверенность. Так, при прорыве войсками 8-й гв. армии второй полосы обороны в Берлинской операции с этой целью от каждой дивизии высылались диверсионные отряды в составе 30—40 человек каждый. Уничтожая линии связи, радиостанции, штабы, они дезорганизовывали управление, чем подрывали уверенность обороняющихся войск и способствовали наступающим войскам в прорыве второй полосы обороны.

Для быстрого прорыва второй полосы обороны большое значение имело также своевременное и согласованное использование успеха соседей, особенно танковых и механизированных соединений. Ввод даже части сил через брешь, образованную соседом, намного облегчал и ускорял прорыв обороны в полосе соединения и в целом объединения.

Вторая полоса обороны для противника чаще всего была последним рубежом, на котором представлялось возможным предотвратить прорыв наступающих войск в оперативную глубину. Поэтому противник нередко предпринимал отчаянные

контратаки с целью не столько восстановления положения, сколько для того, чтобы ударом закрыть наметившуюся брешь и выиграть время для стабилизации положения. Для воспрепятствования стабилизации фронта обороны противника важное значение имело уничтожение опорных пунктов между участками прорыва с целью объединения их в один общий участок, что резко затрудняло противнику ликвидацию бреши одним коротким ударом и успешное отражение контратак. Срыв контратак вел к полному крушению тактической обороны и открывал наступающим войскам пути для широких маневренных действий.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны советские войска успешно решили проблему прорыва тактической зоны обороны противника на всю ее глубину объединенными усилиями различных родов войск и авиации. Принципиальные положения по ее решению, сложившиеся в последнем периоде войны, отражены на схеме 24.

Наиболее трудную задачу — прорыв главной полосы обороны — выполняли стрелковые соединения первого эшелона, усиленные артиллерией, танками, инженерными подразделениями при мощной поддержке огнем артиллерии старших начальников и авиацией. Значительное участие в тактическом прорыве принимали и оперативные объединения, а его развитие в оперативный по сути дела начиналось во время напряженной борьбы за создание бреши в тактической обороне врага.

Боевой опыт войны показал, что наиболее результативным способом прорыва второй полосы обороны противника является прорыв ее с ходу. Однако, если противник успевал прочно занять вторую полосу обороны и тем более отвести на нее войска из главной полосы, то более целесообразным было осуществлять ее прорыв после подготовки атаки в ограниченные сроки. Во всех случаях планировать прорыв второй полосы следует до начала операции, а уточнять решение — при завершении прорыва главной полосы обороны. Удар, как правило, выгодно наносить по слабым участкам обороны, создавая на них 2—4-кратное превосходство по пехоте и танкам и 4—5-кратное по артиллерии. Наряду с этим необходимо ударами артиллерии и авиации воспрепятствовать отходу войск противника с первой полосы обороны на вторую и подход к ней его резервов.

3. РАЗВИТИЕ ТАКТИЧЕСКОГО ПРОРЫВА В ОПЕРАТИВНЫЙ

Развитие тактического прорыва в оперативный включало две проблемы: быстрейшее развитие удара в глубину с целью ликвидировать попытки противника восстановить тактическую оборону или создать организованное сопротивление на новых

рубежах в оперативной глубине и расширение создаваемой брешы в сторону флангов до таких размеров, чтобы подходящие оперативные резервы вместе с отходящими войсками не могли образовать сплошной фронт в течение всего времени осуществления прорыва.

Наиболее важной и трудной была первая проблема. Решалась она в основном подвижными группами армий и фронтов при тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией, авиацией и инженерными войсками.

До битвы под Курском функции развития тактического прорыва в оперативный в основном возлагались на общевойсковые и танковые армии смешанного состава. Однако опыт показал, что в ходе развития прорыва танковые (механизированные) корпуса, наступая в высоких темпах, отрывались от стрелковых дивизий на значительное расстояние, взаимодействие между ними нарушалось, а управление соединениями с разной подвижностью и маневренностью чрезвычайно затруднилось. Кроме того, развитие тактического прорыва в оперативный в рамках армейской операции осложнялось и тем, что армия не располагала авиацией, крайне необходимой для поддержки стремительного наступления подвижных войск на большую глубину в отрыве от стрелковых соединений.

С учетом этого в начале 1943 г. были созданы однородные танковые армии в составе одного-двух танковых и одного механизированного корпусов. Такие танковые армии являлись средством Ставки Верховного Главнокомандования и придавались фронтам на период проведения операции. Обычно фронт, действующий на важнейшем направлении, получал одну-две, а иногда (Уманско-Ботошанская, Проскуровско-Черновицкая и Львовско-Сандомирская операции) и три танковые армии. Они составляли подвижную группу и предназначались для развития тактического успеха в оперативный.

Таким образом, начиная с лета 1943 г. (Битва под Курском) главные функции развития тактического прорыва в оперативный перешли к фронту. Наряду с фронтовыми в ряде операций создавались и армейские подвижные группы в составе одного-двух танковых (механизированных) корпусов.

К этому времени были выработаны и определенные взгляды на использование фронтовых и армейских подвижных групп. Считалось, что танковая армия должна вводиться в сражение, как правило, после прорыва тактической зоны обороны противника с тем, чтобы сохранить силы для успешных и длительных действий в оперативной глубине. Танковые (механизированные) корпуса, составлявшие подвижные группы армий, предусматривалось вводить для завершения прорыва тактической зоны обороны. Последние и использовались обычно таким образом в ходе войны. Что же касается танковых ар-

мий, то из 47 случаев ввода их в сражение в 1943—1945 гг. в 37 случаях (78%) они были вынуждены вступать в сражение в целях завершения прорыва второй полосы, а иногда и для допрорыва главной полосы обороны.

Основная причина использования танковых армий для завершения прорыва вражеской обороны заключалась в том, что стрелковые соединения из-за слабого насыщения их танками непосредственной поддержки и недостаточной эффективности огневого поражения противника оказывались не в состоянии осуществить прорыв в высоких темпах. В результате терялись время, а также внезапность наступления, и противник, используя это, мог перебросить свои резервы к участку прорыва. Чтобы лишить его возможности организовать оборону на последующем рубеже и обеспечить высокие темпы наступления, было необходимо подвижную группу фронта в ряде операций вводить в сражение еще в ходе борьбы за тактическую зону обороны. Кроме того, характер использования танковых армий во многом определялся и личными взглядами на этот вопрос отдельных командующих фронтами. Так, Маршал Советского Союза И. С. Конев был всегда сторонником использования танковых армий для завершения прорыва. В своих послевоенных мемуарах он прямо пишет, что у него на этот счет было свое мнение.

«Я считал, что Ставка под давлением некоторых танковых начальников проявляла ненужные колебания, когда дело касалось ввода танковых армий в прорыв. Объяснялось это боязнью — добавлю, порой чрезмерной — подвергнуть танковые войска большим потерям в борьбе за передний край и за главную полосу обороны противника»¹. И далее: «Иметь такую технику и не использовать всю силу ее удара, огня, маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в первую мировую войну, держа танки в бездействии, покуда пехота прогрызет оборону противника насквозь, — всегда мне представлялось ошибочным»².

Безусловно, материальные возможности прорыва в Великую Отечественную войну были иными, чем в первую мировую войну, но и прорыв планировался и осуществлялся по-другому. В нем участвовала не только пехота, но и сильный эшелон танков НПП при непрерывной поддержке артиллерии и авиации. Танковые армии имели другое предназначение. Они являлись мощным средством развития тактического успеха в оперативный. Ранний ввод их в сражение приводил иногда к потери до 30—40% танков только за время тактического прорыва, что снижало их боевые возможности при его развитии в оперативный.

¹ Конев И. С. Сорок пятый. М., Воениздат, 1966. с. 23.

² Там же, с. 26.

В связи с этим Ставка и командующие ряда фронтов стремились завершить прорыв тактической зоны обороны стрелковыми соединениями, усиленными танками НПП и артиллерией. а также подвижными группами армий с тем, чтобы фронтовые подвижные группы (танковые армии и конно-механизированные группы) входили в так называемый «чистый» прорыв и сразу устремлялись бы в глубину в целях разрушения всей оперативной обороны и создания условий для перерастания оперативного прорыва в стратегический. Именно так были введены в сражение 5-я гв. танковая армия в Витебско-Оршанской, Мемельской и Восточно-Прусской операциях, 2-я гв. танковая армия в Брестско-Люблинской и Висло-Одерской операциях, 1-я гв. танковая армия в Проскуровско-Черновицкой и Висло-Одерской операциях и 6-я танковая армия в Яско-Кишиневской операции.

Еще чаще за второй полосой обороны вводились конно-механизированные группы, ибо ввод их в прорыв раньше был связан с большими потерями в кавалерии, что вело к потере качеств, необходимых им для стремительных действий в оперативной глубине.

Ввод фронтовых подвижных групп после прорыва тактической зоны обороны, особенно тогда, когда образовалась «чистая» брешь, позволял им быстро продвигаться в глубину, дробя оперативный фронт противника. Это приносило более крупные оперативно-стратегические результаты, чем ввод подвижных групп в пределах тактической зоны обороны противника.

В тех случаях, когда танковые армии использовались для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, наиболее целесообразным являлся поэтапный ввод в сражение их сил: сначала передовых бригад танковых (механизированных) корпусов для завершения прорыва главной полосы обороны, затем — главных сил для прорыва второй полосы обороны.

Такой порядок ввода подвижных групп для развития прорыва имел ряд положительных сторон. Стрелковые войска еще сохраняли достаточно ударных возможностей, чтобы при небольшом огневом и танковом усилении завершить образование бреши в наиболее прочно оборудованной полосе тактической зоны обороны. Танковые (механизированные) соединения, выделив примерно 1/4 своих сил в состав передовых отрядов, получали возможность совместно с пехотой и танками НПП разгромить последний мощный противотанковый рубеж противника, образуемый огневыми позициями его артиллерии, без задержки атаковать третью позицию, где противник не успел подготовить сплошную оборону, и с ее прорывом создать благоприятные условия для стремительного выхода главных сил танковых (механизированных) корпусов ко второй полосе, что

являлось важнейшей предпосылкой прорыва ее с ходу, а следовательно, перерастания тактического прорыва в оперативный.

Успех действий подвижных групп по развитию тактического прорыва в оперативный во многом зависел от хорошей их подготовки к наступлению и своевременного выдвижения на рубежи ввода, качества артиллерийского, авиационного, инженерного обеспечения самого ввода и действий подвижных групп в ходе развития наступления в оперативную глубину.

Для подготовки подвижных групп к прорыву и своевременного ввода их в сражение назначались районы сосредоточения, выжидательные и исходные районы.

Районы сосредоточения назначались, когда подвижные группы перебрасывались из тыла к фронту или с другого фронта по железной дороге либо передвигались комбинированно. Удаление их от линии фронта в среднем составляло 40—50 км. В отдельных операциях (Белорусская, Львовско-Сандомирская, Берлинская) районы сосредоточения назначались на глубине 100—200 км. В районах сосредоточения подвижные группы находились несколько дней, в течение которых они готовили материальную часть к бою, проводили рекогносцировку, планировали наступление, организовывали взаимодействие в корпусном звене.

Если районы сосредоточения не назначались, то вся эта работа проводилась в выжидательных районах. Их удаление от переднего края противника чаще всего колебалось в пределах 15—25 км. На закрытой местности с хорошими естественными масками, например в Белорусской операции, удаление выжидательных районов отдельных танковых корпусов от переднего края составляло 8—10 км. В них войска подвижных групп находились 1—3 дня, если выходили сюда из районов сосредоточения, и до 9 дней, если в них проводилась вся подготовка к наступлению. В выжидательных районах организовывалось взаимодействие войск подвижных групп с пехотой и артиллерией общевойсковых армий, а также выезды младших офицеров до командира танка включительно для ознакомления с районом предстоящих действий и передним краем обороны противника. Здесь же проводились контрольные осмотры материальной части танковых частей.

Танковые соединения и объединения переходили в выжидательные районы из районов сосредоточения, если такие определялись, за 3—7 суток до наступления.

Исходные районы назначались в целях максимального приближения войск подвижных групп к боевым порядкам общевойсковых соединений и своевременного ввода их в сражение, особенно когда они привлекались для завершения прорыва обороны противника во взаимодействии со стрелковыми вой-

сками. Их удаление в среднем составляло 3—8 км от переднего края противника. В тех случаях, когда выжидательные районы находились близко от переднего края, исходные районы не назначались или назначались в исходных районах для наступления стрелковых дивизий первого эшелона с передней границей, проходящей по переднему краю или на удалении 1—2 км от него.

В исходных районах войска подвижных групп находились от 6 до 24 часов, чаще всего 8—12 часов, т. е. с середины ночи перед началом наступления до момента подачи сигнала на выдвижение к рубежу ввода в сражение.

Удаление исходных районов от рубежа ввода в сражение составляло 10—20 км при вводе первых эшелонов танковых войск в районе основных артиллерийских позиций противника или непосредственно за главной полосой обороны и до 30 км — при вводе в сражение за тактической зоной обороны. При скорости движения танковых колонн 8—10 км в час на преодоление такого расстояния требовалось 1—2 часа, что при правильном учете состояния маршрутов позволяло с небольшой разницей во времени подвести колонны к рубежу ввода в сражение. Однако ошибки в оценке проходимости местности, как это произошло в Ржевско-Сычевской и Белгородско-Харьковской операциях, в 3—4 раза удлиняли время выдвижения подвижных групп на рубежи ввода, что вело к неполному выполнению боевых задач.

Чтобы добиться своевременного, с учетом возможных изменений обстановки, начала выдвижения, обычно предусматривалось несколько сроков ввода подвижных групп в сражение (в первый или второй день — 6-я танковая армия в Яско-Кишиневской операции) и конкретное время начала их выдвижения — с овладением стрелковыми соединениями первой траншеей, всей первой позицией или главной полосой обороны.

Успех ввода танковых и механизированных соединений в сражение в немалой степени зависел и от ширины бреши, созданной в обороне противника. По довоенным взглядам, для механизированного корпуса брешь должна была быть от 20 до 25 км, из них 6—8 км предназначались для движения танковых дивизий и 6—8 км для обеспечения танков от действительного огня легкой артиллерии противника с флангов¹.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что для обеспечения выдвижения танковых колонн от огня с флангов нужно не более 2—3 км, т. е. с каждого из флангов на дальность прямого выстрела противотанковых орудий и танковых пушек. Это позволяло танковую армию успешно вводить в сражение в полосе 8—12 км, а отдельные танковые корпуса — в полосе 4—6 км. В Львовско-Сандомирской операции 3-я гв., а за ней

¹ См.: Тактика танковых войск. М., Воениздат, 1940, с. 125.

и 4-я танковые армии были введены в сражение через колтувский коридор, который имел ширину всего 6 км, при этом на их флангах нависали танковые дивизии противника.

Как ни значительна была сила огня и удара подвижных групп, но опыт войны показал, что они нуждаются в серьезном огневом обеспечении.

В первом и в некоторых операциях второго периода войны при планировании огневого обеспечения основная масса огня нацеливалась на подавление огневых средств противника на флангах действий подвижных групп. Так, при планировании ввода в сражение 1-го и 26-го танковых корпусов 5-й танковой армии из 22 сосредоточенных огней для прикрытия флангов было подготовлено 15, перед фронтом (и то в основном по артиллерии во время выдвижения танковых корпусов на рубеж ввода) — только 7, непосредственно перед рубежом ввода огней вообще запланировано не было. Такой характер артиллерийского обеспечения ввода в сражение подвижных групп оказался малоэффективным. Поэтому в последующем основная масса огня артиллерии, обеспечивавшей ввод подвижных групп в сражение, планировалась и по целям непосредственно перед рубежом ввода. Например, при обеспечении ввода в сражение 3-й гв. танковой армии в Львовско-Сандомирской операции из 40 массированных огней непосредственно перед рубежом ввода было предусмотрено 25. В Берлинской операции для обеспечения ввода в сражение 1-й гв. танковой армии артиллерия 8-й гв. армии готовила огни по четырем рубежам на глубину 7—8 км, а часть артиллерии — на глубину до 12—14 км. Огонь готовился перед всем рубежом ввода с перекрытием флангов до 3 км.

Для авиационного обеспечения ввода подвижных войск в сражение обычно привлекалась часть воздушной армии фронта. Ее штурмовые и бомбардировочные соединения наносили сосредоточенные удары по опорным пунктам, артиллерии и танкам противника перед всем участком ввода и на его флангах; а также прикрывали колонны подвижных групп от ударов авиации противника с воздуха.

Для сопровождения наступления танковых и механизированных корпусов штурмовые авиационные соединения переподчинялись командующим танковыми армиями, которые по их требованиям и осуществляли штурмовые удары.

Характер наступления танковых соединений в ходе развития прорыва определялся сложившимися к моменту их ввода в сражение условиями обстановки. При завершении прорыва определенное время они действовали совместно со стрелковыми войсками. После завершения прорыва главной полосой они увеличивали темпы движения, отрывались от них и с ходу атаковывали вторую полосу обороны. Если атака с ходу не удавалась, то танковые соединения прорывали ее с подготов-

кой атаки в ограниченные сроки на самостоятельных участках или совместно со стрелковыми войсками.

Преодолев тактическую зону обороны, подвижные группы устремлялись к армейской полосе обороны, чтобы упредить отход на нее войск противника и прорвать ее с ходу. Вместе с ними к ней устремлялись передовые отряды стрелковых корпусов и дивизий. При отсутствии армейской полосы обороны они развивали наступление к важным оперативным объектам или навстречу подвижной группе, наступающей с другого направления, с целью замкнуть фронт окружения.

В третьем периоде войны подвижные группы фронтов обычно развивали наступление на внешнем фронте окружения, решая сразу две задачи: создание условий, исключающих деблокаживание окруженной группировки (или выход ее из окружения) и развитие операции до предусмотренных планами рубежей.

В развитии тактического прорыва в оперативный удар в глубину принимали участие и общевойсковые соединения и объединения, которые прорывали вторую полосу обороны и развивали успех в оперативную глубину своими передовыми отрядами, состав которых доходил до усиленной танковой бригады, высылаемой от корпуса или армии. В некоторых операциях развитие наступления в оперативную глубину осуществлялось и общевойсковыми армиями, находившимися во втором эшелоне фронта. Именно с этой целью в сражение были введены 4-я гв. и 47-я армии в Белгородско-Харьковской, 21-я и 68-я армии в Смоленской, 11-я гв. армия в Восточно-Прусской операциях. Главная же роль общевойсковых объединений при развитии тактического прорыва в оперативный состояла в расширении создаваемой брешки путем нанесения ударов в сторону открывшихся флангов.

Расширение участков прорыва затрудняло противнику ликвидацию или закрытие образуемой брешки, увеличивало возможность наступающих войск по проведению маневра силами и средствами и растягивало силы противника по вновь образуемому фронту. Это вело к образованию в нем слабых мест, удар через которые позволял быстро развить его в глубину.

Расширение участка прорыва начиналось обычно с прорывом наиболее прочного рубежа обороны, когда в нем вскрывались слабо защищенные фланги и возникала возможность без особо больших затрат сил и средств сматывать оборону на флангах.

При прорыве неглубокой очаговой обороны расширение участков прорыва начиналось уже в ходе прорыва первой позиции, для чего использовалась часть сил фланговых соединений. Так, в контрнаступлении под Сталинградом в сторону правого фланга 5-й танковой армии наступали 14-я гв. стрелковая дивизия и две дивизии 1-й гв. армии, выйдя на

р. Кривая, расширили участок прорыва на 20 км. В сторону левого фланга участок прорыва расширяла 124-я стрелковая дивизия. Объединив усилия с 96-й стрелковой дивизией 21-й армии, она развила наступление в целях окружения распопинской группировки противника совместно с главной группировкой 21-й армии. Уничтожение группировки позволило создать один сплошной участок прорыва всего Юго-Западного фронта шириной более 80 км.

С переходом противника к позиционной обороне возможности для ударов в сторону открывшихся флангов возникали обычно после прорыва главной полосы, а чаще всего — всей тактической зоны обороны. До этого расширение осуществлялось лишь настолько, чтобы обеспечить ввод вторых эшелонов соединений. Это достигалось небольшим увеличением ширины полос наступления. Так, в Орловской операции полосы наступления дивизий 8-го гв. стрелкового корпуса предусматривалось расширить с 2 до 3 км, корпуса — с 4 до 6 км, всей 11-й гв. армии — с 14 до 18 км¹. Фактически 11-я гв. армия, прорвав главную полосу обороны и подойдя ко второй полосе, не смогла расширить участок прорыва до намеченных размеров². Но с прорывом тактической зоны обороны ширина прорыва начала быстро расти. На второй день она составила 25 км, на седьмой — более 60 км.

Увеличение мощи ударных группировок позволило расширять участки прорыва и в ходе прорыва тактической зоны обороны (первый день наступления). Но существенное их расширение достигалось в ходе развития наступления в оперативную глубину (второй и последующие дни наступления) (табл. 21).

Расширение оперативных участков прорыва осуществлялось различными путями. В начале прорыва — обычно некоторым увеличением ширины полос наступления и захватом на флангах выгодных тактических объектов. Когда устойчивость обороны противника нарушалась, соединения наносили удар в сторону фланга частью сил первого или вторым эшелоном. Так, в наступлении под Ленинградом в январе 1944 г. с прорывом вторым эшелоном (11-й стрелковой дивизией) 122-го стрелкового корпуса 2-й ударной армии двух позиций противника был нанесен удар в сторону левого фланга, что привело к расширению участка прорыва и создало угрозу окружения петергофской группировки врага³.

В Висло-Одерской операции в целях расширения участка прорыва 1-го Украинского фронта в сторону правого фланга был использован стрелковый корпус 3-й гв. армии. Еще более

¹ См.: Прорыв подготовленной обороны противника стрелковыми соединениями. М., Воениздат, 1957, с. 52.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 264.

³ ЦАМО, ф. 309, оп. 20159 сс, д. 1, лл. 147, 166, 167.

**Расширение участков прорыва
в операциях последних кампаний войны**

Наименование операций и ударной группировки	Первоначальная ширина участка прорыва (км)	Ширина участков в ходе прорыва (км)			День созда- ния единого участка про- рыва фронта
		пер- вый день	вто- рой день	тре- тий день	
Белорусская					
6-я гв. и 43-я армии	25	30	40	50	} Пятый
5-я и 39-я армии	17,5	50	70	100	
65-я и 28-я армии	14	35	45	52	
3-я и 48-я армии	15	17	30	48	
Львовско-Сандомир- ская					
60-я и 38-я армии	15,1	16	25	50	Восьмой
Яско-Кишиневская					
2-й Украинский фронт	16	30	65	120	} Пятый
3-й Украинский фронт	18	18	56	125	
Висло-Одерская					
1-й Белорусский фронт: 5-я ударная, 8-я гв., 69-я армии	17	18	30	70	} Третий
1-й Украинский фронт	34	35	60	75	
Берлинская					
1-й Белорусский фронт: 3-я, 5-я ударная, 8-я гв. армии	24	27	29	30	Восьмой
1-й Украинский фронт: 3-я гв., 13-я, 5-я гв., 52-я армии	27	26	30	35	Пятый

крупные силы (ударная группировка 1-й гв. армии) были использованы для расширения участка прорыва главной группировки фронта в Львовско-Сандомирской операции.

На 1-м Белорусском фронте в Висло-Одерской операции расширение фронтового участка прорыва достигалось ударами

в сторону внешних и внутренних флангов, во фланг и тыл группировок противника, оставшихся между участками прорыва ударных группировок, частью сил 8-й гв. и 69-й армий, а также 33-й армии навстречу 3-й гв. армии 1-го Украинского фронта.

Следовательно, расширение участка прорыва было составной частью ведения прорыва. Оно играло важную роль в образовании оперативных брешей. В силу этого расширение участков прорыва планировалось заранее, и для этой цели выделялись соответствующие силы и средства.

9. ПЕРЕРАСТАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ПРОРЫВА В СТРАТЕГИЧЕСКИЙ

Стратегический прорыв в годы Великой Отечественной войны обычно являлся результатом наступления группы фронтов, когда их оперативные прорывы объединялись в общий прорыв, что вынуждало противника начать отступление в полосе группы армий и принимать меры по восстановлению стратегического фронта на новом рубеже.

Развитие оперативных прорывов в стратегический осуществлялось Советской Армией различными способами. При равенстве сил сторон или небольшом их превосходстве над противником оно достигалось путем проведения ряда последовательных операций, в которых значительную роль играли операции на окружение и уничтожение окруженных вражеских группировок. Последовательное проведение операций позволяло путем перегруппировок войск создавать превосходство над противником на избранном операционном направлении, уничтожать здесь его основные силы и тем самым ослаблять оборону на всем стратегическом направлении. Когда резервы противника иссякали, прорыв на одном-двух направлениях вел к крушению стратегического фронта и отходу вражеских войск на значительное удаление.

Именно так в зимней кампании 1942/43 г. впервые в Великой Отечественной войне был осуществлен стратегический прорыв на Юго-Западном направлении. Центральной операцией кампании было окружение, а затем уничтожение крупнейшей стратегической группировки врага в районе Сталинграда, что создало в обороне противника огромную брешь. Однако наши фронты в ноябре 1942 г. не располагали силами для одновременного разгрома окруженной группировки и развития наступления на внешнем фронте окружения. В результате возникшей паузы противнику удалось за счет соединений вновь созданной группы армий «Дон» временно закрыть образовавшуюся брешь.

Последовавший вскоре разгром войск противника на Северном Кавказе и Верхнем Дону окончательно разрушил стратегический фронт на Юго-Западном стратегическом направлении. Для восстановления его враг был вынужден оставить ржевский выступ, перебросить крупные силы из Германии и ряда стран Западной Европы.

Подобным образом стратегический прорыв был осуществлен и зимой 1944 г. на Правобережной Украине. Проведением Житомирско-Бердичевской, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой операций оборона противника была расшатана, а силы его измотаны. Внезапные рассекающие удары трех Украинских фронтов в марте 1944 г. привели к крушению стратегического фронта противника на Правобережной Украине, в результате чего он был отброшен в Западную Украину, к Карпатам и границе с Румынией. Для воссоздания стратегического фронта противник был вынужден перебросить 40 дивизий и две бригады из Румынии, Венгрии, Югославии, Франции, Дании, Германии и резерва главного командования.

Когда было создано значительное превосходство над противником в силах и средствах, а полководческое искусство наших военачальников намного возросло, были применены иные способы стратегического прорыва.

В летне-осенней кампании 1944 г. развитие оперативных прорывов в стратегический осуществлялось путем окружения и уничтожения крупных группировок противника с одновременным развитием наступления в глубину, что вело к образованию огромных и глубоких брешей в стратегической обороне врага. Особенность этого способа состояла и в том, что развитие прорывов от тактических до стратегического проходило непрерывно, что являло собой новое качество в развитии наступательных операций Советской Армии.

В Белоруссии на осуществление тактического прорыва ударные группировки затратили всего один-два дня. Ввод подвижных групп, развитие наступления в глубину и в сторону флангов привели к окружению двух крупных группировок в районах Витебска и Бобруйска. Они были уничтожены на пятый день наступления, что позволило образовать три фронтовых и межфронтовых оперативных прорыва. Развитие в них наступления привело к окружению еще более крупной группировки противника в районе Минска. Ее уничтожение знаменовало прорыв стратегического фронта противника в полосе около 700 км, с переходом же в наступление левого крыла 1-го Белорусского и главных сил 1-го Украинского фронтов прорыв расширился до 1200 км.

В Яско-Кишиневской операции стратегический прорыв был достигнут благодаря окружению и уничтожению основных сил группы армий «Южная Украина» и стремительному

развитию наступления в глубину, что привело к выходу из войны Румынии. Отсутствие у немецкого главнокомандования на балканском направлении стратегических резервов позволило советским войскам, к которым вскоре присоединились армии Болгарии и Румынии, осуществить оперативное преследование до подступов к Белграду и Будапешту.

Стратегический фронт противника на Западном направлении зимой 1945 г. был сокрушен мощными и стремительными рассекающими ударами войск 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Уже с прорывом тактической зоны обороны ряд ударных группировок перешел в преследование, на третий день операции были образованы единые фронтовые и межфронтовые участки прорыва, в которых развернулись стремительные действия в глубину, приведшие к полному крушению стратегического фронта противника от Балтийского моря до Карпат и выходу войск Советской Армии и Войска Польского к рекам Одер и Нейсе.

В двух кампаниях нашим войскам не удалось осуществить стратегический прорыв. Зимой 1941/42 г. Советская Армия еще не располагала крупными танковыми (механизированными) соединениями, что не позволило быстро окружить значительные группировки врага, рассечь его фронт на Западном направлении и тем самым образовать стратегическую брешь в его обороне. К тому же Ставкой было допущено некоторое распыление сил и средств.

В летне-осенней кампании 1943 г. Советская Армия провела ряд последовательных операций на фронте шириной до 2000 км. Общее продвижение к линии Днепра составило 200—700 км. Был создан ряд предпосылок для перерастания оперативных прорывов в стратегический на главном, Юго-Западном направлении. Однако завершить процесс образования стратегического прорыва не удалось.

Одна из причин состояла в том, что затраты сил и средств на проведение оперативно-тактических прорывов позиционной обороны противника были велики. К тому же переход в контрнаступление под Курском осуществлялся после тяжелых оборонительных сражений. В силу этого, когда возникли предпосылки для ведения оперативного преследования, объединения не имели уже такого количества войск, особенно подвижных, которые могли бы сбивать прикрытие противника, глубоко врезаться в его оперативное построение, громить отходящие колонны и тем самым создавать и расширять не занятые войсками противника пространства.

Существенная причина состояла и в том, что в избранных формах оперативных прорывов не предусматривалось окружение крупных группировок врага, уничтожение которых сразу бы образовывало широкую брешь в его стратегической обороне. Сил для сокрушения всего стратегического фронта рас-

секающими ударами еще не доставало. Несмотря на то, что в ходе кампании было разгромлено 118 дивизий, из них полностью уничтоженных оказалось только 14¹, в то время как в зимней кампании 1942/43 г. — 45².

Стратегический прорыв не удалось образовать и потому, что в момент, когда на ряде направлений наши войска перешли в оперативное преследование, на их пути оказался широкий Днепр. Он позволил противнику выиграть от 2 до 10 дней и пережить кризис от потери ряда важных районов на западном берегу водного рубежа.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны Советская Армия применяла различные способы развития оперативных прорывов в стратегический. Каждый из них отвечал конкретно сложившимся условиям обстановки. Быстрое развитие оперативных прорывов в стратегический позволяло вести оперативное преследование противника на большую глубину, завершая им разгром его отступающих войск, освобождать огромную территорию, сужая тем самым экономическую базу врага, лишая его важных стратегических объектов, а в конечном итоге приближая его полный разгром.

10. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ

Основным принципом управления войсками при прорыве обороны противника являлась его всемерная централизация. При этом степень централизации управления ставилась в прямую зависимость от прочности обороны: «Чем глубже эшелонированы силы и средства противника и чем сложнее инженерное укрепление его обороны, — указывалось в Наставлении по прорыву позиционной обороны, — тем в большей степени должно быть централизовано планирование прорывом в руках командующего армией»³.

Высокая степень централизации управления вызывалась необходимостью объединения и согласования усилий всех участвовавших в прорыве сил и средств по единому замыслу и плану. Поскольку прорыв осуществлялся силами и средствами не только общевойсковых соединений, но и соединений, непосредственно подчиненных фронту и армии, то только в их штабе можно было спланировать прорыв так, чтобы он представлял собой единый и непрерывный процесс образования бреши в обороне противника на всю ее глубину. Определенное значение имело и то, что в лице командующих, в штабах объе-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 467.

² См.: Там же, с. 465.

³ Наставление по прорыву позиционной обороны (проект). М., Воениздат, 1944, ст. 62.

динений в наибольшей мере аккумулировались боевой опыт войны, его обобщение и развитие. Поэтому, стремясь внедрить все лучшее из него и приспособить к конкретным условиям предстоящего прорыва, они активно вникали в ход подготовки прорыва не только в непосредственно им подчиненных войсковых звеньях, но и на две-три ступени ниже. Правда, последнее сковывало инициативу и снижало ответственность командиров низших командных инстанций, что послужило основанием строгого определения в ходе войны функций каждой командной инстанции.

Высокая степень централизации управления сохранялась на все время подготовки прорыва и видоизменялась в ходе наступления с учетом конкретно складывавшейся обстановки. С началом прорыва централизация управления в оперативном масштабе тесно сочеталась с предоставлением командирам соединений и частей большей самостоятельности и возможности в проявлении инициативы и творчества при выполнении своих задач. Вместе с тем управление при прорыве всегда строилось таким образом, чтобы в любой момент, особенно при осложнении обстановки, оно могло быть быстро и жестко централизовано. Этот принцип особенно широкое применение нашел в артиллерии, авиации и танковых войсках, что вызывалось потребностями сосредоточения их усилий в короткие сроки на важнейших направлениях, от чего во многом зависел успех ведения прорыва.

Всесторонняя и тщательная организация прорыва являлась непреложным законом для всех командиров и штабов, которые планировали и готовили наступательные операции, связанные с прорывом обороны противника.

Необходимость тщательной организации прорыва оказывала непосредственное влияние на сроки подготовки операции. Продолжительность подготовительного периода определялась многими факторами (возможность подвоза и накопления необходимого количества материальных средств, планирование боевых действий, осуществление перегруппировки, оборудование исходного района для наступления, повышение уровня боевой выучки войск, организация взаимодействия и др.) В третьем периоде войны, когда командный состав и войска обрели боевой опыт, на подготовку фронтовых операций затрачивалось от 10 до 20 и более суток, а чаще всего — 15—20 суток. Армейские операции готовились примерно за 5—7 суток. При этом внутрифронтовые перегруппировки совершались за 5—8 суток, а внутриармейские — за 2—5 суток.

Основу управления войсками при прорыве составляло решение командующего на операцию, принятию которого предшествовала большая работа его самого и штаба по сбору и оценке необходимых данных о противнике, своих войсках, соседях, местности. На основе решения разворачивалась много-

образная работа штаба, всего полевого управления и войск по подготовке прорыва: осуществлялось детальное планирование, доводились задачи до войск, организовывались взаимодействия, связь, оперативное и тыловое обеспечение, партийно-политическая работа и т. д.

Боевые задачи войскам ставились в различной форме и последовательности: ориентировочно во время проведения рекогносцировок, устным боевым приказом на местности, в вышестоящем или в подчиненном штабе с последующим дублированием их в письменном приказе (директиве). Если в ходе подготовки прорыва обстановка изменялась, то ранее определенные задачи уточнялись или изменялись боевыми распоряжениями.

Ответственным этапом управления являлась организация взаимодействия. Она проводилась на местности, ящиках с планшетом, а в ряде операций и на военных играх (учениях) по реальным планам предстоящего наступления. Во время организации взаимодействия стремились добиться единого понимания всеми командирами и штабами цели действий войск, боевых задач и способов их выполнения, а также согласованных действий общевойсковых объединений (соединений, частей) с приданными и поддерживающими соединениями (частями) других родов войск и с соседями. В ходе организации взаимодействия устанавливалась единая система ориентирования, целеуказания и порядок подачи сигналов.

Взаимодействие организовывалось по целям (задачам), по месту (рубежам) и времени на всю глубину прорыва. С наибольшей тщательностью оно отрабатывалось на период прорыва главной полосы обороны противника, при этом особое внимание уделялось достижению своевременной и одновременной атаки танками и пехотой переднего края противника, их неотступному движению за огневым валом или ПСО. Самым подробным образом согласовывались действия войск при вводе в сражение подвижных групп, для обеспечения наступления которых обычно привлекались силы и средства армий первого эшелона, артиллерия, авиация, инженерные войска. С 1944 г. стали согласовываться действия войск и для прорыва второй полосы.

Основным средством обеспечения надежного управления была бесперебойно действующая связь с подчиненными и взаимодействующими войсками. В исходном положении для наступления обычно применялась проводная связь, а также связь с использованием подвижных средств (автоматчины, мотоциклы, самолеты). Радиосвязь держалась в готовности к действию. Связь по своему назначению делилась на связь командования, связь взаимодействия, связь тыла и связь оповещения. Ответственным за организацию связи являлся начальник штаба.

Командующие (командиры) осуществляли управление войсками при прорыве, как правило, с наблюдательных пунктов. Их размещение во многом определялось возможностями личного наблюдения за ходом боевых действий на главном направлении. Наблюдательные пункты командиров полков располагались преимущественно в первой или во второй траншее на удалении 300—800 м от переднего края противника. На 300—700 м дальше размещались наблюдательные пункты командиров дивизий. На одном с ними уровне или несколько глубже оборудовались наблюдательные пункты командиров корпусов.

Командующие армиями свои наблюдательные пункты располагали на удалении 2—3 км, а командующие фронтами — 3—4 км от переднего края противника. На этих же пунктах находились командующие родами войск и группа офицеров из состава оперативного и разведывательного отделов. Вблизи НП фронта размещались наблюдательные пункты (оперативные группы) танковой и воздушной армий. На наблюдательных пунктах командующие находились обычно во время артиллерийской подготовки и прорыва главной полосы обороны, особенно когда в ее пределах вводилась подвижная группа. Затем все управление сосредоточивалось на командных пунктах.

Удаление командных пунктов от переднего края в среднем было: полковых — 1—2 км, дивизионных — 2—3 км, корпусных — 3—6 км, армейских — 8—12 км. Фронтные командные пункты размещались на большем удалении (30—50 км), обычно там, откуда лучше было управлять не только ударными группировками, осуществлявшими прорыв, но и всеми армиями фронта и тылами.

Управляя ходом прорыва с командного пункта, командующие часто выезжали в подчиненные штабы и войска для лучшего ознакомления с обстановкой на важном направлении или там, где требовалось разрешение сложной или критической ситуации. Обычно они выезжали в войска с небольшой группой офицеров и средствами связи. Отрываясь от командного пункта, командующие постоянно поддерживали с ним связь и были в курсе обстановки на всем фронте развернувшегося наступления.

Пункты управления перемещались пошелонно, обычно по одной оси, чтобы ни на минуту не прерывались связь с войсками и управление ими. Величина скачков определялась масштабом органа управления и динамичностью развития прорыва. Если командные пункты корпусов при темпе наступления 15—20 км перемещались обычно один раз в сутки, то командные пункты дивизий — два раза, а полков — 3—4 раза в сутки. Наблюдательные пункты перемещались значительно чаще.

Перемещение органов управления производилось лишь с ведома вышестоящего командования и только тогда, когда с нового места их расположения была установлена связь с подчиненными войсками, т. е. после того, как средства связи были развернуты и опробованы.

В целом в годы минувшей войны развитие управления войсками при прорыве шло в направлениях: усиления организаторской деятельности командующих (командиров) и штабов, приближения руководства к войскам, повышения роли в организации прорыва высших инстанций и централизации управления, разнообразия методов и тщательности подготовки операций и боевых действий. Эти тенденции сохраняют свое значение и в современных условиях.

11. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Успех прорыва во многом зависел от хорошо организованной партийно-политической работы. Великая Отечественная война со всей силой подтвердила известные слова В. И. Ленина: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»¹.

В ходе минувшей войны был ряд таких операций, в которых слабая морально-психологическая подготовка войск приводила к ограниченным результатам или неудаче. И наоборот, даже при недостатке сил и средств, невыгодном их общем соотношении, но в условиях ясного понимания войсками важности решаемых задач высокий наступательный порыв личного состава приводил к быстрому прорыву обороны и развитию его в оперативную глубину. К таким можно отнести прорывы в контрнаступлении под Москвой и Сталинградом, на Среднем и Верхнем Дону и в других операциях.

В основе партийно-политической работы лежали ленинские идеи о защите социалистического Отечества, решения Центрального Комитета партии и Советского правительства, приказы и директивы Верховного Главнокомандования и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Партийно-политическая работа по выполнению задач прорыва обороны противника в годы Великой Отечественной войны развивалась и проводилась в зависимости от условий и задач, стоявших перед войсками в тот или иной период или в тех или иных кампаниях. В первом периоде войны, особенно после выхода в свет директивного письма Ставки от 10 января 1942 г., одним из направлений партийно-политической работы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

было овладение командирами, политработниками, штабами и войсками боевым опытом по прорыву обороны противника и дальнейшему его развитию применительно к изменяющимся условиям вооруженной борьбы. Результаты напряженных усилий партийных организаций уже к осени 1942 г. дали хорошие результаты, проявившиеся в контрнаступлении под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Во втором и третьем периодах войны, после того, как войска овладели искусством осуществления прорыва и начали проведение широких наступательных операций, партийно-политическая работа была сосредоточена в основном на воспитании у воинов высокого наступательного порыва. Когда из освобожденных от фашистов районов стало поступать пополнение, усилия командиров, партийно-политического аппарата, партийных и комсомольских организаций направлялись на овладение ими боевым опытом, накопленным войсками.

При подготовке наступательных операций, связанных с прорывом подготовленной обороны противника, партийно-политической работой охватывались все звенья сложных боевых организмов и все мероприятия, которые проводились командирами и штабами при организации наступления. Формы партийно-политической работы избирались с учетом задач, стоящих перед объединением или соединением, и служебного положения, занимаемого определенной группой командиров и руководителей штабов и политорганов.

Для командующих, ответственных работников штабов фронтов и армий наиболее распространенной формой партийно-политической работы были лекции, на которых раскрывались международное положение СССР и его противников, политические цели кампании, важность того или иного стратегического района в предстоящей вооруженной борьбе, возможные политические изменения от результатов намечаемых операций.

На партийных собраниях и совещаниях мобилизовывались усилия командиров и работников штабов, политорганов на лучшее выполнение всех поручений и мероприятий, связанных с подготовкой наступления, в частности прорыва обороны противника. Особое внимание уделялось подготовке партийного актива частей, низовых политработников, партторгов, комсоргов по вопросам партийно-политической работы по выполнению задач прорыва.

Предметом особых забот командиров и политработников в организации и проведении партийно-политической работы по подготовке прорыва являлось установление деловых, товарищеских отношений между командирами и штабами, войскам которых предстояло взаимодействовать при выполнении общих задач прорыва.

При всей важности партийно-политической работы с командным и политическим составом объединений, соединений и частей, предначиненных для осуществления прорыва, основные ее усилия направлялись на подготовку рядовых, сержантов и младших офицеров, т. е. на тот состав, который непосредственно осуществлял прорыв своим огнем и движением в зоне наиболее интенсивного огня противника и нес основную тяжесть борьбы с обороняющимся противником. Формы и методы партийно-политической работы были разнообразными. До воинов широко доводилось печатное слово, проводились собрания, встречи представителей родов войск, выступления героев боев, доклады и беседы на различные темы, связанные с задачами предстоящего наступления. Если время подготовки операции было значительным и войска неделя и более находились на отдыхе и занимались боевой подготовкой, то обязательно проводились политические занятия. На них глубоко изучались решения партии и правительства, важные события Великой Отечественной войны и международной жизни.

Наиболее мобильной формой партийно-политической работы с рядовым и сержантским составом в таких условиях были политические информации. Они проводились ежедневно. На них освещались текущие международные события, доводились и разъяснялись сообщения «Совинформбюро», решения Центрального Комитета партии и Советского правительства, широко пропагандировались победы советских войск, убедительно показывалось общее ослабление противника, возможность прорыва его прочной обороны и полного освобождения советской земли от фашистских оккупантов.

Командование и политические органы, хорошо понимая значение высокого наступательного духа личного состава и много делая для его повышения, большое внимание уделяли и поднятию боевой выучки войск, ибо умение, помноженное на высокий дух, порождает уверенность в действиях, повышает возможность разгрома противника. Поэтому партийно-политическая работа пронизывала всю боевую подготовку, особенно с пополнением. Беседы на полях учений, умелые разборы их с использованием поучительных боевых примеров, выступления участников боев день ото дня убеждали бойцов, что умелое владение личным и групповым оружием, бережное к нему отношение, дружные, самоотверженные действия всех обеспечивают боевой успех с минимальными потерями.

Учения нередко проводились с боевой стрельбой, чтобы приучить молодых солдат к опасности, показать им, что же собой представляет современный бой. В это время путем бесед с бойцами и личным примером коммунисты и комсомольцы показывали, что наступать непосредственно вслед за разрывами своих снарядов можно и нужно, ибо это облегчает захват позиций противника, не дает ему опомниться, приносит мень-

ше жертв атакующим и позволяет в короткий срок разгромить противника.

Широкое применение нашли и такие формы воздействия на воинов, как посвящение в гвардейцы, вручение в торжественной обстановке оружия бойцов, героически погибших в минувших боях, встречи с героями, бывальыми воинами.

Важное место в партийно-политической работе занимала пропаганда боевого опыта. Накануне наступления издавались листовки, памятки бойцу и сержанту по действиям в наступательном бою, при прорыве, форсировании водных преград, преследовании противника.

Особое внимание политорганы уделяли распределению коммунистов и комсомольцев по подразделениям, созданию партийных и комсомольских организаций во вновь формируемых подразделениях и повышению ответственности, авангардной роли коммунистов и комсомольцев в ходе атаки и ведения боя в глубине.

Одной из важнейших задач партийно-политической работы в период подготовки прорыва являлось строгое соблюдение требований бдительности, маскировки войск. Вопросам бдительности посвящались партийные и комсомольские собрания. Партийные и комсомольские организации помогали командирам в строгом соблюдении режима маскировки. По всем этим вопросам проводилась разъяснительная работа и одновременно повышалась требовательность к личному составу.

Офицеры политуправлений фронтов и политотделов армий, как правило, находились в войсках, помогали командирам и политработникам проводить необходимые организационно-партийные мероприятия по подготовке к прорыву.

Приближение начала прорыва изменяло формы партийно-политической работы. Она принимала нарастающий размах. За 1—2 дня до наступления, когда объявлялась задача войскам, проводились митинги, открытые партийные и комсомольские собрания. С занятием исходного положения для наступления основной формой партийно-политической работы становились беседы — индивидуальные или с небольшой группой бойцов. За 1—2 часа до артиллерийской подготовки зачитывались обращения Военных советов фронтов и армий к войскам, в которых в сжатой, пламенной форме определялись общие задачи предстоящего наступления и выражался призыв к уничтожению противостоящего врага.

С началом прорыва условия для партийно-политической работы резко усложнились. Однако это не означало ее ослабления. Изменялись лишь формы проведения.

С началом атаки основной задачей партийно-политической работы являлось обеспечение стремительности и непрерывности наступательных действий войск. Это достигалось прежде всего авангардной ролью в атаке коммунистов и комсомоль-

цев, их воздействием на товарищей по оружию личным примером и советом, как лучше уничтожить противостоящего противника или развить удар через образовавшуюся брешь в обороне врага. Наряду с этим принимались меры по усилению агитационной работы по наращиванию наступательного духа, мобилизации усилий подразделений всех родов войск на действенную поддержку атакующих цепей пехоты и танков НПП.

Эта работа выполнялась всеми звеньями командиров и партийно-политическим аппаратом, особенно младшим офицерским составом, низовыми политработниками, низовым партийным активом, наиболее тесно связанными с солдатами и сержантами.

Атака позиций противника всегда была сопряжена с потерями. В подразделениях они распределялись неравномерно. Большие потери несли те подразделения, где условия наступления складывались трудно, что серьезно влияло на морально-психологическое состояние этих подразделений. Поднимать его поредевшим активом становилось сложнее. Поэтому в ходе наступления широко практиковалось перераспределение коммунистов и комсомольцев. В эти подразделения направлялись работники партийно-политического аппарата, которые поднимали боевой дух бойцов, обеспечивали дальнейшее продвижение подразделений и выполнение ими задач.

Большое воздействие на боевой дух воинов оказывала умелая и оперативная информация об успехах наступления. Она включала сообщения о победах на своем и соседних фронтах, в своих и соседних армиях, корпусах, дивизиях, частях и подразделениях. Особенно быстро стремились информировать о взятии важных объектов противника. Такая информация вселяла уверенность в победу, поднимала боевое настроение войск и способствовала наращиванию их боевого духа.

В партийно-политической работе значительное внимание уделялось популяризации героев боев, раскрытию боевого мастерства и храбрости воинов, благодаря которым был совершен тот или иной подвиг. Своевременно замеченный подвиг, объявление благодарности, представление к правительственной награде и быстрое награждение героев порождало у воинов желание следовать за героями и самим стать героями, вызывало чувство гордости за себя и свою Родину. В конечном итоге все это способствовало подъему наступательного духа войск.

Для популяризации героизма и боевого мастерства, проявленных на поле боя, широко использовалась периодическая печать, особенно фронтовые, армейские и дивизионные газеты. Черк, рассказ или стихотворение, написанные о конкретном человеке вскоре после того, как он совершил героический поступок, создавали в подразделениях и частях приподнятое, боевое настроение.

Немаловажную роль в наращивании наступательного духа войск играла умелая информация о положении и состоянии войск противника. При прорыве первой полосы обороны материал для нее брался из опросов пленных, особенно тех, которые были крайне потрясены мощью артиллерийской подготовки, не выдержали атаки, побежали или сдались в плен, поняв бесполезность сопротивления.

С развитием прорыва в глубину обычно увеличивался темп наступления. В этих условиях все большее значение приобретали инициатива и находчивость в применении различных форм партийно-политической работы. Для поддержания непрерывного руководства партийно-политической работой все звенья партийного аппарата приближались к боевым порядкам, чтобы оперативно воздействовать на решение вновь возникающих задач: овладение каким-либо важным объектом, задерживающим создание единой брешы в обороне противника, совершение маневра или стремительного движения ко второй полосе в целях захвата на ней объектов с ходу и на развитие там наметившегося успеха.

Особое внимание в этот период прорыва занимало усиление партийно-комсомольской прослойки в передовых отрядах, предназначенных для стремительных действий. В них нередко посылались работники политотделов соединений и объединений.

При прорыве второй полосы значительное внимание уделялось информации о достигнутых успехах на том или ином направлении с тем, чтобы повысить активность войск в целях превращения частного успеха в общий. Если же прорыв второй полосы предпринимался с подготовкой атаки в ограниченные сроки, то партийно-политическая работа направлялась на полное и качественное выполнение всех задач, связанных с подготовкой прорыва второй полосы.

Выход ударной группировки на оперативный простор обычно вел к некоторому ослаблению боевого напряжения войск. В то же время вставала задача — повысить темпы наступления. В этих условиях, когда войска, особенно пехота, за время прорыва перенесли огромную морально-физическую нагрузку и наступил некоторый спад боевого напряжения, мобилизация их усилий на быстрое движение вперед представляла значительные трудности. Она требовала особых усилий командиров и политорганов и достигалась разъяснением важности быстрого продвижения вперед на плечах отходящего противника в целях прорыва последующих оборонительных рубежей с ходу, организацией своевременного, хотя бы кратковременного, отдыха личного состава, быстрой информацией об общем успехе ударной группировки, в которую входит объединение и соединение, и всего фронта или группы фронтов, осуществляющих стратегический прорыв.

Развитие тактических прорывов в оперативный, а оперативных в стратегический связано с овладением важными объектами, крупными городами, форсированием рек. Своевременно оповестить о них войска означало поднять их боевой натиск. Когда ряду соединений присваивались наименования городов или в их честь давался салют, командиры и политорганы оповещали об этом войска незамедлительно, побуждая личный состав к дальнейшим успешным действиям. Для танковых войск это означало наступление в еще более высоком темпе, в отрыве от главных сил фронта или армии, для стрелковых войск — продвигаться как можно быстрее за танковыми войсками в целях расширения и закрепления достигнутого успеха.

Большой опыт Великой Отечественной войны показал, что успех прорыва во многом определялся моральным духом войск, который достигался умелым политическим и воинским воспитанием личного состава, хорошо организованной партийно-политической работой по выполнению задач, связанных с подготовкой и проведением прорыва подготовленной обороны противника. Ее неустанно проводили политорганы, партийно-политический аппарат, командиры всех степеней, партийные и комсомольские организации. Благодаря этому боевой дух воинов Советской Армии позволял успешно выполнять очень сложные задачи по прорыву обороны противника.

Прорыв обороны, основанной на системе ряда позиций и опорных пунктов, возникнув в годы первой мировой войны, прошел трудный и сложный путь развития.

Отсутствие научно разработанной теории прорыва перед первой мировой войной привело к поискам путей решения этой проблемы в ходе войны, что потребовало длительного времени и было сопряжено с огромными человеческими жертвами.

Достаточно сказать, что потери немцев при прорыве обороны под Верденом в 1916 г. составили до 600 тыс. человек, а англо-французских войск при прорыве обороны на р. Сомме в том же году — около 800 тыс. человек. При этом в обоих случаях попытки прорыва оказались безрезультатными.

Советская военная наука, руководствуясь марксистско-ленинским диалектическим методом научного познания, работала перед Великой Отечественной войной в целом передовую теорию прорыва и его развития подвижными войсками на большую глубину. В ходе войны эта теория получила практическую проверку на полях сражений и значительно обогатилась новыми положениями и выводами. Многие принципиальные ее положения в известной мере сохраняют свое значение и в настоящее время. Поэтому глубокое изучение опыта прорыва в годы минувшей войны и творческое его использование с учетом происшедших изменений в военном деле для решения проблем современности является одной из насущных задач наших командных кадров.

Опыт войны показал, что прорыв являлся наиболее трудным этапом наступательной операции и требовал тщательной и всесторонней подготовки, детального планирования, точных и обоснованных расчетов, глубокого знания противника, системы его обороны и способов действий, искусного применения имевшихся сил и средств, твердого, гибкого и непрерывного управления войсками.

Подготовленная оборона обладала большой прочностью и устойчивостью. Искусство ее прорыва выражалось прежде всего в умелом сосредоточении сил и средств на избранном направлении, участке и создании решающего превосходства

над противником. Это достигалось смелым ослаблением второстепенных направлений и участков, внутрифронтowymi и внутриармейскими перегруппировками, а также маневром силами и средствами резерва Верховного Главнокомандования. Опыт показал, что классическое тройное количественное превосходство наступающего над обороняющимся без учета качественных характеристик средств борьбы и всех условий прорыва далеко не всегда обеспечивало не только такое реальное превосходство, но и равенство в возможностях поражения обороняющейся стороны. Поэтому, чем большее создавалось превосходство над противником в средствах борьбы на главном направлении, тем успешнее осуществлялся прорыв, тем меньше потерь несли наступающие войска в ходе прорыва. Высокое превосходство создавали те командиры, которые глубоко понимали сущность прорыва, его природу, хорошо овладели искусством сосредоточения усилий и смело шли при его воплощении на оправданный обстановкой, предвидением и расчетами риск.

Решающим средством взлома обороны противника являлся огонь, и в первую очередь артиллерии. Огонь подготавливал и непрерывно сопровождал удар пехоты и танков на всю глубину осуществления прорыва. Разработанная в годы войны стройная система артиллерийского и авиационного наступления с точным расчетом снарядов, мин, бомб, самолето-вылетов по объектам, размерам поражаемой площади и времени, надежно обеспечивала поражение обороны противника и успешное продвижение наступающих войск. Опыт войны показал, что вопросы огневого поражения противника должны быть постоянно в центре внимания командиров и штабов всех инстанций, а общевойсковой командир должен глубоко знать боевые возможности средств поражения и умело использовать их в наступлении.

Непременным условием успешного прорыва вражеской обороны являлось внезапное нанесение удара, что застигало противника врасплох, парализовывало его волю, вносило растерянность и дезорганизацию в его ряды, не позволяло использовать в полной мере возможности обороны. В силу этого скрытая подготовка прорыва, введение противника в заблуждение об истинных намерениях и применение неизвестных ему форм и способов действий являлись неотъемлемой частью планирования операций и особой заботой Ставки, командующих фронтами (армиями), командиров соединений, частей и штабов.

Участие в прорыве крупных сил различных родов войск, авиации, специальных войск с их разнообразным вооружением и боевой техникой требовало четкого объединения и согласования их усилий по цели, месту и времени на всю глубину прорыва. Плохая организация взаимодействия, нечеткая поста-

новка задач приводили к несогласованным действиям войск, к дроблению и распылению их усилий, неполному использованию боевых возможностей и к ограниченным результатам. Поэтому четкое определение боевых задач и тщательная организация взаимодействия всех сил и средств, участвующих в прорыве, являлись первейшей обязанностью и постоянной заботой командиров всех степеней и одним из решающих факторов достижения успеха.

Опыт войны показал, что начавшийся прорыв необходимо вести решительно, активно, с полным напряжением сил с тем, чтобы как можно быстрее пробиться в глубину. Поэтому побуждения войск к стремительному движению в глубину, помощь им, своевременное наращивание усилий, осуществление маневра, противодействие мероприятиям противника в стремлении закрыть образовавшуюся брешь резервами являлись стержнем деятельности командующих и командиров по управлению войсками в ходе ведения прорыва.

Побуждать войска к быстрейшему движению в глубину было тем легче, чем глубже необходимость этого была внедрена в сознание личного состава при подготовке прорыва целеустремленной партийно-политической работой.

Прорыв чаще всего проходил неравномерно. Своевременное использование ослабленных мест, промежутков, разрывов, образуемых в обороне врага брешей путем их расширения и углубления ударом свежих сил или изменением направления усилий наступающих войск являлось одним из важных условий успешного ведения прорыва и быстрого завершения его на всю оперативную глубину.

Постоянное достижение успеха имело большое значение не только для расстройтва обороны врага, но и для создания морального перевеса над противником. Успех прорыва поднимал дух наших войск и надламывал дух обороняющихся сил врага. Вместе с тем опыт войны показал, что всякое движение вперед должно быть подготовлено и тесно согласовано с огнем. Атаки противника, не подавленного или слабо подавленного огнем, обычно приводили к значительным потерям, неуспеху, который отрицательно сказывался на боевом порыве наступающих войск, приводил к замедленным, осторожным действиям, что вело к снижению темпов наступления.

Как ни велик был первоначальный успех, как ни сильно был повергнут противник, он не складывал оружия, а продолжал оказывать упорное сопротивление, предпринимал зачистную коварные действия. Поэтому наряду с решительным движением в оперативную глубину командиры и командующие стремились поддерживать в войсках бдительность, четкую организованность, что избавляло войска от неожиданных ударов. Те командиры, которые с прорывом оперативно-тактической обороны позволяли себе расслабиться, забывали о ковар-

стве врага, нередко попадали в трудное положение, терпели, пусть даже временные, неудачи, которые, однако, отрицательно сказывались на конечных результатах проводимых операций.

В целом опыт минувшей войны показал, что командир должен глубоко понимать сложную природу вооруженной борьбы, уметь быстро и верно оценивать обстановку и принимать отвечающие ей решения, обладать высокой профессиональной подготовкой, коммунистической убежденностью, силой воли и организаторскими способностями, проявлять творчество и инициативу, уметь обучать, воспитывать и вести в бой подчиненных для достижения победы.

Незаменимым средством выработки таких качеств, познания процессов, происходящих в военном деле в современных условиях, совершенствования военного мышления и расширения военного кругозора является глубокое изучение богатейшего боевого опыта Великой Отечественной войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Совершенствование форм и способов прорыва в третьем периоде войны	3
1. Прорыв в операциях зимней кампании 1944 г., начавшейся без оперативной паузы	3
Особенности прорыва в операциях на Правобережной Украине	7
Причины неудач прорыва на Западном направлении	45
2. Совершенствование прорыва в операциях летне-осенней кампании 1944 г.	54
Прорыв в Белорусской операции	57
Прорыв на львовско-сандомирском направлении	86
Пути достижения высоких темпов прорыва в Яско-Кишиневской операции	103
3. Искусство прорыва обороны противника в операциях 1945 г.	124
Прорыв в Висло-Одерской операции	126
Характерные особенности прорыва сильно укрепленной обороны противника в Восточно-Прусской операции	146
Прорыв в Берлинской операции	160
Глава вторая. Итоги развития теории и практики прорыва в Великой Отечественной войне	192
1. Роль прорыва в наступательных операциях и условия, определявшие его развитие	192
2. Виды и формы прорыва	199
3. Выбор направлений ударов и участков прорыва	208
4. Создание ударных группировок, массирование сил и средств и построение войск	219
5. Огневое поражение противника	235
6. Роль внезапности и способы ее достижения	243
7. Прорыв тактической зоны обороны	249
Прорыв главной полосы обороны	249
Прорыв второй полосы обороны	255
8. Развитие тактического прорыва в оперативный	261
9. Перерастание оперативного прорыва в стратегический	271
10. Управление войсками	274
11. Партийно-политическая работа	278
Заключение	285

Литературный редактор С п и в а к Н. К.
Технический редактор Ж у к о в а Т. С.
Корректоры С л а б о ш е в и ч Л. М. и Б е л е ц к а я К. А.

Сдано в производство 23.5.77. Г-251039 Подписано в печать 15.11.77 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Объем: 18,25 печ. л.; 9,13 бум. л.; 17,75 авт. л.; 17,85 уч.-изд. л.
+ вклейки: 0,83 авт. л.; 1,04 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 2 к. (только для внутриведомственной продажи).
Изд. № 1-В-6а Зак. № 4089. 1977 г.
Типолитография ВАФ

